

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(63)'2017

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2017

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2017. – Вып. 3 (63). – 155 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2017

© Политическая лингвистика, 2017

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

3(63)'2017

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasily V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Декатова К. И. Волгоград, Россия	Вербализация идеологемы как синергетический процесс	10
Каменева В. А. Кемерово, Россия	Теоретические основы идеологических исследований. Краткий обзор	16
Карасик В. И. Волгоград, Россия	Фактоиды как лингвокультурное явление	21
Лю Хун Далянь, КНР	Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: к постановке проблемы	31
Люлина А. В. Оренбург, Россия	Особенности формирования антитеррористического сознания массового реципиента с помощью речеактовых стратегий в политическом дискурсе	42
Сунь Юйхуа Далянь, КНР	Средства реализации политического дискурса в художественном пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»	47

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Золотайко А. И. Екатеринбург, Россия	Предвзятость сотрудников правоохранительных органов США в дискурсе общественного мнения	56
Зуева С. А. Москва, Россия	Словарь блогов в политической газете (на материале газеты «Гардиан»)	63
Милостивая А. И. Ставрополь, Россия	Журналист как диегетический повествователь (опыт социокритического анализа расследовательских репортажей Г. Вальрафа)	69
Семенова Е. М. Санкт-Петербург, Россия	Аксиологическая актуализация архетипического метафорического выражения <i>in the light (of)</i> в современном политическом медиадискурсе США	77
Сурикова Т. И. Москва, Россия	Лукавый термин и его прагматика в общественно-политическом дискурсе СМИ	82
Теркулов Т. Т. Далянь, КНР	Функционально-семантические особенности лексемы «менталитет» в российском политическом дискурсе	87
Уразгалиева О. А. Астрахань, Россия	Вербализация коммуникативной стратегии сотрудничества в политическом дискурсе (на примере выступления В. В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)	94
Цзюньхуэй Фэй Гуанчжоу, КНР	Анализ концептуальной метафоры в китайском политическом тексте (на материале ежегодных передовых статей газеты «Жэньминь жибао» от 1 января)	102

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Гэн Юаньюань КНР	Национально-культурные особенности функционирования названий животных в русском языке	106
Плотникова Г. Н. Екатеринбург, Россия		

Курбакова С. Н. Мурог И. А. Москва, Россия	Использование приемов фонетической игры в военной рекламе (на примере англоязычных текстов)111
Рябова И. Ю. Екатеринбург, Россия	Ироническая метафора как одно из имманентных средств описания эпохи в художественном произведении (на примере романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций)116
Фаткулин Б. Г. Челябинск, Россия	Терминология предметной области «иранистика» в паре языков «русский — китайский»: практический анализ языковых фактов121

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Иссерс О. С. Орлова Н. В. Омск, Россия	Лингвистические корреляты понятия «вовлечение в экстремистскую деятельность»132
--	--

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Борискина О. О. Воронеж, Россия Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Едина ли Европа по данным лексики?137
Веснина Л. Е. Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Информационно-психологические войны в России140
Дзюба Е. В. Дударева З. М. Никулина И. М. Екатеринбург, Россия	Российские и немецкие политические лозунги как объект семантического, лексикографического и лингвопрагматического описания (рецензия на публикацию «Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии»).....146
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»152	

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics” 8

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Dekatova K. I. Verbalization of ideologem as the synergetic process 10
 Volgograd, Russia

Kameneva V. A. Basic principles of ideological studies. Capsule review..... 16
 Kemerovo, Russia

Karasik V. I. Factoids as a linguocultural phenomenon 21
 Volgograd, Russia

Liu Hong Elements of political discourse in literary texts:
 Dalian, China problem statement 31

Lyulina A. V. The peculiarities of mass recipient's
 Orenburg, Russia antiterrorist consciousness forming through speech act
 manipulative strategies in political discourse..... 42

Sun Yuhua Political discourse elements in M. A. Sholokhov's novel
 Dalian, China “And Quiet Flows the Don” 47

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Zolotaiko A. I. Bias of US law enforcement officials
 Ekaterinburg, Russia in the public opinion discourse 56

Zueva S. A. Blog vocabulary in political newspaper
 Moscow, Russia (based on the “Guardian”) 63

Milostivaya A. I. Journalist as diegetic narrator
 Stavropol, Russia (social-critical analysis of investigative reportings
 by G. Wallraff) 69

Semenova E. M. Axiological actualization of archetypical metaphorical expression
 Saint-Petersburg, Russia *in the light (of)* in the USA political media-discourse 77

Surikova T. I. Misleading term and its pragmatics
 Moscow, Russia in the media socio-political discourse 82

Terkulov T. T. Functional and semantic peculiarities
 Dalian, China of the word “Mentality” in Russian political discourse 87

Urazgalieva O. A. Communicative strategy of cooperation
 Astrakhan, Russia in political discourse (based on V. Putin's speech
 at the 70th Session of the UN General Assembly) 94

Junhui Fei Analysis of conceptual metaphors
 Guangzhou, China in Chinese political discourse
 (based on the editorials
 in the People's Daily newspaper) 102

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Geng Yuanyuan National cultural characteristics of animal names
 China in the Russian language 106

Plotnikova G. N.
 Ekaterinburg, Russia

Kurbakova S. N. Murog I. A. Moscow, Russia	Phonetic game in English-language military advertisement111
Ryabova I. Y. Ekaterinburg, Russia	Ironic metaphor as an immanent means of describing Russian epoch of the 1870s in the literary work (based on L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina" and its four English interpretations)116
Fatkulin B. G. Chelyabinsk, Russia	Terminology of the subject area "Iranian studies" in a pair of languages "Russian-Chinese": a practical analysis of linguistic facts121

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Issers O. S. Orlova N. V. Omsk, Russia	Linguistic correlates of the concept "Engagment in extremist activity"132
--	--

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Boriskina O. O. Voronezh, Russia Chudinov A. P. Ekateinburg, Russia	Is Europe united? As judged by its vocabulary137
Vesnina L. E. Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	Information and psychological wars in Russia140
Dziuba E. V. Nikulina I. M. Ekaterinburg, Russia	Russian and German political slogans as object of semantic, lexicographic and linguo-pragmatic description (a review of the paper "Give Peace a Chance! A Dictionary of Contemporary Political Slogans in Russia and Germany")146
Manuscripts requirements152	

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,

shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.

Анатолий Прокопьевич Чудинов,

д-р филол. наук, доцент

Эдуард Владимирович Будаев,

канд. филол. наук, доцент

Мария Борисовна Ворошилова,

канд. филол. наук

Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'373
ББК Ш105.31

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

К. И. Декатова
Волгоград, Россия

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу взаимосвязи системы идеологем и языковой системы. Взаимодействие между элементами сложной структуры «действительность — идеологема — средства вербализации» можно рассматривать как синергетическое, а формирование языковой единицы, объективирующей идеологему, как синергетический процесс. Исследование смыслообразования языковой единицы как синергетического процесса — это анализ сложного сопряжения смысловых элементов разной природы, рожденных взаимодействием семантических, когнитивных и дискурсивных структур. Данный процесс рассматривается в статье на примере семантических модификаций лексемы «партнер», которая с конца прошлого столетия в русском языке является одной из единиц, вербализующих идеологему «рыночная экономика». Со времени укрепления позиций идеологии рыночной экономики лексема «партнер» стала чаще использоваться для наименования напарников определенного рода деятельности: предпринимательской, юридической, политической. Партнеры как члены партнерства объединены определенными правами и обязанностями, зафиксированными в договоре. Обладая изначально внеконтекстной нейтральной оценкой, данная лексема как вербализатор идеологемы приобретает положительную оценку в речи сторонников «рыночной экономики». Также лексема «партнер» приобретает новое содержание — «тот, кто противостоит» — и негативную коннотацию. Лексема «партнер» с определенным идеологическим зарядом переместилась из экономического дискурса в политический и стала одним из средств вербализации идеологемы «открытая внешняя политика России». Нередко в речи политиков выражение «наши партнеры» приобретает иронический оттенок, который часто эксплицируется с помощью слов «так называемые».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеологемы; синергетика; языковые системы; языковые единицы; семантические преобразования; фразеологические единицы, лексемы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Декатова Кристина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, факультет филологического образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400066, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 27; e-mail: dekatovaki@mail.ru.

Идеология как сложный социально-духовный феномен является неотъемлемой частью общественного сознания [Философский словарь 1991: 152]. Современный человек не может быть полностью свободен от идеологического влияния, которое нередко определяет векторы формирования его картины мира. Как и любая сложная когнитивная структура, идеология не является статичной и неизменной [Клушина 2014: 57]. Ее модификация связана с изменением действительности. Изменение идеологии влечет за собой преобразование средств ее объективации, т. е. модификацию вербализующих ее единиц. Сущность данной модификации нередко заключается в семантическом преобразовании языковых знаков. Лингвистические исследования данных процессов интересны тем, что предоставляют возможность приблизиться к пониманию путей и способов изменений языковой картины мира, системы идеологем и связи этих изменений с преобразованиями действительности. Такого рода связь является самоорганизующейся, поэтому взаимодействие между элементами сложной структуры «действительность — идеологема — средства вербализации» можно рассматривать как синергетическое, а формирование языковой единицы, объективирующей идеологему, как синергетический процесс.

В работах, посвященных анализу сложных систем, синергетическими называют процессы, которые протекают в неравновес-

ных динамических системах и характеризуются кооперативностью и самоорганизацией (Г. Хакен, И. Пригожин, И. Стенгерс, В. Н. Волкова, А. А. Денисов, Л. Б. Миротин, Ы. Э. Ташбаев и др.). В ходе формирования новой вербализующей идеологемы единицы можно обнаружить признаки синергетического процесса, поскольку вербальная объективация идеологемы — это акт сложного кооперативного взаимодействия трех таких неравновесных динамических систем, как язык, система идеологем и дискурс. Содержание вербализующей идеологемы единицы, как и содержание любого языкового знака, представляет собой семантическую структуру, которая неразрывно связана, с одной стороны, со своей генетической базой — когнитивной структурой (понятием идеологемы), с другой стороны, со смысловым дискурсивным контекстом. Поэтому исследование смыслообразования данной языковой единицы как синергетического процесса — это анализ сложного сопряжения смысловых элементов разной природы, рожденных взаимодействием семантических, когнитивных и дискурсивных структур [Декатова 2003; Декатова 2009].

Проанализируем признаки такого синергетического процесса на примере семантических модификаций лексемы *партнер*, которая с конца прошлого столетия в русском языке является одной из единиц, вербализующих идеологему «рыночная экономика».

Лексема *партнер*, заимствованная из французского языка [Фасмер 1987: 210; Черных 1999: 8], по данным словарей, изданных до 90-х гг. XX в., использовалась в речи в нескольких значениях:

1) '(со)участник игровой или художественной деятельности' [БАС 1959: 240; МАС 1987: 27], например: *партнер по игре, партнер по сцене, партнер в танце*;

2) 'компаньон, товарищ в каком-либо деле, занятии' [БАС 1959: 240; МАС 1987: 27], например: *партнер для прогулки*;

3) 'страна-участник какого-либо союза, блока, соглашения' [Ожегов 1989], например: *эти страны — торговые партнеры*.

В постперестроечное время идеологема «рыночная экономика» оказалась доминирующей, победив в агрессивном противостоянии с господствовавшей долгое время идеологемой «социалистическая экономика». Одним из важнейших понятий идеологемы «рыночная экономика» стало понятие «партнерство», сформированное на базе новых представлений об особой юридической форме организации экономической деятельности.

Со времени укрепления позиций идеологии рыночной экономики лексема *партнер* стала чаще использоваться для наименования напарников определенного рода деятельности: предпринимательской (*деловые партнеры, торговый партнер*), юридической (*юридические партнеры*), политической (*политические партнеры*). Слово *партнер* в подобных словосочетаниях не является номинацией того, с кем приятно проводить время, с кем связывают товарищеские, союзнические отношения. Партнеры как члены партнерства объединены определенными правами и обязанностями, зафиксированными в договоре.

Таким образом, в конце XX в. в контексте новых экономических отношений и требований к экономической деятельности, нашедших отражение в идеологеме «рыночная экономика», лексема *партнер* приобрела новые денотативные и коннотативные смыслы. Это стало следствием того, что семантическая структура существовавшей в языковой системе единицы и когнитивная структура — идеологема в новом дискурсивном контексте (новой социально-экономической действительности) вступили во взаимодействие. Такая кооперация структур привела к денотативной модификации лексемы, которая все чаще стала использоваться в речи со значением 'напарник, соучастник, компаньон в деле' или 'совладелец компании, фирмы и т. п.'

Пора учреждениям АН СССР перейти на заключение со специалистами индивиду-

дуальных контрактов — как в стране, так и за рубежом. Скажем, в Венгрии квалифицированные специалисты могут заключать напрямую годовые контракты с западными фирмами. Возвращаясь после окончания срока работы домой, они с помощью зарубежных партнеров, как правило, создают совместные предприятия, привозят компьютеры, другую технику, последние новинки научной литературы (Аргументы и факты. 1990. 28 апр.).

Кооперативное взаимодействие семантических, когнитивных и дискурсивных структур повлияло и на коннотативные модификации лексемы *партнер*. Обладая изначально внеконтекстной нейтральной оценкой, данная лексема как вербализатор идеологемы приобретает положительную оценку в речи сторонников «рыночной экономики». Такая оценка нередко поддерживается контекстуальными синонимами, например, такими словами с положительной оценкой, как *друзья, союзники*:

1) *не могу сказать, что наши японские партнеры и друзья остаются как раз в рамках этой декларации 1956 г. Мне кажется, превосхищать наши переговоры с г-ном премьер-министром слишком рано, но мы, разумеется, рассчитываем на то, что будем двигаться вперед* (Ведомости. 2016. 13 дек.);

2) *„Какие-либо действия в плане развития Вооруженных сил Китая, если эта информация (о размещении межконтинентальных баллистических ракет близ границ РФ) соответствует действительности, военное строительство в Китае не воспринимаем как угрозу для нашей страны“ <...> Д. Песков напомнил, что Китай „является нашим стратегическим союзником, нашим партнером и в политическом, и в торгово-экономическом плане“ (Независимая газета. 2017. 24 янв.).*

Как напоминает история нашей страны 90-х гг. прошлого столетия — времени проникновения в мир воспитанных на «идеалах справедливого советского общества» капитализма в самой дикой его форме, — совместная, т. е. партнерская деятельность была не всегда честной, порядочной, взаимовыгодной и законной. Противники рыночной идеологии наделяли понятие «партнерство» резко отрицательными смыслами. В связи с этим, помимо положительной оценки, в смысловой структуре слова *партнер* появляется и отрицательная оценка.

Возрождающаяся отечественная деловая жизнь последнего времени дает, к сожалению, все больше примеров отнюдь не цивилизованных отношений между парт-

нерами по бизнесу — достоянием гласности становятся участвовавшие случаи обмана, надувательства, пиратства, мошенничества, откровенного разбоя. Совместимо ли это с принципами истинного предпринимательства? (Аргументы и факты. 1990. 8 сент.).

Интересно, что в словарях синонимов последних десятилетий встречаются словарные статьи (синонимические ряды), в которых лексема **партнер** рассматривается как синоним лексемы *соперник*, оказываясь в ряду таких слов, как *соперник, конкурент, противник, противная сторона, оппонент* [Гаврилов 2013: 354].

В этом ряду лексема **партнер** приобретает новое содержание — ‘тот, кто противостоит’ — и негативную коннотацию.

Такого рода семантические изменения оказываются возможны потому, что в кооперативное взаимодействие вступают неравновесные, открытые, развивающиеся системы, а сама структура содержания вербализатора идеологемы является самоорганизующейся. В современной теории систем не существует единого понимания сущности процесса самоорганизации. В работах, посвященных изучению синергетических систем, самоорганизацию рассматривают как установление в системе порядка за счет кооперативного действия и связей ее компонентов, приводящих к изменению ее структуры [Миротин, Ташбаев 2002]. Это позволяет рассматривать самоорганизацию содержания языковой единицы, вербализирующей идеологему, не как простое изменение ее смыслового состава, а как микросистему, в которой порядок организации смыслов определяется порядком взаимодействия семантических, когнитивных и дискурсивных структур [Декатова 2009]. Изменение этого порядка и приводит к семантическим модификациям. И поскольку когнитивные структуры (в нашем случае структуры системы идеологем) и дискурсивные структуры (в нашем случае структуры ситуации, контекст действительности, в которой производится текст) являются открытыми, то и изменение порядка их взаимодействия с семантическими структурами может быть спровоцировано их модификациями.

В этой связи интересен еще один этап в истории семантических преобразований лексемы **партнер**, который можно связать с открытостью и изменчивостью системы идеологем. Известно, что идеологические когнитивные структуры не существуют изолированно, они представляют определенно-го рода систему, между элементами которой возможны разные взаимодействия, в том

числе и перемещение понятия одной идеологемы в структуру другой. Как показывает языковой материал, это произошло с понятием «партнерство», которое перестало быть понятием только идеологемы «рыночная экономика» в период, когда руководство нашей страны стремилось сделать партнерство одним из базовых принципов политики в целом и внешнеполитических отношений в частности. Это позволило лексеме **партнер** с определенным идеологическим зарядом переместиться из экономического дискурса в политический и стать одним из интересных средств вербализации идеологемы «открытая внешняя политика России». С этого момента в речи политических лидеров и журналистов начинает появляться сочетание **наши партнеры**, которое, как представляется, уже давно приобрело все признаки фразеологической единицы: устойчивость формы, воспроизводимость, синсеманτικότητα значения. Переход понятия «партнерство» в структуру новой идеологемы и использование вербализатора этой идеологемы в новых дискурсивных условиях привели к некоторым денотативным изменениям лексемы **партнер**. Денотативное абстрагирование компонента устойчивого сочетания позволяет использовать его и для наименования стран в целом, и для номинации их лидеров, представителей элиты, и даже каких-то «влиятельных политических сил»:

Комментируя победу республиканца Дональда Трампа на выборах президента США, министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что Москва будет судить о работе новой администрации по делам и отвечать делом на дело.

„Я не могу сказать, что все предыдущие лидеры наших партнеров в любой ситуации были предсказуемы — это часть жизни, часть политики. Слов слышал много, будем судить по делам, отвечать будем делом на дело“, — сказал министр (Комсомольская правда. 2016. 9 нояб.).

Наши западные партнеры отключили Крым от работы сервисов Google и Microsoft. Равно как и владельцы доменов, проживающие в Крыму, потеряли то, что наработали (Ведомости. 2016. 29 дек.).

Как правило, это сочетание распространяется уточнением принадлежности «партнеров» к той или иной стране и геополитическому лагерю — **наши европейские (американские, немецкие, западные и т. п.) партнеры**:

„Президент имеет в виду возможным продолжить гуманитарную паузу для вывода раненых и выхода боевиков, которые желают покинуть город, а также, что

немаловажно, для того чтобы дать возможность **нашим американским партнерам** выполнить взятые ранее на себя обязательства и обязательства по размежеванию так называемой умеренной оппозиции и террористических группировок“, — пояснил Песков (Ведомости. 2016. 28 окт.).

Использование сочетания **наши европейские** (американские и т. п.) **партнеры** для наименования политических напарников, как представляется, являлось выражением намерения взаимодействовать с ними как с равноправными, уважающими интересы другой стороны людьми. Однако дискурсивный контекст изменился после ухудшения отношений между Россией и рядом западных стран, ярким проявлением которого стали недвусмысленные заявления американских политиков:

По данным ТАСС, член комитета по иностранным делам сената конгресса США демократ Бен Кардин рассказал западным журналистам, что документ будет носить „всеобъемлющий характер“. Конгрессмен отметил, что Россия **не является партнером США** и представляет серьезный вызов для Вашингтона. Действия Российской Федерации на мировой арене политик назвал хулиганскими. Западные СМИ не исключают, что законопроект будет включать в себя и новые санкции против Москвы (Документ носит „всеобъемлющий характер“ и ответит на действия РФ на Украине, в Сирии и на „попытки повлиять на выборы в США“) (Известия. 2016. 17 нояб.).

В таком политическом контексте устойчивое сочетание **наши европейские** (американские, немецкие и т. п.) **партнеры** все чаще стало употребляться для номинации не компаньонов с дружескими намерениями, а враждебно настроенных сил.

Обвинения Запада в адрес Москвы в варварстве и военных преступлениях в Сирии российский МИД расценил как публичные оскорбления: „Сейчас на фоне того, что происходит вокруг Сирии, **наши западные партнеры**, прежде всего американцы, да и британцы, уже доходят в своей истерике до публичных оскорблений, употребляя такие слова, как „варварство“, „военное преступление“, — приводит „Интерфакс“ слова главы российского внешнеполитического ведомства Сергея Лаврова (Ведомости. 2016. 31 окт.).

Интересно, что нередко в речи не только оппозиционных политиков выражение **наши партнеры** приобретает иронический оттенок, который нередко эксплицируется с помощью слов **так называемые**:

— Очевидно, что наши партнеры, или правильнее теперь уже сказать — **наши так называемые партнеры...**, — поискал эпитет Песков. — Их не радует последовательная линия России по Украине и Сирии (Комсомольская правда. 2016. 29 янв.).

Таким образом, изменение дискурсивных структур приводит к модификации содержания языковой единицы **наши партнеры**, что является следствием модификации понятий идеологом: партнерство в политике перестало быть исключительно положительно оцениваемым явлением.

Важно отметить, что в речи лидера нашей страны, представителей правительства и политиков партии парламентского большинства в последнее время номинация **наши американские** (европейские) **партнеры** нередко приобретает признаки политкорректного эвфемизма:

„Президент Путин неоднократно говорил, что Россия заинтересована в этих отношениях, ищет этих отношений, но мы будем готовы продвинуться в развитии и восстановлении наших отношений настолько, насколько будут готовы **наши американские партнеры**“, — добавил Песков. (Аргументы и факты. 2016. 8 нояб.).

„Вызывает сожаление также и нежелание, и неготовность **наших партнеров** понять суть происходящих процессов“. <...> Заявления Запада Песков назвал „попыткой подменить неспособность и неготовность помогать в сирийском урегулировании этими абсолютно безосновательными угрозами санкционного плана“. Он отметил, что **западные партнеры** „вместо того, чтобы помогать в русле сирийского урегулирования“ лишь продолжают озвучивать „очередные угрозы по объявлению каких-то новых абсурдных санкций“ (Ведомости. 2016. 8 дек.).

Контекст позволяет понять, что называемые партнерами лидеры, представители других стран ведут себя враждебно, не по-партнерски, но назвать их врагами по меньшей мере неосмотрительно для ответственного политика. Поэтому эвфемизм **наши** <...> **партнеры** выполняет важнейшие функции: позволяет представить слишком усложнившиеся международные отношения в социально и эмоционально приемлемом виде.

Таким образом, эволюция значения лексемы **партнер**, ставшей средством вербализации идеологемы, показывает, что формирование содержания языковой единицы, используемой для объективации идеологом, — это процесс кооперативного взаимодействия открытых семантических, концептуальных и

дискурсивных структур, которые определяют специфику семантической самоорганизации единицы. Поскольку перечисленные признаки являются характеристиками синергетического процесса, то формирование содержания языковой единицы можно назвать синергетическим. Дальнейшее исследование этого процесса позволит получить более полное представление о сложном взаимодействии структур языковой и идеологической систем.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/archive/> (дата обращения: 17.01.2017).
2. Ведомости. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/12/13/669371> (дата обращения: 13.01.2017).
3. Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/armies/2017-01-24/100_obzor240117.html (дата обращения: 06.02.2017).
4. Комсомольская правда. URL: <http://www.kp.ru/online/news/2565001> (дата обращения: 13.01.2017).
5. Ведомости. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news> (дата обращения: 23.01.2017).
6. Известия. URL: <http://izvestia.ru/news/645679#ixzz4VB54uey0> (дата обращения: 17.01.2017).
7. Комсомольская правда. URL: <http://www.volgograd.kp.ru/daily/26486/3355946/> (дата обращения: 13.01.2017).

ЛИТЕРАТУРА

8. БАС = Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 9. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965. 746 с.
9. Волкова В. Н., Денисов А. А. Основы теории систем и системного анализа. — СПб.: СПбГПУ, 2003. 520 с.
10. Гаврилов А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. — М.: Аделант, 2013. 800 с.

К. И. Dekatova

Volgograd, Russia

VERBALIZATION OF IDEOLOGEM AS THE SYNERGETIC PROCESS

ABSTRACT. *The article analyzes relations between the system of ideologemes and the language system. The relations between the complex system "reality — ideologeme — verbalization means" are synergetic, thus formation of language unit representing an ideologeme is a synergetic process. The study of sense formation of a language unit includes the analysis of the complex combination of the elements of different nature, built with the help of combination of semantic, cognitive and discursive structures. This process is discussed in the article on the basis of semantic modifications of the word "partner", which is one of the units that verbalizes the ideologeme "market economy" since the end of the XXth century. As the status of market economy ideology is strong in this country, the word "partner" is often used to call members of some activities: entrepreneurial, legal and political. Partners as the members of partnership have certain rights and responsibilities mentioned in the contract. Having neutral connotation without the context, this lexeme has positive coloring when it verbalizes the ideologeme in the speech of the supporters of market economy. The lexeme "partner" acquires new meaning of "one who confronts", and thus it has negative connotation. The lexeme "partner" with a certain ideological connotation has spread from economic discourse to political discourse where it verbalizes the ideologeme "foreign policy of Russia". The phrase "our partners" is often ironic in the speeches of political leaders, especially when it is accompanied by "the so-called".*

KEYWORDS: *ideologemes; synergetics; language systems; language units; semantic transformation; phraseological unit; lexeme.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dekatova Kristina Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Volgograd, Russia.*

REFERENCES

1. Argumenty i fakty. URL: <http://www.aif.ru/archive/> (data obrashcheniya: 17.01.2017).
2. Vedomosti. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/12/13/669371> (data obrashcheniya: 13.01.2017).
3. Nezavisimaya gazeta. URL: http://www.ng.ru/armies/2017-01-24/100_obzor240117.html (data obrashcheniya: 06.02.2017).
4. Komsomol'skaya pravda. URL: <http://www.kp.ru/online/news/2565001> (data obrashcheniya: 13.01.2017).
5. Vedomosti. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
6. Izvestiya. URL: <http://izvestia.ru/news/645679#ixzz4VB54uey0> (data obrashcheniya: 17.01.2017).
7. Komsomol'skaya pravda. URL: <http://www.volgograd.kp.ru/daily/26486/3355946/> (data obrashcheniya: 13.01.2017).
8. BAS = Slovar' sovremenogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 9. — M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950—1965. 746 s.

11. Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингво-синергетику. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 130 с.

12. Декатова К. И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: когнитивно-семиологический аспект исследования: дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2009. 486 с.

13. Декатова К. И. Типы категориальной ассимиляции в процессе формирования когнитивной базы фразеологического значения // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы междунар. симпозиума (г. Волгоград, 22—24 мая 2003 г.): в 2 ч. — Волгоград: Перемена, 2003. Ч. 1: Науч. статьи. С. 87—91.

14. Клущина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54—58.

15. Майба В. В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 102—108.

16. МАС = Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1985—1988. 752 с.

17. Миротин Л. Б., Ташбаев Ы. Э. Системный анализ в логистике: учеб. — М.: Экзамен, 2002. 480 с.

18. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1989. 750 с.

19. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1986. 432 с.

20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. — М.: Прогресс, 1986. 832 с.

21. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М.: Политиздат, 1991. 560 с.

22. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам: пер. с англ. — М.: Мир, 1991. 240 с.

23. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. — М.: Рус. яз., 2000. 560 с.

9. Volkova V. N., Denisov A. A. Osnovy teorii sistem i sistemnogo analiza. — SPb.: SPbGPU, 2003. 520 s.

10. Gavrilov A. S. Slovar' sinonimov i antonimov sovremenogo russkogo yazyka. — M.: Adelant, 2013. 800 s.

11. German I. A., Pishchal'nikova V. A. Vvedenie v lingvo-sinergetiku. — Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999. 130 s.

12. Dekatova K. I. Smysloobrazovanie znakov kosvenno-proizvodnoy nominatsii russkogo yazyka: kognitivno-semiologicheskii aspekt issledovaniya: dis. ... d-ra filol. nauk. — Volgograd, 2009. 486 s.

13. Dekatova K. I. Tipy kategorial'noy assilyatsii v protsesse formirovaniya kognitivnoy bazy frazeologicheskogo znacheniya // Problemy verbalizatsii kontseptov v semantike yazyka i teksta: materialy mezhdunar. simpoziuma (g. Volgograd, 22—24 maya 2003 g.): v 2 ch. — Volgograd: Peremena, 2003. Ch. 1: Nauch. stat'i. S. 87—91.

14. Klushina N. I. Teoriya ideologem // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 54—58.

15. Mayba V. V. O strukture yazyka politkorrektnosti (na primere angliyskogo i russkogo yazykov) // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 102—108.
16. MAS = Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3 / pod red. A. P. Evgen'evoy. — M. : Rus. yaz., 1985—1988. 752 s.
17. Mirotin L. B., Tashbaev Y. E. Sistemnyy analiz v logistike : ucheb. — M. : Ekzamen, 2002. 480 s.
18. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. — M. : Russkiy yazyk, 1989. 750 s.
19. Prigozhin L., Stengers I. Poryadok iz khaosa: novyy dialog cheloveka s prirodoy / per. s angl. — M. : Progress, 1986. 432 s.
20. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 3. — M. : Progress, 1986. 832 s.
21. Filosofskiy slovar' / pod red. I. T. Frolova. — M. : Politizdat, 1991. 560 s.
22. Khaken G. Informatsiya i samoorganizatsiya : makroskopicheskiy podkhod k slozhnym sistemam : per. s angl. — M. : Mir, 1991. 240 s.
23. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t. T. 2. — M. : Rus. yaz., 2000. 560 s.

В. А. Каменева
Кемерово, Россия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. КРАТКИЙ ОБЗОР

АННОТАЦИЯ. Сравнительно недавно интернет-дискурс и дискурс средств массовой информации обрели статус глобальных институтов власти, имеющих в своем арсенале набор идеологических технологий по созданию и трансляции идеологически ангажированных идей. Под идеологической ангажированностью понимается формулирование, структурирование и передача информации любой тематической направленности (культурной, религиозной, спортивной и т. д.) таким образом, чтобы воспроизводить и лоббировать политические и экономические интересы определенных групп. Указанные процессы делают актуальным рассмотрение идеологических проблем в лингвистическом аспекте, однако лингвистическая теория идеологии полностью не сформирована, у нее отсутствует даже общепризнанный понятийно-терминологический аппарат, чем вызвана необходимость сравнительного анализа научных работ идеологической проблематики, предпринятого в данной статье. В связи с этим проанализирована и систематизирована информация о дискурсивных идеологических механизмах, базовых терминах и определениях, используемых в идеологических исследованиях. Выявлены доминантные подходы к толкованию базовых определений идеологических исследований. Было установлено, что в основном внимание уделяется или когнитивному, или лингвистическому аспекту идеологии и идеологем. Дополнительной задачей данной работы был обзор признанных идеологических механизмов, используемых в интернет-дискурсе и дискурсе СМИ, которые трансформируют их в идеологически ангажированные дискурсы власти. При выполнении исследования применялся понятийно-терминологический аппарат и методы дискурсивных исследований, теории идеологии. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего развития дискурсивных исследований и теории идеологии с лингвистической точки зрения, для оптимизации анализа эффективности работы СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс власти; политическая идеология; идеологемы; политический дискурс; интернет-дискурс; медиадискурс; средства массовой информации; язык СМИ; идеологические механизмы; манипуляции сознанием.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6409; e-mail: russia_science@mail.ru.

Такие лингвистические средства воспроизводства власти, как интернет-дискурс и дискурс средств массовой информации, сравнительно недавно обрели статус глобальных институтов власти, имеющих в своем арсенале набор идеологических технологий по созданию и трансляции идеологически ангажированных идей. Под идеологической ангажированностью понимается формулирование, структурирование и передача информации любой тематической направленности (культурной, религиозной, спортивной и т. д.) таким образом, чтобы воспроизводить и лоббировать политические и экономические интересы определенных групп.

Данные разновидности дискурса в век глобализации процессов коммуникации являются мощным политическим и экономическим рычагом, позволяющим получать экономическую выгоду или так называемые политические бонусы, манипулируя сознанием читателя или слушателя и/или открыто пропагандируя свои идеи.

Организация данного процесса и его успешная реализация требуют манипуляций с языковым сознанием реципиента. Соответственно критический анализ определенной идеологии, ее идеологем и идеологических механизмов должен учитывать как ее когнитивный, так и языковой характер. Учет лингвокогнитивной природы идеологии позволяет сделать акцент на ключевой роли языка в репрезентации и трансляции идеологии. Учет когнитивной природы идеологии предоставляет возможность проанализировать скрытую для непосредственного

наблюдения информацию по когнитивным процессам, связанным с интерпретацией социального контекста. Отдельное внимание в идеологических исследованиях должно уделяться тому, что любая идеология имеет социальный характер, т. е. «формируется, усваивается и активируется в социальных ситуациях и приводит к социальным последствиям» [Дейк 1989; Baradat 1984; Dolbeare 1976; Fairclough 1989; Roberts 1992].

Любая идеология оперирует единицами, предназначенными для ее репрезентации и трансляции. Эти единицы впоследствии используются при оценочной интерпретации социального контекста при условии успешной реализации процесса по идеологизации языкового сознания. Группы, имеющие большой доступ к лингвистическим средствам воспроизводства власти (интернет-дискурсу, дискурсу печатной прессы, теледискурсу и т. д.), назовем их условно группами-источниками, находятся в более выгодном положении и имеют возможность корректировать языковую и, как результат, когнитивную картину мира реципиентов.

Как показал анализ научных работ, на данный момент развития теории идеологии, или идеологических исследований, отсутствует единое мнение о языковых и когнитивных особенностях идеологемы, нет единства мнений в том, что брать за единицу идеологии, что считать минимальной единицей манипулирования сознанием реципиентов. Подобная ситуация, по нашему мнению, обусловлена не концептуальными отличиями в выделяемых у идеологем характери-

стиках, а элементарно нестройностью самой теоретической базы идеологических исследований и отсутствием аналитических научных работ, сводивших бы воедино все теоретические положения, сформулированные отечественными и зарубежными учеными [см. подробнее: Каменева 2006; Каменева 2009]. Насчитывают больше десятка терминов, номинирующих единицу идеологии. Например, идеологема [Водак 1997; Каменева 2006; Sauer 1989], лингвоидеологема [Мирошниченко 1995], идеологизированная лексика [Беркнер 2001; Купина 1995; Чудинов 2003; Стриженко 1980], логоэпистема, лингвокультурема, идеологизированная мифологема [Питина 2006], новая мифологема [Почепцов 2001], социолектизм с социальным зарядом, социолектизм с идеологическим зарядом, лексические единицы с социально-идеологическим зарядом [Волошин 1988], концепт [Мирошниченко 1995], ключевое слово, слово-понятие [Гатаулина 2005].

При этом термин «идеологема» применяются по отношению к разнородным и разнородным категориям, представляющим, по мнению ученых, материал для манипуляций правящей элиты. Например, в качестве идеологем рассматривают человека, власть, культуру [Sauer 1989], концепт [Питина 2006], единицу формирования концептуальных схем и категорий [Водак 1997], идеологизированную лексику, актуализирующую идеологизированные концепты и социальные стереотипы [Каменева 2006], особое слово или словосочетание с идеологическим и/или социальным компонентом [Беркнер 2001; Волошин 1988; Купина 1995; Стриженко 1980; Чудинов 2003]. Из этого следует, что у единицы идеологии выделяют языковой, когнитивный, социальный, общекультурный, политический и экономический аспекты.

Некоторые исследователи полагают, что идеологема представляет собой чисто когнитивную категорию и рассматривают идеологему как единицу формирования концептуальных схем и категорий [Водак 1997].

Другие, исходя из постулата «язык — инструмент власти», трактуют идеологему как идеологизированное слово, слово или составное наименование, в семантике которого есть идеологический [Беркнер 2001; Купина 1995; Стриженко 1980; Чудинов 2003] или социальный и/или идеологический компоненты [Волошин 1988: 16]. Эти ученые рассматривают идеологему с социолингвистических позиций. Во-первых, по их мнению, идеологему следует трактовать как слово или составное наименование, содержание которого неодинаково трактуется сторонниками различных политических взглядов, что,

как правило, связано с эмоциональной окраской слова, перенимающего на себя оценку соответствующего социального явления [Купина 1995]. Во-вторых, к идеологемам следует относить наименования, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов и передают специфический взгляд на соответствующую реалию [Чудинов 2003]. Фактически под идеологемами понимаются содержащие идеологически нагруженный компонент слова или фразы [Беркнер 2001; Стриженко 1980], которые имеют ограниченную функциональность вследствие своей идеологической ангажированности.

Понимая под идеологемами идеологизированную лексику, не все ученые едины во мнении при разграничении политического и социального компонентов в семантике подобных слов и словосочетаний. Так, Ю. К. Волошин разделяет социальный и идеологический компоненты идеологем, выделяя социолектизмы с социальным зарядом, социолектизмы с идеологическим зарядом и лексические единицы с социально-идеологическим зарядом [Волошин 1988].

Идеологемы также рассматриваются с лингвокогнитивных позиций [Гатаулина 2005; Каменева 2006; Мирошниченко 1995; Питина 2006]. В рамках данного подхода идеологемы трактуются как ключевые слова, образующие вокруг себя «„субсферы“, представляющие собой объединения близких по значению слов-понятий, стягивающих вокруг себя семантические поля с множественными семантическими центрами» [Гатаулина 2005].

В рамках лингвокогнитивного подхода в качестве единицы идеологии рассматривается лингвоидеологема (вербализованный концепт), представляющая собой «вербализованную праксему сознания, когнитивный коррелят некоторого объекта (факта, отношения) реального (нереального) мира» [Мирошниченко 1995].

Некоторые ученые соотносят подобные концепты с мифологемами, подчеркивая их цикличность и универсальность, способность переходить из эпохи в эпоху, отражая меняющиеся ценности [Питина 2006].

Все вышеперечисленные подходы к трактовке единиц идеологии, как представляется, не противоречат друг другу, но требуют уточнения. По нашему мнению, идеологема, идеологизированный концепт и социальный стереотип, функционирующий как шкала оценки для социального, политического и экономического контекста, должны рассматриваться иерархически [Каменева 2006].

Во-первых, идеологема, согласно проведенным исследованиям, имеет языковую

реализацию или визуальное кодирование (последний аспект не будет затрагиваться в данной работе). Она может быть представлена словом (простым или сложным) или словосочетанием.

Во-вторых, идеологема, будучи лингво-когнитивным образованием, выступает словом-стимулом для запуска социальных стереотипов. Фактически идеологема запускает соответствующие когнитивные схемы для оценки социального, политического и экономического контекста. При этом отметим, что речь идет об идеологически ангажированной оценке, формированию которой служит многократное воспроизводство и тиражирование социальных стереотипов более привилегированной группой, имеющей больший доступ к средствам воспроизводства власти. В более широком смысле можно сказать, что идеологема выполняют функции формирования, воспроизводства той или иной идеологии и апелляции к ней. В узком смысле они позволяют менее привилегированным группам бороться за изменение своего социального, политического и экономического статуса, а более привилегированным группам поддерживать выгодное для себя распределение групп или перекладывать со своей группы определенные обязанности, корректируя устоявшиеся социальные стереотипы.

В-третьих, идеологема выступают именами идеологизированных концептов. В концептах подобного рода накапливается вся информация относительно властной иерархии субъектов и вытекающих из этого их прав и обязанностей, идеологически корректной оценке социальных, политических и экономических явлений и прочих аспектов идеологизации.

Итак, дискурс СМИ и интернет-дискурс, структурированный при помощи различных идеологических механизмов, с актуализируемыми идеологемами предоставляют возможность некоторым группам (определяемым по степени и длительности доступа к средствам воспроизводства власти) корректировать языковое сознание реципиентов в аспекте оценок социальной реальности, социальных объектов и явлений.

Дискурс в этом случае и выступает инструментом власти, инструментом идеологических технологий, позволяющим определенным группам открыто [Будагов 2001; Водак 1997; Дейк 1989; Каменева 2006; Рябова 2006] и/или завуалировано реализовывать процесс корректировки языкового сознания реципиентов.

Выделяют различные идеологические механизмы, структурирующие дискурс СМИ и интернет-дискурс, наделяя их характери-

стиками, присущими другим инструментам власти. Было установлено, что в идеологически ангажированных дискурсивных практиках используются следующие идеологические механизмы: «выбор слов и выражений референциально одинаковых, но прагматически относящихся к различным мировосприятиям и системам ценностей (например, если убийство называется трагедией, а не преступлением, с преступников снимается вина); создание новых слов и выражений; выбор грамматических форм; выбор последовательности в характеристике (например, дорогое, хоть и эффективное средство); использование суперсегментных признаков (эмфазы, тона); выбор имплицитных оснований (например, все есть политика = я отказываюсь это обсуждать, так как это политика)» [Блакар 1998; Карасик 2002], «избирательное построение высказывания» [Мухомедьянова 2002], «использование метафор, уменьшительно-ласкательной лексики, пейоративной лексики, имен-биографий» [Мирошниченко 1995]; использование аллюзий [Водак 1997]; «отбор слов, подбор цитат и использование слов с двойной семантикой» [Будагов 2001]; «квантовка информации или усечение поля дефиниций (например, замалчивание информации или игнорирование общественно-политической терминологии); введение комментария (расквантовка); фокусировка с помощью актуального членения, пассивизации, прессупонирования (подачи информации, упакованной в форму высказывания, преподносящегося как заведомо истинное), модальности и т. д.; регулировка порядково-линейной последовательности подачи информационных квантов (например, изменение хронологического порядка следования эпизодов событий или распределение цитатных фрагментов в тексте); нарушение синтагматики функционально-стилистических черт (диффузия стилей: проникновение элементов разговорного стиля в публицистический; эвфемистический перифраз; дезэвфемизация» [Байков 1988]; использование нестандартной лексики (сленга, аргю) [Волошин 1988]; использование эвфемизмов и дезэвфемизмов [Байков 1988; Беркнер 2001; Цараева 2000]; «актуализация численного доминирования идеологем, конкурирующих идеологий», «контекстуальная корректировка коннотаций идеологем» [Каменева 2006] и «цифровой прессинг» [Каменева 2009].

Применение указанных идеологических механизмов позволяет осуществлять идеологическое воздействие, заключающееся в модификации структуры убеждений человека относительно социального, экономического и политического аспекта социума.

Идеологическое воздействие — целенаправленное воздействие на интеллектуальную и эмоциональную стороны восприятия реципиентом информации, подаваемой через лингвистические институты власти (например, дискурс СМИ и интернет-дискурс), о социальной действительности, социальных объектах и явлениях.

В заключение отметим, что идеологические исследования вызывают научный интерес среди современных лингвистов в России и за рубежом, способствуют получению новых теоретических данных и оттачиванию методик лингвистического анализа. Несмотря на это, лингвистическая теория идеологии далека от этапа окончательной сформированности и стройности, необходимо совершенствовать такой актуальный компонент данной теории, как понятийно-терминологический аппарат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байков В. Г. Манипулятивная семантика и контрпропаганда // *Функционирование языка как средства идеологического воздействия* : сб. науч. тр. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1988. С. 5—13.
2. Беркнер С. С. Язык как инструмент власти // *Эссе о социальной власти языка* / под общ. ред. Л. И. Гришаевой. — Воронеж, 2001. С. 85—89.
3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // *Язык и моделирование социального взаимодействия* / общ. ред. В. В. Петрова. — Благовещенск, 1998. С. 88—124.
4. Будагов Р. А. Язык и культура : хрестоматия. В 3 ч. Ч. 1. Теория и практика / Р. А. Будагов ; сост. А. А. Брагина, Т. Ю. Загрякина. — М. : Добросвет, 2001. 192 с.
5. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
6. Волошин Ю. К. Социально-идеологическая детерминация социолектизмов // *Функционирование языка как средства идеологического воздействия* : сб. науч. тр. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1988. С. 14—19.
7. Гатаулина Е. Х., Прожилов А. В. Семантические поля и ключевые слова в логосфере германского нацизма // *Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая личность в межкультурной коммуникации* : материалы 5-й Всерос. науч.-практ. конф. (Абакан, 23—25 нояб.) / отв. ред. Е. В. Танков ; науч. ред. И. В. Пекарская. — Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. С. 190—196.
8. Дейк Т. А. ван. Расизм и язык. — М. : ИНИОН, 1989. 76 с.
9. Каменева В. А. Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы) : моногр. — Новокузнецк : Ред.-изд. отд. КузГПА, 2006. 236 с.
10. Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование публицистического дискурса (на материале советской прессы 1937 года) : моногр. — Томск, 2009. 134 с.
11. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // *Языковой круг. Личность, концепты, дискурс* : сб. науч. тр. — Волгоград, 2002. С. 166—205.
12. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Пермь : ЗУУНЦ, 1995. 143 с.
13. Мирошниченко А. А. Толкование речи. Основы лингвоидеологического анализа. — Ростов н/Д, 1995. 112 с.
14. Мухамедьянова Г. Н. Табу и эвфемистические способы выражения в разноструктурных языках // *Теория поля в современном языкознании* : межвуз. сб. науч. ст. — Уфа, 2002. С. 128—133.
15. Питина С. А. Идеологизация мифологем // *Новое в когнитивной лингвистике* : материалы 1-й междунар. науч. конф. (Кемерово, 29—30 августа) / отв. ред. М. В. Пименова ; Кемеров. гос. ун-т. — Кемерово, 2006. С. 97—100.
16. Рябова М. Ю. Приемы аргументации властного дискурса // *Концепт и культура = Concept and Culture* : материалы 2 междунар. науч. конф. (Кемерово, 30—31 марта) / отв. ред. Г. И. Лушникова, Л. П. Прохорова. — Прокопьевск, 2006. С. 818—825.
17. Стриженко А. А. Роль языка в системе средств пропаганды. — Томск : Изд-во ТГУ, 1980. 210 с.
18. Цараева М. Р., Реунова О. И. Эвфемизмы как лингвистическое явление (на материале современ. англ. языка) // *Некоторые проблемы германской филологии* : сб. науч. тр. — Пятигорск, 2000. С. 31—39.
19. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: (общие проблемы, метафора) : учеб. пособие. — Екатеринбург : Уральский гуманитарный ин-т, 2003. 194 с.
20. Baradat L. P. Political Ideologies. Their Origins and Impact. — Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1984. XIV, 337 p.
21. Dolbear K. M., Medcalf L. J. American Ideologies Today: shaping the New Politics of the 1990s. New York: McGraw-Hill, Inc, 1976. XII, 239 p.
22. Fairclough N. Language and Power. — London ; New York : Longman, 1989. 259 p.
23. Roberts C. Language and Discrimination: a study of Communication in Multi-ethnic Workplaces. — London ; New York : Longman Group UK limited, 1992. XVII, 422 p.
24. Sauer Chr. Structures of consensus — making and intervention: the concept of Nazi language policy in occupied Holland (Deutsche Zeitung in der Niederlanden 1940—1945) // *Language, Power and Ideology: studies in political Discourse* / R. Wodak (eds.). — Amsterdam [Philadelphia], 1989. Vol. 7. P. 3—37.

V. A. Kameneva
Kemerovo, Russia

BASIC PRINCIPLES OF IDEOLOGICAL STUDIES. CAPSULE REVIEW

ABSTRACT. *Recently Internet discourse and mass media discourse have got the status of global institutions of power having a number of ideological technologies to create and communicate ideologically supervised ideas. Ideological supervision implies articulation, structuring and communication of information of any topic (cultural, religious, sport, etc.) in such a way that political and economic interests of some groups are promoted. The mentioned processes make it necessary to study ideological issues from linguistic point of view. The problem is that linguistic theory of ideology is not yet developed well enough; it lacks definitions and terminology. The given research presents comparative analysis of scientific works devoted to the study of ideology. It analyzes and organizes the discursive ideological mechanisms, basic terms and definitions used in ideology research. The leading approaches to interpretation of the basic terms of ideology found in research works are singled out. It was revealed that special attention is paid either to cognitive or linguistic aspects of ideology and ideologeme. The aim of this research is to give an overview of the accepted ideological mechanisms frequently used in Internet discourse and mass media discourse, which often make them ideological government-supervised discourse of power. This research uses the terminology and methods of discursive research and theory of ideology. The results may be used for further development of discursive studies and theory of ideology from linguistic point of view to analyze the work of mass media.*

KEYWORDS: *discourse of power; political ideology; ideologeme; political discourse; Internet discourse; media discourse; mass media; language of mass media; ideological mechanisms; manipulation of consciousness.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kameneva Veronika Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

REFERENCES

1. Baykov V. G. Manipulyativnaya semantika i kontrpropaganda // Funktsionirovanie yazyka kak sredstva ideologicheskogo vozdeystviya : sb. nauch. tr. — Krasnodar : Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 1988. S. 5—13.
2. Berkner S. S. Yazyk kak instrument vlasti // Esse o sotsial'noy vlasti yazyka / pod obshch. red. L. I. Grishaevoy. — Voronezh, 2001. S. 85—89.
3. Blakar R. M. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya / obshch. red. V. V. Petrova. — Blagoveshchensk, 1998. S. 88—124.
4. Budagov R. A. Yazyk i kul'tura : khrestomatiya. V 3 ch. Ch. 1. Teoriya i praktika / R. A. Budagov ; sost. A. A. Bragina, T. Yu. Zagryazkina. — M. : Dobrosvet, 2001. 192 s.
5. Vodak R. Yazyk. Diskurs. Politika / per. s angl. i nem. V. I. Karasika, N. N. Troshinoy ; Volgogr. gos. ped. un-t. — Volgograd : Peremena, 1997. 139 s.
6. Voloshin Yu. K. Sotsial'no-ideologicheskaya determinatsiya sotsiolektizmov // Funktsionirovanie yazyka kak sredstva ideologicheskogo vozdeystviya : sb. nauch. tr. — Krasnodar : Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 1988. S. 14—19.
7. Gataulina E. Kh., Prozhilov A. V. Semanticheskie polya i klyucheve slova v logosfere germanskogo natsizma // Aktual'nye problemy izucheniya yazyka i literatury: yazykovaya lichnost' v mezhkul'turnoy kommunikatsii : materialy 5-y Vseros. nauch.-prakt. konf. (Abakan, 23—25 noyab.) / otv. red. E. V. Tankov ; nauch. red. I. V. Pekarskaya. — Abakan : Izd-vo Khakas. gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2005. S. 190—196.
8. Deyk T. A. van. Rasizm i yazyk. — M. : INION, 1989. 76 s.
9. Kameneva V. A. Lingvokognitivnye sredstva vyrazheniya ideologicheskoy prirody publitsisticheskogo diskursa (na materiale amerikanskoy pressy) : monogr. — Novokuznetsk : Red.-izd. otd. KuzGPA, 2006. 236 s.
10. Kameneva V. A. Lingvokognitivnoe modelirovanie publitsisticheskogo diskursa (na materiale sovet'skoy pressy 1937 goda) : monogr. — Tomsk, 2009. 134 s.
11. Karasik V. I. Kul'turnye dominanty v yazyke // Yazykovy krug. Lichnost', kontsepty, diskurs : sb. nauch. tr. — Volgograd, 2002. S. 166—205.
12. Kupina N. A. Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktzii. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta ; Perm' : ZUUNTs, 1995. 143 s.
13. Miroshnichenko A. A. Tolkovanie rechi. Osnovy lingvo-ideologicheskogo analiza. — Rostov n/D, 1995. 112 s.
14. Mukhamed'yanova G. N. Tabu i evfemisticheskie sposoby vyrazheniya v raznostrukturnykh yazykakh // Teoriya polya v sovremennom yazykoznanii : mezhvuz. sb. nauch. st. — Ufa, 2002. S. 128—133.
15. Pitina S. A. Ideologizatsiya mifologem // Novoe v kognitivnoy lingvistike : materialy 1-y mezhdunar. nauch. konf. (Kemerovo, 29—30 avgusta) / otv. red. M. V. Pimenova ; Kemerov. gos. un-t. — Kemerovo, 2006. S. 97—100.
16. Ryabova M. Yu. Priemy argumentatsii vlastnogo diskursa // Kontsept i kul'tura = Concept and Culture : materialy 2 mezhdunar. nauch. konf. (Kemerovo, 30—31 marta) / otv. red. G. I. Lushnikova, L. P. Prokhorova. — Prokop'evsk, 2006. S. 818—825.
17. Strizhenko A. A. Rol' yazyka v sisteme sredstv propagandy. — Tomsk : Izd-vo TGU, 1980. 210 s.
18. Tsaraeva M. R., Reunova O. I. Evfemizmy kak lingvisticheskoe yavlenie (na materiale sovremen. angl. yazyka) // Nekotorye problemy germanskoy filologii : sb. nauch. tr. — Pyatigorsk, 2000. S. 31—39.
19. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: (obshchie problemy, metafora) : ucheb. posobie. — Ekaterinburg : Ural'skiy gumanitarnyy in-t, 2003. 194 s.
20. Baradat L. P. Political Ideologies. Their Origins and Impact. — Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1984. XIV, 337 p.
21. Dolbeare K. M., Medcalf L. J. American Ideologies Today: shaping the New Politics of the 1990s. New York: McGraw-Hill, Inc, 1976. XII, 239 p.
22. Fairclough N. Language and Power. — London ; New York : Longman, 1989. 259 p.
23. Roberts C. Language and Discrimination: a study of Communication in Multi-ethnic Workplaces. — London ; New York : Longman Group UK limited, 1992. XVII, 422 p.
24. Sauer Chr. Structures of consensus — making and intervention: the concept of Nazi language policy in occupied Holland (Deutsche Zeitung in der Niederlanden 1940—1945) // Language, Power and Ideology: studies in political Discourse / R. Wodak (eds.). — Amsterdam [Philadelphia], 1989. Vol. 7. P. 3—37.

В. И. Карасик
Волгоград, Россия

ФАКТОИДЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются фактоиды — имитации фактов в массмедиа. Эти коммуникативные образования заполняют существенную часть картины мира в эпоху постмодерна. В содержательном отношении фактоиды соотносятся с ложью, слухами, сплетнями, обыденным либо художественным вымыслом и карнавальной мистификацией (фейком). В формальном плане фактоиды либо полностью имитируют факты, либо выражаются с помощью специальных знаков недостоверности информации — модусных индикаторов категории эвиденциальности (пересказываемости), показывающих, что говорящий не несет ответственности за достоверность передаваемых сведений. В содержании фактоидов выделяются два типа информации — пресуппозиционная и собственно новостная часть сообщаемых сведений. Пресуппозиционная часть содержания фактоидов играет ключевую роль в подтверждении либо изменении ценностных установок адресата. Предлагается выделить два функциональных типа тиражирования фактоидов в медийном дискурсе, отражающих базовые ориентиры коллективистского либо индивидуалистского социума. Первый тип базируется на противопоставлении своих и чужих, второй тип — на антитезе возбуждения интереса и страха.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фактоиды; факты; ценности; картина мира; медийный дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии; Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400066, Россия, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 27; профессор, Тяньцзиньский университет иностранных языков; e-mail: vkarasik@yandex.ru.

В данной работе рассматриваются ценностные характеристики замещения фактуальной реальности в коммуникативной практике.

Ложь — намеренное искажение правды — неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. С позиций философии ложь трактуется как феномен человеческого бытия в мире, неразрывно связанный с истиной (самообман, забвение, симуляция, соблазн, различные практики обмена ложью — лесть, тактичность, комплименты и др.) [Разинов 2015], показана специфика западно-европейского осмысления обмана и лжи (философско-правового и инструментально-функционального) в сравнении с пониманием этих явлений в отечественной гуманитарной литературе как этико-метафизического феномена [Маркина 2004]. Психологи рассматривают лживость как особенность личности и устанавливают мотивационные, когнитивные и результативные компоненты этого качества — стремления быть на виду, избегать личных осложнений, имитировать самостоятельность принятия решений и осведомленность, демонстрировать направленность на достижение социально значимых результатов либо отрицать свою заинтересованность в результатах действий [Церковная 2005]; анализируется связь разновидностей лжи с типами личностей и стратегиями поведения [Акименко 2008]. С позиций психологии различаются определенные виды лжи: ложь с корыстной целью, ложь, обусловленная страхом, ложь во спасение (белая ложь), враньё как патологическое либо игровое искажение реальности.

В работах лингвистов детально охарактеризованы разновидности лжи и способы их вербального выражения [Вайнрих 1998; Мо-

розова 2005; Ленец 2010], установлены концептуальные признаки лжи [Панченко 1999; Кубинова 2002; Земскова 2006; Апекова 2009; Пи Цзянькунь 2014; Радищева 2017]. Ложь считается неблагоприятным поступком, поскольку она причиняет вред отдельным людям и обществу в целом и ее мотивом является недостойное желание получить незаслуженное благо или избежать заслуженного наказания. Н. Н. Панченко анализирует лингвокультурную специфику лжи в английском и русском языковом сознании и делает вывод о том, что доминирующими эмоциями, стимулирующими ложь в обеих лингвокультурах, являются страх, боязнь, малодушие, а наиболее частотными мотивами выступают любовь к близким, жалость, сострадание, желание защитить, и, во вторую очередь, жадность, тщеславие и зависть [Панченко 1999: 7]. Автор устанавливает семь разновидностей обмана: «активная ложь», «пассивная ложь (замалчивание)», «клевета», «преувеличение», «лесть», «притворство» и «акциональный обман (жульничество)» [Там же: 15]. Выделены виды лжи на основании признаков действия — лжесвидетельство (дача ложных свидетельских показаний, включая самооговор), ложь как компонент мошенничества, очковтирательство как ложь в отчетах и других официальных документах, фабрикация как подмена фактического материала недостоверными данными.

С точки зрения несоответствия фактическому положению дел ложь представляет собой разновидность вымысла [Ильинова 2008]. Художественный либо игровой вымысел не претендует на замену реальности и поэтому обычно оценивается положительно, если он интересен. Вместе с тем выде-

ляется особая разновидность маскируемого вымысла, тиражируемого в средствах массовой информации — фактоиды, или квази-факты, содержание которых выглядит правдоподобно [Белодедова 2015]. Термин «фактоид» был введен американским писателем Норманом Мейлером. В эпоху постмодерна карнавализация бытия становится важнейшей характеристикой нашей жизни, грань между реальностью и вымыслом стирается. Мы живем в мире фактоидов. Этот феномен заслуживает лингвокультурного освещения.

Фактоид представляет собой имитацию факта. В философии факт трактуется как 1) синоним понятий «истина», «событие», «результат»; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего; 2) в философии науки — особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание. Как форма эмпирического знания факт противопоставляется теории или гипотезе [Никифоров 1983: 712]. Факт — это единица концептуализированного мира, т. е. мира знания [Арутюнова 1998: 505], противопоставленная событию как фрагменту реальности. Глубокое философское осмысление факта как многомерного феномена культуры разработано С. Х. Ляпиным, который выделяет его следующие характеристики: 1) фактуальность, т. е. осмысливаемое пространство бытия, заполняемое фактами, 2) факцитет (термин М. Хайдеггера), фоновое пространство бытия, которое заполняется фактами, остающимися под порогом текущего восприятия человека, 3) фактаурис, актуализованное, акцентуируемое пространство бытия, 4) квант опыта, 5) квант — квант определенности, единица качества информации (по аналогии с термином «бит», единицей количества информации), 6) ген смыслового бытия, символ культуры [Ляпин 1997]. Лингвистически значимыми в этих определениях являются следующие моменты: 1) факт принадлежит сфере интерпретируемой реальности, 2) за рамками этой сферы остаются неактуальные явления реальности, 3) факты противопоставляются вымыслу, 4) факты эмпирически дискретны, исчисляемы, фиксируемы, 5) факты неоднородны по своей значимости, в них выделяются две части — фоновая (пресуппозиция) и актуальная, 6) в индивидуальном и коллективном сознании факты ассоциируются с квантами переживаемого опыта, т. е. концептами, 7) важным признаком факта является его качественная определенность, 8) совокупность фактов образует эпистемическую сферу картины мира, т. е. основу культуры. Единственное, но

принципиально важное отличие фактоида от факта — несоответствие реальности.

Важной характеристикой факта является его релевантность для субъекта. Если я узнал, что некто потерял зонтик, то фактуализация этого события станет яркой для меня только в том случае, если это был мой знакомый, либо если эта потеря повлекла за собой особые события (*потерял зонтик, попал под сильный дождь и заболел либо потерял зонтик, вернулся на предполагаемое место пропажи и ошибочно взял там чужой зонтик*). Если же факт является фоновым, он подтверждает некоторое общее знание: людям свойственно иногда терять свои вещи, следует быть внимательным и т. д. Эти знания образуют систему ценностей социума и закрепляются в нормах и обыкновениях поведения.

В лингвокультурном плане противопоставляются более и менее достоверные сообщения о реальности. Сравним: *За морем живут люди с пёсыми головами и Собака чует запах дичи на расстоянии одного километра*. Отметим, что в обиходных ситуациях мы воспринимаем информацию как достоверную в соответствии с общими установками своего времени.

В лингвистике различие между изложением достоверных и малодостоверных сведений неоднократно освещалось в рамках категории эвиденциальности (засвидетельствованности, пересказываемости) [Баранов 1994; Арутюнова 2000; Левонтина 2010]. Суть этой категории состоит в отчуждении речевого произведения от говорящего, который снимает с себя ответственность за фактуальность сообщаемого. В английском языке используется специальный глагол *to allege* — *to assert without proof* (COD); *to say that something is true or that someone has done something wrong, although it has not been proved* (LDCE) (*утверждать без основания*). Эта позиция говорящего дает возможность субъекту речи резюмировать чужую точку зрения так, чтобы ее было удобнее опровергнуть [Арутюнова 2000: 449]. В практике медийного дискурса акцентированная эвиденциальность прослеживается в тех случаях, когда передаваемая информация заведомо выглядит странной либо сообщение о тех или иных событиях может вызвать негативную реакцию аудитории.

Факт проявляется в высказывании. Существуют особые жанры речи, назначение которых подать, подтвердить либо опровергнуть факты. Например:

В «Истории династии Цзинь» описан способ приёмки оружия: если при стрельбе в панцирь стрела не пробивала его — обез-

главливали того, кто делал лук, а если пробивала, казнили делавшего панцирь [Чернышев 2017: 157].

Это высказывание по своему содержанию представляет собой доведение до абсурда идеи приёмки оружия и поэтому вряд ли может рассматриваться как факт, вместе с тем практика испытания оружия и доспехов предполагала выявление некачественных изделий и, соответственно, наказание недобросовестных мастеров.

Фактоид как лингвокультурное явление соотносится со следующими коммуникативными образованиями: 1) слухи (молва), информация с сомнительной степенью достоверности, 2) сплетня, недостоверная информация о неблагоприятных поступках кого-либо, 3) фейк, заведомо ложная информация (от англ. fake — *подделка*), фальшивые новости, которые раньше назывались «газетными утками», сейчас иногда именуется «вбросами»; в отличие от дезинформации, предназначенной конкретным адресатам, фейк адресован широкой публике.

Исследователи слухов выделяют их следующие характеристики: ведущий вид коммуникации традиционного общества, особая значимость в конфликтных ситуациях [Осетрова 2011: 60], ожидаемая и бессознательно предвкушаемая информация [Прозоров 1997: 163], неподтвержденная информация, передаваемая из уст в уста, отражающая как реальные, так и вымышленные события, преимущественно с отрицательной оценкой [Долгая 2000: 95], неподтвержденные сообщения, в ситуациях проблемного характера распространяющиеся по неформальным каналам общения на правах новостей о значимых изменениях социальной или природной среды [Горбатов 2010: 50]; функции слухов: 1) заполнение информационного вакуума, достраивание картины события; 2) формирование идентичности; 3) повышение гомогенности мнений; 4) регулирование (разжигание или погашение) конфликтов; 5) дискредитация оппонента; 6) провокация адресата на активизацию действий; 7) снижение уровня возбуждения, тревожности у адресата; 8) введение оппонента в заблуждение [Бородина 2016: 5]. Можно заметить, что слухи представляют собой более объемное коммуникативное образование по сравнению с фактоидами: слухи характеризуют как обиходное, так и медийное общение, фактоиды транслируются в масс-медиа, слухи могут отражать реальные события, фактоиды относятся только к вымыслу, слухи не претендуют на достоверность, фактоиды преподносятся как достоверные сведения.

Сплетни — это разновидность слухов, отличающаяся точностью объекта, пристрастностью, детальностью и пикантностью [Долгая 2002: 116]. Фактоиды не претендуют на повышенную эмоциональную и личностно маркированную окраску в передаче тех или иных сведений. Фейк как информационное образование появляется для мистификации адресата, причем в значительной мере такая мистификация носит смеховой характер [Иссерс 2015]. Фейки в полной мере отражают постмодернистскую доминанту игрового мировосприятия наших современников, многократно усиленную возможностями интернет-общения, допускающего различные виды розыгрышей, включая коммуникативные поступки пранкстеров и троллинг в сетевой коммуникации. Фактоиды не являются инструментами мистификации, напротив, они фигурируют в серьезном общении.

Тиражируемая в медийном дискурсе информация варьируется не только по степени достоверности, но и по рангу официального подтверждения. Жанр опровержения является индикатором официальной позиции правительства или того или иного должностного лица:

Белый дом назвал ложными публикации о переносе визита Трампа в Великобританию

В Белом доме назвали дезинформацией сообщения о переносе поездки президента США Дональда Трампа в Великобританию, передает в воскресенье, 11 июня, Reuters.

«Вопрос ни разу не поднимался во время телефонного разговора», — заявили в администрации американского лидера.

Ранее 11 июня газета The Guardian опубликовала материал о разговоре Трампа с премьер-министром Великобритании Терезой Мэй, в ходе которого президент США заявил, что не поедет в королевство, пока для этого не будет достаточно общественной поддержки. В противном случае американский лидер якобы отметил, что могут начаться крупномасштабные протесты.

По данным источника газеты, Мэй, пригласившая Трампа в Соединенное Королевство, сильно удивилась отказу от визита. Однако в канцелярии британского премьера информацию издания отвергли, назвав «слухами» (www.lenta.ru).

В приведенном тексте опровергается информация, опубликованная влиятельной британской газетой. Такая публикация в медийном дискурсе в ряде случаев именуется «утечкой информации». Назначение подобных утечек — спровоцировать реакцию власти, экспертного сообщества и широкой пуб-

лики на возможное развитие событий. В историческом плане подобные коммуникативные поступки представляют собой программируемые трехходовые действия с эксплицитным оценочным содержанием: 1) сообщается о предстоящем событии (либо его отмене), 2) опровергается это сообщение, 3) тем самым подтверждается официальная точка зрения власти по этому поводу. Заслуживает внимания в этой связи тезис В. Н. Степанова о том, что в провокативном дискурсе, представленном большей частью в рекламном и медийном общении, прослеживаются установки агентов этого дискурса на инфантильность сознания массового адресата [Степанов 2008: 223]. Иначе говоря, массовый адресат, по мнению отправителей сведений с сомнительной достоверностью информации, не способен критично воспринимать новые сведения и не дифференцирует факты и фактоиды.

Дифференциация фактов и фактоидов в политическом дискурсе очень сложна в силу специфики самой фактуальности, свойственной эпохе, которая дистанцирована от сегодняшнего дня. Показателен опубликованный в газете «Правда» в 1933 г. рапорт большевиков и рабочих Ленинского района Москвы, адресованный в Центральный комитет ВКП(б) и Московский комитет ВКП(б). Приведем выдержки из текста:

Добившись под руководством ЦК и МК досрочного выполнения пятилетки в 4 года, большевики ленинского района поставили своей задачей выполнить досрочно программу первого года второй пятилетки, систематически повышая качественные показатели работы нашей промышленности и овладевая новой техникой и новыми производствами.

Сегодня для всех рабочих, инженерно-технических работников и служащих Ленинского района радостный день, сегодня они рапортуют о том, что промфинплан 1933 года выполнен на 100,2%, выпущено продукции на 621,5 млн. руб.

Наряду с выполнением количественных показателей пролетарии Ленинского района в борьбе за реализацию решений партии добились выполнения плана снижения себестоимости на 101,6%. Они дали стране экономию на 5,6 млн. руб., перевыполнили план производительности труда на 7,9% при наличии рабочей силы на 94,2% и израсходовании фонда зарплаты на 93,7% плана.

Указания вождя партии тов. Сталина об овладении новой техникой и новыми производствами послужили для нас могучим рычагом в борьбе за освоение советского станкостроения. За этот год рабо-

чими станкостроительных заводов освоены новые типы станков: «санстренд», «ДиП-200», «ДиП-300», «лоренц», револьверный станок №137, «шоу» и др.

Этих успехов Ленинский район добился потому, что ты, товарищ Сталин, учил нас, как преодолевать трудности и как проводить в жизнь генеральную линию партии. В период чистки партийной организации беспартийные рабочие еще ближе узнали свою родную большевистскую партию и еще упорнее и настойчивее боролись под знаменем нашего ленинского ЦК за выполнение задач первого года второй пятилетки.

Рапортуя о досрочном выполнении промфинплана 1933 года, мы обещаем организованно встретить 1934 год и на основе развернутого в районе похода имени XVII съезда партии прийти к историческому съезду с досрочным окончанием январской программы, обеспечив высокое качество продукции.

Да здравствуют наш ленинский ЦК и вождь партии и рабочего класса тов. Сталин! («Правда», 10.12.1933).

В художественном тексте, как доказано в известной книге И. Р. Гальперина, выделяются три основных типа информации: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая [Гальперин 2006: 27—28]. Содержательно-фактуальная информация в приведенном рапорте сводится к сообщению о выполнении и перевыполнении трудящимися Ленинского района взятых производственных обязательств (промышленно-финансового плана), приводятся конкретные цифры, наименования станков. В отличие от художественного произведения данный текст, представляющий собой разновидность открытого официального письма, сориентирован на определенные типы адресатов: во-первых, руководство ВКП(б) и лично тов. Сталин, во-вторых, широкие массы трудящихся — читателей газеты, в-третьих, журналистское сообщество Советского Союза. Предполагается, что контролирующая инстанция тщательно проверит фактическую информацию, ее искажение рассматривалось в то время как тяжкое преступление, широкие массы примут эту информацию в качестве базовых фоновых сведений (Рабочие нашей страны добились больших успехов под руководством партии большевиков), журналисты будут развивать подобную стилистику оформления рапортов трудящихся, опубликованных в главной газете страны.

Содержательно-концептуальная информация в цитируемом рапорте состоит в чет-

кой идеологической оценке субъектов (верные партии большевики и передовые рабочие, партия, ЦК и вождь), в обозначении актуальных ценностей (досрочное выполнение планов, повышение качества работы, овладение новой техникой, преодоление трудностей), в акцентировании радости как эмоционального состояния всего советского народа.

Содержательно-подтекстовая информация рассматриваемого документа эпохи сводится к его мажорной тональности. Обратим внимание на то, что авторы этого рапорта обращаются к вождю на «ты», тем самым подчеркивая свою близость к нему (в сталинскую эпоху нормой было обращение по фамилии с использованием слова «товарищ», в газетных текстах того времени инициалы не использовались). Газетные клише того времени базируются на образах силы, борьбы и родства (*могучий рычаг, борьба за освоение, родная партия, исторический съезд*). Словосочетание «*поход имени XVII съезда партии*» имеет специфический смысл: в предвоенные годы слово «поход» ассоциировалось прежде всего с боевым походом (*Если завтра война, если завтра в поход...*).

Следует подчеркнуть принципиальное различие между амбивалентной оценкой одного и того же явления и оценочной информацией о несуществующем явлении. В качестве примера для первого случая можно привести известный в истории казус — сведения о сражении при Кадеше между древними египтянами и хеттами (конец XIV — начало XIII в. до н.э.): оба царства понесли в битве серьезные потери, договорились о перемирии, но в хрониках каждая из противоборствующих сторон приписала победу себе. Второй случай — это анекдот времен царствования Павла I о подпоручике Кижее, возникшем в результате ошибки придворного писаря, сделавшем успешную карьеру и ставшем героем повести Ю. Тынянова.

Классификация фактоидов может быть построена на различных основаниях, но их семантика такова, что они не отличаются от фактов, являясь имитациями личностей, предметов, явлений и событий, и, следовательно, их предметно-содержательная типология становится неопределенно бесконечной. Главный признак — соответствие сообщаемой информации действительности — в тексте новостного сообщения становится принципиально неверифицируемым. На первый план выходит подача сообщения, выраженный модус высказываний, в которых излагаются факты либо фактоиды. Значимой становится только их прагматика — их информативная ценность для широкой публики

и цель их тиражирования в новостном пространстве. Можно выделить следующие цели создания возможных фактоидов: 1) обеспечение позитивного мировосприятия существующего положения дел в стране, 2) создание негативной системы представлений о жизни в других странах, 3) развлечение публики для рекламного продвижения тех или иных продуктов и идей, 4) устрашение публики для обоснования определенных идеологически значимых действий.

Не существует общества, свободного от идеологии. В сообществах коллективистского типа противопоставление своих и чужих выражено обычно достаточно отчетливо. Показательны в этом плане факты, используемые в медийном дискурсе соответствующего общества. Приведу два текстовых фрагмента из журнала «Огонёк» 1939 г.

В первом фрагменте говорится о бесспорных достижениях советского народа:

Г. Грузд. День в деревне

Эта деревня не нанесена ни на одну карту Советского Союза. Пришельца не останавливает здесь вопросом старый дед, любопытные девичьи глаза не смотрят на него из-за тына.

Когда осматриваешь в этой деревне нарядные кирпичные дома, крытые черепицей, не стоит угадывать, характерны ли эти постройки для украинского села где-нибудь на полях Харьковщины, для станицы в степях Дона, для села в лесах Белоруссии...

Эта деревня сооружена на территории Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, в Пушкинском, под Москвой. Но она не плод выдумки. Такой же клуб можно видеть в сотнях колхозов. Такую школу найдёшь в сёлах Украины, Белоруссии, на Урале. ... И колхозники — посетители выставки — приходят сюда с чувством хозяев, переезжающих в новые жилища. Они деловито всё осматривают, многое заносят в записные книжки. Они видят здесь своё родное село таким, каким оно будет через два-три года... Целый день провели в Новой деревне гости с далёкого Алтая — Дмитрий Михайлович Лиханов и Анастасия Ивановна Щербинина, — приехавшие в Москву из колхоза «Животновод Алтая» в Чарыжском районе.

Лучшая комната в здании правления сельхозартели отведена под колхозную агролабораторию — штаб борьбы за высокий урожай. Заведует агролабораторией орденоносец Дмитрий Федорович Довгих из колхоза имени Молотова, Белозерского района, Новониколаевской области. Как-то выставку посетила делегация из Германии. Участники ее внимательно рассматривали

приборы в лаборатории колхозного ученого, расспрашивали о его опытах по скрещиванию различных сортов яровой пшеницы, о проведенных им испытаниях новых культур: арахалеса, люффы и др. В конце беседы один из гостей попросил через переводчика: «Не даст ли герр профессор фотокарточку на память?» Больших трудов стоило убедить гостя в том, что колхозный ученый — самородок и никогда не был в стенах университета (Огонек. 1939. №27 (678). С. 10).

Фактуальная информация в приведённом текстовом отрывке конкретна и вещественна: перед нами образцовая деревня, представляющая собой идеальное поселение советских сельских тружеников. У ироничного читателя может возникнуть ассоциация с потёмкинской деревней, но отметим, что те населённые пункты представляли собой декорации, разновидность фальшьпанелей, предназначенных для беглого взора проезжающей мимо императрицы. Деревня, построенная на территории выставки, — это действующий макет реальной деревни. В этом плане экспонат выставки вполне реален. Предметные факты в статье органически сопряжены с сообщением о коммуникативном событии — беседе иностранца с колхозным ученым. Имело ли место такое событие в действительности — сказать трудно. Описываемый факт правдоподобен и вполне соответствует восторженным отзывам иностранных гостей о жизни в СССР. Вместе с тем отметим фактуальную базу высказывания о том, что колхозный ученый не имеет университетского образования: практический опыт оказывается более ценным, чем теория, а наши ученые — это самородки. В контексте борьбы с буржуазной лженаукой генетикой приведенный в журнале факт или фактоид является идеологически маркированным аргументом.

Примером построения негативного образа чужой реальности может послужить фрагмент следующей информационной заметки в цитируемом журнале:

За рубежом. Банки и банкиры

В свое время при более чем странных обстоятельствах погиб бельгийский банкир-миллионер Левенштейн: он выбросился или был выброшен из самолета. Вслед за этим центральное место в большой мировой хронике происшествий заняла афера французского финансиста, авантюриста и разведчика Стависского: он тоже не то покончил самоубийством, не то был прикончен после того, как бежал из Парижа, обанкротившись на миллиард с лишним франков. Не меньшей сенсацией оказалось

подлинное самоубийство шведского спичечного короля Ивара Крейгера, которое последовало после его краха, разорившего многочисленных клиентов (Огонек. 1939. №27 (678). С. 21).

Информация о банкирах, ставших банкротами и покончивших жизнь самоубийством либо убитых кредиторами, соответствует рубрике «их нравы» — установкам о волчьих законах капиталистического общества, внедрявшимся в сознание советских людей. Обратим внимание на неопределенность сообщаемой информации, на оценочно маркированную лексику «афера», «авантюрист». Эти сведения значимы не как собственно информационные сообщения — для подавляющего большинства читателей имена фигурантов этих происшествий ничего не значат, но как пресуппозиции относительно жизни на Западе: большие деньги не могут быть честно заработаны и поэтому закономерно погоня за наживой приводит авантюристов-миллионеров к смерти. Эта установка, подчеркнутая, соответствует традиционным воззрениям бедного большинства о несовместимости честного труда и обогащения, с одной стороны, и богатства и уверенности в будущем, с другой стороны. Информация о суицидах имеет символическую значимость: капиталистический миропорядок обречён на самоуничтожение.

Если в коллективистском обществе сообщение новостей в медийном дискурсе служит, в основном, консолидации своих и определению чужих, то в обществе, построенном на приоритетах индивидуализма, новости формулируются и воспринимаются как продвигаемый товар, который должен привлечь публику, либо как угроза, которая держит всех в страхе. Примеры такого рода информации частотны в современном российском медийном дискурсе.

Таковы исторические курьёзы:

Петр Великий и Татищев

Денщик Петра Великого Афанасий Татищев как-то очень сильно прогневил императора тем, что не выполнил какой-то его приказ. Петр велел его бить батогами перед окнами дворца. Однако, будучи сильно занят делами, сам за экзекуцией не наблюдал. Татищев этим воспользовался и подставил вместо себя под батоги ни в чем неповинного писаря Замятина. Поняв затем, что он сделал что-то не так, Татищев побежал к императрице Екатерине, рассказал ей о своей проделке и попросил о помощи.

Екатерина благоволила к Татищеву. За обедом, воспользовавшись хорошим настроением императора, она выпросила

прощение Татищеву, рассказав затем о его проделке. Тут и Татищев явился и, ваяясь в ногах у Петра, выпрашивал себе прощение. Петр был очень сердит этим, но раз уж он пообещал простить Татищева, то делать нечего. Послали за Замятиным, который подтвердил всю историю. Петр сказал, что раз уж поколотили, то делать нечего, надо винить Татищева, но обещал в будущем зачесть это битье Замятину. И действительно, через некоторое время Замятин сильно проворовался и должен был быть серьезно наказан. Однако Петр простил его, заявив, что хотя Замятин и заслуживает казни, но он уже однажды понес наказание не имея вины, и Петр теперь нынешнее наказание заменяет на прошлое (<http://www.peoples.ru/facts/all/f896.shtml>)

Приведенный занимательный пример может соответствовать действительности, но может быть фактоидом. Его ценностная основа очевидна: часто случается так, что наказывают невиновных, при этом царские слуги неизбежно совершают преступления, обычно связанные с незаконным присвоением денег, в любом случае можно выпросить прощения, если есть влиятельный заступник, и поэтому не следует чересчур серьезно относиться к закону. Решение императора перезачесть наказание выглядит как абсурд, но вписывается в формальную схему действий власти.

Мы знаем, что в действительности могут происходить невероятные события, и в этом смысле граница между фактами и фактоидами выглядит размытой. Заслуживает внимания следующий фрагмент заметки о жизни известного революционера Эрнесто Че Гевары в изложении К. Хачатурова:

...он жил жадно, с удовольствием: хлеб читал, любил живопись, сам рисовал акварелью, увлекался шахматами (даже совершив революцию, продолжал участвовать в любительских шахматных турнирах, а жену в шутку предупреждал: «пошел на свидание»), играл в футбол и регби, занимался планеризмом, гонял плоты по Амазонке, обожал велоспорт. Даже в газетах имя Гевары появилось в первый раз не в связи с революционными событиями, а когда он совершил на мопеде турне в четыре тысячи километров, исколесив всю Южную Америку. Потом на пару с другом, Альберто Гранадосом, Эрнесто путешествовал на дряхлом мотоцикле. Когда загнивший мотоцикл испустил дух, молодые люди продолжили путь пешком. О приключениях в Колумбии Гранадос вспоминал: «Мы прибыли в Летисию не только до пре-

дела измотанные, но и без сентаво в кармане. Наш непрезентабельный вид вызвал естественные подозрения у полиции, и вскоре мы очутились за решеткой. Нас выручила слава аргентинского футбола. Когда начальник полиции, страстный болельщик, узнал, что мы аргентинцы, он предложил нам свободу в обмен на согласие стать тренерами местной футбольной команды, которой предстояло участвовать в районном чемпионате. И когда наша команда выиграла, благодарные фанатики кожаного мяча купили нам билеты на самолет, который благополучно доставил нас в Боготу» (<http://www.peoples.ru/military/hero/gevara>).

Цитируемые воспоминания друга революционера мы можем воспринимать критически, но в лингвокультурном плане не вызывает сомнений то, что пассионарным личностям свойственно вести себя необычно. Путешествие двух молодых искателей приключений на мотоциклах по Латинской Америке выглядит правдоподобно, и не противоречит нашим представлениям о факте либо фактоиде об их аресте в Колумбии. Но удивительное освобождение героев из-под ареста и их успехи в качестве футбольных тренеров нарушают представления о типичном развитии событий. Обратим внимание на то, что в отличие от идеологически маркированных сведений о поступках героев в данном случае речь идет о перипетиях судьбы романтика.

В наши дни активно тиражируется информация о паранормальных явлениях — встречах с непонятными существами, инопланетянами, умершими близкими людьми и т. д. Эти сведения преподносятся как факты:

Исследователь паранормальных явлений Лон Стриклер 14 июня 2017 года получил письмо от супружеской пары из Оклахомы, сообщавшей о странной активности вокруг своего дома, которая продолжается на протяжении 2-х последних недель.

Супруги, прожившие около 30 лет в доме, расположенном в лесной зоне на юго-востоке североамериканского штата Оклахома в нескольких километрах от города Талиайна, раньше не замечали ничего необычного. Однако странные события, которые стали происходить с начала июня этого года, встревожили их не на шутку. ... Вечером 13 июня хозяйка как обычно проводила мужа на работу, а затем, сидя на крыльце, разговорилась с дочерью по телефону.

«Весь вечер меня не покидало странное чувство, и я все время смотрела в сторону леса. Я уже собиралась встать и уйти в дом после окончания разговора, когда за-

метила, что из леса прямо на меня смотрят два ярко-желтых глаза».

Когда женщина сообразила, что глаза светятся на высоте около 2-х метров над землей, она вбежала в дом и быстро заперла дверь. Потом она выключила лампы внутри, но оставила свет на крыльце.

«Я выглянула из окна, я увидела высокую темную фигуру, стоящую в глубине двора. Глаза по-прежнему светились очень ярко и смотрели в мою сторону. Когда мои глаза привыкли к темноте, я рассмотрела длинные толстые руки с пальцами и длинными ногтями, удлинённую морду и длинные заостренные уши. ... На следующее утро, я рассказала мужу все, что видела. Он верит в духов животных, но даже его это смутило. Он сказал мне, что, возможно, это «злой дух», и если мы будем игнорировать его, он не побеспокоит нас».

Женщина уверена, что видела не призрачное, а совершенно реальное существо, напоминающее огромного черного волка, стоящего на двух ногах (<http://paranormalnews.ru>, 16.06.2017).

Эти сведения возвращают нас в архаичную эпоху, когда люди верили, что мир насыщен демонами и другими волшебными существами, которые могут нанести нам вред. Легенды об оборотнях — людях, способных превращаться в животных — прослеживаются в мифологиях разных народов мира. Такие существа чаще всего превращаются в волков (ликантропы, вервольфы, волколаки), поскольку волки на протяжении тысячелетий представляли угрозу как для людей, так и для домашнего скота. Публикации подобных новостей подтверждают то, что сознание многих наших современников в разных странах остается на уровне первобытной картины мира, несмотря на новейшие технические достижения. Фактуальность мировосприятия всегда субъективна: для верующих повествования о чудесах столь же достоверны, как и их личный повседневный опыт. Приходится констатировать, что для многих наших современников научная картина мира, которая базируется на доказательности фактов и критичности восприятия реальности, не является основой их ментальности. Понижение критичности мировосприятия способствует превращению человека разумного в молекулу толпы, интеллектуальный уровень которой, как известно, равен интеллекту ее самого глупого участника. Нагнетание страхов ведет к деградации человека.

Подведем основные итоги.

Фактоиды — коммуникативные образования, содержанием которых является ими-

тация информации о действительном положении дел, — представляют собой существенный компонент картины мира. Их значимость в эпоху постмодерна возрастает. В содержательном плане они противопоставлены фактам и соотносятся с ложью, слухами, сплетнями, обиденным либо художественным вымыслом и фейком (карнавальной мистификацией). В структурном отношении акцентированные фактоиды выражаются с помощью языкового арсенала средств категории эвиденциальности. В содержании фактоида, как и факта, можно выделить два типа информации — пресуппозиционные сведения о мироустройстве и новые данные о событиях, явлениях и предметах. Пресуппозиционный компонент информации играет определяющую роль в подтверждении или изменении ценностных установок адресата и в этом плане является лингвокультурной основой картины мира индивидуума и социума. В зависимости от базовых идеологических установок общества можно противопоставить основные функции тиражирования фактоидов в двух типах социума — коллективистском и индивидуалистском: в первом случае это противопоставление своих и чужих, во втором — привлечение внимания к новостям и нагнетание страхов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акименко А. К. Взаимосвязь представлений о лжи и стратегий поведения в системе социально-психологической адаптации личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Саратов, 2008. 25 с.
2. Апекова Ж. Ш. Лингвокультурная специфика концептов «правда» и «ложь» в русской и кабардинской паремнологических картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Нальчик, 2009. 23 с.
3. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. — М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437—452.
4. Баранов А. Н. Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 114—124.
5. Белодедова А. В. О фактах и фактоидах в современных журналистских текстах // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). Вып. 28. С. 89—94.
6. Бородина С. Н. Прагматический механизм реализации слухов в современном английском, французском и русском медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2016. 28 с.
7. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 44—88.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е. — М.: КомКнига, 2006. 144 с.
9. Горбатов Д. С. Слухи: к проблеме дефиниции в социальной психологии // Сибирский психологический журнал. 2010. Вып. 35. С. 47—51.
10. Долгая Т. А. Концепт слухов в русской культуре // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики : сб. науч. трудов. — Волгоград : Политехник, 2000. Вып. 1. С. 95—100.
11. Долгая Т. А. Слухи как вид массовой информации // Основное высшее и дополнительное образование : проблемы

дидактики и лингвистики : сб. науч. трудов. — Волгоград : Политехник, 2002. Вып. 2. С. 113—117.

12. Земскова Н. А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2006. 23 с.

13. Ильинова Е. Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте : моногр. — Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2008. 513 с.

14. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // Новые медиа в России: исследования языка и коммуникативных процессов : моногр. / отв. ред. О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 20—32.

15. Кубинова Й. Речевая интенция «ложь, обман» в семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2002. 23 с.

16. Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. конф. «Диалог-2010». — М. : РГГУ, 2010. С. 284—289.

17. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ростов н/Д, 2010. 38 с.

18. Ляпин С. X. Концептологическая формула факта // Концепты : науч. тр. Центроконцепта. — Архангельск : Изд-во Поморск. гос. ун-та, 1997. Вып. 2 (2). С. 5—71.

19. Маркина Е. Н. Феномен обмана: философско-этический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Саранск, 2004. 17 с.

20. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект : моногр. — Харьков : Экограф, 2005. 300 с.

21. Никифоров А. Л. Факт // Философский энциклопедический словарь. — М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 712.

22. Осетрова Е. В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум : сб. материалов. 2011. № 15. С. 55—82. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf>.

23. Панченко Н. Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1999. 23 с.

24. Пи Цзянькунь. Оппозиция *правда* — *ложь* в паремнологическом пространстве русского языка: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2014. 23 с.

25. Прозоров В. В. Молва как филологическая проблема // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 1997. С. 162—167.

26. Радищева В. О. Концепт «LÜGE» («ЛОЖЬ») в немецкой лингвокультуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2017. 23 с.

27. Разинов Ю. А. Ложное как социокультурный феномен : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Казань, 2015. 42 с.

28. Степанов В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации : моногр. — СПб. : Роза мира, 2008. 268 с.

29. Церковная И. А. Многомерно-функциональное исследование лживости как индивидуально-психологической особенности личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Екатеринбург, 2005. 20 с.

30. Чернышев Д. А. Как думают люди. 5-е изд. — М. : Манн, Иванов и Фарбер, 2017. 304 с.

V. I. Karasik

Volgograd, Russia

FACTOIDS AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON

ABSTRACT. *The article deals with factoids treated as fact imitations in mass-media. They make a substantial part of the world picture in the post-modernist epoch. Their content merges on such communicative entities as lies, rumors, gossip, habitual or artistic fiction and fakes (jocular mystifications). Formally factoids are either indistinguishable from facts or have special indicators of accentuated allegation concerning the news. These are linguistically studied as markers of the category of reported speech and imply that a speaker is not responsible of the things he or she tells the public. Factoids contain two kinds of information, the basic one is connected with presuppositions of the news delivered to public, whereas on the surface the news as such is presented to the audience. Presuppositions of factoids play a crucial part in forming or transforming basic attitudes people share concerning the world. I argue that there are two functional types of factoids as related to two corresponding society types. The first type reflects the basic orientation of collectivist society and is reduced to antinomy of our and alien values, the second type is enrooted in individualistic mentality and its main antithesis is that of interest versus fear.*

KEYWORDS: *factoids; facts; values; picture of the world; media discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Karasik Vladimir Ilyich, doctor of philology, English philology department, professor and chair, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd, Russia; professor, Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China.*

REFERENCES

1. Akimenko A. K. Vzaimosvyaz' predstavleniy o lzhi i strategii povedeniya v sisteme sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti : avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk. — Saratov, 2008. 25 s.

2. Apekova Zh. Sh. Lingvokul'turnaya spetsifika kontseptov «pravda» i «lozh'» v russkoy i kabardinskoy paremiologicheskikh kartinakh mira : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Nal'chik, 2009. 23 s.

3. Arutyunova N. D. Pokazateli chuzhoy rechi de, deskat', mol. K probleme interpretatsii rechevedencheskikh aktov // Yazyk o yazyke / pod obshch. ruk. i red. N. D. Arutyunovoy. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 2000. S. 437—452.

4. Baranov A. N. Zametki o deskat' i mol // Voprosy yazykoznanija. 1994. № 4. S. 114—124.

5. Belodedova A. V. O faktakh i faktoidakh v sovremennykh zhurnalistskikh tekstakh // Nauchnye vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2015. № 24 (221). Vyp. 28. S. 89—94.

6. Borodina S. N. Pragmaticheskij mekhanizm realizatsii slukhov v sovremennom angliyskom, frantsuzskom i russkom mediadiskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2016. 28 s.

7. Vaynrikh Kh. Lingvistika lzhi // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — Blagoveshchensk : BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 1998. S. 44—88.

8. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledo-

vaniya. Izd. 4-e. — M. : KomKniga, 2006. 144 s.

9. Gorbatov D. S. Slukhi: k probleme definitivii v sotsial'noy psikhologii // Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal. 2010. Vyp. 35. S. 47—51.

10. Dolgaya T. A. Kontsept slukhov v russkoy kul'ture // Osnovnoe vysshee i dopolnitel'noe obrazovanie: problemy didaktiki i lingvistiki : sb. nauch. trudov. — Volgograd : Politehnik, 2000. Vyp. 1. S. 95—100.

11. Dolgaya T. A. Slukhi kak vid massovoy informatsii // Osnovnoe vysshee i dopolnitel'noe obrazovanie : problemy didaktiki i lingvistiki : sb. nauch. trudov. — Volgograd : Politehnik, 2002. Vyp. 2. S. 113—117.

12. Zemskova N. A. Kontsepty «istina», «pravda», «lozh'» kak faktory verbalizatsii deystvitel'nosti: kognitivno-pragmaticheskij aspekt (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2006. 23 s.

13. Il'ina E. Yu. Vymysel v yazykovom soznanii i tekste : monogr. — Volgograd : Volgograd. nauch. izd-vo, 2008. 513 s.

14. Issers O. S. Mediafeyki: mezhdru pravdoy i mistifikatsiy // Novye media v Rossii: issledovaniya yazyka i kommunikativnykh protsessov : monogr. / отв. ред. О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. S. 20—32.

15. Kubinova Y. Rehevaya intentsiya «lozh', obman» v semanticheskom i kommunikativno-pragmaticheskom aspektakh : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2002. 23 s.

16. Levontina I. B. Pereskazvatel'nost' v russkom yazyke //

Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : trudy Mezhdunar. konf. «Dialog-2010». — M. : RGGU, 2010. S. 284—289.

17. Lenets A. V. Kommunikativnyy fenomen lzhi: lingvisticheskiy i semioticheskiy aspekty (na materiale nemetskogo yazyka) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Rostov n/D, 2010. 38 s.

18. Lyapin S. Kh. Kontseptologicheskaya formula fakta // Kontsepty : nauch. tr. Tsentrokontsepta. — Arkhangel'sk : Izd-vo Pomorsk. gos. un-ta, 1997. Vyp. 2 (2). S. 5—71.

19. Markina E. N. Fenomen obmana: filosofsko-eticheskiy analiz : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. — Saransk, 2004. 17 s.

20. Morozova E. I. Lozh' kak diskursivnoe obrazovanie: lingvokognitivnyy aspekt : monogr. — Khar'kov : Ekograf, 2005. 300 s.

21. Nikiforov A. L. Fakt // Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1983. S. 712.

22. Osetrova E. V. Slukhi v sovremennoy sotsiokul'turnoy srede: istoriograficheskiy obzor // Antropologicheskiy forum : sb. materialov. 2011. № 15. S. 55—82. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf>.

23. Panchenko N. N. Sredstva ob"ektivatsii kontsepta «obman»

(na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 1999. 23 s.

24. Pi Tszyan'kun'. Opozitsiya pravda — lozh' v paremiologicheskoy prostranstve russkogo yazyka: lingvokul'turologicheskiy aspekt : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2014. 23 s.

25. Prozorov V. V. Molva kak filologicheskaya problema // Zhanry rechi. — Saratov : Kolledzh, 1997. S. 162—167.

26. Radishcheva V. O. Kontsept «LÜGE» («LOZh») v nemetskoy lingvokul'ture : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2017. 23 s.

27. Razinov Yu. A. Lozhnoe kak sotsiokul'turnyy fenomen : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. — Kazan', 2015. 42 s.

28. Stepanov V. N. Provotsirovanie v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii : monogr. — SPb. : Roza mira, 2008. 268 s.

29. Tserkovnaya I. A. Mnogomerno-funktsional'noe issledovanie lzhiivosti kak individual'no-psikhologicheskoy osobennosti lichnosti : avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. — Ekaterinburg, 2005. 20 s.

30. Chernyshev D. A. Kak dumayut lyudi. 5-e izd. — M. : Mann, Ivanov i Farber, 2017. 304 s.

Лю Хун
Далянь, КНР

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

АННОТАЦИЯ. Проблема границ и сущности политического дискурса рассматривается в статье в свете возможностей реализации данного типа дискурса в условиях художественного текста. Автор отрицает формально-жанровую ограниченность понятия «политический дискурс», рассматривает спектр точек зрения в отношении границ категории «политический дискурс», прослеживает роль концепции «политического сознания» в решении данного вопроса и доказывает потенциал интеграции политического и художественного типов дискурса. Кроме того, подробно разбираются черты сходства двух указанных типов дискурса, а также возможности их взаимопроникновения. Применительно к последнему случаю отмечается, что эффективность идейно-эмоционального воздействия политического послания в художественном тексте может быть значительно выше, чем в собственно политическом тексте. Утверждая возможность рассмотрения категории «политический дискурс» на материале любых текстов, автор статьи прослеживает попытки современных исследователей определить точки соприкосновения политического дискурса с другими дискурсивными типами. Отдельное место уделяется вопросу функционирования политических идей в художественном тексте, а также анализу понятия «идейности», при этом постулируется важность идейности художественного дискурса как обязательного условия его адекватной интерпретации. Рассматривается проблема многомерности реализации политических идей в художественных текстах с учетом их сложных взаимоотношений с личностными характеристиками автора, авторской интенцией, художественным контекстом и другими факторами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическое сознание; художественный дискурс; художественные тексты; политические идеи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лю Хун, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков; заместитель начальника Руководящего подкомитета по специальности «Русский язык» при Министерстве образования КНР, начальник секретариата Руководящего подкомитета; Даляньский университет иностранных языков (КНР, провинция Ляонин, г. Далянь); 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, район Люйшуньюкоу, ул. Люйшуньнаньлу-сидуань, 6; e-mail: lhlhf0140@163.com.

1. Границы понятия «политический дискурс» в системе современного гуманитарного знания

Все последние десятилетия прошли под знаменем расширения содержания понятия «дискурс» до максимально возможного объема, под знаменем превращения данного понятия из строго филологического в общегуманитарное. Дискурс в современной системе гуманитарного знания понимается как язык, спаянный с контекстом определенной сферы действительности, как языковые средства, организованные в соответствии с моделями (структурами), присущими определенным сферам общественного бытия [Арутюнова 1999; Кубрякова 2005]. Столь расширенное толкование понятия «дискурс», с одной стороны, правомерно, поскольку позволяет реализовать высокий методологический потенциал дискурсивного анализа на общегуманитарном поле, но, с другой стороны, одновременно возникают закономерные сложности в определении таких понятий, как, например, «политический дискурс». Вопрос о границах понятия «политический дискурс» и о его отношениях с другими типами дискурса является в высшей степени дискуссионным и закономерно становится объектом отдельных обширных исследований (из последних работ такого рода необходимо отметить работу Н. М. Перельгут и Е. Б. Сухоцкой [Перельгут, Сухоцкая 2013]). Для многочисленных исследований в указанном направлении мы можем отметить стремление авторов сузить, конкретизиро-

вать понятие «политический дискурс», выделить его ключевые, системообразующие характеристики, четко обозначить его содержательные границы.

В работах российских исследователей такая конкретизация нередко сводится к идее «политический дискурс есть язык политиков», т. е. к ограничению функционирования политического дискурса сферой политической коммуникации, в которой одним из коммуникаторов обязательно является участник политической деятельности. Так, например, С. Н. Плотникова [Плотникова 2005] предлагает выделять политический дискурс, порождаемый политиками, и политический дискурс, представляющий собой реакцию неполитиков на высказывания политиков. А. В. Рыбакина отмечает, что сутью политического дискурса является осуществляемое политиками манипулирование сознанием народных масс [Рыбакина http]. Существуют ученые, пытающиеся в качестве системообразующих черт политического дискурса выдвинуть его языковую специфику; так, в частности, Е. И. Шейгал утверждает, что «политический дискурс представляет собой своеобразную знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций различных типов языковых единиц и речевых действий» [Шейгал 2004].

Кроме того, достаточно распространенной является идея о том, что политический дискурс имеет жанровые границы. Так, в частности, в отдельных исследованиях [Карасик 2000; Чудинов 2006] выделяется набор жанров (политические документы,

© Лю Хун, 2017

парламентские речи и дебаты, публичные выступления и интервью политиков, публицистические статьи политической направленности, научные тексты о политике и т. п.), составляющих поле функционирования политического дискурса. Наиболее подробно данный вопрос разрабатывается в исследовании Т. А. Дедушкиной «Жанровое пространство политического дискурса» [Дедушкина 2011]: автор утверждает, что в системе политического дискурса существуют центральные жанры (они непосредственно связаны с борьбой за власть: парламентские дебаты, речи политиков, предвыборная агитация) и периферийные жанры (юридические документы, научные тексты по политологии и т. п.).

Отметим, что в англоязычной научной традиции, где и зародилось понятие «политический дискурс», существует гораздо большая свобода в его трактовке. В фундаментальной работе Л. Филипс и М. Йоргенсен «Дискурсивный анализ как теория и метод» [Jorgensen, Philips 2002] указывается на связанность политического дискурса с сетью смысловых узлов (nodal points) политической сферы, например, таких понятий, как «власть», «народ», «государство», «свобода» и т. п. Таким образом, важнейшей системообразующей чертой политического дискурса провозглашается не его формально-языковая или функционально-жанровая сторона, а его содержательное наполнение. В работе «Что такое анализ политического дискурса?» [van Dijk 1997] Т. ван Дейк справедливо указывает на невозможность ограничивать категорию политического дискурса исключительно сферой политической деятельности. В более поздней работе [van Dijk 2002] этот же автор отбрасывает уже рассмотренное нами узкое понимание «политический дискурс есть язык политиков» и приходит к расширительной трактовке данной категории, в числе ее системообразующих характеристик называя элементы «политического сознания» (политические знания, взгляды и идеологические установки) [van Dijk 2002]. Это позволяет оперировать понятием «политический дискурс» при анализе любого речевого акта, в котором затрагиваются (прямо или опосредованно) «элементы политического сознания»: как дружеской беседы о политике или политически окрашенных комментариев интернет-пользователей, так, например, и стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву» или поэме А. А. Блока «Двенадцать». Жанровые и формально-языковые границы политического дискурса, таким образом, носят достаточно условный характер. На наш взгляд, именно при такой расширительной трактовке удастся добиться

ясности в понимании концепта «политического дискурса», сохраняя широкие возможности для применения анализа политического дискурса вне рамок строго определенных жанров общественно-политических текстов публицистического стиля.

Высказанное мнение созвучно идеям А. П. Чудинова, изложенным в работе «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» [Чудинов 2003], которая стала отправной точкой для многочисленных теоретических изысканий в сфере политической лингвистики. Автор указывал на невозможность ограничения категории политического дискурса рамками анализа политических текстов, относя к системообразующим характеристикам политического дискурса взаимодействие политического текста с многообразием языковых, культурологических, социальных, экономических, национальных и иных факторов.

Кроме того, нам встречались работы [Chadwick 2000; Fetzer, Weizman 2006], в которых понятие «политический дискурс» (political discourse) тесно связывается со смежными понятиями «публичный дискурс» и «гражданский дискурс» (public discourse, civil discourse), при этом системообразующей характеристикой политического дискурса выступает не только его политическое содержание, но и публичная адресованность, направленность на широкую аудиторию, с чем связана проблема строгого отбора допустимых языковых единиц (так называемая проблема «политической корректности»). Данный подход указывает, сколь велик потенциал применения понятия «политический дискурс» и сколь контрпродуктивно сводить его лишь к речам политиков, представляющим собой публицистические тексты.

Мы, вслед за процитированными авторами, полагаем, что понятие «политический дискурс» не следует пытаться определять в жесткой связи ни с конкретными категориями языка (политические термины, политический лексикон, политический язык), ни с категориями речи (политические жанры, публицистический стиль). Мы предлагаем рассматривать категорию «политический дискурс» с учетом следующих идей:

- 1) политический дискурс представляет собой категорию, актуальную для всех сфер гуманитарного знания, следовательно, его понимание не может ограничиваться исключительно филологическими параметрами. Принципиальное значение в анализе политического дискурса имеет широкий охват всех сфер гуманитарного знания, принятие всего разнообразия гуманитарного методологического аппарата;

2) политический дискурс представляет собой сложную, многостороннюю категорию, которую не следует сводить лишь к одной ее стороне: формальной, содержательной, функциональной, коммуникационной и т. п. Именно рассмотрение политического дискурса как системного явления позволяет преодолеть онтологическую аморфность и неопределенность данного понятия;

3) политический дискурс представляет собой не только самостоятельный объект исследования, но и является эффективной методологической категорией, позволяющей, в частности, успешно выявлять связи между внеязыковыми элементами политического сознания (философскими, политологическими и социально-психологическими категориями) и формами их языковой реализации.

Еще на заре исследований понятия «политический дискурс» было высказано интересное мнение А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов, Караулов 1991], предлагающих считать политическим любой публичный дискурс, поскольку любое использование языка, направленного на массовое восприятие, предполагает целенаправленное воздействие на адресата и формирование его субъективного отношения к той или иной ситуации.

В предлагаемой работе мы будем придерживаться именно такого, предельно расширительного, системного понимания категории «политический дискурс». В русле проводимого нами исследования в первую очередь интерес представляет проблема реализации политического дискурса в ткани художественного текста. В этой связи перед нами встает необходимость сопоставить категории политического и художественного дискурса — последняя, к сожалению, до сих пор находится на периферии исследовательского внимания.

2. Политический и художественный типы дискурса: проблема разграничения и возможности взаимопроникновения

В уже цитировавшемся исследовании Т. А. Дедушкиной [Дедушкина 2011] перечисляется ряд жанров, в которых политический дискурс сочетается с художественным: речь идет о политическом детективе, политической поэзии, политических мемуарах. Вместе с тем в упомянутой нами работе Н. М. Перельгут и Е. Б. Сухоцкая [Перельгут, Сухоцкая 2013] выражают сомнение в правомочности ассоциирования данных жанров с категорией политического дискурса, ссылаясь на то, что указанные жанры «отражают реальную действительность через призму художественного вымысла». Авторы указыва-

ют и на то, что в художественной литературе теряется универсальность политического дискурса, т. е. его способность проникать во все сферы жизни. Мы не можем согласиться с таким утверждением; его ограниченность, как нам представляется, состоит в недостаточно ясном понимании феномена «политического сознания» (political cognition), через который и раскрывается сущность политического дискурса. Политическое сознание, безусловно, связано с политическим бытием (реальными политическими процессами, борьбой за власть и т. п.), но связь эта носит достаточно сложный характер. В уже рассмотренной нами работе А. П. Чудинова прагматическая сущность политических текстов раскрывается следующим образом: «Целевой признак политического характера текста — это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [Чудинов 2003: 8]. Универсальность категории «политический дискурс», по нашему убеждению, как раз и состоит в способности приобретать самые разнообразные формы речевого выражения, позволяющие распространять политические идеи (элементы «политического сознания») вне зависимости от реалий политического бытия. Так, в первой половине XIX в. свободолюбивая лирика А. С. Пушкина и К. Ф. Рыльева была гораздо более включенным (т. е. распространенным в обществе, актуальным для массового сознания современников) и эффективным (об этом критерии оценки политического дискурса речь пойдет ниже) вариантом политического дискурса, чем, скажем, официальные декларации декабристов. В эпоху СССР политический дискурс антисоветской направленности вообще не мог функционировать в институциональных жанрах (например, в жанре политического выступления или интервью), но он прекрасно функционировал, скажем, в прозе А. И. Солженицына или, в еще более выраженной форме, в устном жанре политического анекдота. Указанные соображения заставляют нас усомниться в правомочности категорического разделения понятий «художественного осмысления действительности» и «политического дискурса» и отрицания возможностей их объединения.

Попробуем построить следующую цепочку умозаключений: автор художественного произведения, прибегая к характерным для беллетристики средствам, создает художественный дискурс, обладающий набором характерных специфических черт (в

частности, воздействующий непосредственно на «духовное пространство читателя» [Самарская, Мартиросьян 2012], «пробуждающий рефлексию в виде духовных сущностей» [Галеева 1999: 16] и т. п.). Приведенные примеры определений художественного дискурса не исключают, что в его рамках могут транслироваться и такие идеи автора, которые Т. ван Дейк относит к категории «политического сознания» (политические оценки, взгляды, убеждения). В данной ситуации между политическим компонентом содержания текста и его собственно художественной стороной складываются сложные отношения, имеющие черты комплементарности и глубинной интеграции. Нам представляется очевидным, что идеологическое наполнение художественного произведения не отрицает его эстетической значимости и не ослабляет его культурного значения (в качестве примеров можно привести заслужившие общемировую славу романы Э. Л. Войнич «Овод» и Н. А. Островского «Так закалялась сталь»). Одновременно художественная форма произведения, его апеллирование к общечеловеческим духовным ценностям не может скрыть, полностью растворить в себе политических идей автора. Вместе с тем вопрос о примате художественного или политического начала в тексте, вопрос об их возможном конфликте или, напротив, бесконфликтном сосуществовании остается открытым и требует отдельного пристального изучения.

Мы полагаем закономерным факт появления научных исследований, вызванных к жизни потребностью соотнести друг с другом категории «политический дискурс» и «художественный дискурс». В одном из них [Юркевич 2014] В. В. Юркевич предлагает провести границу между двумя указанными категориями на функциональном уровне: художественный дискурс нацелен на эстетическое воздействие, в то время как политический дискурс ориентирован на суггестивное воздействие, на убеждение адресата в правильности тех или иных политических идей. В другом исследовании [Гуляева 2009] Т. В. Гуляева указывает на то, что принципиальная разница лежит в плоскости выбора языковых средств (нестандартных и ярких для художественного дискурса и стереотипных для политического). В какой-то степени оба автора, безусловно, правы, однако столь пунктирное обозначение сложных взаимоотношений между двумя типами дискурса, на наш взгляд, представляет проблему в слишком упрощенном свете. Приведем следующий несложный пример: некий молодой человек, прочитав роман Максима Горького

«Мать», ощутил резкую необходимость в определении собственной гражданской позиции, задумался о вступлении в партию. Что в большей степени привело к подвижкам в его сознании: социалистические идеи писателя или гигантская убедительная сила горьковского реализма и гуманизма? Ответ на этот вопрос невозможно дать, проводя границы между политическим и художественным дискурсом в одномерном порядке, например, как функциональные или формально-языковые. Очевидно, что оба типа дискурса обладают потенциалом к слиянию, к формированию дискурса комплексного типа со сложной системой внутренних взаимоотношений между художественным и политическим началами.

В упомянутых нами исследованиях В. В. Юркевича и Т. В. Гуляевой авторы указывают и на наличие объективных черт схожести политического и художественного дискурсов. К таким чертам они относят внутреннюю напряженность и динамизм повествования, позволяющие поддерживать внимание аудитории, а также размытость границ между объективным и субъективным, реальным и вымышленным мирами («миром реальным» и «миром ментальным»). Точки соприкосновения находятся и в самой сущности деятельности политика и писателя: оба они порождают символическое пространство, производят идеологические, ценностные, нормативные коннотации.

Т. В. Гуляева, анализируя связь двух данных типов дискурса с категорией архетипического, отмечает, что политический дискурс во многом родствен фольклорной литературе с ее мифологическими сюжетами, архетипическими персонажами и четким разграничением базовых культурных оппозиций «добра» и «зла». К сожалению, данная идея озвучивается у автора лишь вскользь, в то время как в ней заложен значительный потенциал к развитию. Сама широта понятия «дискурс» и размытость его границ зачастую мешают взглянуть на данную категорию в диахроническом разрезе; между тем необходимо признать, что и художественный, и политический типы дискурса прошли сложный эволюционный путь от неких базовых, исходных форм к сложным, современным, многовариантным образцам. Речь современного политика значительно отличается от речи Цицерона, текст современного писателя мало похож на текст древнерусской былины или китайского мифа. Но на уровне исходных форм, в своих исторических истоках художественный и политический дискурс, произрастающие из общего корня национальной культуры и языковой картины

мира, были очень близки (по крайней мере, значительно ближе, чем на современном этапе). Иллюстрации приведенному доводу можно найти на протяжении всего исторического пути развития русской культуры. Так, например, А. А. Юнаковская [Юнаковская 2015], анализирувшая русский политический дискурс XVIII в., видит его основную функцию в формировании положительного имиджа императорской власти, в трансляции идеи превосходства правителя над массой, в формировании бинарной оппозиции «превосходство» — «подчинение». Мы с легкостью можем указать произведения русской литературы XVIII в., которые строятся на основе утверждения (оды М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского) или отрицания (книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву») этой концепции. Установление в русском политическом дискурсе 1860-х гг. бинарной оппозиции «умеренный либерализм» — «революционная демократия» аналогичным образом прослеживается в русской художественной литературе пореформенной эпохи (И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский и т. п.).

Современные художественные и политические тексты, вобравшие в себя опыт развития дискурсивных практик русской культуры, предстают в огромном многообразии форм, но обязательно обнаруживают генетическую связь со своими историческими первоосновами. Именно это позволяет объяснить, почему при сравнении художественного и политического дискурса отмечаются и заметные черты сходства, и, казалось бы, несовместимые различия.

Анализ отдельных черт политического дискурса также может дать плодотворные результаты в прослеживании связи между политическим и художественным дискурсом. К этой идее нас привела работа В. З. Демьянкова [Демьянков 2002], в которой большое внимание уделяется анализу проблемы «эффективности политического дискурса». Данная эффективность оценивается в той степени, насколько автору дискурса удается воздействовать на свою аудиторию: убеждать, мотивировать, побуждать к намерениям и действиям. Подчиняясь требованиям эффективности, автор-создатель политического дискурса далеко не всегда ограничивается стройными логическими построениями (что резко отличает политический дискурс от научного), но прибегает к широкому спектру мер психологического воздействия, что роднит политический дискурс с публицистическим и художественным. Вместе с тем эффективность политического дискурса определяется не только усилиями автора:

существует ряд факторов, связанных с установками адресата, с его готовностью воспринимать направленные на него политические послания. В. З. Демьянков справедливо утверждает, что восприятие политического дискурса может быть положительным, пассивным и отрицательным (связанным с сопротивлением). Развивая данную мысль в русле логики нашего исследования, мы полагаем, что направленность восприятия политического дискурса находится в непосредственной связи с условиями, в которых данный дискурс реализуется. Так, например, адресат может иметь нейтральное отношение к той или иной политической идее, но проявлять психологическое сопротивление в отношении личностей политиков, политических групп или политической жизни в целом; иными словами, политический дискурс в институциональных формах (предвыборная агитация, публичные выступления политиков и т. п.) может вызывать у него активное сопротивление вне зависимости от сущности транслируемых идей. В описываемой ситуации именно формально-жанровые признаки «классического» политического дискурса — лозунговые клише, диалогичность, декларативность, возвышенно-эмоциональная лексика и т. п. — выступают в роли своего рода «антигенов», запускающих механизм отрицательной эмоциональной реакции адресата и снижающих эффективность политического дискурса.

Восприятие политических идей, высказанных в условиях художественного дискурса, развивается на основе иных психологических механизмов. Природа данного восприятия сложна, но мы отметим две важные ее характеристики. Во-первых, форма и содержание художественного текста представляют собой органичное диалектическое единство; формальная сторона художественного текста сама по себе, как правило, не является источником отрицательной психологической реакции адресата. Во-вторых, эстетическое воздействие художественного текста является фактором, однозначно повышающим эффективность художественного дискурса в плане эмоционального воздействия на адресата. Таким образом, художественный дискурс может стать средством повышения эффективности политического дискурса.

Сделанные нами замечания демонстрируют настолько много точек соприкосновения художественного и политического дискурсов, что правомерно говорить о возможности прямой интеграции разнородных дискурсивных элементов, об их потенциале к слиянию в синтетический тип дискурса,

не обнаруживающий серьезных внутренних противоречий. К аналогичным заключениям приходят и некоторые российские исследователи, в частности, Е. Ю. Глотова [Глотова 2008] со всей убедительностью утверждает в научном обиходе термин «художественный политический дискурс», выделяя в данном понятии сложную внутреннюю связь между текстовой составляющей, временным фоном и социально-политическим контекстом. Исследователь предлагает следующее рабочее определение для вводимого термина: «...художественный политический дискурс есть совокупность авторских текстов, посвященных определенному объекту политической реальности, в основе которых лежит политический сюжет» [Там же: 157]. К сожалению, предлагаемое определение представляется нам несостоятельным. Художественная практика дает примеры немало числа произведений, не имеющих прямой связи с объектами политической реальности и не имеющих политических сюжетов, но очевидно транслирующих политические идеи («Записки охотника» И. С. Тургенева, поздняя проза Л. Н. Толстого, сатирические рассказы М. А. Булгакова, многочисленные лирические стихотворения, например, «Анчар» А. С. Пушкина или «Размышления у парадного подъезда» Н. А. Некрасова и т. п.). Во всех перечисленных произведениях мы наблюдаем ту или иную степень взаимопроникновения политического и художественного дискурса.

Конструктивный подход к возможностям взаимопроникновения художественного и политического типа дискурсов мы обнаруживаем в работе А. В. Кубасова, посвященной анализу такого рода отношений на материале интернет-текстов Владимира Сорокина [Кубасов 2012]. Анализируя интересующий его корпус текстов, ученый отмечает их свободу от каких-либо заранее заданных жанровых или стилистических норм, а также «кентавричность» их дискурса, т. е. гармоничное взаимопроникновение художественного начала и политической публицистичности. К сожалению, в данной работе А. В. Кубасов не поднимается до широких теоретических обобщений о сущности и формах бытования дискурсивного синтеза, однако описанный им метод «иллюстрирования» политических проблем средствами художественной литературы, безусловно, заслуживает внимания и дальнейшего рассмотрения.

Возвращаясь к необходимости теоретического обоснования отношений между политическим и художественным видами дискурса, мы предлагаем рассмотреть пять ключевых направлений, по которым на

уровне отдельных литературных произведений может проходить взаимопроникновение элементов этих дискурсов.

1. Оба типа дискурса кодируются и декодируются на основе системы сложных взаимоотношений между порождаемым текстом и окружающим его контекстом. Малейшие колебания в социально-политическом и культурно-художественном контекстах вызывают не прямые, но достаточно существенные изменения в дискурсивных системах, в которые вовлекаются и авторы, и аудитория.

2. Оба типа дискурса связаны с конструированием символической реальности, носящей вымышленный характер, создаваемой творческими усилиями автора и имеющей черты привлекательности для аудитории. Указанная привлекательность носит сложный, многоаспектный характер и для политического дискурса не ограничивается его убедительностью, а для художественного дискурса — эстетической ценностью и образностью.

3. В процессе реализации содержательные компоненты обоих типов дискурса приобретают смысловые приращения (по определению Б. А. Ларина, «обертоны смысла»). Возникновение новых смыслов может быть как результатом взаимодействия языковых единиц внутри текста, так и результатом влияния экстратекстуальных факторов (современного состояния дискурса, социально-политической обстановки, личностных особенностей автора).

4. Оба типа дискурса предполагают включенность текстов в сложную систему интертекстуальных отношений. Интенсивно вбирая в себя «тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [Барт 1989: 41], описываемые типы дискурса в примерно равной степени базируются на обширных интертекстуальных связях, обеспечивающих эффективную и доступную трансляцию политических и художественных идей.

5. Оба типа дискурса всегда заключают в себе значительный пласт имплицитной информации, полнота восприятия которой зависит от усилий, фоновых знаний и психологических установок адресата. Кодирование имплицитной информации в обоих типах дискурса зачастую носит произвольный, естественный характер, поскольку порождается их символическостью и метафоричностью.

Данные направления, по нашему убеждению, составляют совокупность системообразующих характеристик синтетического дискурсивного типа, в котором политическое и художественное начала составляют гармоничное целое.

3. Статус и особенности функционирования политических идей в условиях художественного дискурса

Веда речь об особенностях реализации тех или иных политических идей в условиях художественного дискурса, мы должны строить свои рассуждения на основании общих теоретических представлений о сущностных характеристиках идейно-смыслового содержания художественного текста и принципах его понимания и интерпретации. Литературоведение накопило достаточный багаж теоретических исследований в отношении такого опорного понятия, как «идея художественного произведения», однако нельзя сказать, что все ученые трактуют это понятие одинаково. Так, в частности, предпринимаются регулярные, но достаточно неудачные попытки удалить данное понятие из научного лексикона литературоведов. Мы должны указать на нецелесообразность и даже на некоторую наивность отказа от этой основополагающей категории, поскольку художественный дискурс немислим без идейного наполнения, а «порождение текста прежде всего связано с порождением смысла в широком значении» [Земская, Качесова, Комиссарова, Панченко, Чувакин 2010: 145].

Необходимо обозначить две противоположные точки зрения на саму сущность идеи (смыслового комплекса), передаваемой автором средствами художественного текста и часто определяемой как «художественный (авторский) замысел». Представители одной позиции [Бахтин 1979; Абрамович 1979] признают существование такого замысла в том или ином виде и указывают на важность его понимания при восприятии и истолковании художественного текста, представители же другой [Барт 1989; Кристева 2004] либо полностью отрицают само его наличие, либо считают его несущественным. Если говорить об авторском замысле как о совокупности, точнее о пронизанных внутренними связями представлениях (в том числе и мировоззренческих, этических, политических и т. п.) автора, выраженных в художественном произведении, то сам факт признания или непризнания наличия этой категории полностью определяет концептуальные основы понимания художественного произведения. В истории развития литературоведческой мысли данная теоретическая проблема нашла выражения в противопоставлении принципов «идейности» и «чистого искусства», воплощающих полярно различное понимание глубинных основ художественно-творчества.

Категория идейности получила серьез-

ную теоретическую разработку в русле марксистской эстетики [Климович 1985; Булдаков 1978]. Идеичность художественного произведения утверждается как общий и центральный критерий его качества, включающий следующие стороны:

- 1) философскую, социальную, политическую или этическую значимость произведения;
- 2) авторскую сознательность (определенность в приверженности той или иной идеологической позиции);
- 3) идеологическую тенденциозность (прямое последовательное утверждение или отрицание той или иной идеи);
- 4) правдивость художественной идеи, передаваемой автором.

Вне теоретического поля марксистской эстетики вполне имеет право на существование упрощенное понимание идейности художественного текста как наличия в нем идеологического начала любого рода. Отсутствие идейности (в советской критике получившее стигму «безыдейности» или «формализма»; оба термина однозначно указывали на невозможность существования такого произведения в художественном пространстве социалистического реализма) стало основой для целого ряда художественных направлений, представляющих искусство как самоцель и стремящихся полностью отграничить художественный текст от автора, от связей с внетекстовой действительностью. С позиций «чистого искусства», истинным творчеством является лишь творчество, свободное от политических идей, социальных требований и дидактизма. В собственно художественной практике провозглашение какого-либо художественного факта «чистым искусством», как правило, оказывается сознательной или невольной мистификацией, часто прикрытием непопулярной в данный момент тенденции. Хотелся отметить, что «идея чистого искусства» — это тоже вид художественной идеи и осознанная позиция автора.

Как бы то ни было, с позиций современной науки, оба рассмотренных принципа не лишены недостатков: предельно пафосные, они излишне абсолютизируют предлагаемый подход, лишая огромные пласты художественного творчества права считаться подлинным искусством. Достаточно наивно подходить к шедеврам постмодернизма с мерками социалистического реализма, не менее наивно пытаться оценить значимость шолоховского шедевра «Тихий Дон», исключая его богатейшее идейно-политическое содержание. Тем не менее категорию «идейности», по нашему глубокому убеждению, не следует списывать в методологический ар-

хив. Мы предлагаем обновленную трактовку данного понятия, лишая его всевозможных оценочных смыслов и понимая его строго как направленность художественного дискурса на трансляцию авторских посланий, выходящих за рамки эстетического воздействия. В таком виде категория «идейности» вполне может использоваться в русле дискурсивного анализа, что возвращает нас к кругу проблем, связанных с особенностями функционирования идей, в том числе политических, в условиях художественного дискурса.

Мы исходим из следующей посылки: именно идейность художественного дискурса является обязательным условием его адекватной интерпретации. В этом отношении мы не можем не согласиться с Н. А. Николиной, которая отмечает, что «адекватная интерпретация художественного текста, даже если его филологический анализ не выходит за пределы текстовой данности, не может не учитывать авторскую позицию, или авторскую модальность, так или иначе выраженную в произведении» [Николина 2003: 167]. По словам В. Е. Хализева, «автор дает о себе знать прежде всего как носитель того или иного представления о бытии и его феноменах» [Хализев 2002: 71]. Известный российский литературовед указывает, что художественная идея, присутствующая в художественных произведениях, т. е. транслируемая автором в рамках художественного дискурса, включает в себя как направленную интерпретацию и оценку автором определенных жизненных явлений, так и воплощение философического взгляда на мир в его целостности, которое сопряжено с духовным самораскрытием автора [Там же: 72]. Отметим, что художественный дискурс как среда такого духовного самораскрытия автора отличается отсутствием внутренних препятствий для выражения авторских идей. Если, скажем, научный дискурс в силу имманентной объективности и логичности является неблагоприятной средой для трансляции политических идей, то художественный дискурс, обладающий, как мы отметили выше, многочисленными чертами схожести с политическим дискурсом (имплицитностью, субъективностью, эмоциональностью, символичностью и т. п.), может формировать единый функциональный комплекс, гармонично объединяющий эстетическое, суггестивное и идеологическое воздействие на адресную аудиторию.

Функционирование политических идей в художественном дискурсе, безусловно, резко отличается от такового в текстах институциональных политических жанров. Принци-

пиально важным отличием является более сложный характер преломления политической идеи через призму личностных характеристик автора. Так, в политическом выступлении или интервью трансляция политических идей, как правило, жестко детерминирована авторской интенцией: политик имеет полный осознанный контроль над возможностями выражения, усиления, смягчения или замалчивания тех или иных политических идей.

В художественном дискурсе ситуация иная. Проявление тех или иных представлений автора в художественном тексте может быть как сознательным (прямая реализация авторского замысла), так и неосознанным. То есть автор может транслировать определенные идеи и представления, выпуская их из-под сознательного контроля, например, не считая их существенными, однако, учитывая двусторонний характер художественного дискурса, данные идеи неизбежно улавливаются аудиторией, вызывая ту или иную реакцию. Другими словами, авторский замысел, т. е. комплекс смыслов, регулируемый авторской интенцией, далеко не всегда тождествен идейному содержанию произведения в том виде, в котором оно формирует художественный дискурс. Указанная нами нетождественность, в силу имманентных особенностей художественного дискурса, может быть выражена в различной степени, вплоть до абсолютного противоречия. Данная особенность художественного дискурса находит отражение в исследованиях многих филологов. Так, А. И. Николаев говорит о принципиальном различии «авторской идеи» и «идеи текста», приводя в пример знаменитую «Марсельезу», ныне государственный гимн Франции («Марсельеза» не создавалась как художественное произведение; она была написана офицером Руже де Лиллем как походная полковая песня без претензий на художественную самостоятельность) [Николаев 2011], Н. С. Валгина различает «прагматическую установку текста» и «прагматическую установку автора» [Валгина 2003: 62], а В. Е. Хализев вводит в научный обиход понятие «непреднамеренного в искусстве», отмечая, что в произведениях искусства «неизменно присутствует нечто запредельное взглядам и творческим намерениям их создателей» [Хализев 2002: 74]. Соответственно политические взгляды автора художественного произведения в одних случаях могут выражаться прямо и определено, являясь составной частью авторского замысла, а в других случаях могут восстанавливаться читателем по тем или иным косвенным признакам, возможно даже

вопреки желанию или ожиданиям автора.

Ведущую роль в формировании данного диссонанса идей и интенций, по нашему убеждению, играют системообразующие характеристики художественного дискурса (художественная форма, образный строй, авторская интонация). Так, например, в романтическом произведении М. Горького «Песня о Буревестнике» политическое послание автора явственно воспринимается читателями даже в условиях полного отсутствия элементов политической лексики; восприятие «Песни о Буревестнике» как политического послания усиливается образным строем стихотворения (образы грозы, бури, ветра закрепились в истории литературы как типические образы революционного обновления) и эмфатическими конструкциями («Пусть сильнее грянет буря!»), сходными по форме с политическими лозунгами. В конечном итоге функциональный баланс между художественным и политическим дискурсом в данном произведении стремительно склоняется в сторону политического, что явно не соответствует авторскому намерению. В другом примере, поэме В. В. Маяковского «Облако в штанах», политическое послание выражено прямо и недвусмысленно, но футуристическая форма произведения с его развернутым символизмом и гипертрофированной метафоричностью склоняют чашу весов в сторону художественного дискурса: политические взгляды Маяковского в поэме как будто растворяются в ее общем звучании, в значительной степени замкнутом на личностном самовыражении автора. Таким образом, политическое и художественное начало в художественном произведении, отмеченном чертами политической идейности, находятся в состоянии динамического неравновесия, при этом авторские возможности регулирования приоритета того или иного начала ограничены самой сущностью художественного дискурса, его неразрывной связью с читательским восприятием и внетекстовой действительностью.

Впрочем, вышесказанное касается не только политических идей. Политическое идейное направление в плане реализации в художественном дискурсе в целом укладывается в приведенную нами систему закономерностей, характерных для функционирования философских, этических, эстетических или других идей. Авторская идея может транслироваться в форме прямого авторского высказывания либо в скрытой форме — в структуре художественного произведения: в сюжете, системе персонажей, композиции и т. п. Несомненно, значительные в этом смысле различия будут в прозаических и

поэтических текстах, в эпических, лирических и драматических жанрах, в реалистических и нереалистических произведениях. Например, в таком крупномасштабном эпическом полотне, каким является роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», политические идеи выражаются многомерно, пронизывая и систему персонажей, и пространственно-временную организацию текста, проявляясь в особенностях развертывания фабулы и т. п. Не случайно А. И. Николаев, рассуждая о важности анализа логики фактов при рассмотрении особенностей реализации авторской идеи, делает это на примере «Тихого Дона»: «...важно учитывать, какие факты реальной жизни выбирает автор для создания своего произведения. Часто сам этот выбор фактов может стать весомым аргументом в разговоре об авторской идее. Ясно, например, что из бесчисленных фактов гражданской войны писатели, симпатизирующие красным, выберут одно, а симпатизирующие белым — другое. Здесь, правда, нужно помнить, что крупный писатель, как правило, избегает одномерного и линейного фактического ряда, то есть факты жизни не являются „иллюстрацией“ его идеи. Например, в романе М. А. Шолохова „Тихий Дон“ есть сцены, которые сочувствующий Советской власти и коммунистам писатель, казалось бы, должен был опустить. Скажем, один из любимых шолоховских героев коммунист Подтелков в одной из сцен рубит пленных белых, чем шокирует даже выдавшего виды Григория Мелехова. В свое время критики настоятельно советовали Шолохову убрать эту сцену, настолько она не вписывалась в **линейно** понятую идею. Шолохов в один момент послушался этих советов, но потом, вопреки всему, вновь ввел ее в текст романа, поскольку **объемная** авторская идея без нее была бы ущербной. Талант писателя противился подобным купюрам» [Николаев 2011: 164]. На наш взгляд, категория «объемности авторской идеи» А. И. Николаева, упомянутая в данной цитате, является весьма удачной, поскольку дает возможность убедиться в том, что механизмы реализации политических идей в художественном тексте носят многомерный, сложный, объемный характер. Художественное произведение не может быть формальной, самоограниченной оболочкой политического послания. Политический дискурс, входя в художественное пространство беллетристики, в тесные взаимоотношения с художественным дискурсом, образует сложное идейно-образное единство с собственными законами функционирования политических идей, отличных от аналогичных в условиях поли-

тической публицистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение. — М. : Просвещение, 1979.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М. : Прогресс, 1989.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Художественная литература, 1979. 412 с.
6. Булдаков С. К. Идеальность как принцип искусства социалистического реализма. — М. : МГУ, 1978.
7. Валгина Н. С. Теория текста. — М. : Логос, 2003.
8. Галеева Н. Д. Параметры художественного текста и перевод. — Тверь : ТвГУ, 1999. 155 с.
9. Глотова Е. Ю. Художественный политический дискурс и критерии его определения // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 73-1. С. 154—158.
10. Гуляева Т. В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. №2. С. 36—40.
11. Дедушкина Т. А. Жанровое пространство политического дискурса // Studia Linguistica : сборник науч. тр. — Киев : Киевский университет, 2011. Вып. 5. Ч. 2. С. 472—477.
12. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3. С. 32—43.
13. Земская Ю. Н., Качесова И. Ю., Комиссарова Л. М., Панченко Н. В., Чувакин А. А. Теория текста : учеб. пособие / под ред. А. А. Чувакина. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2010. 145 с.
14. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров / ИНИОН РАН. — М., 2000.
15. Климович Л. И. Историзм, идейность, мастерство. — М. : Советский писатель, 1985.
16. Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. — М. : РОССПЭН, 2004.
17. Кубасов В. А. Политический дискурс в художественном электронном тексте (Владимир Сорокин в интернет-журнале «Сноб») // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 201—204.
18. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. — М., 2005.
19. Николаев А. И. Основы литературоведения : учеб. пособие для студентов филологических специальностей. — Иваново : ЛИСТОС, 2011. 255 с. URL: <http://www.listos.biz>.
20. Николина Н. А. Филологический анализ текста. — М. : Академия, 2003. 256 с.
21. Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 35—41. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ostrukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs> (дата обращения: 25.04.2017).
22. Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России : материалы постоянно действующего семинара. — М., 2005. Вып. 8. С. 22—26.
23. Рыбакина А. В. Проблемы политического дискурса. URL: pglu.ru/upload/iblock/5b3/uch_2009_ii_00039.pdf.
24. Самарская Т. Б., Мартиросьян Е. Г. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста // Сфера услуг: инновации и качество : науч.-практ. журн. — Краснодар, 2012. № 10. URL: journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf.
25. Хализев В. Е. Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2002.
26. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург, 2003. 248 с.
27. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.
28. Юнаковская А. А. Основа политического дискурса XVIII в. (на материале архивных документов) // Политический дискурс в парадигме научных исследований : сб. ст. 2 Междунар. науч. конф. — Тюмень : Вектор Бук, 2015. С. 47—54.
29. Юркевич В. В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 6. С. 106—110. (Филология. Искусствоведение ; вып. 88).
30. Chadwick Andrew. Studying political ideas: a public political discourse approach // Political Studies. 2000. Vol. 48. P. 283—301. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-9248.00260/abstract>.
31. Dijk Teun A. van. Political discourse and political cognition // Politics as Text and Talk. Analytical approaches to political discourse. — Amsterdam : Benjamins, 2002. P. 204—236.
32. Dijk Teun A. Van. What is political discourse analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. № 11. P. 11—52.
33. Fetzer Anita, Weizman Elda. Political discourse as mediated and public discourse // Journ. of Pragmatics. 2006. № 38. P. 143—153.
34. Jorgensen M., Philips L. J. Discourse analysis as Theory and Method. — London : Sage Publications, 2002. 240 p.

Liu Hong

Dalian, China

ELEMENTS OF POLITICAL DISCOURSE IN LITERARY TEXTS: PROBLEM STATEMENT

ABSTRACT. *The problem of the definition and limits of the notion of political discourse is researched through the aspect of possibilities and means of its inclusion in literary texts. The research denies any formal or genre criterion to restrict the notion “political discourse”, it reviews several points of view upon its range of application, investigates the role of the notion “political cognition” in the aforementioned problems and attempts to prove the potential for blending artistic and political types of discourse. Common features of the two mentioned types of discourse are thoroughly researched, including the possible means of their convergence which produces stronger emotional and intellectual effect. It is argued that a political message conveyed via the literary text produces greater effect than the same message in traditional political genres. While emphasizing the potential of applying the notion “political discourse” to any text of any genre, the authors study the latest research works to find the common points in political discourse and other discourse types. The problem of political ideas functioning in literary texts is specifically studied while stating the significance of this problem in the field of literary works interpretation. Multidimensional nature of introduction of political messages in the literary texts is discussed through the system of complex relations between political ideas of a literary texts and various factors (including author’s intentions, views, cultural context, etc.).*

KEYWORDS: *political discourse; political thinking; artistic discourse; literary texts; political ideas.*

ABOUT THE AUTHOR: *Liu Hong, Doctor of Pedagogy, Professor, President of Dalian University of Foreign Languages. Deputy Head of the Leading Subcommittee on Specialty “Russian Language” at the Ministry of Education of China, Head of the Secretariat of the Leading Subcommittee; Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

REFERENCES

1. Abramovich G. L. Vvedenie v literaturovedenie. — M. : Prosveshchenie, 1979.
2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. — M., 1998.
3. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu. — M. : In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991. 193 s.
4. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. — M. : Progress, 1989.
5. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1979. 412 s.
6. Buldakov S. K. Ideynost' kak printsip iskusstva sotsialisticheskogo realizma. — M. : MGU, 1978.
7. Valgina N. S. Teoriya teksta. — M. : Logos, 2003.
8. Galeeva N. D. Parametry khudozhestvennogo teksta i perevod. — Tver' : TvGU, 1999. 155 s.
9. Glotova E. Yu. Khudozhestvennyy politicheskyy diskurs i kriterii ego opredeleniya // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2008. Vyp. 73-1. S. 154—158.
10. Gulyaeva T. V. Politicheskyy i khudozhestvennyy diskurs: tochki soprikosnoveniya // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2009. №2. S. 36—40.
11. Dedushkina T. A. Zhanrovoe prostranstvo politicheskogo diskursa // Studia Linguistica : sbornik nauch. tr. — Kiev : Kievskiy universitet, 2011. Vyp. 5. Ch. 2. S. 472—477.
12. Dem'yankov V. Z. Politicheskyy diskurs kak predmet politicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskyy diskurs: istoriya i sovremennyye issledovaniya. 2002. № 3. S. 32—43.
13. Zemskaya Yu. N., Kachesova I. Yu., Komissarova L. M., Panchenko N. V., Chuvakin A. A. Teoriya teksta : ucheb. posobie / pod red. A. A. Chuvakina. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Flinta : Nauka, 2010. 145 c/
14. Karasik V. I. Etnokul'turnye tipy institutsional'nogo diskursa // Etnokul'turnaya spetsifika recevoy deyatel'nosti : sb. obzorov / INION RAN. — M., 2000.
15. Klimovich L. I. Istorizm, ideynost', masterstvo. — M. : Sovetskiy pisatel', 1985.
16. Kristeva Yu. Izbrannye trudy. Razrushenie poetiki. — M. : ROSSPEN, 2004.
17. Kubasov V. A. Politicheskyy diskurs v khudozhestvennom elektronnom tekste (Vladimir Sorokin v internet-zhurnale «Snob») // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4. S. 201—204.
18. Kubryakova E. S. O termine «diskurs» i stoyashchey za nim strukture znaniya // Yazyk. Lichnost'. Tekst : sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy. — M., 2005.
19. Nikolaev A. I. Osnovy literaturovedeniya : ucheb. posobie dlya studentov filologicheskikh spetsial'nostey. — Ivanovo : LISTOS, 2011. 255 s. URL: <http://www.listos.biz>.
20. Nikolina N. A. Filologicheskyy analiz teksta. — M. : Akademiya, 2003. 256 s.
21. Pere'l'gut N. M., Sukhotskaya E. B. O strukture ponyatiya «politicheskyy diskurs» // Vestn. Nizhnevart. gos. un-ta. 2013. S. 35—41.
22. Plotnikova S. N. Politik kak konstruktor diskursa reagiroyaniya // Politicheskyy diskurs v Rossii : materialy postoyanno deystvuyushchego seminar. — M., 2005. Vyp. 8. S. 22—26.
23. Rybakina A. V. Problemy politicheskogo diskursa. URL: pglu.ru/upload/iblock/5b3/uch_2009_ii_00039.pdf
24. Samarskaya T. B., Martiros'yan E. G. Khudozhestvennyy diskurs: spetsifika sostavlyayushchikh i osobennosti organizatsii khudozhestvennogo teksta // Sfera uslug: innovatsii i kachestvo : nauch.-prakt. zhurn. — Krasnodar, 2012. № 10. URL: journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf.
25. Khalizev V. E. Teoriya literatury. 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Vysshaya shkola, 2002.
26. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
27. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M., 2004.
28. Yunakovskaya A. A. Osnova politicheskogo diskursa XVIII v. (na materiale arkhivnykh dokumentov) // Politicheskyy diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy : sb. st. 2 Mezhdunar. nauch. konf. — Tyumen' : Vektor Buk, 2015. S. 47—54.
29. Yurkevich V. V. Politicheskyy i khudozhestvennyy vidy diskursa: skhodstva i razlichiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2014. № 6. S. 106—110. (Filologiya. Iskusstvovedenie ; vyp. 88).
30. Chadwick Andrew. Studying political ideas: a public political discourse approach // Political Studies. 2000. Vol. 48. P. 283—301. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-9248.00260/abstract>.
31. Dijk Teun A. van. Political discourse and political cognition // Politics as Text and Talk. Analytical approaches to political discourse. — Amsterdam : Benjamins, 2002. P. 204—236.
32. Dijk Teun A. Van. What is political discourse analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. № 11. P. 11—52.
33. Fetzer Anita, Weizman Elda. Political discourse as mediated and public discourse // Journ. of Pragmatics. 2006. № 38. P. 143—153.
34. Jorgensen M., Philips L. J. Discourse analysis as Theory and Method. — London : Sage Publications, 2002. 240 p.

А. В. Люлина
Оренбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МАССОВОГО РЕЦИПИЕНТА С ПОМОЩЬЮ РЕЧЕАКТОВЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблеме формирования антитеррористического сознания массового реципиента посредством речеактовых манипулятивных стратегий в политическом дискурсе. Предлагается интенциональная модель открытого и скрытого (манипулятивного) речевого акта. В настоящее время неоспоримым и доказанным является тот факт, что формирование различных когнитивных установок массового реципиента в политическом дискурсе происходит за счет речевой манипуляции. Описывается система мишеней манипуляции массовым реципиентом. В ее рамках выделяются следующие уровни: этофизиологический; уровень свойств массового сознания реципиента (порог доступности, принцип целесообразности, ожидание осуществления социального идеала, бинаризм мышления и оценки и др.); стереотипы поведения в заданной жанром фактической ситуации и отношение к традициям жанра (стереотипные действия и участники ситуации, например, выборы, голосование, оппоненты, дебаты и т. п.). Выделяются виды актуализации мишеней манипуляции в политическом дискурсе: актуализаторы-номинанты (прямо обозначающие планируемые дистантный и контактные перлокутивные эффекты продуцента-манипулятора); актуализаторы-ассоцианты (чаще всего знаки, вызывающие ассоциации с планируемыми перлокутивными эффектами продуцента-манипулятора, например, метафора); актуализаторы-парадоксы (например, комические речевые акты). Анализируются примеры текстов речей соответствующей тематики ведущих мировых политических лидеров — премьер-министра Великобритании Т. Мэй, и президента РФ В. Путина.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *речевые акты; речевая манипуляция; реципиенты; манипуляции сознанием; манипулятивное воздействие; массовое сознание; политический дискурс; политические деятели; речевое воздействие; антитеррористическое сознание; терроризм.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Люлина Анна Владимировна, доктор филологических наук, зав. кафедрой теории и практики перевода, Оренбургский государственный университет; 460018, Россия, г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13, к. 4-118; e-mail: aavvmt@mail.ru.*

Современная религиозно-политическая обстановка делает многие государства достаточно уязвимыми в плане террористической и экстремистской угрозы различной степени опасности. В этой связи несомненно важным и актуальным является процесс активного формирования антитеррористических и антиэкстремистских установок массового реципиента политических сообщений, способствующих правильной оценке таких негативных явлений, как мировой терроризм и экстремизм, а также поддержанию оптимального уровня бдительности граждан в отношении данных явлений. При этом, как мы считаем, знание и использование лингвистических манипулятивных механизмов, нацеленных на формирование соответствующих когнитивных установок массового реципиента, может помочь ведущим мировым политикам в достижении данной цели.

Разработанная нами интенциональная модель манипулятивного воздействия в политическом дискурсе нацелена на более успешное понимание механизмов формирования нужных когнитивных установок массового реципиента со стороны продуцентов политических сообщений различного рода и предполагает возможность эффективного использования ее интенциональных составляющих для достижения данной цели.

В настоящее время неоспоримым и доказанным является тот факт, что формирование различных когнитивных установок массового реципиента в политическом дискурсе происходит за счет речевой манипуляции.

При этом уточняющим фактором становится объект манипуляции — массовый реципиент, — набор мишеней манипуляции которого отличается от мишеней, используемых при манипуляции в межличностном общении.

Как мы полагаем, именно мишени манипуляции массовым реципиентом должны стать основой для создания и описания системы средств речевой манипуляции, так как данные средства нацелены именно на актуализацию мишеней манипуляции реципиентом.

На наш взгляд, для описания средств речевого манипулирования в политическом дискурсе необходимо составить определенный «портрет» массового реципиента манипулятивных сообщений — *систему его взаимодействующих характеристик (мишеней манипуляции), релевантную для процесса манипулирования и отраженную на поверхностном уровне фиксированных манипулятивных сообщений политиков-продуцентов в системе используемых ими средств* [Антонова 2011: 52].

При этом мы выделяем следующие уровни мишеней манипуляции массовым реципиентом:

- 1) этофизиологический (*этология* — наука об инстинктивных основах поведения человека) уровень мишеней манипуляции массовым реципиентом, отражающий этологию и физиологию массового реципиента (инстинктивные программы и реакции; базовые эмоции; особенности физиологического восприятия человека; особенности восприятия

форм материи; филогенетическая память о ритуализации, отвечающая за воздействие повторов сигналов различного рода на человека и т. п.);

2) уровень свойств массового сознания реципиента (порог доступности, принцип целесообразности, ожидание осуществления социального идеала, бинаризм мышления и оценки и др.);

3) стереотипы поведения в заданной жанром фактической ситуации и отношение к традициям жанра (стереотипные действия и участники ситуации, например, выборы, голосование, оппоненты, дебаты и т. п.).

Языковые средства актуализации выделенных нами уровней мишеней манипуляции образуют собственную систему взаимодействующих и взаимосвязанных элементов. Подход, при котором система средств речевой манипуляции создается как отражение системы свойств и характеристик массового реципиента, способных выступать в качестве мишеней манипуляции и эффективных в процессе манипуляции по признакам коллективности и универсальности, мы называем *системно-реципиентоцентрическим*.

Мы считаем, что речевое манипулирование представляет собой процесс взаимодействия интенций скрытого и открытого типов, реализующихся в речевых актах. При этом в качестве открытых речевых актов могут выступать речевые акты, исследуемые в традиционной теории речевых актов (промиссивы, экспозитивы, декларативы, ассертивы, директивы и др.), имеющие свою интенциональную модель из нескольких уровней, среди которых, используя в качестве основы модели М. Братмана и Д. Спербера [Bratman 1987: 33; Sperber 1994: 179—198], мы выделяем собственно коммуникативный интенциональный уровень (обещание, утверждение, провозглашение и т. п.), информативный уровень (установление определенного факта, релевантного для ситуации общения), персуазивный уровень (убеждение в искренности намерения). Например:

I heartily promise to see you off (I promise — собственно коммуникативный компонент, to see you off — информативный компонент, heartily — персуазивный компонент).

При этом мы рассматриваем открытые интенции как намерения говорящего, предназначенные для узнавания реципиентом.

Манипулятивные речевые акты, напротив, являются скрытыми, так как природа манипуляции не подразумевает узнавания и, соответственно, эксплицитного выражения. Таким образом, манипулятивный речевой акт — это скрытый (косвенный) речевой акт, в котором, помимо трех интенциональных

компонентов (собственно коммуникативного, информативного и персуазивного) открытого речевого акта, продуцент реализует набор дополнительных интенций, нацеленных на достижение основного перлокутивного эффекта — формирования антитеррористических и антиэкстремистских установок в сознании массового реципиента. Данный перлокутивный эффект можно назвать дистантным, так как он достигается в отсутствие продуцента и в момент, отстоящий по времени от момента произнесения речи. Кроме того, можно выделить контактные перлокутивные эффекты, достигаемые в момент произнесения манипулятивного сообщения. Этими контактными перлокутивными эффектами как раз и являются реакции массового реципиента, о которых упоминалось выше: реакция на актуализируемый инстинкт, эмоция (страх, радость, доверие), определенное ощущение, не подвергаемый сомнению стереотип или ритуал.

При этом анализ большого корпуса речей политиков показывает, что информативные компоненты манипулятивных речевых актов содержат определенные речевые актуализаторы планируемых перлокутивных эффектов продуцента. Данные актуализаторы являются знаками сообщения, несущими основную смысловую нагрузку, обозначающими действие, признак, состояние или когницию. Данные актуализаторы — чаще всего это одноклассные единицы с соответствующим значением — могут выступать в роли номинанта планируемого перлокутивного эффекта или ассоцианта с ним (т. е. обозначать стимул для соответствующей ассоциации). Нужно отметить, что подобные лексемы являются своеобразной интенциональной доминантой, обозначающей понятия, вокруг которых сосредоточивается остальная информация информативного компонента интенции автора сообщения.

Мы выделяем три вида актуализаторов мишеней манипуляции в политическом дискурсе: актуализаторы-номинанты (прямо обозначающие планируемые дистантный и контактные перлокутивные эффекты продуцента-манипулятора); актуализаторы-ассоцианты (чаще всего знаки, вызывающие ассоциации с планируемыми перлокутивными эффектами продуцента-манипулятора, например, метафора); актуализаторы-парадоксы (например, комические речевые акты).

Проанализируем механизмы действия полученной лингвистической модели на примере фрагментов речей соответствующей тематики ведущих мировых политических лидеров, премьер-министра Великобритании Т. Мэй и президента РФ В. Путина.

Данные речи имеют соответствующую тематику, получили большой политический резонанс и, соответственно, могут быть признаны эффективными в плане достижения планируемого перлокутивного эффекта — формирования антитеррористического сознания массового реципиента.

A. *Our values will prevail in the fight against terrorism and extremism.*

<...> I could go into a lot more detail. But instead, I am going to talk to you about the deadly terrorist threat we face. David Haines was a tireless humanitarian worker who helped Muslims... not just in Syria... but in Bosnia, South Sudan and Libya. Two weeks ago, he was murdered by terrorists, simply for being British. His murder followed the equally barbaric killings of James Foley and Steven Sotloff, American journalists who were reporting to the world the plight of the Syrian people (в данном микроконтексте речи актуализируется такая мишень манипуляции массовым реципиентом, как «порог доступности» (приводится наглядный пример, симплифицирующий восприятие и способствующий быстрому достижению нужного перлокутивного эффекта); задействуется основная базовая эмоция «гнев»; актуализируется мишень манипуляции «филогенетическая память о ритуализации» за счет повторов ключевых лексем-номинантов (*murder, murdered, terrorist, terrorists*); используются лексемы-ассоцианты — *deadly, threat, killings*).

The terrorists who murdered David Haines like to call themselves the Islamic State. But I will tell you the truth: They are not Islamic. And they are not a state. Their actions have absolutely no basis in anything written in the Quran. What they believe has no resemblance whatsoever to the beliefs of more than a billion Muslims all over the world. And, like all the other Islamist terrorist organisations, they have caused the deaths of many thousands of innocent Muslim civilians. They occupy large parts of Syria and Iraq, and not only are they bringing death and destruction to the people of those countries, they have made absolutely clear their desire to attack Britain, America and the West (в данном микроконтексте речи на разных уровнях за счет повторов конструкций (*they are not...*), лексем (*death*) и фоном (*death and destruction* — прием аллитерации) актуализируется этофизиологическая мишень манипуляции массовым реципиентом «филогенетическая память о ритуализации»; используются лексемы-ассоцианты (*attack*) и лексемы-номинанты (*murder, terrorist*); задействуется базовая эмоция «гнев»).

ISIL are just one of the terrorist threats we face. There is Boko Haram in Nigeria, Al Qaeda

in the Arabian Peninsula in Yemen, like-minded groups in Libya, Al Shabaab in East Africa, terrorist planning in Pakistan and Afghanistan, and home-grown extremists, who, like the 7/7 bombers, were radicalised here in Britain. Last year, Drummer Lee Rigby was murdered by Islamist extremists in London, while Mohammed Saleem, an elderly British Muslim, was murdered by a Ukrainian far right extremist here in Birmingham. The police and Security Service are working hard every day to prevent other terrorist attacks on our streets [в данном микроконтексте речи актуализируется такая мишень манипуляции массовым реципиентом, как «порог доступности» (приводятся наглядные примеры, симплифицирующие восприятие и способствующие быстрому достижению нужного перлокутивного эффекта); задействуется основная базовая эмоция «гнев»; актуализируется мишень манипуляции «филогенетическая память о ритуализации» за счет повторов ключевых лексем-номинантов, которые в данном микроконтексте присутствуют в большом количестве (*murdered, terrorist, extremist, bombers*); используются лексемы-ассоцианты — *threat, attacks*).

When you look at what is going on across the Middle East, there is a battle raging for the heart and soul of Islam itself. And that battle is very complicated. There is the ancient split between Sunni and Shia Muslims. This is a battle that has already been fought for many years, and will be fought many years into the future. And it is not for Britain, or any other Western power, to try to resolve it. Only the many peoples of the world's Muslim countries can determine their future. Yes, we should stand up for human rights. Yes, we should support friendly states and moderate elements within other states. Yes, we should provide humanitarian support when wars are fought. But we have to disentangle our own national interest from the struggle that is going on in the Middle East and across the Muslim world (в данном микроконтексте речи продуцентом используется довольно яркая соматическая метафора (*battle raging for the heart and soul of Islam itself*), симплифицирующая восприятие информации реципиентом за счет создания готового образа (мишень манипуляции — «порог доступности»); актуализируется мишень манипуляции «филогенетическая память о ритуализации» за счет повторов ключевых лексем-номинантов (*battle, fought*); используются синтаксические параллельные конструкции с анафорическим повтором, что также способствует актуализации мишени манипуляции «филогенетическая память о ритуализации» и привлекает внимание реципиента к

ключевой информации сообщения: *Yes, we should stand up for human rights. Yes, we should support friendly states and moderate elements within other states. Yes, we should provide humanitarian support when wars are fought*) [Theresa May's speech on terrorism and extremism].

В. *Считаем любые попытки заигрывать с террористами, а тем более вооружать их, не просто недалёковидными, а пожароопасными. В результате глобальная террористическая угроза может критически возрасти, охватить новые регионы планеты. Тем более что в лагерях „Исламского государства“ (организация запрещена в РФ. — прим. ред.) проходят „обкатку“ боевики из многих стран, в том числе из европейских* (в данном микроконтексте актуализируется мишень манипуляции «порог доступности» путем использования понятных реципиенту образов, переданных при помощи метафорического эпитета (*пожароопасными*) и собственно метафоры (*охватить новые регионы планеты, проходят «обкатку» боевики*); актуализируется базовая эмоция «страх» за счет использования соответствующих лексем-номинантов и лексем-ассоциантов: *террористами, критически, угроза, боевики*).

К сожалению, должен сказать об этом прямо, уважаемые коллеги, и Россия не является здесь исключением. Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили свое черное дело. Мы этого не хотим. Ведь этого никто не хочет, не так ли? Россия всегда твердо и последовательно выступала против терроризма во всех его формах (в данном микроконтексте актуализируется мишень манипуляции «порог доступности» путем использования понятных реципиенту образов, переданных при помощи соматической метафоры (*почувствовали запах крови*), «цветной» метафоры (*черное дело*); актуализируется базовая эмоция «страх» за счет использования соответствующих лексем-номинантов: *головорезы, терроризма*).

В действительности же мы предлагаем руководствоваться не амбициями, а общими ценностями и общими интересами на основе международного права, объединить усилия для решения стоящих перед нами новых проблем и создать по-настоящему широкую международную анти-террористическую коалицию. Как и анти-гитлеровская коалиция, она могла бы сплотить в своих рядах самые разные силы, готовые решительно противостоять

тем, кто, как и нацисты, сеет зло и человеконенавистничество (в данном микроконтексте речи актуализируется мишень манипуляции «филогенетическая память о ритуализации» за счет повторов ключевых лексем (*общими, коалицию*); задействуется мишень манипуляции массовым реципиентом «порог доступности» посредством примера-сравнения (*Как и антигитлеровская коалиция, она могла бы сплотить..., как и нацисты...*) и готового образа, переданного с помощью метафоры: *сеет зло и человеконенавистничество*).

<...> Рассчитываем, что международное сообщество сможет выработать всеобъемлющую стратегию политической стабилизации и социально-экономического восстановления Ближнего Востока. Тогда, уважаемые друзья, и лагеря для беженцев строить не придется. Поток людей, вынужденных покинуть родную землю, буквально захлестнул сначала соседние страны, а потом и Европу. Здесь счет идет на сотни тысяч, а может пойти и на миллионы людей. Это, по сути, новое великое горькое переселение народов и тяжелый урок для всех нас, в том числе и для Европы (в данном микроконтексте речи используются яркие метафоры, связанные с образами пути и захлестывающего потока, которые актуализируют мишень манипуляции «порог доступности», а также некоторые особенности экстерорецептивного (в данном случае образы ощущений осязания и веса) восприятия человека — *горькое переселение, тяжелый урок*).

Хотел бы подчеркнуть: беженцы, безусловно, нуждаются в сострадании и поддержке. Однако кардинально решить эту проблему можно только путем восстановления государственности там, где она была уничтожена, путем укрепления институтов власти там, где они еще сохранились или воссоздаются, путем оказания всесторонней помощи — военной, экономической, материальной — попавшим в трудное положение странам и, конечно, тем людям, которые, не покидают родных мест (в данном микроконтексте речи актуализируется мишень манипуляции массовым реципиентом «эмпатия» (лексема-номинант в *сострадании*); мишень манипуляции «филогенетическая память о ритуализации» за счет повторов параллельной конструкции с анафорой (*путем*) [Речь Путина в ООН].

Как мы можем видеть из предложенного анализа, продуценты данных речей достаточно часто актуализируют выделенные нами мишени манипуляции, формируя тем

самым нужные когнитивные установки массового реципиента, что определенным образом доказывает эффективность предложенной нами модели манипулятивного воздействия в политическом дискурсе для формирования антитеррористического и антиэкстремистского сознания массового реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров В. М. Агитационный предвыборный свертхтекст: организация содержания и стратегии реализации : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. 227 с.
2. Антонова А. В. Речевая манипуляция в предвыборном агитационном дискурсе Великобритании. — М. : Мaska, 2011. 368 с.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. — Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
4. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью. — М. : Эксмо, 2003. 112 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М. : Прогресс, 1989. 307 с.
6. Изард К. Э. Психология эмоций. — СПб. : ПИТЕР, 2009. 464 с.

A. V. Lyulina
Orenburg, Russia

THE PECULIARITIES OF MASS RECIPIENT'S ANTITERRORIST CONSCIOUSNESS FORMING THROUGH SPEECH ACT MANIPULATIVE STRATEGIES IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper studies the issue of antiterrorist consciousness formation with the help of speech act manipulative strategies in political discourse. Intentional model of apparent and hidden (manipulative) speech act is offered. It is obvious today that formation of different cognitive views of mass recipient is realized in political discourse with the help of verbal manipulation. The system of targets of mass recipient manipulation is described. The following levels are singled out: physiological; the level of mass consciousness qualities (readability, the principle of expedience, expectance of social ideals realization, binary nature of cognition and evaluation, etc.); stereotypes of behavior in the given genre and relations to conventions of the genre (stereotypical acts and participants, e.g. elections, voting, opponents, debates, etc.). The paper describes types of realization of manipulation targets in political discourse: agents of actualization and nomination (mark the planned distant and contact perlocutive effects of producer-manipulator); agents of actualization and association (usually the signs associated with the planned perlocutive effects of producer-manipulator); agents of actualization and paradox (comic speech acts). The speeches of the leading political figures are analyzed, including those of British PM T. May and Russian President V. V. Putin.*

KEYWORDS: *speech act; verbal manipulation; recipient; manipulation of consciousness; manipulation; mass consciousness; political discourse; political leaders; verbal persuasion; counterterrorism consciousness; terrorism.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lyulina Anna Vladimirovna, Doctor of Philology, Head of Theory and Practice of Translation Department, Orenburg State University, Orenburg, Russia.*

REFERENCES

1. Amirov V. M. Agitatsionnyy predvybornyy sverkhstekst: organizatsiya sodержaniya i strategii realizatsii : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2002. 227 s.
2. Antonova A. V. Rechevaya manipulyatsiya v predvybornom agitatsionnom diskurse Velikobritanii. — M. : Maska, 2011. 368 s.
3. Vodak R. Yazyk. Diskurs. Politika. — Volgograd : Peremena, 1997. 139 s.
4. Grachev G. V., Mel'nik I. K. Manipulirovanie lichnost'yu. — M. : Eksmo, 2003. 112 s.
5. Deyk T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. — M. : Progress, 1989. 307 s.
6. Izard K. E. Psikhologiya emotsiy. — SPb. : PITER, 2009. 464 s.
7. Issers O. S. Pasha «Mercedes», ili Rechevaya strategiya diskreditatsii // Vestn. Omsk. un-ta. 1997. Vyp. 2. S. 51—54.
8. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : Eksmo, 2006. 832 s.
9. Pochepstov G. G. Imidzh i vybory. Imidzh politika, partii, prezidenta. — Kiev, 1997. 140 s.

7. Issers O. S. Pasha «Mercedes», ili Rechevaya strategiya diskreditatsii // Vestn. Omsk. un-ta. 1997. Vyp. 2. S. 51—54.
8. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : Eksmo, 2006. 832 s.
9. Pochepstov G. G. Imidzh i vybory. Imidzh politika, partii, prezidenta. — Kiev, 1997. 140 s.
10. Речь Путина в ООН. URL: <http://rusprav.tv>.
11. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 195—283.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. — Екатеринбург, 2003. 248 с.
13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
14. Bratman M. Intention, Plans and Practical Reasoning. — Cambridge: MA : Harvard Univ. Pr., 1987. 212 p.
15. Grice H. P. Intentions and Uncertainty Text // Proceedings of the British Academy. № 57. P. 263—279.
16. Sperber D. Understanding Verbal Understanding // What is Intelligence? — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1994. P. 179—198.
17. Theresa May's speech on terrorism and extremism. URL: <http://blogs.spectator.co.uk>.

10. Rech' Putina v OON. URL: <http://rusprav.tv>.
11. Serl' Dzh. R. Kosvennye rechevye akty // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — M. : Progress, 1986. Vyp. 17. S. 195—283.
12. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
13. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : monogr. / In-t yazykoznaneya RAN ; Volgogr. gos. ped. un-t. — Volgograd : Peremena, 2000. 368 s.
14. Bratman M. Intention, Plans and Practical Reasoning. — Cambridge: MA : Harvard Univ. Pr., 1987. 212 p.
15. Grice H. P. Intentions and Uncertainty Text // Proceedings of the British Academy. № 57. P. 263—279.
16. Sperber D. Understanding Verbal Understanding // What is Intelligence? — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1994. P. 179—198.
17. Theresa May's speech on terrorism and extremism. URL: <http://blogs.spectator.co.uk>.

Сунь Юйхуа
Далянь, КНР**СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»**

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены средства реализации политического дискурса в пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон», идеологически полифоничного произведения, вот уже почти век находящегося на острие идеологической полемики, которая, к сожалению, разворачивается вокруг личности и политических взглядов автора, а не вокруг политического содержания романа. Политические идеи, передаваемые в шолоховском тексте, сложны и многомерны и, по убеждению авторов статьи, не сводимы к оппозиции «свои — чужие» или триаде «красная идея» — «белая идея» — «донская идея». В романе транслируются не только политические идеи, актуальные для современной произведению эпохи, но и общеполитические категории «политического выбора», «политического противоречия», «политических средств». Автор статьи выступает против попытки связать политические идеи в романе с теми или иными персонажами, а также прослеживает неразрывную связь этих идей с гуманистическими философскими категориями, подчеркивает примат гуманистического над политическим в разработке образов конкретных персонажей. Политические идеи в тексте романа обнаруживают тенденцию к диффузии с неполитическими мотивами и идеями, в том числе с христианскими. В статье прослеживается стремление автора произведения рассмотреть специфику преломления политического дискурса через призму традиционного мышления казачества. Концепция взаимопроникновения политического и художественного типов дискурса позволяет снять неразрешимые противоречия, накопленные в критической литературе, посвященной шолоховскому шедевру.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; художественные тексты; романы; гуманизм; русская литература; русские писатели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сунь Юйхуа, экс-ректор Даляньского университета иностранных языков, Председатель Совета ректоров УШОС КНР, почетный доктор Сибирского государственного технологического университета (с 2010 г.), почетный профессор Ереванского государственного университета языков и социальных наук имени В. Я. Брюсова (с 2015 г.); Даляньский университет иностранных языков (КНР, провинция Ляонин, г. Далянь); 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, район Люйшуньюу, ул. Люйшуньяньлу-сидуань, 6; e-mail: 13998484888@163.com.

В соответствии с научной традицией рассмотрения категории «политический дискурс», в центре исследовательского внимания обычно оказываются гипотезы и заключения, разработанные на основе анализа текстов институциональных политических жанров (публичных выступлений и интервью политиков, пропагандистских и предвыборных статей и т. п.). Так, А. П. Чудинов относит художественные тексты, насыщенные политическими идеями, «к дальней периферии политической речи» [Чудинов 2006], и категорически отмечает, что «дискурсивные характеристики политических текстов существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов — научных, художественных...» [Чудинов 2003: 58]. Не пытаясь опровергнуть указанные утверждения, мы не можем не отметить, что они правомерны лишь в случае ограничения понятия «политический дискурс» сферой политической коммуникации в рамках ее традиционных жанров.

Вместе с тем в русскоязычной научной среде все заметнее попытки расширить трактовку понятия «политический дискурс», вывести его за рамки отдельно взятого вида коммуникации и проследить точки соприкосновения с иными типами дискурса [Гуляева 2009; Юркевич 2011]. Можно сказать, что исследование данного вопроса еще не вышло за пределы фазы постановки проблемы, но методологический потенциал данного подхода уже подтверждается появлением исследований более практического плана. В частности, весьма конструктивный подход к

проблеме реализации политического дискурса в пространстве художественного текста мы находим в работе А. В. Кубасова, посвященной исследованию интернет-текстов Владимира Сорокина [Кубасов 2015]. Автор статьи отмечает свободу исследуемых текстов от заранее заданных жанровых или стилистических норм, а также отмечает «кентавричность» их дискурса, т. е. формирование комплексного, двустороннего типа дискурса — политически-художественного. Тексты В. Сорокина, рассмотренные через призму «кентаврического» дискурса, носят пограничный характер, включая в себя жанровые и языковые черты авторских колонок, философских размышлений и собственно художественных текстов. К сожалению, несмотря на тщательные разыскания, нам не удалось обнаружить аналогичных исследований, выполненных на материале текстов, лежащих строго в художественной плоскости, несмотря на очевидное многообразие текстов, в которых политическое начало гармонично вписывается в художественную форму его передачи (из наиболее очевидных примеров — гражданская лирика А. С. Пушкина и К. Ф. Рылеева, «Окаянные дни» И. А. Бунина, революционная поэзия В. В. Маяковского, проза А. И. Солженицына и т. п.).

В настоящей статье мы попытались рассмотреть способы реализации политического дискурса на материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон», произведения, уже многие десятилетия находящегося на острие

полемики в связи с очевидной политической насыщенностью его содержания.

Положение романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» в истории русской литературы весьма своеобразно: фокус внимания исследователей этого шедевра русской реалистической прозы тяготеет к внетекстовым составляющим; художественные достоинства произведения изучены гораздо в меньшей степени, нежели обстоятельства его создания, проблема авторства и история сложных взаимоотношений автора с политической цензурой. Произведение обросло ореолом «загадочности», «таинственности», что, на наш взгляд, стало прямым результатом недостаточного внимания к собственно литературной стороне произведения, его идейному каркасу. Наличие глубокой политической идейности, центральный характер политической темы в романе, между тем, не вызывает споров, полемика разгорается лишь по вопросу о политической сущности главной идеи произведения. С одной стороны, роман несет на себе печать личной политической приверженности автора, с другой стороны, повествование построено на основе принципа идеологической полифонии: автор предлагает в романе широкую реализацию не только тех политических идей, которым он открыто симпатизирует, но и тех, с которыми он последовательно борется. Это выражено и в откровенном нежелании автора идеализировать образы большевиков, демонизировать образы врагов советской власти, в создании многочисленных сложных, внутренне противоречивых характеров, подверженных идеологическим сомнениям, в атмосфере идейных исканий, играющей важную роль в построении художественного пространства романа. Идеологическая направленность «Тихого Дона» не нашла своего отражения в типичных для социалистического реализма художественных категориях (главный герой не переживает идейно-нравственного восхождения), что в 1930-е гг. вызывало критику романа со стороны таких видных деятелей советской культуры, как А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, А. И. Довженко [Кузнецов 2005]. Известный советский историк и писатель Н. Л. Янчевский считал «Тихий Дон» «реакционным» и «контрреволюционным»: «Шолохов в романе „Тихий Дон“ совершенно сознательно проводит те идеи, под знаменем которых боролась здесь, на Северном Кавказе, в частности на Дону, кулацкая контрреволюция и донское дворянство, которое сейчас выброшено за границу» [Янчевский 2003: 396]. Наличие разнородных, часто меняющихся, противоречивых оценок идейно-

политической сущности «Тихого Дона» со стороны официальных органов советской цензуры отмечает видный исследователь шолоховского творчества Г. Ермолаев [Ермолаев 2005]. На наш взгляд, неоднозначность оценки политического содержания великого романа связана с одномерностью, линейностью в понимании механизмов реализации политической темы в художественном тексте, принятой в литературоведении. Классическое литературоведение, признавая возможности преломления, ограниченных трансформаций политических идей в пространстве художественного текста, тем не менее представляет механизмы трансляции в упрощенном линейном виде: «Политическая идея (в политике) — политическая позиция автора (в сознании автора) — политическая тема (в тексте) — политическая идея (в сознании читателей)». Данная схема оптимально подходит для художественных произведений, в которых политический компонент является доминирующим в соответствии с авторской интенцией, например, для стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву», В. В. Маяковского «Левый марш», для сборника М. И. Цветаевой «Лебединый стан». В применении к произведению, более крупному в плане литературной формы, к более сложному с точки зрения художественного замысла, упрощенная схема трансляции политических идей демонстрирует свою ограниченность. Это приводит, в частности, к трудностям в анализе политической идейности таких шедевров русской литературы, как роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», рассказа Б. А. Лавренева «Сорок первый» и многих других. В этой связи идея взаимного проникновения политического и художественного дискурса с формированием единого, гармоничного, диалектически связанного, «кентаврического» идейно-образного целого, постепенно занимающая все более прочные позиции в современной филологии, обладает значительным исследовательским потенциалом.

Взаимопроникновение художественного и политического типов дискурса в романе столь заметно, что ряд критиков (ставящих под сомнение принадлежность «Тихого Дона» перу М. А. Шолохова) указывает на известную степень двойственности авторского нарратива. Двойственный характер дискурса в повествовании породил идею о двойственном характере авторства, идею о наличии «автора-поэта» и «соавтора-агитатора»: «Сочинения „соавтора“ разительно отличаются от написанного автором-создателем. Для сочиненного „соавтором“ прежде всего ха-

рактерна полная независимость от авторского поэтического замысла-образа. Здесь нет поэтики, а есть лишь отправная, голая политическая формула <...> В той мере, в какой автор является художником, — „соавтор“ — публицистом-агитатором» [Медведева-Томашевская 1974]. Утверждение о «двойном авторстве» романа, безусловно, является заблуждением, вызванным, на наш взгляд, неправильной оценкой сложных отношений между идейно-политической и художественно-образной стороной романа, между двумя дискурсивными типами, создающими единую повествовательную ткань.

К дополнительным проблемам, порождающим рассуждения о «загадочности» романа, приводит и методологическая ограниченность в анализе системы политических идей, которые трактуют строго в рамках конкретно-исторической идейной триады «красная идея» — «белая идея» — «донская идея» (основанная на отторжении социалистических, либеральных и монархических идей на Донщине как чужеродных, внешних, неактуальных и даже раздражающих; И. Н. Медведева-Томашевская, на наш взгляд, не вполне корректно называет ее «идеей донского сепаратизма»). Такой подход, основанный на историческом анализе общественно-политических процессов на Дону в 1917—1920-х гг., безусловно, имеет право на существование, однако, по нашему глубокому убеждению, он ограничивает исследовательский поиск в рамках категорий «политические силы» и «борьба за власть». Однако идейно-политическая сторона произведения М. А. Шолохова, на наш взгляд, значительно глубже: в ней находят освещение не только конкретно-исторические процессы, но и абстрактные общеполитические категории, не имеющие конкретно-исторического выражения, в частности, категории «политического выбора», «политической лояльности», «политических средств», «политического противоречия» и многие другие. Применение к тексту «Тихого Дона» методов исследования политического дискурса позволило бы преодолеть методологические границы и вскрыть глубинные пласты политической идейности, имеющие огромное значение для формирования общего идейно-художественного пространства романа.

Во многих критических исследованиях романа «Тихий Дон» (среди авторов которых следует назвать В. А. Апухтину [Апухтина 1953], Ф. Г. Бирюкова [Бирюков 1980], Е. Н. Тмарченко [Тмарченко 1990], В. М. Трофимова [Трофимов 1990]) явно прослеживается еще одна тенденция, которую, как нам представляется, есть необходимость оспорить с

предлагаемых нами методологических позиций. Речь идет о рассмотрении политических идей романа в ригидной, неразрывной связи с определенными персонажами. Так, «красная идея» рассматривается в рамках раскрытия образов Штокмана, Бунчука, Михаила Кошевого, Котлярова, «белая идея» анализируется с привлечением образов Калмыкова, Листницкого, «донская идея» — при рассмотрении образов Изварина, Атарщикова, стариков-станичников. Такого рода исследовательский подход предполагает, что в механизме трансляции политической идеи образ персонажа является собой необходимое опосредующее звено. Основываясь на методологических позициях анализа политического дискурса, мы исходим из положения о том, что политическая идея может реализовываться в пространстве художественного произведения на любом уровне, в том числе и вне системы персонажей. Более того, идейные послания, транслируемые в процессе раскрытия образа отдельно взятого персонажа, не всегда однозначны и не всегда непосредственным образом исходят из политических взглядов данного персонажа. В этом аспекте заключается одно из принципиальных отличий между политической публицистикой и художественным текстом, которое следует раскрыть подробнее. В институциональных политических жанрах (интервью, политическое выступление и т. п.) политическая идея всегда самодостаточна, она всегда занимает в идейной структуре текста центральное место, а создаваемый автором текст всегда подчинен политической идее, служит целям ее трансляции, усиления или, напротив, смягчения. В художественном тексте ситуация принципиально иная: политическая идея, выраженная теми или иными элементами политического дискурса, теряет свою самодостаточность, а создаваемый автором текст трансформирует, преломляет политическую идею через призму общего идейно-художественного замысла автора. Проходя такое преломление, политическая идея вступает в сложные отношения диалектического единства с неполитическими концепциями, претерпевает смысловые трансформации и даже приобретает некоторую степень свободы от политической позиции автора. Данное положение можно проиллюстрировать неоднозначностью поведения Подтелкова, расправляющегося с безоружными офицерами. Идея политической борьбы в данном эпизоде срастается в органическое единство с идеей ненависти, нетерпимости, антигуманизма. Подтелков считает себя народным героем, борцом за справедливость, за гуманистиче-

ские идеалы (по К. Марксу, коммунизм в сущности есть гуманизм, опосредованный через отмену частной собственности [Маркс, Энгельс, т. 42: 169]), следовательно, в описанной нами сцене можно усмотреть противоречие, нарушение цельности образа Подтелкова. Тем не менее, возвращаясь к упомянутым нами трансформациям политических идей, к сложности и диалектичности функционирования политического дискурса в пространстве художественного текста, следует трактовать рассматриваемый эпизод следующим образом: автор отнюдь не стремится представить Подтелкова «неистинным революционером», предателем революционной идеи; напротив, он стремится показать, что Подтелков — это в первую очередь человек, и только во вторую очередь революционер, носитель определенной политической позиции. Эту политическую позицию невозможно отделить от человеческой сущности героя: она теснейшим образом вплетена в художественную ткань образа. Более того, М. А. Шолохов в данном эпизоде в отрыве от образа Подтелкова рассматривает сущность политической борьбы, которая, независимо от платформы, может носить и гуманистический, и антигуманистический характер.

Используя те же закономерности взаимодействия политических и неполитических идей, автор раскрывает в образах большевиков Бунчука и Штокмана подлинную гуманистическую сущность. В монологе Бунчука («Ты не думай, что есть люди из железа... <...> В жизни нет таких, кто бы, убивая людей <...> не был нравственно исцарапанным» [Шолохов, кн. 2, гл. 20]) раскрывается его человеколюбие, сострадание, нравственность. Высокий гуманизм Бунчука, одного из главных проводников политической идейности в романе, неизбежно вступает в отношения взаимодействия с его политической позицией, образует с ней органическое единство. Большевизм Бунчука нельзя отделить от его человечности: так Шолохов возвращается к идее Маркса «коммунизм есть гуманизм...», реализуя эту идею в ярком и многомерном художественном образе. Данная идея развивается автором и во внутреннем монологе Штокмана («Что связующее? Ну, общая идея... Нет, тут, пожалуй, не только идея, а и дело. А еще что? Может быть, близость опасности и смерти? И как-то по-особенному родные...» [Шолохов, кн. 3, гл. 40]). Явственное превосходство человеческого над политическим в данных иллюстрациях отнюдь не отменяет политическое, а, напротив, утверждает неразрывную связь двух начал.

Сложные взаимоотношения политиче-

ского и художественного типов дискурса создают благоприятные условия, в которых М. А. Шолохову с подлинно эпической пристальностью и достоверностью удается продемонстрировать стремление политических идей к диффузии, к сращиванию с неполитическими идеями и проблемами. В романе нет места трафаретным образам носителей и распространителей политических истин. В сознании многих персонажей политические идеи сращиваются с идеями смысловыми, ценностными, мировоззренческими, этическими. Это, безусловно, находит отражение и на уровне политического дискурса.

В русле указанной проблемы, в частности, весьма интересно проследить, как политические идеи сращиваются с неполитическими идеями, основанными на принципах христианского учения. Для иллюстрации такого рода идейного взаимодействия мы подобрали примеры с включенными единицами политической лексики. Приведенные примеры демонстрируют, что в художественном пространстве литературного произведения смысловым трансформациям, в том числе смысловым приращениям, подвергаются не только политические идеи, но и такие единицы политического дискурса, как политические термины, политические лозунги и т. п.

В сцене казни Подтелкова и Кривошлыкова предсмертная речь Подтелкова исполнена трагического пафоса. В анализе данной сцены явственно прослеживаются черты интертекстуальной связи с библейским текстом, с идеями христианского самопожертвования во имя общего блага, с идеями всепрощения. В монологе Подтелкова «Мы за трудовой народ, за его интересы дрались с генеральской псюрней, не щадя живота, и теперь вот гибнем от вашей руки! Но мы вас не клянем!.. Вы — горько обманутые!» [Шолохов, кн. 2, гл. 30] автор встраивает пропагандистские лозунговые клише («за трудовой народ») и возвышенно-революционную риторику («не щадя живота», «гибнем от вашей руки»), вместе с тем на смысловом уровне прозрачно прочитывается евангельское «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят» (Евангелие от Луки, 23:34).

В другой сцене романа автор приводит расширительное понимание слова «коммунист», поднимающееся над сферой политического дискурса до уровня «коммунистическая идея как источник непреходящей духовной силы, железной воли и самодисциплины». В таком прочтении коммунистическая идея входит во множество интертекстуальных и ассоциативных отношений с христианскими тек-

стами, воспринимается как символ веры:

«— А коммунисты, что же, не боятся смерти? Не такие же люди? — встрял в разговор Мишка.

Сосед Штокмана ловко подкинул винтовку, не глядя на Мишку, подумав, ответил: <...> Мне нельзя трусить. Сам себе приказал, — понял? И ты ко мне без чистых рукавичек в душу не лазай... Я знаю, за что и с кем я воюю, знаю, что мы победим. А это главное. Остальное все чепуха» [Шолохов, кн. 3, гл. 40]. В понятии «коммунист» автор соединяет политический смысл «носитель коммунистической идеи» и серию неполитических смыслов «коммунист как неустрашимый человек, как человек железной воли», «коммунист как человек непоколебимой веры в свою цель, в окончательную победу». Такое смысловое приращение, основанное на взаимодействии художественного и политического типов дискурса, с одной стороны, создает яркий художественный образ, с другой — позволяет транслировать политическую идею автора, его симпатию к коммунистическому учению.

Помимо смыслового приращения, в тексте романа встречаются и примеры смысловой деконструкции политических понятий, при которой истинная сущность политической идеи подменяется ложной, обывательской. Так, в сцене спора с Иваном Алексеевичем Григорий Мелехов подвергает сомнению сущность понятия «советская власть», вступая в известной степени в полемику с одним из наиболее актуальных текстов современного ему политического дискурса — программным выступлением В. И. Ленина «Что такое Советская власть?». Приведем ряд выдержек из ленинского текста: «Что такое Советская власть? Сущность ее <...> состоит в том, что прежде государством управляли богатые или капиталисты, а теперь в первый раз управляют государством как раз те классы, которых капитализм угнетал. <...> Первый раз в мире власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передается вся государственная власть. <...> Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный, и потому — непобедимый» [Ленин, т. 38: 238—239].

Ленинский текст представляет собой классический образец политического дискурса с четким, последовательным и прозрачным изложением сущности властных отношений в новом типе общества. Понятие «Советской власти» раскрывается в нем

средствами политического дискурса.

В следующем отрывке романа «Тихий Дон» читатель обнаруживает нежелание Мелехова понимать и принимать сущность понятия «Советская власть», очерченного категориями политического дискурса:

«<...> А власть твоя, — уж как хочешь, — а поганая власть. Ты мне скажи прямо, и мы разговор кончим: чего она дает нам, казакам? <...>

— Свободу права... Да ты погоди!.. Поймай, ты чего-то...

— <...> Земли дает? Воли? Сравнивает?.. Земли у нас — хоть заглонишь ею. Воли больше не надо, а то на улицах будут друг дружку резать. Атаманов сами выбирали, а теперь сажают. Казакам эта власть, кроме разору, ничего не дает! Мужичья власть, им она и нужна. Что коммунисты, что генералы — одно ярмо» [Шолохов, кн. 3, гл. 20].

Несмотря на целый ряд явственно выраженных политических идей (свобода, зависимость, подчинение, неравенство) и элементов политической лексики (власть, коммунисты, генералы, атаманы, ярмо), идейный конфликт казака Мелехова с большевиком Котляровым, как нам представляется, состоит отнюдь не в разнице политических платформ. Суть конфликта заключается в неспособности героя оторваться от обывательского, практического, потребительского отношения ко власти. С точки зрения Мелехова, «хорошая» власть должна давать ему что-то материальное, ясно ощутимое, полезное. В этой связи уместно вспомнить ироничное стихотворение В. В. Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», в котором «правильность» советской власти для лирического героя исходит из полученной возможности помыться в ванной. Вводя в повествование это решенное в драматической художественной манере столкновение двух персонажей, М. А. Шолохов, предположительно, пытался указать на политическую близорукость казачества в целом, на слабость и неоднозначную эффективность влияния большевистского политического дискурса на сознание массы малограмотных и потребительски ориентированных казаков.

Еще одним направлением взаимодействия политического и художественного типов дискурса в романе «Тихий Дон» является художественное осмысление базовых политических идей, не имеющих конкретно-исторического содержания, в частности, идей политической борьбы, политического выбора, политической лояльности и других. Наиболее глубинному, подлинно философскому осмыслению подвергается идея поли-

тического выбора, точнее, идея его необходимости, неизбежности, идея невозможности «остаться в стороне», сохранить политический нейтралитет. Данная идея, как правило, встречается вне связи с художественным дискурсом. Так, она достаточно распространена в институциональных жанрах политических текстов, в том числе и в политическом дискурсе начала XX в.: невозможность политического нейтралитета крестьянства, неизбежность его вовлечения в водоворот революционных преобразований подробно описана В. И. Лениным в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» [Ленин, т. 11: 68]. Идея неизбежности политического выбора актуальна и в современном политическом дискурсе, реализуясь, в частности, в предвыборных лозунгах «Голосуй или проиграешь», «Твой выбор — твоё будущее», «Сделай правильный выбор» и других текстах, подчиненных потребности повысить уровень политической активности населения, подтолкнуть его к принятию ответственного политического решения. В научном дискурсе идея политического выбора является предметом изучения психологических дисциплин [Дилигенский 2004].

В художественном пространстве романа «Тихий Дон» проблема политического выбора предстает в свете трагической неизбежности, наиболее ярко раскрываясь в сцене расстрела Бунчуком Калмыкова: «Они нас или мы их!.. Середки нету. На кровь — кровью. Кто кого... Понял?» [Шолохов, кн. 2, гл. 17]. Преломляясь через призму художественного дискурса, идея политического выбора органически смыкается с мотивами фатализма, безысходности, слабости человеческой воли перед стихийными силами судьбы. В результате политический выбор для героев романа предстает не ценной возможностью участвовать в политической жизни, управлять политическими процессами, а источником страданий, сомнений, разочарований, трагического исхода. Фактически это выбор без выбора, выбор, который не приближает к желаемой цели, а приносит только «полнейшее отрицание всего того, ради чего он страдал и мучился» [Сухих 2006: 9]. Данная идея является одной из центральных в романе, определяя и трагедию судьбы главного героя, и трагическую судьбу всего русского народа, прошедшего горнило Гражданской войны.

Рассматривая особенности взаимодействия политического и художественного типов дискурса в романе «Тихий Дон», невозможно оставить без внимания проблему механизмов реализации политической метафоры в пространстве художественного тек-

ста. Особенности функционирования политической метафоры в различных типах дискурса посвящен фундаментальный труд Э. В. Будаева и А. П. Чудинова «Метафора в политическом интердискурсе», в котором авторы, к сожалению, обошли вниманием сферу художественного дискурса, справедливо отмечая, в частности, следующее: «В качестве материала исследований политической метафоры специалисты чаще всего избирают политический дискурс СМИ и — несколько реже — институциональный политический дискурс. Иные разновидности политического дискурса (бытовой, художественный, научный) крайне редко привлекают к себе внимание исследователей» [Будаев, Чудинов 2006: 114]. Метафора в художественном тексте и политическая метафора между тем несут черты генетического сходства: на уровне сущности их объединяет смысловая трансформация, смысловое обогащение описываемого понятия; данный феномен получил наименование «семантической инновации» [Рикер 1998]. Создание нового смыслового «мостика» между политическим и неполитическим понятием (часто образным, поэтическим) представляет собой наиболее актуальный механизм реализации политической метафоры в художественном дискурсе. Важнейшая особенность функционирования политической метафоры в художественном тексте заключается в ее предельной образной свободе и смысловой неисчерпаемости. Доказательства этому положению несложно обнаружить даже при беглом анализе текста романа «Тихий Дон», в том числе и в таком примере: «Петр Богатырев улыбнулся в подстриженные рыжеватые усы и, насмешливо сощутив круглые голубые глаза, сказал: — Ваша Советская власть, — как лед на провесне. Чуть солнце пригреет — и она сойдет» [Шолохов, кн. 3, гл. 53].

В приведенном отрезке в метафорической форме реализуется выбор в оппозиции «временное — постоянное» в отношении политического понятия «советская власть». Выраженная метафорой «весенний лед» уверенность казаков в неустойчивости, скором крушении советской власти имеет и выраженное политическое значение, поскольку является той силой, которая, в художественном видении М. А. Шолохова, подталкивает Донщину к вооруженной борьбе. Противоположная по смыслу, но аналогичная по природе политическая метафора реализована в книге И. А. Бунина «Окаянные дни»: тают надежды на избавление от советской власти, осознание ее постоянного характера приводит к разрушению мира в сознании автора. Уместно отметить, что в приведен-

ных примерах функция метафоры заметно шире создания художественного образа, она выходит за языковые границы и восходит до мировоззренческих высот (созвучно с мнением Ф. Ницше, провозглашавшим когнитивную природу метафоры).

Семантическая расплывчатость метафоры ограничивает возможности ее применения в условиях институциональных жанров политического дискурса. В художественном тексте метафорические построения ограничиваются лишь авторским замыслом. Кроме того, в художественном тексте метафора может быть применена и как объяснительный инструмент, позволяющий преодолеть абстрактность и сложность политических понятий при трансляции их в массовое сознание. В этом отношении метафора раскрывает свой когнитивный потенциал, по выражению Р. Хоффмана, «метафора может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере <...> Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» [Hoffman 1987: 22]. Когнитивная функциональность политической метафоры находит свое воплощение и в художественном пространстве романа «Тихий Дон». Сложные, многомерные и весьма абстрактные политические понятия «социалистическая революция» и «классовая борьба» недоступны для понимания малограмотному Григорию, поэтому в диалоге Мелехова и Гаранжи данные категории облекаются в образную форму и находят свое воплощение в метафоре «большая волна, которая все снесет» и некоторых других (вероятно, двуязычие приведенного диалога использовано автором для того, чтобы подчеркнуть универсальность используемых метафор, их широкую доступность для понимания):

«— Ты знай, — Гаранжа приподнялся и, скрипнув зубами, вытянул руки, — поднимется вэлыка хвыля, вона усэ снэсэ!

— По-твоему, что ж ... все вверх ногами надо поставить?

— Га! Власть треба, як грязные портки, скинуть <...>» [Шолохов, кн. 1, гл. 23].

Метафорическая реализация политических понятий в приведенной цитате указывает на образный, опосредованно-конкретизированный характер отражения данных понятий в сознании героев романа и, соответственно, находящегося вне активных политических процессов большинства людей.

Политические понятия и идеи в условиях художественного дискурса имеют все возможности для реализации в виде развернутых метафор на основе сложных, многомер-

ных, часто архетипических для русской культуры концептов. В нижеследующем отрезке сущность политического понятия «политическая борьба» в сознании Григория Мелехова опосредуется через развернутую метафору «матери-земли», «земли-кормилицы»: «...И помалу Григорий стал проникаться злобой к большевикам. Они вторглись в его жизнь врагами, отняли его от земли! Он видел: такое же чувство завладевает и остальными казаками. Всем им казалось, что только по вине большевиков, напиравших на Область, идет эта война. И каждый, глядя на небурные валы пшеницы, на полеглий под копытами нескошенный хлеб, на пустые гумна, вспоминал свои десятины, над которыми хрипели в непосильной работе бабы, и черствел сердцем, зверел» [Шолохов, кн. 3, гл. 9].

Концепт «земли» как ядерный компонент картины мира русского казачества является в данном случае своеобразным «ключом», позволяющим осмыслить абстрактный, не входящий в привычную языковую картину мира, не связанный с когнитивным опытом героя феномен («политическая борьба») посредством феномена более привычного, когнитивно структурированного, разложимого на отдельные конкретные образы (ритм сельскохозяйственных работ, урожай, труд на пашне и т. п.). Политическая метафора, как и всякая прочая метафора, является продуктом метафоричности человеческого мышления и, следовательно, опирается на систему базовых концептов языковой картины мира. Политическое понятие, реализованное в пространстве художественного текста, в значительной степени теряет смысловую универсальность, которая сохраняется в условиях политических текстов. Понятия «борьба за власть», «классовые интересы», «политическая свобода», «политическая лояльность» и многие другие в условиях художественного дискурса срачиваются с неполитическими идеями и концептами, претерпевают значительные смысловые трансформации и запускают совершенно иные механизмы восприятия и реакции.

Вышеприведенные размышления, на наш взгляд, в достаточной степени иллюстрируют богатые возможности взаимодействия, взаимопроникновения и взаимного влияния политического и художественного типов дискурса. В заключение необходимо отметить, что проблематика, связанная с анализом возможных точек соприкосновения двух указанных типов дискурса, крайне обширна и ждет своего кропотливого исследователя. Дальнейшие изыскания могут и должны раскрыть новые стороны взаимоот-

ношений политической лингвистики, политического дискурса и мира художественной литературы. По нашему глубокому убеждению, категория политического дискурса не является внешней, чужеродной, неприемлемой ни для одной из сфер гуманитарного знания. Таким образом, перед научным сообществом открываются значительные перспективы по объединению проблем политического дискурса и дискурса художественной литературы в единое исследовательское целое, связанное с выявлением новых объектов изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апухтина В. А. Художественные принципы изображения исторической действительности в романе М. Шолохова «Тихий Дон». — М.: МГУ, 1953.
2. Бирюков Ф. Г. Художественные открытия Михаила Шолохова. — М.: Современник, 1980. 368 с.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. 215 с.
4. Гуляева Т. В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 36—40.
5. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология / Ин-т «Открытое общество». — М.: Наука, 1994. 304 с.
6. Ермолаев Герман. «Тихий Дон» и политическая цензура. 1928—1991. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. 255 с.
7. Кубасов А. В. Политический дискурс в художественном электронном тексте (Владимир Сорокин в интернет-журнале

Sun Yuhua
Dalian, China

POLITICAL DISCOURSE ELEMENTS IN M.A. SHOLOKHOV'S NOVEL "AND QUIET FLOWS THE DON"

ABSTRACT. *The article touches upon the elements of political discourse found in M.A. Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don", which, being an ideologically polyphonic masterpiece, for almost a century creates polemical turbulence over the author's personality, while the complex nature of ideological content of the novel is often ignored. Sholokhov's political ideas, conveyed in his novel, are multi-layered and polyphonic; they cannot be studied solely within the opposition of "our" — "their" or within the triangle "Red ideology" — "White ideology" — "Don Cossack ideology". The novel does not only contain the set of political ideas, contemporary to its plot, but also a set of universal concepts of "political choice", "political conflict", "political means", etc. This article denies the attempt to treat the novel's characters as bearers of ideological views, but it highlights connection between political ideas and universal humanistic concepts, it also underlines the domination of humanism over political views in characters' depiction. Political ideas in the novel tend to blend with non-political ideas and motives, including Christian ideology. The article studies the peculiarities of political discourse influence over the masses of Don Cossacks. The idea of blending political and artistic types of discourse can potentially overcome the contradictions, commonly found in research papers on the Sholokhov's masterpieces.*

KEYWORDS: *political discourse; literary texts; novels; humanism; Russian literature; Russian writers.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sun Yuhua, former President of Dalian University of Foreign Languages, President of the China Office of SCO University, Honorary Professor of the Siberian State Technological University (since 2010), Honorary Professor of the Yerevan State University of Languages and Social Sciences named after V. J. Brusov (since 2015); affiliation: Dalian University of foreign languages (China, Liaoning province, Dalian).*

REFERENCES

1. Apukhtina V. A. Khudozhestvennyye printsipy izobrazheniya istoricheskoy deystvitel'nosti v romane M. Sholokhova «Tikhyy Don». — М.: МГУ, 1953.
2. Biryukov F. G. Khudozhestvennyye otkrytiya Mikhaila Sholokhova. — М.: Sovremennik, 1980. 368 s.
3. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. 215 s.
4. Gulyaeva T. V. Politicheskyy i khudozhestvennyy diskurs: tochki soprikosnoveniya // Vestn. Perms. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2009. № 2. S. 36—40.
5. Diligenskiy G. G. Sotsial'no-politicheskaya psikhologiya / In-t «Otkrytoe obshchestvo». — М.: Nauka, 1994. 304 s.
6. Ermolaev German. «Tikhyy Don» i politicheskaya tsenzura. 1928—1991. — М.: IMLI RAN, 2005. 255 s.
7. Kubasov A. V. Politicheskyy diskurs v khudozhestvennom elektronnom tekste (Vladimir Sorokin v internet-

zhurnale «Snob») // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4. S. 201—204.

8. Кузнецов Ф. Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа / РАН ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; науч. ред. А. Л. Гришунин. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. 864 с.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 38. Изд. 5-е.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 42. Изд. 2-е.
11. Медведева-Томашевская И. Н. «Стремя «Тихого Дона» (загадки романа). — Париж : YMCA Press, 1974.
12. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. — М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
13. Тамарченко Е. Н. Идея правды в «Тихом Доне» // Новый мир. 1990. № 6. С. 237—248.
14. Трофимов В. М. Личность и история в идейно-художественной системе эпоса «Тихий Дон» // Творчество М. А. Шолохова и советская литература. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1990. С. 36—41.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М.: Флинта : Наука, 2006. 254 с.
16. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2.
17. Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 1, 2. URL: <http://lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon12.txt>.
18. Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 3, 4. URL: <http://lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon34.txt>.
19. Юркевич В. В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2014. № 6. С. 106—110. (Филология. Искусствоведение ; вып. 88).
20. Янчевский Н. Л. Реакционная романтика // Новое о Михаиле Шолохове. Исследования и материалы : сб. статей. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 395—434.
21. Hoffman R. R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. P. 147.

zhurnale «Snob») // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4. S. 201—204.

8. Kuznetsov F. F. «Tikhyy Don»: sud'ba i pravda velikogo romana / RAN ; In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo ; nauch. red. A. L. Grishunin. — М.: IMLI RAN, 2005. 864 s.
9. Lenin V. I. Poln. sobr. soch. V 55 t. T. 38. Izd. 5-e.
10. Marks K., Engel's F. Poln. sobr. soch. T. 42. Izd. 2-e.
11. Medvedeva-Tomashevskaya I. N. «Stremya «Tikhogo Dona» (zagadki romana). — Parizh : YMCA Press, 1974.
12. Riker P. Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskiy rasskaz. — М.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1998. 313 s.
13. Tamarchenko E. N. Ideya pravdy v «Tikhom Done» // Novyy mir. 1990. № 6. S. 237—248.
14. Trofimov V. M. Lichnost' i istoriya v ideyno-khudozhestvennoy sisteme epoei «Tikhyy Don» // Tvorchestvo M. A. Sholokhova i sovetskaya literatura. — Rostov n/D : Izd-vo Rostov. un-ta, 1990. S. 36—41.

15. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.
16. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2.
17. Sholokhov M. A. Tikhyy Don. Kn. 1, 2. URL: <http://lib.ru/PROZA/SOLOHOW/tihijdon12.txt>.
18. Sholokhov M. A. Tikhyy Don. Kn. 3, 4. URL: <http://lib.ru/PROZA/SOLOHOW/tihijdon34.txt>.
19. Yurkevich V. V. Politicheskyy i khudozhestvennyy vidy diskursa: skhodstva i razlichiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2014. № 6. S. 106—110. (Filologiya. Iskusstvovedenie ; vyp. 88).
20. Yanchevskiy N. L. Reaktsionnaya romantika // Novoe o Mikhaile Sholokhove. Issledovaniya i materialy : sb. statey. — M. : IMLI RAN, 2003. С. 395—434.
21. Hoffman R. R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. P. 147.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42
ББК ШП43.21-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

А. И. Золотайко
Екатеринбург, Россия

ПРЕДВЗЯТОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ США В ДИСКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема противостояния афроамериканского сообщества Соединенных Штатов и сотрудников полиции на почве расового стереотипирования преступников в США в дискурсе общественного мнения и анализируются причины возникновения устойчивых связей между афроамериканцами и преступностью. Автор проводит анализ метафорических выражений, отражающих состояние участников конфронтации, а также исследует статистические данные для определения наличия предвзятости сотрудников правоохранительных органов в отношении в первую очередь представителей афроамериканских общин. Установленные концептуальные связи рассматриваются посредством широкого подхода к выбору материала исследования, что позволяет охватить значительный и разнообразный объем информации. Рассматриваются причины проявления неадекватного и жестокого поведения обеих сторон по отношению друг к другу, а также причины формирования официальных движений «Black lives matter» и «Blue lives matter» — дословно «Жизни чернокожих тоже имеют значение» и «Жизни полицейских тоже имеют значение». Автор также обращается к данным о количестве жертв среди гражданского населения и сотрудников правоохранительных органов, а также о числе перестрелок между конфликтующими сторонами, повлекшими за собой массовые беспорядки и широкий общественный резонанс в средствах массовой информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: убийства полицейских; полицейские; этнические стереотипы; этносы; расовые отношения; расовые стереотипы; правоохранительные органы; полиция; межэтнические отношения; дискурс общественного мнения; общественное мнение; афроамериканцы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Золотайко Анастасия Игоревна, преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; аспирант второго курса обучения, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: Liani@list.ru.

В течение последних нескольких лет наблюдается беспрецедентная обеспокоенность населения США по поводу предвзятости сотрудников правоохранительных органов в отношении представителей других рас. Несколько громких дел о смерти молодых чернокожих мужчин от рук полиции привели к серьезным общественным беспорядкам в Фергюсоне, Балтиморе и Миссури. В результате возникло движение «Black Lives Matter» (досл. «Жизни чернокожих имеют значение»), под лозунгами которого были проведены сотни демонстраций по всей стране и даже в Канаде. В американском обществе стало весьма распространено мнение о предвзятости органов правоохраны и судов против афроамериканцев, а также против выходцев из Латинской Америки. Данная проблема возникла гораздо раньше событий, вызвавших столь бурный общественный резонанс во всех средствах массовой информации как на территории самих США, так и по всему миру, и в действительности является намного серьезней и тревожней, чем может показаться на первый взгляд.

Для того чтобы разобраться в происходящем, целесообразно обратиться к наиболее выразительному способу оценки событий — посредством концептуальных метафор — при широком подходе к отбору источников для исследования коммуникации. Такой подход характеризуется использованием текстов различного вида и происхождения, созданных как официальными лицами, так и «рядовыми гражданами». Это мо-

гут быть разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ, разного рода надписи (в том числе на стенах), анекдоты, бытовые разговоры, связанные с политическими проблемами, статьи в сети Интернет, комментарии к ним и др. Подобные тексты находятся в сфере пересечения нескольких дискурсов [Чудинов 2006]. Так, выяснилось, что большая часть метафорических «оценок» осуществляется в неограниченном дискурсе общественного мнения. Дискурс общественного мнения — это форма использования языка в процессе формирования и выражения отношения общества к явлениям социальной жизни в совокупности содержания высказывания с экстралингвистическими факторами и персональными особенностями коммуникантов [Кошарная 2002: 5].

Целесообразно рассматривать картину в целом, обращаясь не только к метафорам и концептам, отражающим суждения граждан о разворачивающихся на улицах страны событиях, но также и к статистике. При этом нельзя рассматривать единичные случаи, свидетельствующие о «предвзятости» полиции. По оценкам, в 2013 г. в Соединенных Штатах было произведено 11 300 000 арестов, подавляющее большинство которых было проведено в полном соответствии с принятыми процессуальными нормами [Rubenstein 2016]. Именно на основании столь широкой статистики можно судить о какой-либо правомерности или ее отсутствии

© Золотайко А. И., 2017

в действиях органов правоохраны в отношении граждан. Более того, рассматривая данную проблему, необходимо учитывать два фундаментальных фактора. Во-первых, различается периодичность совершения преступлений той или иной расовой группой за определенный отрезок времени. Во-вторых, уровень преступности в целом значительно сократился за последние 20 лет [The Guardian: Largest US police union asks Amazon to pull 'offensive' Black Lives Matter shirt 2016].

В 2005 г. Фондом «Новый век» была опубликована исследовательская работа «Цвет преступления», рассматривающая отношения между преступностью, расой и этнической принадлежностью в Соединенных Штатах [The Guardian: Largest US police union asks Amazon to pull 'offensive' Black Lives Matter shirt 2016]. В 2016 г. данные были обновлены. Исследование основывалось на опубликованной правительством статистике и показало, что афроамериканцы в семь раз чаще совершают убийства и в восемь раз чаще — грабежи, в то время как у азиатов уровень преступности неизменно низкий. Также есть основания полагать, что выходцами из Латинской Америки совершаются преступления примерно в три раза чаще по сравнению с «белыми» американцами, но этот вывод основывается лишь на том, что официальная статистика обычно не делает различий между латиноамериканцами и простыми американцами.

Исследование также показало, что вероятность помещения афроамериканца в тюрьму в семь раз выше, чем у «белого» американца, а выходца из Латинской Америки — в три. Более того, был сделан вывод о том, что высокий уровень арестов и тюремного заключения среди представителей чернокожего населения страны, приводимый в качестве доказательства расизма в системе уголовного правосудия, объясняется тем, что подавляющим большинством правонарушителей все же являются афроамериканцы. Связь между преступностью и афроамериканцами укрепилась настолько, что в обществе выражение **«criminal predator»** — «хищный преступник» — используется в качестве эвфемизма для «молодого афроамериканца» [Sagepub: Journal of Contemporary Criminal Justice/Black Criminal Stereotypes and Racial Profiling 2007].

С 2005 г. произошли важные изменения: уровень преступности существенно снизился. Это наглядно отображено в самом об-

ширном измерении преступности в Соединенных Штатах, которое является своего рода ежегодным национальным обзором по виктимизации (виктимизация — процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства [Wikipedia, the free encyclopedia]) преступлений (NCVS). В 2013 г. 90 630 семей и 160 040 человек были опрошены для NCVS об их опыте в качестве жертв преступлений (независимо от того, обращались они в полицию или нет). Данные ФБР указывают на то, что с 2005 по 2014 г. на афроамериканцев приходилось 40 % всех убийств от рук полицейских. 20-летняя компиляция результатов опроса показывает, что количество фактов насильственной виктимизации неуклонно, хотя и неравномерно, сокращалось по крайней мере на протяжении двух десятилетий [Rubenstein 2016].

Однако в 2014 г. в Нью-Йорке вероятность быть арестованным за совершение убийства по сравнению с представителем «белого» населения страны стала для афроамериканца выше в 31 раз, а для латиноамериканца — в 12,4 раза (см. рис.). «Стрельба» (поражение кого-либо пулей) демонстрирует более драматичную разницу: 98,4 % случаев приходится на афроамериканцев, 23,6 % — на латиноамериканца против 3 % для «белых» [Rubenstein 2016]. Именно такие высокие показатели в связи с серьезной обеспокоенностью по поводу убийств афроамериканцев полицейскими, особенно после того, как офицер Даррен Уилсон выстрелил в Майкла Брауна 9 августа 2014 г. в Фергюссоне, штат Миссури, стали основанием для полемики в американском обществе. Офицер Уилсон был «белым», а Браун, в свою очередь, был безоружным афроамериканцем. Хотя тщательное расследование Министерства юстиции показало, что офицер Уилсон действовал надлежащим образом в ответ на нападение Брауна и последующие угрозы, стрельба спровоцировала беспорядки и дала толчок движению «Black Lives Matter», заявляющему, что полицейские — расисты и регулярно убивают невооруженных афроамериканцев. Данное утверждение не имеет фактического подтверждения, поскольку какие-либо национальные статистические данные о полицейских расстрелах отсутствуют. Более того, как отмечалось выше, статистические данные и научные исследования не указывают на предвзятость арестов и соответственно стрельбы.

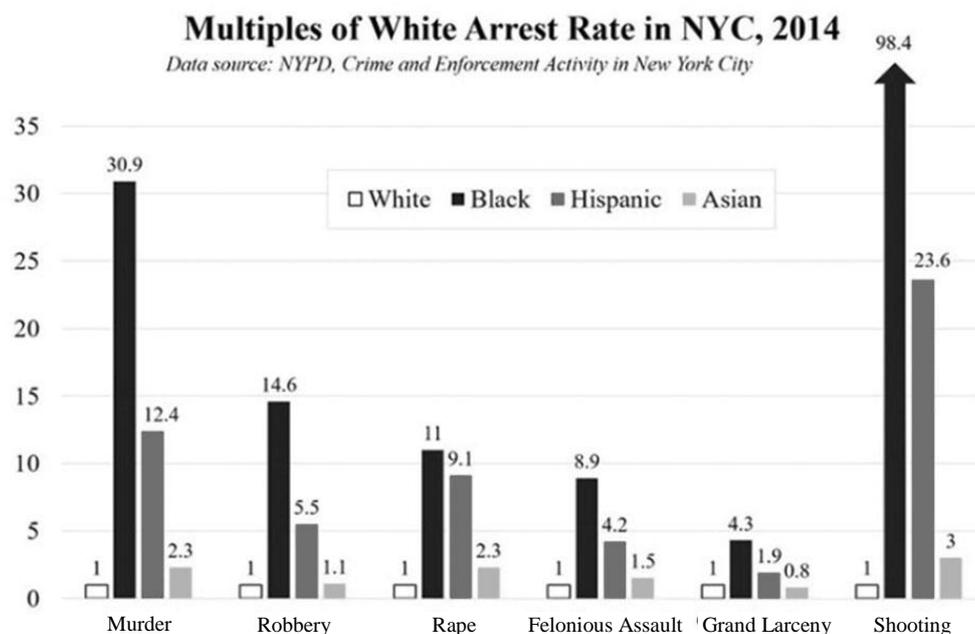

Рис. Распределение арестованных по национальности, Нью-Йорк

Примечательно, что в то же время в крупных американских городах начался тревожный рост убийств, которые связывали с «обесцениванием» полиции и ее действий из-за ожесточенной общественной и медийной критики. Так, на страницах интернет-изданий можно встретить такие заголовки: «The law enforcement profession has felt some pretty strong earthquakes over the last year» — «Профессия в сфере правоохраны пережила несколько весьма ощутимых потрясений (досл. «землетрясений») за последний год». В основе метафорического переноса лежат природные явления стихийного характера, что подчеркивает внезапность, глобальность и масштаб происходящих событий и то, насколько внезапными они стали для американского общества.

В 2015 г. среди общего количества убийств 4 % составляли убийства афроамериканцев сотрудниками полиции, из них 0,6 % — убийства невооруженных людей. В этом же году, согласно статистике, вероятность оказаться жертвой действий полиции у афроамериканца была в 2,45 раза выше. Эти цифры находятся в пределах ожидаемого, учитывая расхождения между количеством преступлений, совершаемых ими, и вероятностью противостояния аресту. Также, если учесть пропорциональное соотношение представленных расовых групп в населении США, афроамериканец подвержен риску пасть жертвой от действий полиции в 2,45 раза больше, чем белый американец. Затем следует латиноамериканец (вероятность выше в 1,24 раза) и азиат (одна треть от представленных показателей).

Вполне ожидаемо, что люди разных рас в зависимости от вероятности совершить насильственные преступления (с наиболее высокими показателями у чернокожего населения страны и наименьшими у азиатов) оказались в потенциально смертельной конфронтации с полицией [Rubenstein 2016].

Ввиду отсутствия каких-либо правительственных данных издание «The Washington Post» провело собственное расследование каждого зарегистрированного случая летального исхода стрельбы, осуществляемой сотрудниками правоохраны, в течение 2015 г. Так, было обнаружено 990 случаев со следующим расовым распределением жертв: «белые» — 50 % (495 жертв), афроамериканцы — 26,1 % (258 жертв), латиноамериканцы — 17,4 % (172 жертвы), азиаты — 1,4 % (14 жертв), другие — 5,2 % (52 жертвы) [The Washington post police shootings database 2015]. Работа «The Washington Post» была направлена на то, чтобы пролить свет на факт предвзятости полиции, однако расовая принадлежность самих полицейских, виновных в причинении смерти граждан, не указана. Подобная информация позволила бы рассмотреть проблему под новым углом. Однако в 2015 г. исследование полицейских расстрелов Министерством юстиции в Филадельфии выявило корреляцию между расовыми различиями и «неспособностью адекватно воспринимать угрозы». Под этим понимаются случаи, когда офицер застрелил безоружного подозреваемого, поскольку считал, что подозреваемый был вооружен. Оказывается, офицеры-афроамериканцы почти в два раза чаще, чем белые офицеры,

стреляют в безоружных представителей своей же расы (на офицеров-афроамериканцев приходится 11,4 % всех расстрелов против 6,8 % у белых офицеров) [The Washington post police shootings database 2015]. Так, к примеру, трое из шести офицеров, обвиненных в смерти Фредди Грея в Балтиморе, были афроамериканцами, и им были предъявлены обвинения в совершении тяжкого преступления, но в СМИ подобные детали этого инцидента по-прежнему опускаются.

Очевидно, что с обеих сторон имеются веские причины сторониться друг друга: офицеры полиции склонны предпринимать меры по обезвреживанию афроамериканцев независимо от того, вооружены они или нет, основываясь на том, что именно представители данной группы статистически совершают наибольшее количество преступлений. Сотрудники правоохранительных органов на территории США подвергаются ежедневному риску нападения и всерьез опасаются за собственную безопасность ввиду беспрецедентного роста провокаций и правонарушений со стороны протестующих. С другой стороны, афроамериканцы имеют основания считать полицейских предвзятыми, поскольку в общем соотношении именно на чернокожих жителей Америки приходится большая доля убийств при исполнении. Непонимание и страх растут и усугубляют настоящее положение дел, поскольку с каждым инцидентом растет напряжение. Так, противоборствующие организации «Black Lives Matter» и «Blue Lives Matter» (досл. «Жизни офицеров имеют значение») вывели возникшую конфронтацию на уровень всеобщего рассмотрения. Появление движения «Black Lives Matter» было обусловлено скорее не репрезентативными данными, а смертями конкретных людей, таких как Майкл Браун, Эрик Гарнер, Тамир Райс, Сандра Блэнд и Фредди Грей. Смерть Фредди Грея из-за травм, полученных при аресте в Балтиморе, также спровоцировала беспорядки, горячо поддержанные представителями «Black Lives Matter». Впоследствии общество фактически раскололось на два лагеря (несмотря на попытки примирить стороны путем организации движений вроде «All Lives Matter» — «Все жизни имеют значение» и ряда других), поддерживающих случайных жертв противостояния и соперничающих им. В сложившихся условиях информационной войны концептуальные метафоры стали не только отражением мнения каждого человека, но и средством формирования общественного мнения. Люди оставляют комментарии после каждой опубликованной на просторах Интернета статьи, и это

значит, их задевает тема или видение автора. При этом читатели готовы выражать и отстаивать свое мнение, они свободны в выражениях и могут анонимно написать все, что думают. В СМИ практически ежедневно можно встретить заголовки о том, что та или иная знаменитость выразила солидарность с представителями одной из сторон. Так, например, в своей работе Рон Мартинелли, американский журналист, заявляет: *When black racists like Al Sharpton label police as thugs and the killers of black men, they fan the flames of racial discord and empower the police haters and predatory criminals to attempt to break down the rule of law. Just as perilous is when national, state, and municipal leaders criticize police for political reasons absent forensic proof; they not only polarize the law enforcement minority communities, but light the fuses of the mentally unbalanced “tickling time bombs” among us who take this dangerous rhetoric as a sign to commit future acts of violence against the police and their communities* [Martinelli Ron, 2015]. — Когда отъявленные расисты вроде Эла Шарптона называют полицейских головорезами и убийцами афроамериканцев, они раздувают пламя расового раздора и побуждают противников сотрудников правоохраны и преступных стервятников к попыткам нарушить верховенство закона. Это опасно в той же степени, что и в тех ситуациях, когда национальные, государственные и муниципальные лидеры критикуют полицию по политическим причинам при отсутствии судебных доказательств. Они не только отделяют полицейских в общественные меньшинства, но и поджигают фитиль „тикающих бомб замедленного действия“, ментально неуравновешенных людей среди нас, что воспринимают такую опасную риторику как призыв к свершению актов насилия по отношению к правоохранителям и их окружению. В своих размышлениях Мартинелли использует метафорическую модель «ПРЕСТУПНИКИ — ЖИВОТНЫЕ», а также активно прибегает к переносам из военной сферы: люди — это бомбы, а слова — настоящее оружие. Далее он заявляет: *Police lives matter. I am sick and tired of this narrative across this country we are hearing from so many political figures that somehow the police are systemically a bunch of racist rogues* [Martinelli Ron, 2015]. — Жизни полицейских имеют значение. Я устал от рассказов из уст множества политиков по всей стране о том, что каким-то образом правоохранители — шайка расистов-бандитов. Здесь журналист выражает раздражение по поводу набирающей в

обществе популярность метафорической модели «ПОЛИЦЕЙСКИЕ — ПРЕСТУПНИКИ». Однако позицию Мартинелли разделяют далеко не все: есть и те, кто нашли выгоду в сложившихся обстоятельствах. Предприимчивые трейдеры вроде Amazon запустили продажу товаров с символикой движений (футболки, кепки и др.).

После указанных событий в 2016 и 2017 гг. наблюдается резкий скачок преступности. Были выдвинуты предположения, что общий рост вызван общим снижением эффективности полицейской деятельности, или своего рода «дезориентацией». Должностные лица ощущают огромное давление со стороны общественности и находятся под постоянным риском: именно они стали объектом ненависти и нападений со стороны озлобленных афроамериканцев. Их жизни стали подвергаться опасности из-за настоящей охоты: *At the Minnesota state fair, "Black Lives Matter" sympathizers marched and chanted, 'Pigs in a blanket, fry 'em like bacon.'* African Americans say they have felt threatened by police for years. Now, officers may be feeling that **they have targets on their backs** [Martinelli Ron, 2015]. — *На ярмарке в штате Миннесота сторонники „Black Lives Matter“ выступили, скандируя: „Сосиски в тесте, поджарим их, как бекон“. Семантика такого метафорического переноса подразумевает отождествление полицейских с едой, добычей. Афроамериканцы заявляют, что они чувствовали угрозу со стороны полиции на протяжении многих лет. Теперь же офицеры работают с ощущением, будто на их спинах нарисована мишень.* Более того, выполнение своей работы осложняется страхом, что малейшая оплошность может означать окончание карьеры. Данное явление получило название «Эффект Фергюсона»: офицер, застреливший Майкла Брауна в Фергюсоне, был вынужден уйти с работы ввиду давления СМИ и негодования общественности. При этом расследование, проведенное Министерством юстиции, установило, что действия полицейского были правомерны. Возникновение и активность движения «Black Lives Matter» привели к всплеску жесточайшей критики работы полицейских, что, вероятно, также способствовало снижению усилий, прилагаемых к борьбе с преступностью. Все более актуальными становятся призывы сотрудников правоохраны в своих интернет-блогах к прекращению агрессии: *The War on Cops in America is claiming the lives of law enforcement officers as unprovoked vicious attacks against the police are instigated and celebrated by movements like Black Lives Matter, the Nation of Is-*

*lam, and others. But if we as Americans raise our collective voice loud enough, if we unite as one people who demand that our government acts responsibly, we can effect change. And change is desperately needed if we are to stem the flow of blood being spilled by American law enforcement officers. — Война с полицией в Америке забирает жизни офицеров, в то время как жестокие атаки на сотрудников провоцируются и превозносятся такими движениями, как „Black Lives Matter“, „Исламская нация“ и другими. Но если мы, американцы, выразим свое мнение единогласно и достаточно громко, если объединимся в требовании ответственных действий со стороны правительства, мы сможем добиться перемен. И перемены нужны катастрофически, если хотим остановить поток крови, проливаемый американскими офицерами правоохраны. Эскалация конфликта в метафорическом зеркале выглядит как самая настоящая война с кровавыми жертвами и необходимостью борьбы. Опытные специалисты склонны считать, что деморализованные офицеры теперь будут меньше рисковать, и это неизбежно приведет к всплеску преступности. Некоторые из них остаются верными долгу, несмотря на все сложности и давление общественного мнения: *I swore that I would protect and serve all people — not blacks, not whites. Not all that. The oath is colorblind. — Я поклялся, что буду защищать всех людей без исключения и служить им — не только чернокожим или белым. Ничуть нет. Присяга не различает цвета.**

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов Ю. Полицейские США убивают по одному афроамериканцу в день // Взгляд. 2015. 31 мая. URL: <http://vz.ru/world/2015/5/31/748312.html>.
2. Забродина Е. Беспорядки в Фергюсоне — сигнал о внутренних проблемах в США // Российская газета. 2014. 25 нояб. URL: <http://rg.ru/2014/11/25/dolgov-site-anons.html>.
3. Кошарная С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. — Белгород: Изд-во. Белгород. ун-та, 2008. 288 с.
4. Полицейские в США часто нарушают конституционные права // РИА «Новости». 2014. 25 нояб. URL: <http://ria.ru/world/20141125/1035109182.html>.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
6. 5 stresses cops deal with that non-cops should know about // PoliceOne.com: Uniform stories. 2016. 2 Sep. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/08/four-stresses-non-cops-deal-with-that-non-cops-should-know-about.aspx>.
7. Anderson D. C. Crime and the politics of hysteria. — New York: Random House, 1995.
8. Anderson J. R. Cognitive Psychology and Its Implications / Carnegie Mellon University. — USA: Worth Publishers, 2015. 500 p. ISBN-10: 1-4641-4891-0; ISBN-13: 978-1-4641-4891-0.
9. Anderson J. R., Schunn C. D. Implications of the ACT-R learning theory: No magic bullets // Advances in instructional psychology: Educational design and cognitive science / R. Glaser (ed.). — Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. Vol. 5. P. 1—34.

10. Austin J., Irwin J. It's about time: America's imprisonment binge. 3rd ed. — Toronto ; Ontario, Canada : Wadsworth/Thomson, 2001.
11. Barlow M. H. Race and the problem of crime in "Time" and "Newsweek" cover stories, 1946 to 1995 // *Social Justice*. 1998. No. 25. P. 149—183.
12. Bryant Jennings (ed.), Zillmann Dolf (ed.). *Media effects: Advances in theory and research*. 2nd ed. — Mahwah, NJ, US : Lawrence Erlbaum Ass. Publ., 2002. X, 634 p.
13. Chiricos T., Welch K., Gertz M. The racial typification of crime and support for punitive measures // *Criminology*. 2004. No. 42. P. 358—390.
14. Gabbidon H. T., Greene V. D. Young (eds.). *African American classics in criminology and criminal justice*. P. 349—376.
15. Gallup Daily. URL: <http://www.gallup.com/>.
16. Gerbner G. *Television violence: At a time of turmoil and terror / Gender, race, and class in media / G. Dines, J. M. Humez (eds.)*. 2nd ed. — Thousand Oaks, CA : Sage, 2003. P. 339—348.
17. Gerbner George, Gross Larry, Morgan Michael, Signorielli Nancy, Shanahan James, Hawkins D. F. *Ethnicity, race, and crime: A review of selected studies // Ethnicity, race, and crime: Perspectives across time and place / D. Hawkins (ed.)*. — Albany : State Univ. of New York Pr., 1995. P. 11—45.
18. Henry F., Hastings P., Freer B. Perceptions of race and crime in Ontario: Empirical evidence from Toronto and Durham region // *Canadian Journal of Criminology*. 1996. No. 38. P. 469—476.
19. Martinelli R. America's Turning Point — The War on Police Police // *The Law Enforcement Magazine*. 2015. 1 Sept. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/09/america-s-turning-point-the-war-on-police.aspx>.
20. Mauer M. *Race to incarcerate*. — New York : New Press, 1999.
21. Newsome J., Hassan C. 'Blue lives matter' bill set for Louisiana governor's signature // *CNN*. 2016. 20 May. URL: <http://edition.cnn.com/2016/05/20/us/louisiana-blue-lives-matter-legislation/>.
22. Ramirez D., McDevitt J., Farrell A., United States. A resource guide on racial profiling data collection systems: Promising practices and lessons learned. — Washington, DC : U.S. Dept. of Justice, 2000.
23. Rubenstein E. S. *The Color of Crime — Race, Crime and Justice in America // American Renaissance*. 2016. URL: <https://www.amren.com/the-color-of-crime/>.
24. Russell K. K. The racial hoax as crime: The law as affirmation. In S. L. 2002.
25. Sigelman L., Tuch S. A. *Metastereotypes: Blacks' perceptions of Whites' stereotypes of Blacks // Public Opinion Quarterly*. 1996. No. 61. P. 87—101.
26. Stravynski A. *Fearing Others: The Nature and Treatment of Social Phobia // Cambridge Univ. Pr.*, 2007. ISBN 1139462326, 9781139462327.
27. Sutton R. Call Them "Terrorists" // *Police: The Law Enforcement Magazine*. 2015. 24 Sept. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/09/call-them-terrorists.aspx>.
28. Largest US police union asks Amazon to pull 'offensive' Black Lives Matter shirt // *The Guardian*. 2016. 23 Dec. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/dec/23/amazon-black-lives-matter-police-union-t-shirt>.
29. The Huffington post. URL: <http://www.huffingtonpost.com/>.
30. The United States of Crazy // *American Police Beat*. 2015. 6 May. URL: <https://apbweb.com/texas-operation-jade-helm-15/>.
31. The Washington post police shootings database. 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/national/police-shootings-2016/>.
32. Top Cop Pow-Wow // *American Police Beat*. 2015. 17 Oct. URL: <https://apbweb.com/top-cop-pow-wow/>.
33. Uniform Stories. URL: <http://uniformstories.com/articles/opinion-category/4-stresses-cops-deal-with-that-non-cops-should-know-about>.
34. Welch K. *Black Criminal Stereotypes and Racial Profiling // Journ. of Contemporary Criminal Justice*. 2007. Vol. 23. No. 3. P. 276—288. DOI: 10.1177/1043986207306870. URL: <http://ccj.sagepub.com/content/23/3/276.short?rss=1&ssource=mfr>.
35. Wikipedia, the free encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>.

A. I. Zolotaiko
Ekaterinburg, Russia

BIAS OF US LAW ENFORCEMENT OFFICIALS IN THE PUBLIC OPINION DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with the problem of the African American community confrontation with police officers of the United States on the basis of racial stereotyping of criminals in the US in the discourse of public opinion; it also analyzes the reasons for the emergence of stable links between blacks and crime. The author analyzes metaphorical expressions reflecting the state of the participants in the confrontation, and studies statistical data to determine the bias of law enforcement officers in relation, first of all, to representatives of African-American communities. The established conceptual links are analyzed by means of a broad approach to the choice of research material, which allows capturing a significant and varied amount of information. The author studies the reasons for the inadequate and brutal behavior of both sides in relation to each other, as well as the reasons for the formation of official movements "Black lives matter" and "Blue lives matter". There is also reference to data on the number of civilian casualties and law enforcement officials given, as well as the number of skirmishes between the conflicting parties, which caused riots and a broad public response in the media.*

KEYWORDS: *police officers killed; police officers; ethnic stereotypes; ethnic group; race relations; race stereotypes; law enforcement institutions; police; interethnic relations; public opinion discourse; public opinion; African American.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zolotaiko Anastasia Igorevna, Lecturer, Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Internal Affairs of the Russian Federation, Post-graduate Student of the Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bogdanov Yu. Politseyskie SShA ubivayut po odnomu afroamerikantsu v den' // *Vzglyad*. 2015. 31 maya. URL: <http://vz.ru/world/2015/5/31/748312.html>.
2. Zabrodina E. Besporядki v Fergjusone — signal o vnutrennikh problemakh v SShA // *Rossiyskaya gazeta*. 2014. 25 noyab. URL: <http://rg.ru/2014/11/25/dolgov-site-anons.html>.
3. Kosharnaya S. A. Mif i yazyk: opyt lingvokulturologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira. — Belgorod : Izd-vo Belgorod. un-ta, 2008. 288 s.
4. Politseyskie v SShA chasto narushayut konstitutsionnye prava // *RIA «Novosti»*. 2014. 25 noyab. URL: <http://ria.ru/world/20141125/1035109182.html>.
5. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika*. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.
6. 5 stresses cops deal with that non-cops should know about // *PoliceOne.com: Uniform stories*. 2016. 2 Sep. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/08/four-stresses-non-cops-deal-with-that-non-cops-should-know-about.aspx>.
7. Anderson D. C. *Crime and the politics of hysteria*. — New York : Random House, 1995.
8. Anderson J. R. *Cognitive Psychology and Its Implications / Carnegie Mellon University*. — USA : Worth Publishers, 2015. 500 p. ISBN-10: 1-4641-4891-0; ISBN-13: 978-1-4641-4891-0.
9. Anderson J. R., Schunn C. D. *Implications of the ACT-R learning theory: No magic bullets // Advances in instructional psychology: Educational design and cognitive science / R. Glaser (ed.)*. — Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2000. Vol. 5. P. 1—34.
10. Austin J., Irwin J. It's about time: America's imprisonment binge. 3rd ed. — Toronto ; Ontario, Canada : Wadsworth/Thomson, 2001.
11. Barlow M. H. Race and the problem of crime in "Time" and "Newsweek" cover stories, 1946 to 1995 // *Social Justice*. 1998. No. 25. P. 149—183.

12. Bryant Jennings (ed.), Zillmann Dolf (ed.). *Media effects: Advances in theory and research*. 2nd ed. — Mahwah, NJ, US : Lawrence Erlbaum Ass. Publ., 2002. X, 634 p.
13. Chiricos T., Welch K., Gertz M. The racial typification of crime and support for punitive measures // *Criminology*. 2004. No. 42. P. 358—390.
14. Gabbidon H. T., Greene V. D. Young (eds.). *African American classics in criminology and criminal justice*. P. 349—376.
15. Gallup Daily. URL: <http://www.gallup.com/>.
16. Gerbner G. Television violence: At a time of turmoil and terror // *Gender, race, and class in media / G. Dines, J. M. Humez (eds.)*. 2nd ed. — Thousand Oaks, CA : Sage, 2003. P. 339—348
17. Gerbner George, Gross Larry, Morgan Michael, Signorielli Nancy, Shanahan James, Hawkins D. F. Ethnicity, race, and crime: A review of selected studies // *Ethnicity, race, and crime: Perspectives across time and place / D. Hawkins (ed.)*. — Albany : State Univ. of New York Pr., 1995. P. 11—45.
18. Henry F., Hastings P., Freer B. Perceptions of race and crime in Ontario: Empirical evidence from Toronto and Durham region // *Canadian Journal of Criminology*. 1996. No. 38. P. 469—476.
19. Martinelli R. America's Turning Point — The War on Police Police // *The Law Enforcement Magazine*. 2015. 1 Sept. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/09/america-s-turning-point-the-war-on-police.aspx>.
20. Mauer M. *Race to incarcerate*. — New York : New Press, 1999.
21. Newsome J., Hassan C. 'Blue lives matter' bill set for Louisiana governor's signature // *CNN*. 2016. 20 May. URL: <http://edition.cnn.com/2016/05/20/us/louisiana-blue-lives-matter-legislation/>.
22. Ramirez D., McDevitt J., Farrell A., United States. A resource guide on racial profiling data collection systems: Promising practices and lessons learned. — Washington, DC : U.S. Dept. of Justice, 2000.
23. Rubenstein E. S. *The Color of Crime — Race, Crime and Justice in America // American Renaissance*. 2016. URL: <https://www.amren.com/the-color-of-crime/>.
24. Russell K. K. The racial hoax as crime: The law as affirmation. In S. L. 2002.
25. Sigelman L., Tuch S. A. Metastereotypes: Blacks' perceptions of Whites' stereotypes of Blacks // *Public Opinion Quarterly*. 1996. No. 61. P. 87—101.
26. Stravynski A. *Fearing Others: The Nature and Treatment of Social Phobia // Cambridge Univ. Pr., 2007. ISBN 1139462326, 9781139462327*.
27. Sutton R. Call Them "Terrorists" // *Police: The Law Enforcement Magazine*. 2015. 24 Sept. URL: <http://www.policemag.com/blog/patrol-tactics/story/2015/09/call-them-terrorists.aspx>.
28. Largest US police union asks Amazon to pull 'offensive' Black Lives Matter shirt // *The Guardian*. 2016. 23 Dec. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/dec/23/amazon-black-lives-matter-police-union-t-shirt>.
29. The Huffington post. URL: <http://www.huffingtonpost.com/>.
30. The United States of Crazy // *American Police Beat*. 2015. 6 May. URL: <https://apbweb.com/texas-operation-jade-helm-15/>.
31. The Washington post police shootings database. 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/national/police-shootings-2016/>.
32. Top Cop Pow-Wow // *American Police Beat*. 2015. 17 Oct. URL: <https://apbweb.com/top-cop-pow-wow/>.
33. Uniform Stories. URL: <http://uniformstories.com/articles/opinion-category/4-stresses-cops-deal-with-that-non-cops-should-know-about>.
34. Welch K. Black Criminal Stereotypes and Racial Profiling // *Journ. of Contemporary Criminal Justice*. 2007. Vol. 23. No. 3. P. 276—288. DOI: 10.1177/1043986207306870. URL: <http://ccj.sagepub.com/content/23/3/276.short?rss=1&ssource=mfr>.
35. Wikipedia, the free encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>.

С. А. Зуева
Москва, Россия

СЛОВАРЬ БЛОГОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «ГАРДИАН»)

АННОТАЦИЯ. В данной статье проводится анализ языка политических блогов на интернет-портале газеты «Гардиан». Политические блоги являются одной из рубрик газеты и публикуются только в Интернете. Одним из серьезных отличий блогов от традиционных газетных текстов является возможность публиковать полные тексты предвыборных выступлений кандидатов, речи политических деятелей, несокращенные интервью и пр. Важным преимуществом электронного издания является возможность живого общения с читателями, а главное организация среды для общения между читателями. В рамках исследования описывается состав словаря политических блогов, а также раскрываются тематические и стилистические отличия словаря политических блогов по сравнению с газетной лексикой. В качестве основы для исследования используются комплекты газет «Гардиан» за 2008 и 2013 год (58 млн словоупотреблений). Для выполнения поставленных задач применяется метод определения ключевых слов для подкорпуса текстов, входящего в больший корпус текстов, описанный А. Я. Шайкевичем. Блоги активно реагируют на главные информационные поводы. Тематические всплески выводят отдельные слова в ранг ключевых по данному подкорпусу. Блоги редко формируют повестку дня, значительно чаще они ограничиваются обсуждением темы, уже освещенной традиционными СМИ. Тематически лексика блогов совпадает с представлением о словаре политической газетной лексики (базовые политические термины, слова, описывающие парламентские функции, процедуру голосования, и пр.). К тематическим и стилистическим особенностям политических блогов относятся использование эмоционально окрашенной лексики, лексики для цитирования, аргументации, разговорной лексики, сокращений, аббревиатур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические блоги; журналистика; средства массовой информации; медиадискурс; газетная лексика; корпусная лингвистика; лингвостатистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зуева Светлана Александровна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук; 119517, Россия, г. Москва, ул. Нежинская, 21; e-mail: gzueva@gmail.com.

«Гардиан», одна из самых известных ежедневных газет в Великобритании, выходит с 1821 г., а с 1995 г. ее отдельные рубрики начали публиковаться на официальном веб-сайте и таким образом стали доступными для миллионов читателей по всему миру. Число пользователей Глобальной сети увеличивается каждый день, поэтому не удивительно, что периодические издания также стремятся занять свою нишу в данном пространстве, расширяя круг читателей. Если в 2003 г. ежедневный тираж газеты составлял 360 тыс. экземпляров, то во второй половине 2015 г. печатается уже 164 тыс. [Blog]. При этом портал *theguardian.com* посещают каждый день около 9 млн читателей [Circulation of The Guardian...]. Тенденция очевидна, эксперты лишь задаются вопросом, когда печатные издания полностью перейдут на электронный формат. Портал не только содержит практически весь контент газеты «Гардиан», но и большое количество материалов, которые разрабатываются исключительно для него. Часто событие попадает сначала на портал и только потом появляется в печатном номере. Интересно, что «Гардиан» позволяет читателям участвовать в разработке контента. Некоторые статьи частично или полностью создаются читателями газеты (в таком случае в качестве автора статьи указываются *The Guardian readers*).

Блог (blog) — термин для обозначения отдельного веб-сайта или раздела веб-сайта, который содержит материалы, написанные чаще одним автором, а сообщения появляются в обратном хронологическом порядке. Впервые данный термин был ис-

пользован в 1999 г. и является сокращением другого — *weblog*. Сейчас исследователи занимаются вопросами роли блогов и силы их влияния на общественное мнение. Например, работа Ричарда Дэвиса «Роль блогов в американской политике» посвящена вопросам влияния блогов на процессы установки повестки дня, роли профессиональных журналистов и аудитории блогов [Davis 2009]. Однако язык блогов не часто становится объектом лингвистических исследований. Разновидностью рубрик газеты «Гардиан» являются политические блоги, но, в отличие от других рубрик, опубликованных в Интернете, эти рубрики никогда не появляются в печати и являются своеобразным ответом на потребности современного высокотехнологичного общества. Политические блоги освещают события в режиме реального времени, например, может проводиться письменная трансляция пресс-конференций премьер-министра или традиционной сессии ответов премьер-министра на вопросы членов парламента (сеанс вопросов к премьер-министру (Prime Minister's Questions (PMQs)) происходит традиционно каждую среду в полдень во время заседания палаты общин), отражают реакции в форме развернутых наблюдений или сжатых сообщений на последние события внутренней и внешней политики страны. Одним из серьезных отличий блогов от традиционных газетных текстов является возможность публиковать полные тексты предвыборных выступлений кандидатов, речи политических деятелей, несокращенные интервью и пр. Если в газете описываются только основные эта-

пы и важнейшие события общегосударственных выборов, то электронная публикация текстов в блогах позволяет следить в подробностях за ходом кампании, приводить максимально полные цитаты выступлений кандидатов, давать подробные комментарии и оценку происходящим событиям. Важным преимуществом электронного издания является возможность живого общения с читателями, а главное организация среды для общения между читателями. Для этих целей на портале существует не только стандартная возможность оставлять комментарии под каждой статьей, но и отдельный блог *Politics Live: readers' edition*, где пользователи общаются, обмениваются новостями, получают открытую площадку для публикации своего мнения о политических событиях, а также для освещения новых событий, которые они считают важными. Пользователи делятся ссылками на интересные статьи в других журналах, политическими новостями, а также обсуждают все, что посчитают важным.

Можно полагать, что описанные различия между рубриками приведут к разной организации политической лексики в них. Картина, открывающаяся в серьезной авторской

рубрике, будет отличаться от того, что мы обнаружим в таблоиде или в колонке с политическими интервью.

Задача настоящего исследования — описать состав словаря, стилистические и тематические особенности политических блогов в газете «Гардиан». В качестве эмпирической основы для исследования были использованы комплекты газет «Гардиан» за 2008 и 2013 г. (58 млн словоупотреблений; комплекты газет «Гардиан» за 2013 и 2008 г. были получены с сайта *theguardian.co.uk*). Для работы был сформирован корпус политических статей из выпусков данных годовых (16 млн словоупотреблений), а также выделен подкорпус политических блогов, состоящий из нескольких рубрик-блогов (2 млн словоупотреблений). Для комплектов газеты «Гардиан» за 2008 и 2013 г. (500 000 разных слов), политического корпуса (158 000 разных слов) и подкорпуса политических блогов (54 000 разных слов) были составлены частотные словари.

Авторская структура блогов газеты Гардиан по авторам представлена на диаграммах ниже (см. рис. 1, 2).

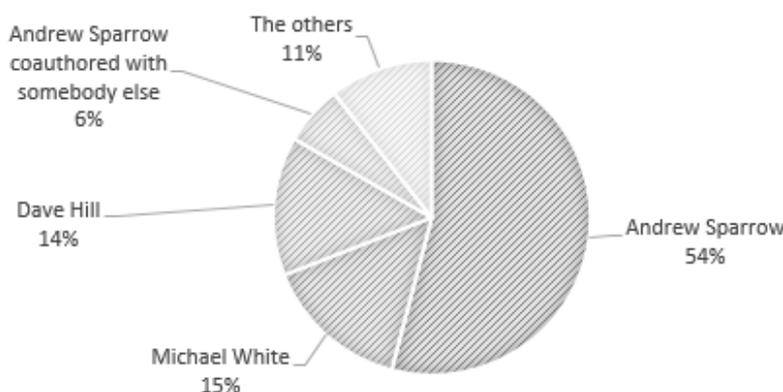

Рис 1. Структура блогов по авторам (2008)

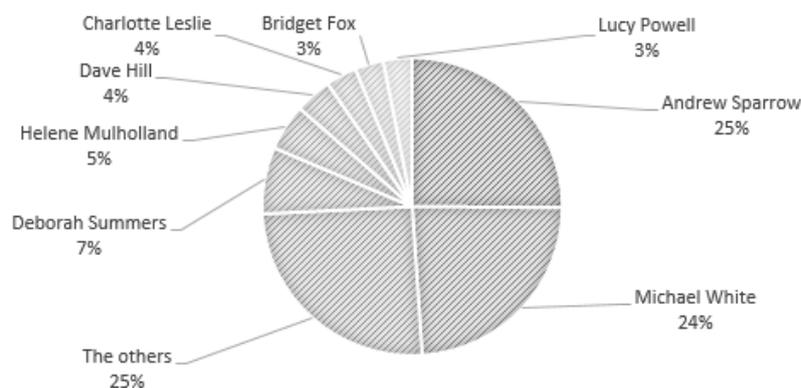

Рис 2. Структура блогов по авторам (2013)

На диаграммах видно, что по сравнению с 2008 г. в 2013 г. круг авторов, которые ведут свои собственные политические блоги, расширился. Интересно, что даже Дэвид Кэмерон ведет собственный блог [Jackson 2016; David Cameron], который является открытой площадкой для публикации его размышлений о происходящих политических событиях. В совокупности двух лет полученный подкорпус политических блогов является сбалансированным.

Существуют различные меры определения специфичной лексики для подкорпуса текстов, который входит в больший корпус текстов. Все эти меры опираются на расхождения двух величин в подкорпусе: f — наблюдаемой частоты и m — математического ожидания частоты при осуществлении нулевой гипотезы (предположения о том, что вероятности в подкорпусе не отличаются от вероятностей в большом корпусе). Мы будем пользоваться следующей формулой определения ключевых слов (специфической лексики) подкорпуса [Shaikovich 2001]:

$$S = \frac{f-m-1}{\sqrt{m}} \quad (1)$$

Слова со значениями $S \geq 3$ следует считать полезными для анализа корпуса или подкорпуса текстов. Рассмотрим пример.

Частота слова (F) *photograph* в политическом корпусе газеты составляет 2390. Чтобы вычислить математическое ожидание появления слова *photograph* в подкорпусе блогов, применим формулу: $m = F \times p = 286$ (доля (p) подкорпуса блогов (1 913 845 словоупотреблений) по отношению к политическому корпусу газеты «Гардиан» (15 972 496 словоупотреблений): $p \approx 0,12$). Таким образом, мы ожидаем, что слово *photograph* встретится 286 раз в подкорпусе блогов. Реальная частота (f) слова в подкорпусе блогов равна 935. Применяя формулу (1), мы получаем:

$$S = \frac{f - m - 1}{\sqrt{m}} = 38$$

При таких высоких значениях S можно с уверенностью говорить, что данное слово является ключевым для подкорпуса блогов по отношению к политическому корпусу.

Интересующий нас подкорпус блогов может сравниваться как с общим корпусом газеты «Гардиан» (первая задача), так и с подкорпусом политических блогов (вторая задача). В рамках первой поставленной задачи (описать состав словаря) сравним корпус и входящий в него подкорпус политических блогов, используя описанный выше метод. Полученные ключевые слова (приблизительно 4000 разных слов, $S \geq 3$) совпадают с представлением о составе политического словаря газеты (подробнее об этом

см.: [Зуева 2016: 99—105]). Можно выделить несколько групп ключевых слов. Рассмотрим некоторые из них. Большинство ключевых слов описывают правительство: *government, Whitehall, minister, chancellor, statesman, council, councilor, Downing Street, White House, Secretary of State*; парламент и партийный аппарат: *Communist party, Conservative party, Democratic party, Green party, Labour party, member of parliament, Minister of State, Foreign Office, House of Commons, House of Lords, Westminster, backbench, frontbench, crossbench, Commons, Lords, cabinet, lobby, lobbyists, backbencher, frontbencher, parliament, MP, benches, chamber*; парламентские процедуры: *amend, amendment, all-party, cross-party, Hansard* (официальный отчет о заседаниях британского парламента), *Tory, Labour*. Важнейшей частью политического словаря газеты являются базовые политические понятия: *constitutional, democracy, superstate, sovereign, sovereignty, nation, national, mandate, libertarian, populist, democrat, democratic, populism, conservative* — а также идеологические абстракции: *socialism, nationalism, traditionalists, Toryism, liberalism, conservatism, radicalism, isolationism, unionism, populism, Cameronism, Thatcherism, republicanism, localism, opportunism, reformism*. Пример (The Guardian 2008, Politics blog): *He believes Cameronism represents "genuine radicalism"*.

Особое значение имеет тема выборов, процедуры голосования: *electioneering, elections, electoral, electorate, poll, pollster, referendum, vote, voter, unelectable, unelected, pre-election, ballot, abstain, abstaining, canvassing, constituencies, constituency, constituents, campaign, candidate, election, by-election*. Выделяется тема социальной политики государства: *workfare, disability, disabled, immigrants, immigration, families, education, housing, benefit, NHS (National Health Service), earners, hospital*.

Если **сравнение подкорпуса политических блогов с общим корпусом газеты «Гардиан»** предсказуемо раскрывает его тематические особенности, то результаты, которые можно получить, **сравнивая подкорпус политических блогов с политическим корпусом газеты «Гардиан» (вторая задача)**, не столь очевидны. Используя описанный выше метод, сопоставим политический корпус и входящий в него подкорпус политических блогов. Список ключевых слов подкорпуса политических блогов «Гардиан» приближается к 2 тысячам и включает, например, такие: *suggests, blogger, speculation, campaign, elections, referendum, excerpt, expects, explain, mentions, say, backbenchers, vote, actually, admittedly, u-turn*,

PLP, C2C.

Блоги активно реагируют на главные информационные поводы. Тематические всплески выводят отдельные слова в ранг ключевых по данному подкорпусу. Например, в 2008 г. одним из важных событий были местные выборы, что демонстрируют многочисленные ключевые слова, описывающие процедуру голосования и лидирующие партии: *running, running-mate, by-election, vote, voters, candidate, campaign, nominee, election, polling, polls, turnout, lose, win, Conservative, Tory, Unionist, Labour, Lib, Dem, Dems*. В 2013 г. проходит торжественная церемония похорон бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. В блогах происходило подробное освещение данного события, таким образом среди ключевых слов мы встречаем следующие: *coffin, state funeral, Thatcher's funeral, Iron Lady, ceremonial funerals*.

Важный вывод, который следует из полученных результатов — блоги редко формируют повестку дня, значительно чаще они ограничиваются обсуждением темы, уже освещенной традиционными СМИ. Интересно, что в процессе обсуждения возможно формирование нового взгляда на событие или возвращение к жизни давно забытого информационного повода.

Интернет-пространство позволяет блогам проводить письменную трансляцию информации о любом событии без ограничения в объеме написанных текстов. Данная особенность отражает разницу в формате электронного и печатного издания. Печатное издание предлагает ограниченный комплект новостей, рассчитанный на среднего читателя из целевой аудитории, в то время как интернет-пространство содержит разнообразный набор новостных сообщений, учитывающих интересы каждого отдельного читателя (в частности, это реализовано за счет ссылок на рекомендованные статьи для каждого читателя). Типичными для словаря политических блогов являются ключевые слова, отражающие их техническую сторону: *post, posted, blog, blogged, blogger, blogging, blogosphere, blogposts, commentary, commenting, comments, quote, quoting, visualisations, instant, interactive, interactivism, update*. Примеры (The Guardian, 2008, Politics blog):

1. *Early verdicts from the **blogosphere** suggest that the chancellor has been making the snooze more than the news.*

2. *There's a neat Guardian **interactive graphic** here which shows all five polls on a chart.*

3. *5.10pm: The Labour MP Nick Palmer, a regular contributor to the PoliticalBetting **website**, has **posted** his own thoughts on the Poli-*

ticsHome survey.

Одна из важных особенностей блогов — реакция на новостные события в режиме реального времени; это подчеркивают ключевые слова, выражающие привязку к моменту времени: *afternoon, day, midday, mid-morning, morning, morning's, night, night's, now, nowadays, overnight, today, today's, tomorrow, tonight, tonight's*. Примеры (The Guardian, 2008, Politics blog):

1. *11.15am: **Minute-by-minute** coverage of today's PMQs from midday.*

2. ***Tonight's** meeting of the parliamentary Labour party was largely one big show of unity.*

3. *But funnily enough there's no mention of this in the statement from John Healey, the local government minister, announcing the decision **this afternoon**.*

Блоги являются рубрикой электронной газеты и, соответственно, для них также характерна специальная публицистическая терминология: *quote, coverage, cover-up, coverage, describes, detail, report, comment, reader, reporting, published, reports, extract, detail, excerpt, interview, headline*. Примеры (The Guardian, 2008, Politics blog):

1. *But the photo I had been looking at sat next to a **headline** which proclaimed: "Our Loss Isn't In Vain."*

2. *You can see familiar contortions in the BBC **website's** reporting of its own shared poll this week.*

3. *The poll, **published** in the Sunday Telegraph, put the Tories on 43 %, Labour on 30 % and the Lib Dems on 18 %.*

Множественные трансляции, полные тексты интервью, подробное цитирование выводят глаголы говорения в ранг ключевых для политического словаря блогов: *ask, answer, declare, announce, say, speak, tell, think, question, answer, declare, announce, repeat, respond, question, reply, mention, talk*.

Данный список дополняют глаголы для выражения согласия и несогласия, передачи утверждения, возражения, которые используются для аргументации, спора, диспута и прочего: *agree, debate, admit, argue, debate, promise, disagree, discuss, negotiate, suggest, accept, apologies, blame, concede, conclude, express, explain, reply, question, knocking*. Примеры (The Guardian, 2008, Politics blog):

1. *Thus on health spokesman Andrew Lansley's **argument** that fat people only had themselves to blame.*

2. *Mayor Ken visited Islington at the weekend (there must be an election on) **talking** about Iraq, and **knocking** Boris Johnson for voting for the war.*

3. *If he wins City Hall we can look forward to his attempting to **negotiate** a no-strike agree-*

ment with Bob Crow.

Язык политических блогов имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску: *accuses, applause, apologies, congratulate, blame, regrets, criticising, fascinating, likeable, sceptical, sarcastically, joyful, surprise, cheerful, cheering, happy, lovely, politely, speculates, speculation, tricky, weak, rumour*. Примеры (The Guardian, 2008, Politics blog):

1. *The public mood is **hostile** to further tax increases and **sceptical** that it is getting value from all the money that has cascaded into public services.*

2. *“Can we hear more about this **fascinating** and under-reported part of the country?” a Guardian letter-writer once **sarcastically** demanded.*

3. *No-one has explained why we would **cheerfully** sell arms to a country that made threats to our own security.*

Целевая аудитория печатной газеты и электронных блогов различается; среди ключевых слов встречаются разговорные и жаргонные элементы, что свидетельствует об использовании в блогах менее официального стилового регистра: *actually, oh, OK, yes, Beeb* (Би-би-си), *chappie* (паренек, парнишка, мальчуган), *politico* (политикан; политический деятель), *rascal* (жулик, мошенник, плут), *pop into* (внезапно появляться), *bumped into* (натолкнуться на (кого-л.)), *copper* (полицейский), *fruitcake* (псих), *clowns, chum* (приятель). Примеры (The Guardian, 2008, Politics blog):

1. *The Labour leader was shy; but Ashcroft, the billionaire **politico**, knows a likely future prime minister when he sees one, and he didn't give up easily.*

2. *Plenty of other MPs in all parties lead quietly virtuous lives doing good, just like Dorothea Brooks in Middlemarch. Even **rascals** do good too sometimes.*

3. *Yesterday Kenneth Clarke, the minister without portfolio, described Ukip as a bunch of **clowns, fruitcakes and closet racists**.*

Язык блогов стремится к экономии формальных языковых средств, увеличивая скорость передачи информации от автора к читателю. Передаче большего количества информации за меньшее время служит использование сокращенных грамматических форм: *didn't, doesn't, hasn't, haven't, he'd, he'll, here's, he's, I'll, I'm, isn't, it's, I've, there's, they're, they've, wasn't, we'll, we've, what's, who's, won't*. Еще в большей степени, чем в печатной газете, для блогов характерно использование аббревиатур и сокращений: *PLP* (Parliamentary Labour Party), *albeit* (all though it be (that)), *BST* (British Standard Time), *C2C* (consumer to consumer), *DC* (Dis-

trict of Columbia), *Dem* (*Democrat*), *Lib Dems* (*Liberal Democrats*), *ETC* (export trading company), *FSA* (Financial Services Authority), *FT* (“Financial Times”), *G8* (Group of Eight), *GM* (General Manager), *GMB* (General, Municipal, Boilermakers and Allied Trade Union), *Govt* (government), *IMF* (International Monetary Fund), *RBS* (Royal Botanic Society). Примеры предложений с аббревиатурами (The Guardian, 2008, Politics blog):

***Lib Dems** have beaten Labour, getting 25 % of the **PNS**. Tony Lloyd, chair of **PLP**, is now up on the BBC saying: “It's not a good night.” **He's** been critical of Brown very recently — at the first meeting of Brown with the **PLP** over the abolition of the 10p tax.*

Таким образом, используя описанный выше метод определения ключевых слов, мы сравнили подкорпус блогов с двумя корпусами: общим корпусом газеты «Гардиан» и ее же корпусом политических статей за 2008 и 2013 г. Данный подход позволил нам описать состав словаря политических блогов и определить специфику лексики в публикациях указанной тематики. Тематически лексика блогов соответствует представлениям о словаре газетных политических материалов. Анализ полученных ключевых слов подкорпуса блогов в соотношении с политическим корпусом газеты демонстрирует тематические и стилистические особенности политических блогов: использование эмоционально окрашенной лексики, лексики для цитирования, аргументации, разговорной лексики, сокращений, аббревиатур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуева С. А. Центр и периферия политического словаря газеты (на материале английских газет «Таймс» и «Гардиан») // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 99—106.
2. Пуля В. Трансформация «Гардиан» в цифровую эпоху // Mediatoolbox. 2014. 10 июня. URL: <http://mediatoolbox.ru/blog/transformatsiya-gardian-v-tsifrovuyu-epohu/>.
3. Шайкевич А. Я., Андрущенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850—1870-х гг. Т. 1. М.: ЯСК, 2013.
4. Blog // Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/blog>
5. Circulation of The Guardian in the United Kingdom (UK) from 1st half 2003 to 2nd half 2016 (in 1,000 copies) // Statista : the statistics portal. URL: <https://www.statista.com/statistics/288278/circulation-trend-of-the-guardian-newspaper-uk/>.
6. David Cameron diaries. URL: <https://www.theguardian.com/politics/series/davidcamerondiaries>.
7. David Cameron. URL: <https://www.theguardian.com/profile/davidcameron>.
8. Davis R. Typing Politics: The Role of Blogs in American Politics. — Oxford; New York : Oxford Univ. Pr., 2009.
9. Guardian reports strong print and digital ABC figures in April // The Guardian. 2016. 19 May. URL: <http://www.theguardian.com/gnm-press-office/2016/may/19/guardian-reports-strong-print-and-digital-abc-figures-in-april>.
10. Historical events in 2013. URL: <http://www.historyorb.com/events/date/2013>.
11. History of the Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/gnm-archive/2002/jun/06/1>.
12. Jackson J. Independent, Mirror, Express and Star suffer

sharp fall in traffic // The Guardian. 2016. 17 March. URL: <http://www.theguardian.com/media/2016/mar/17/independent-mirror-express-and-star-suffer-sharp-fall-in-traffic>.

13. National Readership Survey. URL: <http://www.nrs.co.uk/>

S. A. Zueva

Moscow, Russia

BLOG VOCABULARY IN POLITICAL NEWSPAPER (BASED ON THE GUARDIAN)

ABSTRACT. *article analyzes the language of political blogs on the web site of The Guardian. Political blogs are one of the sections of the newspaper, but they are published only on the Internet. One of the interesting differences of a political blog from traditional newspaper texts is the possibility to publish full versions of candidates' addresses, speeches of political leaders, unabridged interviews, etc. The advantage of the on-line version is the possibility of "live" communication with the readers, and the existence of the platform for such communication. This research describes the vocabulary of political blogs and lists the stylistic and issue-related differences between the words of political blogs and those of newspaper. The material for this research is made of the issues of The Guardian published in 2008 – 2013 (around 58 mln. words). To reach the goals we used the method of keywords identification for the sub-corpus of texts included in the larger corpus; it was described by A.Ya. Shaikevich. Blogs are very perceptive to the newsbreaks. Breaking news make some words keywords for this or that sub-corpus. It is very seldom that blogs may form agenda, they just discuss the topic covered in the media. The vocabulary of blogs coincides with the vocabulary of political newspaper (basic political terms words that describe parliamentary functions, voting procedure, etc.). The topic-related and stylistic peculiarities of political blogs include emotionally colored words, quotations, argumentation, colloquial words, shortenings and abbreviations.*

KEYWORDS: *political blogs; journalism; mass media; media discourse; newspaper vocabulary; corpus linguistics; linguo-statistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zueva Svetlana Aleksandrovna, Degree Applicant, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Zueva S. A. Tsentri i periferiya politicheskogo slovaryazhety (na materiale angliyskikh gazet «Tayms» i «Gardian») // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 99—106.

2. Pulya V. Transformatsiya «Gardian» v tsifrovuyu epokhu // Mediatoolbox. 2014. 10 iyunya. URL: <http://mediatoolbox.ru/blog/transformatsiya-gardian-v-tsifrovuyu-epokhu/>.

3. Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. Distributivno-statisticheskiy analiz yazyka russkoy prozy 1850—1870-kh gg. T. 1. M.: YaSK, 2013.

4. Blog // Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/blog>

5. Circulation of The Guardian in the United Kingdom (UK) from 1st half 2003 to 2nd half 2016 (in 1,000 copies) // Statista: the statistics portal. URL: <https://www.statista.com/statistics/288278/circulation-trend-of-the-guardian-newspaper-uk/>.

6. David Cameron diaries. URL: <https://www.theguardian.com/politics/series/davidcamerondiaries>.

7. David Cameron. URL: <https://www.theguardian.com/profile/davidcameron>.

latest-results/nrs-padd-results/mobile/

14. Shaikevich A. Y. Contrastive and comparable corpora: quantitative aspects // International journal of corpus linguistics. 2001. Vol. 6. P. 229—255.

8. Davis R. Typing Politics: The Role of Blogs in American Politics. — Oxford; New York: Oxford Univ. Pr., 2009.

9. Guardian reports strong print and digital ABC figures in April // The Guardian. 2016. 19 May. URL: <http://www.theguardian.com/gnm-press-office/2016/may/19/guardian-reports-strong-print-and-digital-abc-figures-in-april>.

10. Historical events in 2013. URL: <http://www.historyorb.com/events/date/2013>.

11. History of the Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/gnm-archive/2002/jun/06/1>.

12. Jackson J. Independent, Mirror, Express and Star suffer sharp fall in traffic // The Guardian. 2016. 17 March. URL: <http://www.theguardian.com/media/2016/mar/17/independent-mirror-express-and-star-suffer-sharp-fall-in-traffic>.

13. National Readership Survey. URL: <http://www.nrs.co.uk/latest-results/nrs-padd-results/mobile/>

14. Shaikevich A. Y. Contrastive and comparable corpora: quantitative aspects // International journal of corpus linguistics. 2001. Vol. 6. P. 229—255.

А. И. Милостивая
Ставрополь, Россия

ЖУРНАЛИСТ КАК ДИЕГЕТИЧЕСКИЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ (ОПЫТ СОЦИОКРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РЕПОРТАЖЕЙ Г. ВАЛЬРАФА)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию особенностей диегетического повествования в газетном нарративе. Основная цель статьи — изучение коммуникативно-прагматических характеристик массмедийного репортажа при модификации полихронотопной модели газетного нарратива путем транспозиции речевого акта между автором нарратива и его читателем в сферу коммуникативного действия описываемых акторов. В качестве примера диегетического журнализма рассмотрены репортажи Г. Вальрафа, являющегося ярким представителем немецкой исследовательской журналистики. Журналистские расследования Г. Вальрафа проводятся с использованием метода включенного наблюдения, при этом журналист маскируется под одного из описываемых персонажей и ведет тем самым коммуникацию в диегезисе. В фокус исследовательского интереса автора статьи попали нарративы «Г. Вальраф среди бездомных», «Г. Вальраф в образе афроевропейца» и «Г. Вальраф на хлебобулочной фабрике торговой сети „Лидл“», которые направлены на всестороннее освещение «громких» негативных явлений в общественной или политической сфере. Для решения поставленных задач в статье, кроме описательного метода, были использованы приемы контекстуального и герменевтического анализа. Наши наблюдения показали, что прагматически маркированными нарративными позициями являются хронотоп, голоса нарратора и персонажей, а также специфика их взаимодействия с читательской аудиторией. В статье сделан вывод о релевантности нарративной техники речектовой синергии как средства оптимизации персуазивного эффекта проводимого в репортаже разоблачения посредством транспозиции журналиста-нарратора в среду персонажей и получения им возможности коммуницировать как с описываемыми акторами, так и с читателем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: газетный нарратив; репортажи; журналисты; исследовательская журналистика; медиадискурс; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Милостивая Александра Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет; 355008, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; e-mail: xyscha@mail.ru.

Принцип антропоцентризма, определяющий особенности развития гуманитарных наук последних лет, ставит во главу угла когнитивно-коммуникативные аспекты вербальной интеракции. При этом все чаще и чаще в фокус исследовательских интересов попадает речевая коммуникативная деятельность автора текста или нарратива. В данной статье мы обратимся к анализу газетного нарратива, который построен особым образом: автор текста, одновременно выступающий в функции повествователя, перемещается здесь в темпорально-локальное пространство описываемых персонажей, становясь одним из них. При этом имеет место модификация полихронотопной модели газетного нарратива путем транспозиции коммуникативного акта между автором нарратива (в том числе журналистом-повествователем) и его читателем в сферу коммуникативного действия описываемых акторов, что приводит к отождествлению всех четырех возможных в повествовании коммуникативных континуумов: автор текста — читатель, персонаж 1 — персонаж 2, автор текста — персонаж, персонаж — читатель.

В традиционной нарративной теории данная повествовательная техника носит название диегезиса. Далее мы рассмотрим различные трактовки данного понятия в корреляции с типами позиционной структуры автора-повествователя с тем, чтобы выявить базовую для нашего анализа деятельности журналиста в диегетическом повествовательном пространстве.

Л. В. Татару выделяет следующие типы возможной позиционной организации адресанта нарратива.

1. Аукториальное повествование от лица всезнающего «он»-нарратора, занимающего внешнюю позицию по отношению к участникам повествуемой истории.
2. Повествование от диегетического повествователя-наблюдателя «он», который является внутренним по отношению к миру истории, но внешним по отношению к ее участникам.
3. Сказовое повествование от третьего или первого лица (внутреннее в отношении изображаемого мира, но внешнее по отношению к его персонажам).
4. Персонифицированное повествование от гетеродиегетического повествователя «он» с преимущественно внутренней позицией.
5. Персонифицированное повествование гомодиегетического нарратора от первого лица с абсолютной внутренней позицией по отношению к участникам истории [Татару 2011: 137].

Другой известный российский специалист в области теории наррации М. П. Брандес говорит о существовании трех типов повествователей:

- 1) «аукториальный повествователь» — от третьего лица единственного числа;
- 2) «персональный» повествователь — от первого лица единственного числа или действующее лицо произведения;
- 3) «персонифицированный» повествователь, т. е. обозначенный именем рассказчик [Брандес 2004: 248—249].

С точки зрения К. А. Долинина, можно выделить следующие повествовательные нарративные инстанции:

1) аукториальный повествователь, не фигурирующий в тексте в качестве отдельного лица, не совпадающего с авторским и не противопоставленного ему;

2) повествователь не идентичен автору и является вымышленной фигурой (повествователь может находиться внутри или вне мира персонажей, в центре или на периферии фабульного пространства) [Долинин 2010: 184].

При наложении друг на друга данных типов теоретически возможны, по К. А. Долинину, четыре комбинации:

1) аукториальный повествователь, не противопоставленный автору и локализованный вне пространства фабулы;

2) аукториальный повествователь, не противопоставленный автору и локализованный внутри пространства фабулы (в его центре или на периферии);

3) вымышленный рассказчик, противопоставленный автору вне фабулы;

4) вымышленный рассказчик, противопоставленный автору внутри пространства фабулы (в его центре или на периферии) [Долинин 2010: 185].

Этот исследователь полагает, что повествователь-персонаж отчужден от автора, поскольку сам является объектом изображения [Долинин 2010: 189], что справедливо лишь в вымышленном фикциональном пространстве художественной коммуникации.

Е. В. Падучева отмечает, что «повествователь может быть персонифицированный — когда он является одним из персонажей текста, т. е. входит в мир текста: например, совершает какие-то поступки; имеет хотя бы минимальную биографию; быть может, имеет собственное имя. Иначе говоря, это диегетический повествователь, принадлежащий миру текста... С другой стороны, повествователь может быть неперсонифицированный, экзегетический, не входящий во внутренний мир текста» [Падучева 2010: 203].

Таким образом, мы видим, что описанный нами выше случай в данной типологии повествователей приближается к пятому типу у Л. В. Татару, второму типу у М. П. Брандес и у К. А. Долинина, к первому типу у Е. В. Падучевой, хотя в данных случаях синергия с авторской позицией возможна лишь в немногочисленных случаях абсолютной автобиографичности повествования. Кроме того, в фокусе данных исследователей находится прежде всего художественный нарратив, а не газетный, в котором социокультурная среда функционирования и генерирования

контента придает особый флер повествовательной структуре.

Е. А. Гончарова и И. П. Шишкина выделяют два типа текстов с эгоцентрическим текстом повествования.

1. Авторизованный эгоцентрический текст, т. е. изображение автором своего жизненного пути (в автобиографии, мемуарах, эссе, письмах), где «местоимение первого лица служит лингвосемантической основой для развития образа автора, референциально соотношенного с именем, которое заявлено в начальной позиции литературного произведения» [Гончарова, Шишкина 2005: 202].

2. Фикционально-индивидуализированный эгоцентрический текст, где вымышленное нарративное «я» повествующего персонажа «эпически и психологически дистанцировано от изображаемого мира, хотя и ему и принадлежит» [Гончарова, Шишкина 2005: 206].

Тексты, которые будут рассмотрены в данной статье, приближаются к первому из описанных выше типов, хотя и не тождественны ему, так как в них автор под вымышленной маской погружается в персонажное пространство и действует уже по его законам.

Среди современных нарратологических концепций ближе всего к описанной нами выше повествовательной модели, которая станет объектом рассмотрения в этой статье, является дихотомия В. Шмида, разграничивающая диегетического и недиегетического нарратора. По В. Шмиду, «диегетический нарратор фигурирует в двух планах — и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект). Недиегетический же нарратор повествует не о самом себе как о фигуре диегезиса, а только о других фигурах» [Шмид 2008: 82]. Таким образом, диегетический повествователь совмещает повествовательную и акциональную функции, а недиегетический повествователь сводит свою речевую деятельность лишь к повествовательной функции [Гончарова, Шишкина 2005: 197]. Эта простая бинарная оппозиция как нельзя лучше иллюстрирует наш ход мыслей в данном исследовании с той лишь разницей, что В. Шмид не отождествляет автора и повествователя, как происходит в нашем случае с журналистом в роли диегетического повествователя.

В качестве примера диегетического журнализма рассмотрим ряд нарративов Г. Вальрафа, являющегося ярким представителем немецкой исследовательской журналистики, «трудного и опасного для журналиста, весьма распространенного в печати аналитического жанра, в котором автор по своей инициативе вскрывает причинно-следственные связи „кричащих“ событий, а

участники их преднамеренно скрывают факты, документы, стремясь сделать их недоступными» [Четвертков 2004: 102]. Журналистское расследование направлено на всестороннее освещение «громкого» негативного явления в общественной или политической сфере, которое табуируется представителями власти или общественности (это различные преступления, факты некомпетентности и халатности, вызывающие большой интерес у реципиентов газетного нарратива).

Г. Вальраф использует для своих журналистских расследований метод включенного наблюдения, маскируясь под одного из описываемых персонажей и ведя тем самым коммуникацию в диегезисе. Основоположником включенного наблюдения в исследовательской журналистике является шведка Э. Нордстоум, которая работала домработницей в богатой семье и являлась первооткрывательницей техники вальраффинга (Wallraffing). Она написала на основе впечатлений от увиденного книгу «Служанка среди слуг» [Константинов 2010: 31—32]. Г. Вальраф успешно использовал этот метод при сборе материала для книги «На самом дне» о жизни турецких рабочих в Германии, которых эксплуатируют местные бизнесмены. Г. Вальраф осуществлял включенное наблюдение в роли «гастарбайтера» — турка по имени Али Левент. Г. Вальраф пережил вторичную аккультурацию в мире турецких рабочих. При этом писательская картина мира «обогащается за счет новых знаний о мире и, как следствие, трансформируется: сведения о „чужом“ встраиваются в „свою“ картину мира и становятся одним из вариантов существующего изначально инварианта. Можно утверждать, что личность писателя становится когнитивно и коммуникативно более гибкой» [Леглер, Банман, Матвейчева, Милостивая 2013: 161].

Далее мы охарактеризуем нарративы «Г. Вальраф среди бездомных», «Г. Вальраф в образе афроевропейца» и «Г. Вальраф на хлебопекарной фабрике торговой сети „Лидл“» из газеты «Цайт» по следующим позициям, маркирующим характерные черты нарративной журналистики:

- хронотоп: место действия и развертывание повествования во времени;
- личностный голос автора, нарратора и персонажей;
- специфика взаимодействия с читательской аудиторией сквозь призму особенностей описываемой тематики.

Отметим, что отличительной чертой творчества Г. Вальрафа являются доминантные параметры нарративной журнали-

стики, а именно:

« 1) точное, объективное изложение информации;

2) сочетание информационно-репортерского стиля с художественным стилем, которое может заставить читателя увидеть за реальной историей о жизни конкретного лица глубокое идейное, моральное и эстетическое содержание;

3) выдвижение на фоне социокультурного контекста истории о личной жизни, содержащей реальных участников, интригующую ситуацию, эмоции и чувства;

4) явно выраженная точка зрения журналиста, представляющая события и участников в индивидуальной перспективе» [Татару 2011: 266].

Обратимся к анализу нарратива «Г. Вальраф среди бездомных».

Хронотоп — место действия и развертывание повествования во времени.

В рассматриваемом нарративе описаны результаты расследования [Wallraff 2009a], проведенного Г. Вальрафом в морозные дни зимы 2008—2009 гг. среди бездомных в трех западногерманских городах — в Кельне, Франкфурте-на-Майне и Ганновере. При этом журналист-расследователь принимает визуальный образ описываемых персонажей, одевается так, как принято в их среде, чтобы остаться неузнанным: *Vielleicht habe ich etwas übertrieben mit meiner Kleidung: Die zer-schlissene, zehn Jahre alte Hose habe ich zusätzlich mit Löchern versehen und eine Jacke aus der Kleidersammlung an einigen Stellen zerfetzt. Die klobigen, verschmutzten Schuhe sind die Arbeitsschuhe aus meiner Zeit als türkischer Arbeiter „Ali“ bei Thyssen in den achtziger Jahren. Eine Hornbrille aus meiner Jugendzeit hilft mir bei der Verfremdung* [Wallraff 2009a]. — *Возможно, я чуть-чуть переборщил с переодеванием: в потертых десятилетних штанах я прорезал дополнительные дыры, старую куртку я разодрал в нескольких местах. Мои разорванные грязные туфли сохранились еще с тех времен, когда я в 80-х гг. работал под именем турецкого рабочего Али в концерне „Тиссен“. Принять чужой образ мне помогли также роговые очки времен моей юности.*

Итак, Г. Вальраф старается остаться неузнанным в своем новом облике, т. е. не выделяться в диегезисе на фоне других действующих лиц.

Личностный голос автора, нарратора и персонажей. На страницах нарратива о собственной одиссее в мире лишенных крыши над головой в западногерманских городах Г. Вальраф выступает и в качестве автора, и в качестве нарратора, и как персо-

наж. В повествовании от первого лица он характеризует различных людей, с которыми ему довелось встретиться в ночлежках, например: *Benno M., 31, ist mein Bettnachbar. Er hat sich vor zehn Jahren mit HIV infiziert. Die Krankheit ist ausgebrochen, heute lassen ihn die ständigen Schmerzen kaum mehr schlafen. Ich helfe ihm, sich aufzurichten. Mit tonloser Stimme erzählt er mir in dieser Nacht aus seinem Leben: „Gestern haben sie mich nach zwei Wochen aus dem Krankenhaus entlassen. Ich war nur am Husten, habe Blut gespuckt.“ Benno ist gelernter Friseur. Er arbeitete in Kölner Friseursalons zur Zufriedenheit der Kunden, bis er, wie er sagt, eine Stammkundin mit einer Bemerkung vergrätzt habe. Daraufhin sei ihm fristlos gekündigt worden* [Wallraff 2009a]. — Бенно М., 31, мой сосед по койке. Он уже 10 лет болен СПИДом. У него обострение болезни, сегодня постоянные боли ему мешают уснуть. Я помогаю ему собраться с духом. Он ночью тихонько рассказывает мне о своей жизни: „Вчера меня выписали из больницы, где я провел две недели. Я еще кашляю кровью“. Бенно — опытный парикмахер. Он работал в одном из кельнских салонов, пока, как он сам выразился, он едким замечанием не рассердил одну из постоянных клиенток. Затем он был досрочно уволен. Вместе с тем в фокус его повествовательного интереса попадают попытки оценки эффективности помощи бездомным со стороны властей: *So hätte ich jetzt vielleicht die Möglichkeit, einen Absprung aus der Obdachlosigkeit zu schaffen. Ich habe es bis hierher geschafft, mit viel Glück und dank meiner Hartnäckigkeit. Viele der Obdachlosen, die mir in den letzten Wochen begegnet sind, kommen erst gar nicht so weit. Wenn sie nicht an sich selbst scheitern, scheitern sie an der Bürokratie* [Wallraff 2009a]. — Быть может, у меня была возможность покончить со своим бездомным существованием. Я ее создал себе сам при помощи везения и собственной настойчивости. Многие бездомные, которых я встречал в последнее время, это сделать не смогли. И дело здесь не в них, а в бюрократии. В обоих случаях налицо призыв о помощи бездомным, который также отчетливо прослеживается в реакции на данный расследовательский репортаж Г. Вальрафа со стороны немецких политиков [Ströbele 2009a]. Сам Г. Вальраф (как журналист и человек, а не только как нарративный повествователь) подтверждает в интервью газете «Цайт» эту мысль: *Es gibt viel zu viel Bürokratie angesichts von Menschen, die oft gar nicht in der Lage sind, sich damit auseinanderzusetzen. Es müsste mehr geschulte Betreuer und Sozialarbeiter geben,*

die sich dem Einzelnen zuwenden [Ströbele 2009]. — Существует очень много бюрократических препон для людей, которые этому не могут противостоять. Нужно много специально обученных сотрудников и социальных работников, чтобы помочь каждому нуждающемуся.

Специфика взаимодействия с читательской аудиторией сквозь призму особенностей описываемой тематики. Отклики на статью Г. Вальрафа присутствуют в структуре и ткани описываемого нарратива в форме комментариев читателей периодического издания в блогах. Тем самым посредством экспликации мнений отдельных реципиентов на страницах СМИ манифестируется целостная картина восприятия социального феномена бездомных в немецком социуме, причем наиболее частотны следующие несколько скептические точки зрения: *Es gehört zu altbundesdeutschen Lebenslügen dass das Leben „fair“ oder zumindest sozial zu sein habe. Ist es nicht, war es nie, ist es nirgends* [Kommentare zu G. Wallraff. Wie leben Obdachlose in Deutschland? 2009]. — Самая распространенная всенемецкая лож заключается в том, что в жизни должна быть „справедливость“ или по меньшей мере социальная защита. Этого нет, не было и не будем; *Obdachlosigkeit ist immer furchtbar, das will ich nicht kleinreden. Aber, meine lieben ZEIT-lesenden Aufreger, in Deutschland muss niemand auf der Straße krepieren* [Kommentare zu G. Wallraff. Wie leben Obdachlose in Deutschland? 2009]. — Проблема бездомных страшна, это не вызывает сомнений. Но, дорогие мои читатели „Цайт“, в Германии никто не должен сдыхать на улице и т. д. В данном случае читатели ведут диалог как с автором и повествователем обсуждаемого сюжета, так и с персонажами, описанными на его страницах.

Охарактеризуем основные параметры нарратива «Г. Вальраф в образе афроевропейца».

Хронотоп — место действия и развертывание повествования во времени. С 2008 по 2009 г. Г. Вальраф перевоплощается в образ сомалийца Квами Огонно, чтобы, путешествуя по различным местам Восточной и Западной Германии, показать негативное отношение общества к чернокожим африканцам. Снова Г. Вальраф использует переодевание: *Ich zögerte, weil ich befürchtete, dass man mich zu rasch enttarnen könnte. Es gibt nämlich durchaus ein technisches Problem, wenn man sich als Weißer in einen Schwarzen verwandeln will. Theaterschminke reicht da nicht. Vor einiger Zeit machte ich dann die Bekanntschaft einer Maskenbildnerin, die*

mit einem Sprühverfahren arbeitet, mit dem Weiße „umgefärbt“ werden können, sodass es einigermaßen lebensecht wirkt. Endlich konnte ich meinen lang gehegten Plan in die Tat umsetzen [Wallraff 2009]. — Я колебался, так как опасался, что меня быстро разоблачат. Ведь существует техническая проблема преобразования белого в чернокожего. Театрального грима здесь явно недостаточно. Недавно я познакомился с изготовительницей масок, которая при помощи распыления краски могла „превратить“ белого в чернокожего, который похож на настоящего. Наконец мой давний план смог осуществиться. Г. Вальраф в образе чернокожего посещает футбольный матч в восточногерманском Котбусе, где сталкивается с расистски настроенными фанатами. Он пытается снять жилье в западногерманском Кельне и заключить договор аренды дачи в муниципалитете берлинского района Марцан, а также посетить баварскую пивную. Везде он наталкивается на нетолерантное отношение к своему цвету кожи.

Личностный голос автора, нарратора и персонажей. В образе сомалийца Квами Огонно, переодетого писателя, объединен голос автора Г. Вальрафа, который сам выступает в качестве повествователя от первого лица, и одного из персонажей диегезиса, который стремится описать отношение к африканцам в ФРГ: *Ich will herausfinden, wie es sich als Schwarzer in Deutschland lebt, ob die Vorstellung vom unverbesserlich fremdenfeindlichen deutschen Wesen nur noch ein Klischee ist — oder ob das von der Boulevardpresse gepflegte Schreckbild vom Schwarzen als Dealer, Asylbetrüger und Kriminellen die Stimmung im Lande kennzeichnet [Wallraff 2009]. — Я хочу выявить, как живет чернокожим в Германии, является ли все еще верным утверждение о ненависти к иностранцам как немецкой национальной черте характера и все ли жители страны разделяют распространяемый бульварной прессой стереотип о чернокожем как наркоторговце, обманщике, получившем политическое убежище, и преступнике. При этом голос эксперта, не отождествляемого с автором, и локализованного за пределами диегезиса, звучит от третьего лица: *Nach einer Untersuchung des Bielefelder Soziologen Wilhelm Heitmeyer pflegt rund ein Drittel der Deutschen rassistische Vorurteile. Wie viele Menschen in Deutschland hingegen aggressiv rassistisch sind, ist umstritten. Fest steht, dass nicht unerhebliche Teile der Gesellschaft den Rassismus als ideologisches Klebemittel brauchen, um sich ihrer nationalen Identität zu versichern [Wallraff 2009]. — Со-**

гласно исследованиям социолога Вильгельма Гайтмайера из Билефельда, около трети немцев имеют расистские предрассудки. Но сколько людей в Германии способны применять агрессию из расистских побуждений, пока не ясно. Одно очевидно, что значительная часть немецкого общества нуждается в расизме как в средстве обеспечения национальной идентичности.

Специфика взаимодействия с читательской аудиторией сквозь призму особенностей описываемой тематики. Рассматриваемый репортаж, опубликованный на страницах газеты «Цайт», вызвал оживленный читательский резонанс, который проявился как в форме 320 комментариев в блогах той же самой газеты, так и публикации в газете «Тагесшау», где видная негритянская актриса и журналистка Ноа Соу (Noah Sow) критикует расследовательский метод Г. Вальрафа в диегезисе: *Er äfft unterdrückte Minderheiten nach und erntet damit Geld, Aufmerksamkeit und sogar Respekt [Gensing 2013]. — Он подражает, как обезьяна, угнетаемым меньшинствам и приобретает за это деньги, внимание общественности и даже уважение. Среди публикаций в блогах звучат мнения как «за», так и «против» расследовательской техники Г. Вальрафа и ее приложения к изучению положения чернокожего национального меньшинства: *Dank an G. Wallraff fuer all die gute Arbeit zum Thema. Leider ist das Resultat genauso wie wir es in unseren schlimmsten Befuerchtungen vermuten. Eigentlich schade dass so viele Menschen offensichtlich grosse Angst vor dem „Anders-sein“ haben [Kommentare zu G. Wallraff. In fremder Haut 2009]. — Спасибо Г. Вальрафу за всю сделанную им хорошую работу по этой теме. К сожалению, результат расследования соответствует нашим самым худшим прогнозам. Жаль, что так много людей, кажется, боятся „чужих“; *Es gibt in diesem Land viele Schwarze, die genau die Erfahrungen machen, die Günther Wallraff mit seiner Verkleidung gemacht hat. Diesen Menschen eine Stimme zu geben, sollte wohl eher durch diese Menschen passieren. Ich glaube nicht dass man Rassismus in Kostüm „erleben“ muss um ihn wahrzunehmen. Das Einzige was man Wallraff zu Gute halten kann, ist das seine Popularität dieses Thema dann noch mal wieder in die Mainstreammedien bringt [Kommentare zu G. Wallraff. In fremder Haut 2009]. — В этой стране живет много чернокожих, которые пережили то же самое, что и переодетый Гюнтер Вальраф. Именно этим людям надо предоставить слово, от этих людей надо узнать, что происходит. Я считаю, что не***

следует „переживать“ расизм в маскарадном костюме, чтобы уяснить его суть. Единственное, что удалось Вальрафу, — это популяризация этой темы, которая теперь постоянно мелькает в ведущих СМИ; *In meinen Augen ist das eine billige, hetzerische, linke Milieustudie, die rhetorisch und soziologisch schlecht ist. Das ist unglaublich und entbehrt jeglichen Anspruch auf irgendetwas, denn der Leser erfährt ja auch nichts neues, außer, dass in eine ideologische Klischeekiste gegriffen wurde, die es heute so eigentlich nicht mehr gibt* [Kommentare zu G. Wallraff. *In fremder Haut* 2009]. — По-моему, это дешевое, подстрекательское и левое расследование, плохое как с риторической, так и с социологической точки зрения. Оно недостоверно и не дает читателю ничего нового, кроме „погружения в ящик“ со стереотипами, которых сегодня не так уж и много.

Далее рассмотрим еще один нарратив с журналистским диегезисом «Г. Вальраф на хлебобулочной фабрике торговой сети „Лидл“».

Хронотоп — место действия и развертывание повествования во времени. У Г. Вальрафа есть еще один репортаж-нарратив, где журналист выступает в качестве диегетического повествователя. Он переодевается в разнорабочего Франка К., после чего в феврале 2008 г. устраивается на хлебобулочную фабрику Вейнцгеймера в земле Рейнланд-Пфальц, где сталкивается с антисанитарией и плесенью, а также с массовым нарушением прав работников (нарушением техники безопасности, задержками зарплаты и т. д.). Продукция этой фабрики поступает в дисконт-маркет «Лидл». Как и в других нарративах, Г. Вальраф прибегает к переодеванию: *Von einem Angestellten erfahre ich, sie suchten „20 bis 30 Jahre alte Männer, die robust sind und belastbar“ — also nicht mich. Ich gebe vor, 51 Jahre alt zu sein statt 65, und habe mir die Identität eines Freundes geliehen. Frank K. heiÙe ich jetzt. Ich muss es mit Chuzpe versuchen* [Wallraff 2008]. — *От одного из сотрудников я узнал, что они нанимают на работу „мужчин от 20 до 30 лет, сильных и выносливых“, я к ним не относился. Я притворился, что мне 51 год вместо 65, и одолжил паспорт у своего друга. Меня зовут теперь Франк К. Я попытаюсь действовать по-наглому.* При этом он становится одним из описываемых персонажей, коммуницируя с диегетическим миром (в том числе с другими рабочими пекарни Оттмаром Тиле и Албаном Адемай), но вместе с тем остается и автором-повествователем, общающимся напрямую с читателем.

Личностный голос автора, нарратора

и персонажей. На протяжении всего нарратива присутствует единый личностный голос Франка К. и автора-повествователя от первого лица, который пытается найти ответ на вопрос, кто несет ответственность за все безобразия на хлебобулочной фабрике, и склоняется к тому, что этими лицами являются владельцы торговой сети «Лидл»: *Ich frage mich, wer für das „Billig-billig-billig“-System von Lidl eigentlich hauptverantwortlich ist: Mit Billiglöhnen werden Billigbrötchen zu Billigpreisen und in Billigqualität an den Verbraucher gebracht* [Wallraff 2008]. — *Я спрашиваю себя, кто же несет ответственность за систему „дешево — дешево — дешево“ в торговой сети „Лидл“: туда поставляются дешевые булочки дешевого (сомнительного) качества, которые производит дешевая рабочая сила.*

Специфика взаимодействия с читательской аудиторией сквозь призму особенностей описываемой тематики. Текстом репортажа рассматриваемый нарратив не заканчивается, так как после его опубликования на страницах «Цайт» появились многочисленные комментарии читателей (88 комментариев по данной проблематике). Их лейтмотивом является поддержка позиции Г. Вальрафа: *Günter Walraff hat – wieder einmal – eine hervorragende journalistische und schriftstellerische Arbeit vorgelegt. Und einmal mehr ist deutlich geworden, welch ein Fegefeuer sich unter der hochglanzpolierten Oberfläche unserer Wohlstandsgesellschaft verbirgt* [Kommentare zu G. Wallraff. *Arbeitswelt: Unser täglich Brötchen* 2008]. — *Гюнтер Вальраф, как мы снова видим, представил на суд читателей выдающуюся журналистскую и писательскую работу. Опять стало понятно, что сокрыто под отполированной поверхностью нашего благополучного общества.* Кроме того, на критический репортаж Г. Вальрафа отреагировала торговая сеть «Лидл», делая упор на то, что его поставщики не имеют проблем с санитарно-гигиеническим состоянием производства [Stellungnahme von Lidl zur Reportage „Unser täglich Brötchen“ von Günter Wallraff 2008]. В последовавших за данной публикацией газетных материалах, в частности, отмечается, что описанная Г. Вальрафом пекарня была впоследствии закрыта [Bäckerei schließt nach Wallraff-Bericht: 23 Arbeitslose 2010] и против ее владельца подан судебный иск из-за нарушения техники безопасности [Bäcker undercover 2011].

Подведем итог. Анализ эмпирического материала из нарративов «Г. Вальраф среди бездомных», «Г. Вальраф в образе афроевропейца» и «Г. Вальраф на хлебопе-

карной фабрике торговой сети „Лидл“ показал, что в случае включенного наблюдения в расследовательской журналистике возможно помещение фигуры журналиста в диегезис, что в нарратологическом плане влечет за собой тождество автора, повествователя и персонажа нарратива, а в прагматическом плане порождает синергию речеактовой интеракции посредством транспозиции журналиста-нарратора в среду персонажей и получения им возможности коммуницировать как с описываемыми актерами, так и с читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс. — М. : Прогресс-Традиция : ИНФРА-М, 2004. 416 с.
2. Гончарова Е. А., Шишкина И. П. Интерпретация текста. Немецкий язык. — М. : Высшая школа, 2005. 368 с.
3. Долинин К. А. Интерпретация текста: французский язык. — М. : КомКнига, 2010. 304 с.
4. Константинов А. Д. Журналистское расследование. История метода и современная практика : учеб. пособие. — СПб. : Астрель-СПб : АСТ, 2010. 704 с.
5. Леглер А. А., Банман П. П., Матвейчева Т. В., Милостивая А. И. Вторичная аккультурация как ментальное основание для сближения культур : коллектив. моногр. — Ставрополь : Ставропольск. изд-во «Параграф», 2013. 220 с.
6. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. — М. : Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
7. Татару Л. В. Нарратив и культурный контекст. — М. : URSS, 2011. 288 с.
8. Четвертков Н. В. Журналистика как сфера творческой деятельности. — Пенза : Информационно-издат. центр ПГУ, 2004. 236 с.
9. Шмид В. Нарратология. — М. : Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
10. Bäcker undercover. Von *dpa/Tsp* // Der Tagesspiegel. 04.10.2011. URL: <http://www.tagesspiegel.de/medien/guenter-wallraff-baecker-undercover/4685636.html> (date of access: 25.04.2017).

A. I. Milostivaya
Stavropol, Russia

JOURNALIST AS DIEGETIC NARRATOR (SOCIAL-CRITICAL ANALYSIS OF INVESTIGATIVE REPORTINGS BY G. WALLRAFF)

ABSTRACT. *The article deals with the features of diegetic narration in newspaper narrative. The main goal of the article is to study communicative-pragmatic characteristics of mass media reporting in the modification of the polychronotopic model of the newspaper narrative by transposing the speech act between the author of the narrative and his reader into the sphere of communicative action of the actors described. The material of the study includes Wallraff's reportings as a prominent representative of German investigative journalism. G. Walraff's journalistic investigations are conducted using the method of included observation, while the journalist disguises himself as one of the described characters and thus leads to communication in diegesis. The article deals with the narratives "G. Walraff Among the Homeless", "G. Walraff as an Afro-European" and "G. Walraff at the Bakery Factory of the Lidl", which reveal the "hot" negative phenomena in the public or political sphere. The tasks set within the study are completed with the descriptive method, as well as the contextual and hermeneutic analyses. Our observations reveal that chronotop, voices of the narrator and characters, as well as the specifics of their interaction with the readership are narrative positions with pragmatic significance. The article concludes the relevance of narrative techniques of speech act synergy as a means of optimizing the persuasive effect of the exposure in the reporting by transposing the journalist-narrator into the characters' environment and gaining the opportunity to communicate with both the described actors and the reader.*

KEYWORDS: *newspaper narrative; coverage; journalists; investigative journalism; media discourse; mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Milostivaya Alexandra Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.*

REFERENCES

1. Brandes M. P. Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs. — М. : Progress-Traditsiya : INFRA-M, 2004. 416 s.
2. Goncharova E. A., Shishkina I. P. Interpretatsiya teksta. Nemetskiy yazyk. — М. : Vysshaya shkola, 2005. 368 s.
3. Dolinin K. A. Interpretatsiya teksta: frantsuzskiy yazyk. — М. : KomKniga, 2010. 304 s.
4. Konstantinov A. D. Zhurnalistskoe rassledovanie. Istoriya metoda i sovremennaya praktika : ucheb. posobie. — SPb. :

25.04.2017).

11. Bäckerei schließt nach Wallraff-Bericht: 23 Arbeitslose. Von *dpa* // Merkur 30.09.2010. URL: <https://www.merkur.de/welt/baeckerei-schliesst-nach-wallraff-bericht-940773.html> (date of access: 25.04.2017).
12. Gensing P. "Ein angemalter Weißer ist kein Schwarzer". Interview zum Film "Schwarz auf Weiß" // Tagesschau. 02.03.2013. URL: <https://web.archive.org/web/20130302015907/http://www.tagesschau.de/inland/rassismusinterview100.html> (date of access: 25.04.2017).
13. Kommentare zu G. Wallraff. Arbeitswelt: Unser täglich Brötchen // Die Zeit. 01.05.2008. URL: <http://www.zeit.de/2008/19/Wallraff-19?cid=117056#cid=117056> (date of access: 25.04.2017).
14. Kommentare zu G. Wallraff. In fremder Haut // Die Zeit. 15.10.2009. URL: <http://www.zeit.de/2009/43/Wallraff-43/komplettansicht#comment-form> (date of access: 25.04.2017).
15. Kommentare zu G. Wallraff. Wie leben Obdachlose in Deutschland? // Die Zeit. 05.03.2009. URL: <http://www.zeit.de/2009/11/Wallraff-11/komplettansicht#comment-form> (date of access: 25.04.2017).
16. Stellungnahme von Lidl zur Reportage "Unser täglich Brötchen" von Günter Wallraff // Memento. 06.05.2008 im Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20080506085854/http://www.lidl.de/cps/rde/xchg/lidl_de/hs.xsl/11530_42319.htm (date of access: 25.04.2017).
17. Ströbele C. Obdachlosigkeit: "Es kann jeden treffen". Interview mit Wallraff zu seiner Recherche im Obdachlosenmilieu // Die Zeit. 04.03.2009. URL: <http://www.zeit.de/online/2009/10/wallraff-zuobdachlosigkeit/komplettansicht> (date of access: 25.04.2017).
18. Ströbele C. Obdachlosigkeit: "Wir nehmen das sehr ernst" // Die Zeit. 06.03.2009a. URL: <http://www.zeit.de/online/2009/11/reaktionen-wallraff/komplettansicht> (date of access: 25.04.2017).
19. Wallraff G. Arbeitswelt: Unser täglich Brötchen // Die Zeit. 01.05.2008. URL: <http://www.zeit.de/2008/19/Wallraff-19/komplettansicht> (date of access: 25.04.2017).
20. Wallraff G. In fremder Haut // Die Zeit. 15.10.2009. URL: <http://www.zeit.de/2009/43/Wallraff-43/komplettansicht> (date of access: 25.04.2017).
21. Wallraff G. Wie leben Obdachlose in Deutschland? // Die Zeit. 05.03.2009a. URL: <http://www.zeit.de/2009/11/Wallraff-11> (date of access: 25.04.2017).

Astrel'-SPb : AST, 2010. 704 s.

5. Legler A. A., Banman P. P., Matveicheva T. V., Milostivaya A. I. Vtorichnaya akkultratsiya kak mental'noe osnovanie dlya sblizheniya kul'tur : kolektiv. monogr. — Stavropol' : Stavropol'sk. izd-vo «Paragraf», 2013. 220 s.
6. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativ. — М. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010. 480 s.
7. Татару Л. В. Нарратив и kul'turnyy kontekst. — М. : URSS,

2011. 288 s.

8. Chetvertkov N. V. Zhurnalistika kak sfera tvorcheskoy deyatelnosti. — Penza : Informatsionno-izdat. tsentr PGU, 2004. 236 s.

9. Schmid V. Narratologiya. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2008. 304 s.

10. Bäcker undercover. Von *dpa/Tsp* // Der Tagesspiegel. 04.10.2011. URL: <http://www.tagesspiegel.de/medien/guenter-wallraff-baecker-undercover/4685636.html> (date of access: 25.04.2017).

11. Bäckerei schließt nach Wallraff-Bericht: 23 Arbeitslose. Von *dpa* // Merkur 30.09.2010. URL: <https://www.merkur.de/welt/baeckerei-schliesst-nach-wallraff-bericht-940773.html> (date of access: 25.04.2017).

12. Gensing P. "Ein angemalter Weißer ist kein Schwarzer". Interview zum Film "Schwarz auf Weiß" // Tagesschau. 02.03.2013. URL: <https://web.archive.org/web/20130302015907/http://www.tagesschau.de/inland/rassismusinterview100.html> (date of access: 25.04.2017).

13. Kommentare zu G. Wallraff. Arbeitswelt: Unser täglich Brötchen // Die Zeit. 01.05.2008. URL: <http://www.zeit.de/2008/19/Wallraff-19?cid=117056#cid=117056> (date of access: 25.04.2017).

14. Kommentare zu G. Wallraff. In fremder Haut // Die Zeit. 15.10.2009. URL: <http://www.zeit.de/2009/43/Wallraff-43/komplettansicht#comment-form> (date of access: 25.04.2017).

15. Kommentare zu G. Wallraff. Wie leben Obdachlose in

Deutschland? // Die Zeit. 05.03.2009. URL: <http://www.zeit.de/2009/11/Wallraff-11/komplettansicht#comment-form> (date of access: 25.04.2017).

16. Stellungnahme von Lidl zur Reportage "Unser täglich Brötchen" von Günter Wallraff // Memento. 06.05.2008 im Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20080506085854/http://www.lidl.de/cps/rde/xchg/lidl_de/hs.xsl/11530_42319.htm (date of access: 25.04.2017).

17. Ströbele C. Obdachlosigkeit: "Es kann jeden treffen". Interview mit Wallraff zu seiner Recherche im Obdachlosenmilieu // Die Zeit. 04.03.2009. URL: <http://www.zeit.de/online/2009/10/wallraff-zuobdachlosigkeit/komplettansicht> (date of access: 25.04.2017).

18. Ströbele C. Obdachlosigkeit: "Wir nehmen das sehr ernst" // Die Zeit. 06.03.2009a. URL: <http://www.zeit.de/online/2009/11/reaktionen-wallraff/komplettansicht> (date of access: 25.04.2017).

19. Wallraff G. Arbeitswelt: Unser täglich Brötchen // Die Zeit. 01.05.2008. URL: <http://www.zeit.de/2008/19/Wallraff-19/komplettansicht> (date of access: 25.04.2017).

20. Wallraff G. In fremder Haut // Die Zeit. 15.10.2009. URL: <http://www.zeit.de/2009/43/Wallraff-43/komplettansicht> (date of access: 25.04.2017).

21. Wallraff G. Wie leben Obdachlose in Deutschland? // Die Zeit. 05.03.2009a. URL: <http://www.zeit.de/2009/11/Wallraff-11> (date of access: 25.04.2017).

Е. М. Семенова
Санкт-Петербург, Россия

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХЕТИПИЧЕСКОГО МЕТАФОРИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ IN THE LIGHT (OF) В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ США

АННОТАЦИЯ. Метафорическое выражение “in the light of”, обладающее самой высокой степенью рекуррентности в современном политическом дискурсе США, представленном газетными текстами периода 2005—2015 годов, служит, на наш взгляд, своего рода «мостиком» от архетипического представления о свете, дающим возможность воспринимать мир как данность, к той или иной оценке его проявления в политической реальности. Предлагаемый в данной статье когнитивно-дискурсивный анализ названного метафорического выражения позволил прийти к ряду выводов: архетипический смысл концепта LIGHT задает границы интерпретации метафорического выражения, эксплицирующего тот или иной классификационный когнитивный признак, конституирующий его ментальное пространство; аксиологизация действительности участником дискурса может происходить как в объективном, так и в субъективном аспектах, что определяется фактом наличия или отсутствия атрибутивов, их семантических характеристик и локации относительно компонентов метафорического выражения; объективная оценка описываемой политической ситуации в случае интенсификации метафорического выражения позволяет автору дискурса имплицировать собственное личностное отношение к предмету речи; использование атрибутивов для усиления эвалютивной функции метафорического выражения является условием возникновения метафтонимического способа актуализации архетипического метафорического концепта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: архетипы; ментальное пространство; аксиологическая актуализация; политическая метафорология; политические метафоры; политический дискурс; медиадискурс; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Семенова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; Россия, 196601, Санкт-Петербург, Петербургское ш., 2; e-mail: wincherry2004@list.ru.

Наибольшей актуальностью в постнеклассической лингвистике, на наш взгляд, обладает когнитивно-дискурсивная парадигма, предполагающая «совмещение методов, ориентированных на различные аспекты исследования, в частности, совмещение когнитивного метода с критическим анализом дискурса или контент-анализом» [Будаев, Чудинов 2006].

Тот факт, что проблема определения статуса метафоры в рамках когнитивной лингвистики не теряет своей актуальности на протяжении последних десятилетий, обусловлен, на наш взгляд, интересом ученых к рассмотрению данного явления, с одной стороны, как средства концептуализации и понимания мира, а с другой — как способа создания новых смыслов.

Сущность архетипической метафоры, в нашем представлении, во многом определяется ее способностью служить средством осмысления бытия, восприятие которого происходит с опорой на «коллективное бессознательное» — некое безусловное знание, не вызывающее сомнений и не требующее верификации.

Вместе с тем интерпретатор не может не учитывать особенности индивидуального сознания как продуцента, так и реципиента, неизбежно функционирующего в рамках аксиологической категоризации мира в процессе порождения/восприятия дискурса, в пространстве которого актуализируется архетипическая метафора.

В рамках предлагаемого исследования анализ архетипических метафор проводится в рамках политического дискурса, или поли-

тической коммуникации, под которой понимается «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений» [Чудинов 2008: 6].

В этом биполярном пространстве мировосприятия («коллективное бессознательное» — индивидуальное сознание) исследователю приходится балансировать на границе объективного и субъективного знания, и опорой здесь может служить принцип онтологической неопределенности, позволяющий обратиться к понятию *вероятности*, действующему в рамках формулы: чем ниже уровень неопределенности, тем выше вероятность достоверности научного знания.

Такой подход к исследованию позволяет не стремиться к поискам истины в последней инстанции, а ограничиться гипотетическими трактовками, которые представляются адекватными уровню решаемых задач на данном этапе исследования изучаемого явления.

Следуя лучшим лингвистическим традициям, заложенным Дж. Осборном [Osborn 1967], в качестве предмета исследования мы выбрали архетипический концепт LIGHT и способы его метафорической репрезентации, в основе которых лежит архетипический образ СВЕТА.

Материалом для исследования послужили статьи, репортажи журналистов на общеполитические темы, представленные современным корпусом американского варианта английского языка (СОСА), общий объем

которого составляет 520 миллионов словоупотреблений за период с 1990 по 2015 г.

Наблюдение за политическим дискурсом показало, что наивысшей степенью рекуррентности в выбранных нами границах исследования — газетных текстах, относящихся к периоду с 2005 по 2015 г. — обладает метафорическое выражение *in the light of*, служащее, на наш взгляд, своего рода «мостиком» от архетипического представления о свете, дающем возможность воспринимать мир как данность, к субъективной оценке его проявления в рамках политической реальности.

По данным «Online Etymology Dictionary», слово *light* означает «brightness, radiant energy, that which makes things visible» (Old English *leht*); «light, daylight, spiritual illumination» (from Proto-Germanic “*leukhtam*”). С середины XV в. оно приобрело дополнительное значение «mental illumination», с 1680 г. — «something used for igniting», с того же времени появилось значение «consideration which puts something in a certain view (as *in light of*)», которое может быть переведено как «взгляд на вещи под определенным углом зрения» [OED].

Таким образом, интересующее нас (последнее в списке) значение слова *light* существует в языке около 340 лет и, являясь самым частотным на момент исследования, в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы может считаться базовым (ядерным) когнитивным классификационным признаком ментального пространства архетипического концепта (термин З. Д. Поповой, И. А. Стернина) [Попова, Стернин 2007].

Предлагаемый когнитивно-дискурсивный анализ метафорического выражения *in the light (of)* ставит своей целью выявить характер соотношения архетипического смысла концепта LIGHT, обозначенного выше («consideration which puts something in a certain view»), со способами его аксиологической актуализации в пространстве современного политического медиадискурса США.

Анализируя значение выражения, данное в словаре, стоит отметить, что оно метафорично по своей природе. «To put something in a certain view» в буквальном переводе означает «поместить что-либо в определенный вид». Такая формулировка позволяет установить, что *вид* (а точнее, поле зрения) на бессознательном уровне воспринимается нами как контейнер, в который можно положить некий объект, сделав его доступным для наблюдения. «Агентом», выполняющим эту операцию, является «внимание, соображение, рассмотрение» (consideration), другими словами, определенным образом направленная деятельность мозга.

Таким образом, анализ дефиниции показывает, что, используя выражение «находиться в свете» (*to be in light of*) при описании какого-либо объекта, предмета, события или явления политической реальности, говорящий/пишущий предполагает наличие ситуативного контекста, конкретных внешних обстоятельств, в рамках которых он видит и оценивает предмет речи.

Таков в общих чертах, архетипический смысл выражения, которое на поверхностном уровне не воспринимается как фигуральное или образное, но при углубленном анализе демонстрирует, что даже словарное пояснение его значения не лишено метафоричности.

Следующий далее анализ примеров, обнаруженных в корпусе современного американского английского языка, позволяет уточнить, каковы способы рассмотрения или направленности внимания авторов текстов на те или иные политические события, вербализация которых происходит посредством архетипического по своей природе выражения *in the light (of)*.

Наблюдение за политическим дискурсом показало, что использование вышеуказанного словосочетания неразрывно связано с процессом аксиологизации действительности, который происходит либо в объективном, либо в субъективном аспектах.

Объективная (или дескриптивная) оценка актуализируется посредством номинации реального положения дел, фактов, конкретной политической ситуации.

К такого рода примерам можно отнести выражения *in light of the Irak crisis; in light of the significant economic links between Spain and China; in light of the Islamic State's security effort; in light of China's recent declaration of an "air defense zone"; in light of the health-care law; in light of Cambodia's hopes to tap recently discovered offshore oil reserves; in light of the current economic crisis; in light of the financial crisis; in light of the problems with Georgia; in light of India's emergence as a burgeoning economic power; in light of Israel's military activities; in light of Pakistan's nuclear arsenal; in light of the fact the Democrats were described in the news media as... и т. д.*

Вместе с тем авторы политических высказываний довольно часто прибегают к интенсификации объективной оценки ситуации посредством дополнительных вербальных средств, как правило, атрибутивов, характеризующих так или иначе тот СВЕТ или те реалии, в границах которых происходит восприятие и интерпретация конкретных политических событий.

Рассмотрим более подробно один из контекстов.

Several U.S. military and civilian leaders have pressed the White House to reconsider in recent weeks as the rebels have made gains and Russian President Vladimir Putin has shown no sign of halting Moscow's aggressive intervention in Ukraine. A senior administration official said Wednesday that the White House was "reevaluating our security assistance" to Ukraine **in light of intensified fighting** there and that Vice President Biden would discuss the issue with Ukrainian President Petro Poroshenko and German Chancellor Angela Merkel this week in Europe. "Our goal here is to find a diplomatic resolution to the conflict", the senior official told reporters, speaking on the condition of anonymity under ground rules set by the White House [Whitlock, Ryan: 2015].

Предметом анализа в данном контексте является выражение *in light of intensified fighting*, которое можно квалифицировать как способ указания на сложившуюся на Украине ситуацию, детерминирующую политические решения, принимаемые Белым домом в этой связи. Вместе с тем автор не просто ссылается на объективные внешнеполитические обстоятельства, но дает им рационалистическую оценку посредством интенсификации метафорического выражения *in light of fighting* (в свете борьбы) атрибутивом *intensified* (усилившейся).

Таким образом субъект высказывания (*a senior administration official*), имплицитно характеризуя сложившуюся ситуацию как обострившуюся, опасную, серьезную — понятные ментальные репрезентации, вытекающие из представления об усилившемся противостоянии воюющих сторон, — аргументирует свою позицию в отношении необходимости пересмотра политики правительства США по оказанию помощи Украине для обеспечения ее безопасности (*reevaluating our security assistance to Ukraine*).

Базовый аргумент, репрезентированный архетипическим по своей природе выражением *in light of*, поддерживается ссылкой на дополнительные обстоятельства, выраженные посредством пропозиции *Russian President Vladimir Putin has shown no sign of halting Moscow's aggressive intervention in Ukraine*, которые стоит учитывать. Данное высказывание усиливает аргументацию в пользу пересмотра предпринимаемой Белым домом политики относительно Украины, указывая на негативный прогноз развития событий, связанный, по мнению автора, с интенцией президента Путина «продолжать политику агрессивного вмешательства в дела соседнего государства».

В рассмотренном примере интенсификация метафорического выражения проис-

ходит косвенно, посредством атрибутива *intensified* уточняется характер обстоятельств, на которые «падает свет» — процесс борьбы, противостояния (*fighting*). Однако наблюдение за дискурсом показало, что довольно часто встречаются примеры, в которых сам СВЕТ получает ту или иную оценку со стороны автора высказывания, чем эксплицируется его отношение к предмету речи.

К такого рода примерам можно отнести следующие выражения: *in the right light we see Russia and Putin have taken undue heat; see the Obama administration's Israel policy in a positive light; see him (Roosevelt) in a new light; in an unflattering light of Wall Street versus the people; to see (Cromwell) in a more sympathetic light than history shines; put the Obama administration in an awkward light; in the true light of history; airing of Persepolis was part of a plot by the West to anger Muslim and show them in a bad light; it doesn't paint any of the big countries in a good light* и т. д.

Как видно из приведенных примеров, архетипический концепт LIGHT имеет самые разные способы аксиологической актуализации в представленных выше контекстах. Его реализация в дискурсе происходит посредством нормативной (*right*), интеллектуальной (*new, true*), телеологической (*unflattering*), общей (*positive, bad, good*), эмоциональной (*sympathetic*) и этической оценок (*awkward*) согласно классификации частнооценочных значений, предложенной Н. Д. Арутюновой [Вольф 2002, 27].

На наш взгляд, такого рода эвалютивная интенсификация метафорического выражения, в отличие от рассмотренного нами выше примера, носит субъективный характер и прямо транслирует отношение участника дискурса к предмету речи. Обратимся к примеру.

Republicans object to the Paycheck Fairness Act, saying it would cut flexibility in the workplace for working mothers and end merit pay. But they agree with equal pay for equal work, and that it's illegal to discriminate based on gender, they say. Republicans also jumped on a report issued Monday that put the Obama administration in an awkward light. An analysis by the American Enterprise Institute found that among White House staff, the median salary for women is 88 percent less than the median salary for men [Feldmann 2014].

Оценка деятельности администрации Б. Обамы как неуместной (*awkward*) доносится до реципиента через обращение к метафорическому представлению о свете как способе восприятия действительности. Реципиент, бессознательно опираясь на опыт предшествующих поколений, принимает как

должное, что способ освещения предметов влияет на характер их восприятия и один и тот же объект при разном освещении может выглядеть по-разному. Именно такая концептуализация заложена в архетипическом метафорическом выражении *in light (of)* и его модификациях, усиленных разного рода интенсификаторами.

Тот факт, что женщины, работающие в администрации Белого дома, получают зарплату на 88 % ниже по сравнению с мужчинами, выполняющими те же обязанности, дал основание репортеру охарактеризовать деятельность президента посредством этической оценки, выраженной лексемой *awkward* (неловкий, неуместный, опасный). При этом он не оценивает негативно выполнение обязанностей Б. Обамой в целом, а говорит лишь о том, что вскрытый Американским исследовательским институтом факт несправедливой оплаты труда по гендерному признаку «ставит администрацию Б. Обамы в неловкий свет» (*put the Obama administration in an awkward light*). Другими словами, полученные в результате независимых исследований данные вскрыли факты, которые поставили президента в неловкое положение.

Заметим также, что здесь происходит метонимический перенос, так как ни взгляд на вещи (*consideration*), служащий дефиницией понятия СВЕТ, ни сам архетипический концепт СВЕТА (*light*) не несут в себе коннотацию неловкости. Эта оценка характеризует явление, попадающее, образно говоря, в «лучи означенного света», т. е. администрацию Б. Обамы, при том что атрибутив *awkward* используется в качестве дескриптора лексемы СВЕТ. С точки зрения классической метонимии мы сталкиваемся здесь с характеристикой условия восприятия явления (*light*), которая фактически относится к самому явлению (*the Obama administration*).

Этот лингвистический феномен относится к разряду метафтонимии (термин, впервые предложенный Л. Гуссенсом в 1990 г. [Goossens 1990] и затем широко применявшийся в работах таких лингвистов, как Р. де Мендоза, Ф. Мазегоза, Л. Перез и Р. Майрал [Mendoza 2001, 2007, 2012]). Это явление — частный случай архетипической (и не только) метафоры — довольно часто наблюдается в метафорических контекстах и заслуживает более тщательного исследования, которое невозможно провести в рамках данной статьи из-за ее ограниченного объема.

Подводя итоги представленного выше краткого исследования, отметим, что когнитивно-дискурсивный анализ примеров, включающих архетипическое метафорическое выражение *in the light (of)*, позволил прийти к

ряду промежуточных выводов, которые требуют уточнения и верификации на более обширном практическом материале, а именно:

– архетипический смысл концепта LIGHT задает границы интерпретации метафорического выражения, эксплицирующего тот или иной классификационный когнитивный признак, конституирующий его ментальное пространство;

– аксиологизация действительности участником дискурса может происходить как в объективном, так и в субъективном аспектах, что определяется фактом наличия или отсутствия атрибутивов, их семантических характеристик и локации относительно компонентов метафорического выражения;

– объективная оценка описываемой политической ситуации в случае интенсификации метафорического выражения позволяет автору дискурса имплицировать собственное личностное отношение к предмету речи;

– использование атрибутивов для усиления эвалютивной функции метафорического выражения является условием возникновения метафтонимического способа актуализации архетипического метафорического концепта.

ИСТОЧНИКИ

1. Feldmann L. Equal pay: Can Obama's action overcome a cultural taboo? // Christian Science Monitor (140408). 2014 // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.

2. Whitlock C., Ryan M. Defense pick reveals an independent voice // Washington Post (150205). 2015 // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.

ЛИТЕРАТУРА

3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методология современной политической лингвистики // Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / УрГПУ. — Екатеринбург, 2006. С. 34—35.

4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М. : Едиториал УРСС, 2002.

5. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007.

6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.

7. Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Cognitive Linguistics. 1990. № 1 (3). P. 323—340.

8. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com>.

9. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.

10. Ruiz de Mendoza F. J., Pérez L. Metonymy and the grammar: motivation, constraints and interaction // Language and Communication. 2001. № 21 (4). P. 321—357.

11. Ruiz de Mendoza F. J., Mairal R. High-level metaphor and metonymy in meaning construction // Aspects of Meaning Construction / G. Radden, K.-M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund (eds.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. P. 33—51.

12. Ruiz de Mendoza F. J., Galera-Masegosa A. Metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation: metaphoric chains // Studies in Cognition and Linguistics / Rebollar E. B. (ed.). — Frankfurt : Peter Lang, 2012. P. 161—190.

E. M. Semenova
Saint-Petersburg, Russia

**AXIOLOGICAL ACTUALIZATION OF ARCHETYPICAL METAPHORICAL EXPRESSION
IN THE LIGHT (OF) IN THE USA POLITICAL MEDIA-DISOURSE**

ABSTRACT. *Metaphorical expression “in the light of”, being the most recurrent in contemporary political discourse of the USA especially in newspaper articles of 2005 – 2015, can be a kind of “a bridge” between archetypal image of the light – something giving a chance to perceive the world as a fact of life, and a kind of evaluation of its manifestations in political reality. The paper provides cognitive-discursive analysis of the abovementioned metaphorical expression and draws a number of conclusions: archetypal meaning of the concept LIGHT places the borders for its interpretation pointing at this or that classificational cognitive sign constituting its mental space; axiologization of reality by the discourse participant may be both objective and subjective, which is determined by the presence or absence of the attributes, their semantic characteristics and location related to the components of the metaphorical expression; objective evaluation of the described political situation in case of intensification of metaphorical expression allows the author to express their personal attitude to the object; the use of attributes to emphasize evaluative function of the metaphoric expression, which is the condition for the appearance of metaphonymic way of archetypal metaphoric concept expression.*

KEYWORDS: *archetypes; mental space; axiological representation; political metaphorology; political metaphors; political discourse; media discourse; mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Semenova Elena Mikhailovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages and Standard of Speech Department, Saint-Petersburg State Agrarian University, Saint-Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Feldmann L. Equal pay: Can Obama's action overcome a cultural taboo? // Christian Science Monitor (140408). 2014 // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
2. Whitlock C., Ryan M. Defense pick reveals an independent voice // Washington Post (150205). 2015 // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/?c=coca&q=52950334>.
3. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metodologiya sovremennoy politicheskoy lingvistiki // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / UrGPU. — Ekaterinburg, 2006. S. 34—35.
4. Volf E. M. Funktsional'naya semantika otsenki. — M. : Editorial URSS, 2002.
5. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika. — M. : AST : Vostok-Zapad, 2007.
6. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2008.
7. Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Cognitive Linguistics. 1990. № 1 (3). P. 323—340.
8. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com>.
9. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.
10. Ruiz de Mendoza F. J., Pérez L. Metonymy and the grammar: motivation, constraints and interaction // Language and Communication. 2001. № 21 (4). P. 321—357.
11. Ruiz de Mendoza F. J., Mairal R. High-level metaphor and metonymy in meaning construction // Aspects of Meaning Construction / G. Radden, K.-M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund (eds.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. P. 33—51.
12. Ruiz de Mendoza F. J., Galera-Masegosa A. Metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation: metaphoric chains // Studies in Cognition and Linguistics / Rebollar E. B. (ed.). — Frankfurt : Peter Lang, 2012. P. 161—190.

Т. И. Сурикова
Москва, Россия

ЛУКАВЫЙ ТЕРМИН И ЕГО ПРАГМАТИКА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены прагматические эффекты функционирования политико-экономической терминологии при обращении к оппозиции «народ — власть» в общественно-политическом дискурсе СМИ. Обобщенность семантики и, как следствие, произвольность трактовки термина, размытость референции, преобладание оценочного значения над номинативным становятся основой идеологии. Под влиянием основных особенностей СМИ все эти свойства номена приводят к развитию оценочной прагматической энантиосемии. Функционирование термина в противоположных оценочных контекстах, регулярная повторимость и поляризованная сочетаемость («воссоединение Крыма с Россией / аннексия Крыма Россией») ведут к поляризации и упрощению языковой картины мира, когда она сводится к противопоставлению по типу «черное — белое», а отношения коммуникантов в оппозиции «народ — власть» трактуются как «друг — враг», «коммуникатор — объект воздействия». Отдельно рассмотрены такие процессы, как рефрейминг дискредитированной идеологии и его процедуры, а также эффекты когнитивного освоения этого лексикона: выход за пределы терминосистемы и предметной области, детерминологизация, развитие полисемии, синонимии, возникновение словообразовательных дериватов. Поскольку в оппозиции «народ — власть» народ не всегда считается быть только объектом воздействия, но и оценивает и коммуникатора, и его язык, в данном случае определенные категории прежде всего политико-экономической терминологии, это порождает, в свою очередь, метаязыковой рефлексив «лукавый термин». Все упомянутые явления рассмотрены на основании обширного эмпирического материала, включающего и исторические факты, и современные контексты СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: термин; идеология; метаязыковой рефлексив «лукавый термин»; рефрейминг; прагматическая оценочная энантиосемия; поляризация и выравнивание языковой картины мира; упрощение лексикона; когнитивное освоение термина.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сурикова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; 103009, Россия, Москва, Моховая, д. 9, ауд. 204; e-mail: surikova_t@mail.ru.

В 1987 г. экономист Г. Ханин и журналист В. Селюнин опубликовали в «Новом мире» статью «Лукавая цифра», в которой первые в практике советских СМИ речь шла о лакирующей статистике — своеобразном научно-методическом эвфемизме. Эпитет *лукавая цифра* оказался настолько точным и созвучным общественному сознанию, что прочно вошел в лексикон СМИ и породил массу производных, среди них *лукавая наука, лукавый рейтинг, лукавые прогнозы* и под.

В этом ряду оказывается и оксюморон *лукавый термин*, распространенный в общественно-политическом дискурсе СМИ. Это — метаязыковой рефлексив, оценка данной вербальной единицы со стороны коммуникантов. В СМИ в сферу такого оценивания регулярно попадают номинации политического строя типа *демократия, социализм, капитализм, коммунизм, олигархия, тоталитаризм, диктатура, либерализм, сталинизм*; субъектов политической деятельности: *коммунист, демократ, либерал, нацист, националист, оппозиция, несистемная оппозиция, воин-интернационалист*; общественно-политических принципов: *свобода, равенство, патриотизм, национализм, сепаратизм*; состояний общества: *реформа, революция, переворот, бунт, оптимизация, кризис, стабилизация, застой, стагнация, перестройка*; юридических действий: *репрессия, реабилитация, амнистия, легализация, оккупация, воссоединение, аннексия, миротворческая миссия, антитеррористическая операция, агрессия, гуманитарная операция* и под.

Лукавыми оказываются термины и других предметных областей (*вялотекущая шизофрения, параноидальное состояние, тара, шоковая терапия, ВВП, отрицательный экономический рост*), когда оказываются вовлеченными в непростую область политики, отношений государства и граждан, текстовую и, шире, дискурсную оппозицию «народ — власть».

Свойства термина как основа формирования идеологии

В идеале свойства термина — объективность, эксплицитность и смысловая насыщенность содержания (термин — «имя сгустка смысла» [Никитина 1987: 29]), которые обеспечиваются наличием документально закреплённой дефиниции; безобразность, отсутствие синонимии, коннотаций и оценочности [Реформатский, 1996]. Эти качества обеспечивают возможность научного познания и административного, правового, законодательного, этического регулирования жизни общества.

Терминология и номенклатура (далее между ними не делается различий с учетом целей данной работы [Реформатский 1996; Рябова 2009]) — результат языковой рефлексии, профессионального анализа определенной предметной области и, следовательно, неизбежно отражают не только действительность, но и знания/представления о ней, формируемые у авторов в контексте истории и идеологии; убеждения и целеустановки создателей, а в коммуникации выполняют роль основного знакового, вер-

бального их носителя. Так что эксплицитность, смысловая насыщенность, объективность, отсутствие синонимии, многозначности и безоценочность — только семиотический идеал этой лексической подсистемы, по крайней мере для той части терминологии, которая в СМИ оценивается как *лукавая*.

Объективное логическое и семантическое свойство подобных лексем — обобщенность, дефицит сигнификативного содержания. В коммуникации это приводит к произвольной трактовке, возможности соотносить со словом любой референт. Например, строй современного Китая называют *социализмом*, *капитализмом*, *тоталитаризмом* [Китайская модель социализма <http>], современной России — *олигархическим/диким/клановым капитализмом*, а социально-политический строй Швеции, с его системой социальных гарантий, у нас был назван *шведской моделью социализма* [Дроздов 2003]. Выбор определяется не только действительностью, но и интенциями, убеждениями коммуникантов, лингвокультурным и историческим контекстом и может меняться.

Кроме того, сигнификативный дефицит подобной терминологии порождает произвольное понимание, неизбежный разнобой. Так, лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство» подразумевал под *свободой* отмену монархии, под *равенством* — отмену сословий и уравнивание всех в гражданских правах, с тем же значением термины переключались в русскую Февральскую революцию [Фельдман 2006]. Сейчас *равенство* понимается одними как *равенство в возможностях*, *стартовых позициях*, а другими как *одинаковое распределение благ* по принципу «всем поровну». Термин *свобода* в начале 1990-х гг. в целом был понят как *беспредел*, а в отношении СМИ — как освобождение от литературной и этической нормы вплоть до растабуирования мата.

В коммуникации эти свойства термина провоцируют развитие коннотативных, прагматических значений, которые в языке пропаганды становятся основными, формируют ядро идеологемы [Малышева 2009] — языкового знака, репрезентирующего мировоззренческую идею, ценность, часто с размытым денотативным значением и превалирующим оценочным. Оно формируется в определенных коммуникативных условиях под воздействием господствующей идеологии и стереотипов. Так, когда в 1970-е гг. власти стало ясно, что с обещанным в 1961 г. Н. С. Хрущевым *коммунизмом* «проблемы», появился *развитой, зрелый социализм*, а когда в 1980-е гг. в массовом сознании

идеологема *социализм* себя дискредитировала, придумали термин *социализм с человеческим лицом*. Каждый из социализмов содержал сему «лучше» — по сравнению с предыдущим, хотя от коммунизма отстоял далеко.

В языке СМИ подобные лексемы составляют слой концептуальной лексики, выражающей и формирующей мировоззрение [Рябова 2009; Солганик 1981].

Смена модуса, оценочная энантиосемия, рефрейминг термина

Термин в функции идеологемы (*демократия*, *либерализм*, *социализм*, *патриотизм* и под.) в коммуникации может менять оценочный модус, что происходит под воздействием просвещения / промывания мозгов, обнародования ранее неизвестных фактов, пропаганды (особенно при ограничении доступа к альтернативным источникам информации). Так, на Украине после 2014 г. происходит реабилитация идеологем *национализм*, *нацизм*, звание *Героя Украины* было присвоено С. Бандере, который до того считался нацистским преступником.

Термин, он же идеологема, может развивать прагматическую оценочную энантиосемию. Языковыми маркерами последней становится развитие полисемии, синонимии, словообразование, в том числе окказиональное, широкая сочетаемость [Сурикова 2015]. Скажем, термин *свобода*, имевший в начале 1990-х гг. положительную коннотацию и синонимы: *воля*, *вольность*, *приволье*, *раздолье*, — позже развил контекстуальную синонимию: *произвол*, *беспредел*, *вседозволенность*. Только реализованная сочетаемость *демократии* включает около 20 определений: *парламентская*, *управляемая*, *мажоритарная*, *прямая*, *социальная*, *социалистическая*, *электронная*, *протективная*, *имитационная*, *суверенная* и др. Окказиональные словообразовательные дериваты — *демокраДы*, *демокраДия*, *демокраДический*.

Смена оценочного модуса на отрицательный и развитие энантиосемии, если это нежелательно для коммуникатора, обуславливает необходимость рефрейминга — управляемой оценочной реабилитации идеологемы. Или же восстановление прежней оценочности — реабилитация происходит вопреки господствующей идеологии, стихийно. И то и другое явление демонстрирует российская история термина *демократия* начиная с русских революций начала XX в.

При том, что сигнификат *демократии* понимался единообразно всеми как возможность народа участвовать в управлении гос-

ударством (собственно говоря, это только номинальное определение, не более чем поэлементный перевод термина с греческого на русский), попытки ее претворения в жизнь вызвали трудности, обусловленные не в последнюю очередь сигнификативным дефицитом и неопределенной референцией понятия.

Так, Временное правительство, руководствуясь идеей демократии, распустило профессиональную полицию, заменив народной, непрофессиональной милицией, в результате взлетела преступность, *демократия* стала ассоциироваться с беззаконием, идеологема развила отрицательную оценочность, чем обусловились попытки ее рефрейминга. Так появились *революционная* и *социалистическая демократия*. *Демократия* была включена в идеологию нового государственного строя и дискредитировала себя вместе с идеологемой *социализм*. Но была реабилитирована в конце 1980-х — начале 1990-х гг. как элемент альтернативной общественной системы. Определение *социалистическая* от демократии отпало. *Демократия* была противопоставлена *социализму* и вернула себе положительную оценочность [Фельдман 2006].

В 1990-х гг. она стала центральной идеей политических и экономических реформ президента Б. Н. Ельцина и в массовом сознании скоро превратилась в *демокраДию*. Последняя попытка рефрейминга идеологемы — это сочетание *суверенная демократия* (В. Сурков), использованное в период парламентских и президентских выборов 2007—2008 гг.

Исследователь политической терминологии Д. Фельдман констатирует: «Каждый раз атрибут возле существительного показывал, что есть некая преемственность с прежними значениями, но все несколько иначе. Любопытно, что за все это время толком объяснить, чем же такая „революционная демократия“, „организованная демократия“, „социалистическая демократия“ отличается от демократии как таковой никто и не делал» [Февральская революция].

Преобразования происходили и с идеологемой *социализм*. Выше был рассмотрен ряд *социализм* → *развитой/зрелый социализм* → *социализм с человеческим лицом* (конец 1980-х гг.). Далее последовало господство идеологемы *демократия* с попытками рефрейминга, видимо неудачными, и сейчас в общественном сознании происходит реабилитация понятия *социализм* как идеи социальной защищенности и стабильности. Например: *Коммунизм был, но прошел незамеченным* (*коммунизмом* названа

существовавшая социальная программа социализма — бесплатная медицина, образование, жилье) [Коммунизм был, но прошел незамеченным http].

Языковая техника рефрейминга/реабилитации идеологемы подразумевает одну из трех операций. Первая — уточнение термина определениями (*социализм* → *развитой социализм* → *социализм с человеческим лицом*; *капитализм* → *капитализм с человеческим лицом*); вторая — освобождение от определений (*социалистическая демократия* → *демократия*), если необходимо языковую оболочку идеологемы сохранить. Третья — замена термина, если надо создать впечатление перемен.

Скажем, в советское время массмедиа носили название *СМИП* — *средства массовой информации и пропаганды*, в 1990-х гг. их переименовали в *СМИ*: следуя концепции свободы слова, убрали из названия *пропаганду*, хотя и не перестали ею заниматься. Сам термин *агитация* и *пропаганда*, *агитпроп*, *пропаганда* стал контекстным синонимом *лжи* (*гербельсовская*, несколько позже — *советская пропаганда*), и от него стали открешиваться: еще в советские времена появилась система *политпросвета* — *политического просвещения*. В 1990-х им на смену пришел *пиар*, который тоже быстро себя дискредитировал, потом последовательно появились *политтехнологии* и *гуманитарные технологии*, из которых тоже начали «торчать уши» пропаганды, и сейчас возникла аббревиатура *РОС* — *развитие общественных связей*. Надолго ли? (В скобках заметим, что рефрейминг универсален, любое дискредитировавшее себя / низкостатусное явление можно реабилитировать переименованием: *гомосексуалисты* → *голубые* → *геи* → *ЛГБТ*; *уборщица* → *клининг-менеджер*; *извозчик* → *водитель кобылы*. Но эффект кратковременный, пока само явление оценивается отрицательно.)

Параллельно в последние годы происходит рефрейминг идеологемы *пропаганда* (передача «Агитация и пропаганда» с логотипом на экране «Агитпроп», «Россия-24»). Это языковой маркер переоценки советского прошлого.

Эффекты общественно-политического дискурса СМИ

Система идеологем (в том числе терминология) формирует идеологию, картину мира, мировоззрение. Это словарь вербального управления аудиторией, поскольку «предназначение политического дискурса — не просто «описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения,

дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков 2002].

Медиацентризм современной культуры [Клушина 2014] и свойства самих СМИ: удвоение реальности («Можно говорить и о втором смысле реальности масс-медиа, а именно, о смысле того, что для нее или благодаря ей для других выглядит как реальность. Если использовать кантовскую терминологию, масс-медиа производят трансцендентальную иллюзию» [Луман 2005]); тематическая избирательность, актуальность (часто понимаемая как конфликтность, отступление от нормы), рекурсивность, т. е. включенность информации в контекст прошлого и будущего, ангажированность — обуславливают эту роль СМИ.

При этом функционирование идеологем в массмедиа сопровождается несколькими взаимосвязанными процессами.

Первый — это **поляризация и выравнивание языкового сознания** аудитории определенных СМИ. Медиа внедряют в общество определенный набор идеологем в повторяющихся контекстах и ассоциативных, эпидигматических связях.

Так, понятие *демократия* оценивается по-разному, но ассоциировано с Западом. Тема российского Крыма в освещении канала «EuroNews» раскрывается как его *аннексия, захват, оккупация, присоединение* к России, а сам полуостров как *оккупированная территория*, а в освещении российских государственных каналов «Россия-1», «Россия-24» — как *воссоединение, возвращение (в родную гавань)* [Строкова 2015: 86—90]; российские военные — как *зеленые человечки / вежливые люди*, смена власти на Украине — как *законно избранное правительство / хунта*, политический и военный конфликт южных областей Украины с Киевом — соответственно как *война России с Украиной* и как *борьба ДНР и ЛНР за суверенитет, антитеррористическая/карательная операция или гражданская война; законно избранное правительство / хунта, марионеточное правительство*; участники конфликта — *ополченцы / пророссийские сепаратисты, боевики, террористы; обычный бандит / человек, пришедший защищать народ от захватчиков* (об Арсене Павлове, позывной «Моторолла», убитом в результате покушения украинских спецслужб). Доказательство справедливости сказанного — многочисленные политические ток-шоу на телевидении. Причем языковое воздействие СМИ таково, что рядовой реципиент — не эксперт может его и не осознавать.

Второй — это **упрощение лексикона и**

его системных связей. Язык современных идеологем, как считает ряд экспертов, весьма бедный, как BASIC — прототип новояза у Оруэлла. Упрощение — его принцип, выраженный в сведении к оппозициям: *друзья — враги, хорошо — плохо, тоталитаризм — демократия; свобода — рабство, суверенитет — оккупация, Х. Клинтон как олицетворение западных ценностей — Д. Трамп как агент Москвы.*

Третий процесс — это **когнитивное освоение идеологемы аудиторией.** Маркеры его — детерминологизация, сериализация терминологии, метафоризация, смена референции, выход за пределы тематической области, вступление в процессы словообразования и установление системных лексических связей. Показательна в этом отношении медийная история термина римского права *враг народа*. В российских СМИ он появился в период сталинских репрессий как карательный инструмент и во второй раз активизировался в 1990-е с уточнениями: *враг грузинско-русского/эстонского/белорусского и другого народа* — и изменил референцию — как *враги народа* осознавались представители власти: *главный врач народа* (о министре здравоохранения М. Зурабове). В дискурсе СМИ сейчас термин время от времени дает себя знать очередными поисками врагов: *Кремль фактически легализовал термин „враг народа“, открыто поддерживая главу Чечни Рамзана Кадырова в перепалке с несистемной оппозицией* [Шевчук http].

СМИ — основная информационная среда общества и в оппозиции «народ — власть» посредник в создании картины мира в коллективном языковом сознании. Роль СМИ двойственна. Они выступают и как ретранслятор идеологии и языка коммуникатора (власти), и как ее комментатор, отражая языковую реакцию аудитории (народа). Метаязыковая оценка *лукавый термин* при словах перечисленных категорий — это одно из проявлений комментирующей роли СМИ [Шейгал 2004: 59].

ИСТОЧНИКИ

1. Коммунизм был, но прошел незамеченным // Метро. 2016. 29 сент. С. 1.
2. Китайская модель социализма. URL: <http://periskop.livejournal.com/1091437.html> (дата обращения: 25.01.2017).
3. Шевчук М. Зачем власти возвращают врагов народа // Деловой Петербург. 2016. 21 янв.

ЛИТЕРАТУРА

4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32—43.
5. Дешериев Ю. Д. Язык как орудие идеологии и как объект идеологической борьбы // Современная идеологическая

борьба и проблемы языка. — М. : Наука, 1984.

6. Дроздов В. В. Проблема типологии социально-экономического строя современной России в работах зарубежных аналитиков // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2003. Вып. 9. С. 79—83.

7. Клущина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 66—73.

8. Луман Н. Реальность масс-медиа. — М. : Практикс, 2005.

9. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 30. С. 32—41.

10. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. — М. : Наука, 1987.

11. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1996.

12. Рябова Е. А. Номенклатура и термин // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2009. № 3. С. 98—100.

13. Солганик Г. Я. Лексика газеты: функциональный аспект. — М., 1981.

14. Строкова Ю. А. Тексты телевизионных новостных передач: лингвопрагматический анализ : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2015.

15. Сурикова Т. И. Лингвистическая этика как критерий оценки речевой деятельности в дискурсе СМИ и направление исследований // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 109—118.

16. Фельдман Д. М. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. — М. : РГГУ, 2006. 486 с.

17. Февральская революция 1917: 90 лет жизни политических терминов : интервью В. Тольца с Д. Фельдманом. URL: www.svoboda.org/a/377558.htm (дата обращения: 05.11.2016).

18. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.

T. I. Surikova

Moscow, Russia

MISLEADING TERM AND ITS PRAGMATICS IN THE MEDIA SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with the pragmatic effects of the political and economic terminology used to describe the opposition "people-power" in the media socio-political discourse. Generalization of semantics and therefore arbitrary term interpretations, reference blur, prevalence of attitudinal meaning over nominative meaning become the basis of the ideologem. Under the influence of the media the main features of the name lead to attitudinal pragmatic enantiosemy development in the meaning. Functioning of the term in the opposite evaluative contexts, regular frequency and polarized combinability (reunification of the Crimea with Russia / Russian annexation of the Crimea) lead to the language picture of the world polarization and simplification, when it comes to the opposition "black and white", and relations between communicants in the opposition "people-power"2 are treated as "friend-enemy", "communicator-object of impact". The following processes are studied: reframing of discredited ideologems and its procedures, as well as effects of the cognitive development of the lexicon: going beyond the terminology and the subject field, the determinologization, polysemy development, synonymy, and occurrence of word-forming derivatives. In the opposition "people-power" people do not always agree to be the impact object, but they also evaluate the communicator and his language; this creates metalanguage reflexive, the so-called "misleading term". All these phenomena are considered on the basis of extensive empirical material, including the history and contemporary contexts of the media.*

KEYWORDS: *term; reframing; pragmatic attitudinal enantiosemy; lingual world picture simplification and polarization effect; lexicon reduction; term's cognitive absorption.*

ABOUT THE AUTHOR: *Surikova Tatiana, Candidate of Philology, Associate Professor, Russian Language Stylistics Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Kommunizm byl, no proshel nezamechennym // Metro. 2016. 29 sent. S. 1.

2. Kitayskaya model' sotsializma. URL: <http://periskop.livejournal.com/1091437.html> (data obrashcheniya: 25.01.2017).

3. Shevchuk M. Zachem vlasti vozvrashchayut vragov naroda // Delovoy Peterburg. 2016. 21 yanv.

4. Dem'yankov V. Z. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya. M., 2002. № 3. S. 32—43.

5. Desheriev Yu. D. Yazyk kak orudie ideologii i kak ob"ekt ideologicheskoy bor'by // Sovremennaya ideologicheskaya bor'ba i problemy yazyka. — М. : Nauka, 1984.

6. Dроздов В. В. Проблема типологии сotsial'no-ekonomicheskogo stroya sovremennoy Rossii v rabotakh zarubezhnykh analitikov // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie / pod red. L. I. Borodkina. M., 2003. Vyp. 9. S. 79—83.

7. Klushina N. I. Mediatizatsiya sovremennoy kul'tury i russkiy natsional'nyy stil' // Russkaya rech'. 2014. № 1. S. 66—73.

8. Luman N. Real'nost' mass-media. — М. : Praxis, 2005.

9. Malysheva E. G. Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. Vyp. 30. S. 32—41.

10. Nikitina S. E. Semanticheskii analiz yazyka nauki: na materiale lingvistiki. — М. : Nauka, 1987.

11. Reformatskiy A. A. Vvedenie v yazykovedenie. — М., 1996.

12. Ryabova E. A. Nomenklatura i termin // Vestn. Moskov. gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2009. № 3. S. 98—100.

13. Solganik G. Ya. Leksika gazety: funktsional'nyy aspekt. — М., 1981.

14. Stroкова Yu. A. Teksty televizionnykh novostnykh pere-dach: lingvopragmaticheskii analiz : dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2015.

15. Surikova T. I. Lingvisticheskaya etika kak kriteriy otsenki rechevoy deyatel'nosti v diskurse SMI i napravlenie issledovaniy // Aktual'nye problemy stilistiki. 2015. № 1. S. 109—118.

16. Fel'dman D. M. Terminologiya vlasti: sovetskie politichesk-kie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste. — М. : RGGU, 2006. 486 s.

17. Fevral'skaya revolyutsiya 1917: 90 let zhizni politicheskikh terminov : interv'yu V. Tol'tsa s D. Fel'dmanom. URL: www.svoboda.org/a/377558.htm (data obrashcheniya: 05.11.2016).

18. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — М., 2004.

Т. Т. Теркулов
Далянь, КНР

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМЫ «МЕНТАЛИТЕТ» В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению особенностей лексико-семантического освоения научного термина «менталитет» в речевой практике современного политического дискурса. Материалом данного исследования стали фрагменты текстов устных выступлений Президента России, опубликованные на официальном сайте «www.kremlin.ru». В исследовании предпринята попытка установить взаимоотношения между лексемами «менталитет» и «ментальность», активно используемыми в современном русском языке в целом и политическом дискурсе в частности. С помощью контекстуального анализа выявлены и описаны функционально-семантические характеристики указанных лексем в выбранных нами текстах, также рассмотрены разновидности семантических преобразований терминологического содержания лексемы в зависимости от контекстуальных условий. Формулируется вывод о том, что в речи современных российских политиков семантической дифференциации анализируемых лексем не наблюдается, то есть лексемы функционируют как абсолютные синонимы. В результате их контекстуального анализа мы пришли к выводу о возможности выявления двух основных значений слов «менталитет / ментальность». В текстах политического дискурса преобладает сема «менталитет как черты национального характера», также часто находят примеры употребления лексемы в значении «особенности поведения людей, связанные с их профессиональной деятельностью»: «менталитет чиновников», «менталитет СМИ», «менталитет врачей». Неразличение значений рассматриваемых лексем в текстах политического дискурса способствует укреплению тенденции к «мифологизации» их значений, отмеченной современными исследователями. Это приводит к нейтрализации дифференциальных оттенков анализируемых лексем, описанных в ряде словарей и актуализируемых в некоторых работах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальный менталитет; лексические значения; лексемы; лексическая семантика; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Теркулов Тимур Темиргалиевич, аспирант Центра исследования Северо-Восточной Азии, Даляньский университет иностранных языков; 116044, КНР, провинция Ляонин, г. Далянь, Люшунь Наньлу Сидуань, 6; e-mail: t.terkulov_ocg@yahoo.com.

Менталитет любого народа формируется под влиянием целого комплекса факторов и при этом сохраняет способность к трансформации. Являясь некой характеристикой народа, он определяет умонастроение и жизненную позицию индивида, группы, слоя, класса, народа, нации в целом, поскольку является результатом культуры, исторически и социально укорененным в сознании и поведении многих поколений различных общностей людей.

Данное понятие уже давно вошло в состав западной и российской научной терминологии. Термин «менталитет» ведет свое происхождение (как и большая часть научных понятий) из латинского языка — от слова *mens*, которое обозначает мышление, образ мыслей, рассудок, ум человека, т. е. целый ряд родственных, но далеко не тождественных явлений и процессов [Манкевич 2005: 13]. Поэтому в современном научном дискурсе существует значительное многообразие толкований и определений данного термина.

В одной из работ Т. Б. Радбиль указывает, что «слово **менталитет** стало употребляться примерно с 20-х годов XX в. в качестве узкоспециального исторического (Л. Февр и М. Блок) и культурно-антропологического (Л. Леви-Брюль) научного термина, сегодня переживает стадию „популяризации“ (как это было в свое время с такими строгими научными понятиями, как „квант“, „черная дыра“ или, позднее, „вирту-

альная реальность“ и т. п.), становясь общепринятым и даже в чем-то „модным“ обозначением всего, что так или иначе связано с нематериальной, духовной сферой деятельности человека» [Радбиль 2012: 101]. Также он отметил, что проблема определения термина, связанная с его нетерминированным употреблением в речевой практике как «модного» слова или выражения, неизбежно ведет к «мифологизации» данного понятия.

В. В. Колесов отмечает, что в **лингвистике** активизировалось изучение данного явления в конце 1960-х гг.: «Специалисты начали изучать проявление менталитета в категориях и формах народных языков», понимая менталитет как «проявление духовно-символической связи индивида и общества, в котором он живет, что и представлено в языке» [Колесов 2006: 8].

В своей работе Л. И. Жуковская подчеркивает, что научное понятие «менталитет» отражено в энциклопедических изданиях и в работах философов и представителей других гуманитарных наук — истории, психологии, этнологии, антропологии социологии, культурологии, литературоведения и лингвистики. Таким образом, мы можем считать термин «менталитет (ментальность)» общенаучным, точнее — общегуманитарным термином [Жуковская 2001: 69].

Содержание понятия «менталитет» описывается по-разному российскими и зарубежными учеными. В разных работах, посвященных историографии, распространи-

лась **упрощенная схема структуры менталитета**:

- Картина мира — концепция мироздания, система ценностей, сфера переживаний.
- Стиль мышления — рационально опосредованные установки сознания.
- Кодекс поведения — нормы и стереотипы поведения [Усенко 2001: 4].

В текстах, написанных на русском языке, мы встречаем не только термин «менталитет», но и «ментальность». Причем оба эти термина демонстрируют схожую частоту употребления.

В связи с этим в нашем исследовании одной из главных задач является установление **взаимоотношений между понятиями «менталитет» и «ментальность» в политическом дискурсе современного русского языка, а также предполагается выявление и описание функционально-семантических характеристик указанных терминов в текстах политического дискурса.**

Для решения поставленной задачи будут использованы методы лексико-семантического, контекстуального и дискурсивного анализов. Для отбора языкового материала использовался метод сплошной выборки.

Материалом для анализа в данной статье стали фрагменты текстов устных выступлений Владимира Путина, опубликованные на официальном сайте Президента России (www.kremlin.ru). Общий объем выборки по ключевым словам «менталитет» и «ментальность» составил 141 словоупотребление, в том числе различные грамматические формы лексемы «менталитет» — 87, «ментальность» — 54 (дата обращения — 1 апреля 2017 г.).

Так, одни ученые говорят об этих понятиях как о равнозначных и тождественных. В других работах делается акцент на более узкий, производный характер «ментальности».

Лингвист Л. И. Жуковская подчеркивает, что в соответствии с определенной научной традицией, с особенностью научных концепций одни авторы используют термин *менталитет*, а другие — *ментальность*, причем делают это в одних и тех же смыслах и сходных контекстах употребления.

Например, в некоторых философских работах употребляется термин *менталитет* [Григорьева А. 2008], а в других — *ментальность* [КФЭ 1994]. Также можно говорить и об историках, политологах, социологах, этнографрах и литературоведах, которые употребляют то *менталитет* [Григорьева И. 2011], то *ментальность* [Гуревич 1981; Додонов 1998]. По мнению Л. И. Жу-

ковской, «в лингвистике также существует тенденция нераспределенного использования данных понятий [Радбильт 2011; Радбильт 2012], а термин «ментальность» используется в работе М. Проскурякова и Л. Бугаевой [Проскуряков, Бугаева 2007]. В работе М. К. Голованивской [Голованивская 2009] недифференцированно используются оба термина: в названии книги — слово «ментальность» («Ментальность в зеркале языка»), а в самом тексте речь идет только о менталитете. Мы можем предположить, что данный автор тоже не вполне разграничивает эти понятия» [цит. по: Жуковская 2015: 61—62].

В то же время в некоторых работах наблюдаем дифференцированное использование двух терминов, в частности в работах В. А. Масловой [Маслова 2001], В. В. Колесова [Колесов 2006], Н. Ф. Алиференко [Алиференко 2011].

В качестве недифференцированного употребления обоих терминов в одном ряду можно привести «Большой энциклопедический словарь»: «Менталитет (ментальность) — образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе» [БЭС 2000: 717].

Подтверждение тождественности двух понятий дается в «Новом методическом словаре»: «МЕНТАЛИТЕТ (от нем. *Mentalität* — склад ума). То же, что ментальность. Совокупность умственных навыков, духовных установок и культурных традиций, присущих отдельному человеку или человеческой общности» [НСМТП 2009: 134].

В «Словаре иностранных слов русского языка» Т. В. Егоровой подчеркивается, что **ментальность то же, что менталитет** [СИСРЯ 2014: 412].

Неразграничение понятий также наблюдается и для словарей иностранных слов — например в «Словаре иностранных слов» Н. Г. Комлева: «МЕНТАЛЬНОСТЬ, МЕНТАЛИТЕТ [< лат. *mentalis* — умственный, духовный < *mens* — разум] внутренний, интеллектуальный мир индивида, его духовность; характерный для личности или общественной группы способ мышления; склад ума; мировосприятие» [СИС 2006: эл. ресурс].

Основываясь на этих данных, в нашем исследовании мы будем придерживаться позиции тождественности данных терминов.

В современном русском языке существует достаточно много определений лексических значений этих двух слов. При этом они отсутствуют в классических словарях БАС и МАС, в словаре Д. Н. Ушакова, а также в

многочисленных изданиях и переизданиях словаря С. И. Ожегова как минимум до начала 90-х гг. XX в. Одним из первых фиксирует слово «менталитет» «Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения» (1998). В этом словаре приводятся два значения: «Менталитет 1. Совокупность мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических, психологических, этических и т. п.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом. 2. О складе ума, характере мышления» [ТСРЯ-XX: 382].

В «Новом толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой дано, на наш взгляд, суженное толкование, которое ориентирует только на общенациональный характер менталитета: «Мироощущение, мировосприятие, определяющееся народно-национальными обычаями, образом жизни, мышлением, нравственностью» [СЕ 2000 http].

Отметим «Большой энциклопедический словарь», который дает более широкое определение. Здесь в толкование слова «менталитет» включается указание на возможность его использования как по отношению к отдельному человеку, так и к какой-либо общественной группе. Как было сказано выше, данный словарь не различает «менталитет» и «ментальность» (они считаются тождественными лексическими вариантами) [БЭС 2000: 717].

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова дается уже более подробное и детальное, более точное, на наш взгляд, толкование: «Совокупность психических, интеллектуальных, идеологических, религиозных, эстетических и т. п. особенностей мышления народа, социальной группы или индивида, проявляющихся в культуре, языке, поведении и т. п.; мировосприятие, умонастроение» [БТСРЯ 2000: 533].

В Новом толковом словаре русского языка под ред. Ю. В. Алабугиной, Е. Н. Шагаловой, Л. А. Глинкиной дается следующее определение: «Менталитет, -а, м., только ед. Образ мышления и восприятия мира личностью, национальной или социальной группой. Своеобразие русского менталитета» [НТСРЯ: 96].

Для реализации поставленных в статье задач обратимся к анализу функционирования данных лексем **в политическом дискурсе**. В качестве образца политического дискурса нами избраны тексты выступлений политических лидеров России.

Пример 1.

Путин:

...Вы знаете, что мы занимаемся этой проблемой постоянно. Но вот такой у нас

менталитет, особенно у чиновничества, если уж кто на чем стоит, тот старается максимально использовать свое статусное положение и обеспечить ренту...

В данном примере у лексемы «менталитет» наблюдаем следующее значение. Контекстуальный анализ употребления данного слова помогает нам установить, что на определение семантики слова «менталитет» влияет контактное расположение лексемы «чиновничество». На самом деле в данном фрагменте автор имеет в виду не менталитет народа, а привычки людей определенной социальной группы. Словарь БАС дает следующее определение чиновничества: «Чиновничество, а, ср. 1. Собр. Социальная группа чиновников (в 1-м знач.)... 2. Поведение, психология чиновника; казенность, педантизм, свойственные чиновнику...» [БАС 1950, т. 17: 1038].

Как видим, в анализируемом фрагменте текста актуализировано значение 'особенности поведения людей, связанные с их профессиональной деятельностью', которое мы находим в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [БТСРЯ 2000: 533].

Можно сделать вывод о том, что в данном выступлении лексема «менталитет» употребляется для обозначения неких правил поведения и психологии отдельной социальной группы.

Пример 2.

Путин:

...Но есть одна отличительная черта, которая, наверное, у всех народов есть, но у нас она особенно ярко выражена, — это стремление к справедливости. Это одна из доминирующих черт, мне кажется, в менталитете россиянина и русского человека.

И еще одна составляющая, которая характерна для ментальности российского человека, — это стремление к каким-то идеалам...

Но при всем при этом в ментальности, в душе русского человека всегда есть стремление к какому-то высокому моральному идеалу, к каким-то высоким моральным ценностям. Это нас точно отличает — и, уверен, в хорошую сторону.

При контекстуальном анализе лексемы «менталитет» и «ментальность» мы обнаруживаем, что, во-первых, обе эти лексемы употребляются как абсолютные синонимы, во-вторых, их значение обусловлено контактным расположением со словом «стремление». Обратимся к толкованию этой лексемы в словаре: «Стремление, 1. Действие по 1-му знач. глаг. стремиться...2. Настойчи-

вое влечение, тяготение, решительная устремленность к чему-либо...» [БАС 1950, т. 14: 1040].

В «Словаре иностранных слов» Н. Г. Комлева менталитет определяется следующим образом: «МЕНТАЛЬНОСТЬ, МЕНТАЛИТЕТ [< лат. mentalis — умственный, духовный < mens — разум] внутренний, интеллектуальный мир индивида, его духовность; характерный для личности или общественной группы способ мышления; склад ума; мировосприятие» [СИС 2006 http].

Таким образом, авторская интерпретация значения ментальности через понятие «стремление» («...ментальность... — это стремление...»), на наш взгляд, актуализирует одно из типичных качеств русского человека — поиск чего-то «возвышенного», движение к чему-то прекрасному.

Итак, в данном примере автор употребляет лексемы, имея в виду «менталитет/ментальность» народа в целом. Можно говорить о том, что в этом контексте автор как носитель русского языка и русской культуры выделяет одну из основных черт менталитета русского народа — стремление к справедливости, высокому моральному идеалу, высоким моральным ценностям.

Пример 3.

Путин:

...Особые отношения складываются и в связи с тем, что почти полтора миллиона граждан Израиля — это выходцы из бывшего Советского Союза, это носители русского языка, русской культуры, нашего менталитета, люди, которые поддерживают отношения со своими родственниками в России, с друзьями...

В данном фрагменте выступления ближайшими словами для лексемы «менталитет» являются словосочетания «носители русского языка» и «(носители) русской культуры». Поэтому для определения семантики лексемы «менталитет» сначала разберем значение данного словосочетания. Обратимся к толкованию слова «носитель»: «носитель, м. 1. Тот, кто обладает, наделен чем-нибудь (идеями, талантом, идеалами)... 2. О предмете, веществе и т. п., обладающем каким-либо свойством, содержащим в себе что-либо... 3. Спец. Распространитель какой-либо инфекции... 4. Устар. Тот, кто носит что-либо...» [БАС 1950, т. 7: 722]. В политическом дискурсе лексема «носитель» реализует первое значение, то есть «тот кто обладает определенными идеями, идеалами и т. п.».

Эта же сема выделена и описана в «Новом словаре методических терминов и понятий»: «Менталитет — совокупность умственных навыков, духовных установок и культурных традиций, присущих отдельному человеку или человеческой общности» [НСМТП 2009: 134].

В данном контексте мы наблюдаем следующее: автор употребляет слово «менталитет» для описания характеристик не определенного народа, а для описания свойств носителей определенного склада ума, общей культуры и языка. В своем выступлении автор ведет диалог с представителем израильского народа, говоря о русском менталитете, в связи с этим можно сделать вывод о том, что обладать русским менталитетом могут представители разных государств, будучи поданными одной страны и сохраняя общие национальные традиции.

Пример 4.

Путин:

...Вы говорите про девяностые, а мы-то живём в конце 2014 года.

В. Путин: Но ментально всё осталось, никуда из сознания народа не делось... Не существует такой национальности — чиновник и бизнесмен, это виды деятельности. А ментальность народа, она, конечно... У нас общинный склад ума и менталитет. И хорошо это, и не очень. Хорошо, что есть чувство общности. А не очень — из-за отсутствия индивидуальной ответственности... Нет-нет, я сказал: урядового человека этого еще больше, но в принципе речь об общей ментальности русских людей.

Контекстуальный анализ убеждает нас в том, что исследуемые лексемы употребляются в качестве синонимов. Семантика каждой из четырех употребленных лексем обусловлена контактно расположенными словами «народ», «общинный» и «общий»: «ментальность народа», «общинный... менталитет» и «общая ментальность». По нашему мнению, все три определения связывает общее значение «ментальность какого-то социального единства».

В «Новом толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой подчеркивается общенациональный характер в значении лексемы «менталитет»: «Мироощущение, мировосприятие, определяющееся народно-национальными обычаями, образом жизни, мышлением, нравственностью» [СЕ 2000 http].

Таким образом, можно сделать вывод, что автор в данном фрагменте исполь-

зует лексему «менталитет/ментальность» в значении особенностей народа и социальной группы, а не характерного признака индивида, проявляющегося в поведении, культуре, языке и т. п.

Пример 5

...Я бы для начала подчеркнул то, с чего Вы начали, а именно как война в разных смыслах и формах постоянно вторгается в ментальность СМИ, политики, общественности...

В. Путин:

...Вот мы не предпринимали никаких действий в Сирии — что заставило террористов нанести удар в Волгограде на железнодорожном вокзале? Ничего, просто их человеконенавистническая ментальность, отношение к жизни людей, борьба с Россией как таковой...

В двух фрагментах мы наблюдаем разное контекстное употребление лексемы «ментальность». В рассматриваемом нами фрагменте в связи с близко-контактным расположением слов «СМИ», «политика», «общественность» можно говорить о том, что участник диалога употребляет данную лексему в значении 'особенности некоторой социальной группы людей'.

Во втором случае мы наблюдаем, что определением слова «ментальность» служит прилагательное «человеконенавистническая». Рассмотрим значение данного слова: «Человеконенавистническая — прил. 1) соотн. с сущ. человеконенавистник, человеконенавистничество, связанный с ними; 2) Свойственный человеконенавистнику, человеконенавистничеству, характерный для них» [СЕ 2000 <http://>].

В рассматриваемом нами фрагменте речь идет о террористах в Сирии. Поэтому, говоря о ментальности, автор акцентирует внимание на такой черте характера, как ненависть к людям. При этом мы понимаем, что речь идет о ментальности не как свойстве людей определенной национальности, а как о характеристике некой группы людей, объединенных одной, пусть и негативной, целью. Таким образом, в данном политическом тексте актуализирована сема, отмеченная в «Толковом словаре русского языка конца XX века: языковые изменения» (1998)» [ТСРЯ-XX: 382].

То есть можно сделать вывод, что автор в своем выступлении употребляет лексему «ментальность» в значении определенного склада ума, характера мышления, свойственного определенной социальной группе.

Итак, проведя функционально-семантический анализ, мы можем сделать вывод,

что слова «менталитет/ментальность» в российском политическом дискурсе употребляется в основном в двух значениях:

1. Менталитет как черта/черты национального характера («стремление к идеалам», «менталитет народа», «носители русского языка и культуры», «общинный склад ума и менталитет», «общественная ментальность»...);

2. Менталитет как черта/черты людей определенной социальной группы («менталитет чиновничества», «менталитет конкуренции», «менталитет работников», «менталитет врачей», «мужской менталитет», «менталитет СМИ, политики, общества», «человеконенавистнический менталитет», «ментальность сотрудников прокуратуры и следствия» и др.).

В заключение можем сказать о том, что в российском политическом дискурсе представлены все зафиксированные в словарях значения лексем «менталитет/ментальность». Как показал функционально-семантический анализ, в их словоупотреблении не выявлена семантическая дифференциация, т. е. в речи современных российских политиков они функционируют как абсолютные синонимы. В результате контекстуального анализа названных лексем мы пришли к выводу о возможности выявления двух основных значений слов «менталитет/ментальность». Как показывают наблюдения за количеством словоупотреблений в текстах политического дискурса, преобладает сема 'менталитет как черты национального характера'. Также хотелось бы отметить, что достаточно часто в текстах политического дискурса находим примеры употребления лексемы в значении 'особенности поведения людей, связанные с их профессиональной деятельностью': «менталитет чиновников», «менталитет СМИ», «менталитет врачей» и др., что говорит об употреблении данного слова в более узком значении. Менее употребительной является анализируемая лексема в значении 'особенности некоторой социальной группы людей', хотя, на наш взгляд, данное значение является наиболее специфичным для текстов политического дискурса. Таким образом, неразличение значений данных лексем в текстах политического дискурса способствует укреплению тенденции к «мифологизации» их значений, отмеченной современными исследователями. Это, в свою очередь, приводит к нейтрализации дифференциальных оттенков анализируемых лексем, описанных в ряде словарей и актуализируемых в некоторых работах. Их употребление в речи политиков, являющихся авторитетными носителями русского языка, не

только влияет на речевую практику обычных носителей, но и формирует определенную стилистическую моду в словоупотреблении.

ИСТОЧНИКИ

1. Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 1.04.2017).

СЛОВАРИ, СПРАВОЧНИКИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ

2. БАС = Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. (т. 4, 14, 17).

3. БТСРЯ 2000 = Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

4. БЭС 2000 = Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — М.; СПб.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 1456 с.

5. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов русского языка. — М.: Аделант, 2014. 801 с.

6. НСМТП 2009 = Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — М.: ИКАР, 2009. 448 с.

7. НТСРЯ 2014 = Новый толковый словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / Ю. В. Алабугина, Е. Н. Шагалова, Л. А. Глинка. — М.: АСТ, 2014. 639 с.

8. СЕ 2000 = Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/265599>; URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/b-13/id-44786/mentalitet.html.

9. СИСРЯ = Егорова Т. В. Словарь иностранных слов русского языка. — М.: Аделант, 2014. 799 с.

10. СИС 2006 = Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-204.htm#zag-1373>.

11. ТСРЯ-XXв. 1998 = Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. — СПб.: Фолио-пресс, 1998.

ЛИТЕРАТУРА

12. Алиференко Н. Ф. Лингвокультуральная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. 2011. No 1. С. 20—39.

T. T. Terkulov

Dalian, China

FUNCTIONAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF THE WORD “MENTALITY” IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article studies the peculiarities of lexico-semantic assimilation of the scientific term “mentality” in contemporary political discourse. The research is based on the extracts of texts of oral speeches of the Russian President published on the official web-site “www.kremlin.ru”. The research tries to establish relations between the words “mentality” and “mindset”, which are often used in the Russian language and in political discourse in particular. Functional and semantic characteristics of the abovementioned lexemes were singled out and described with the help of contextual analysis. Semantic transformations of the terminological content of the lexemes depending on the context were studied. The following conclusion is given: there is no semantic differentiation of the analyzed lexemes in the speeches of the Russian politicians, in other words these lexemes are used as absolute synonyms. Their contextual analysis led to the conclusion of the possibility to identify two basic meanings of the words “mentality/mindset”. Political discourse is dominated by the same “mentality as features of the national character”. At the same time the meaning of “features of people’s behavior connected with their profession” is often found too: “mentality of officials”, “mentality of mass media”, “mentality of doctors”. The absence of difference in the meaning of these lexemes in political discourse promotes the tendency of “mythologization” of their meaning. This fact is mentioned in different research works. It leads to neutralization of the different shades of meaning of the analyzed lexemes, which may be found in dictionaries and some works.*

KEYWORDS: national mentality; lexical meaning; lexemes; lexical semantics; political discourse.

ABOUT THE AUTHOR: Terkulov Timur Temirgalievich, Post-graduate Student, Research Center of Northeast Asia, Dalian University of Foreign Languages, China, Liaoning Province, Dalian.

REFERENCES

1. Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossii. URL: www.kremlin.ru (data obrashcheniya: 1.04.2017).

2. BAS = Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. — M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR. (t. 4, 14, 17).

3. BТСRЯ 2000 = Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb.: Norint, 2000. 1536 s.

4. BES 2000 = Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. A. M. Prokhorov. — M.; Spb.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2000. 1456 s.

13. Батурин А. Н. Человек Средневековья: проблемы ментальности. Кемерово, 2001. С. 4. URL: <https://knigogid.ru/books/789351-pervobytnyy-mentalitet/toread>.

14. Головановская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концерты французов и русских. — М.: Языки славянской культуры, 2009. 374 с.

15. Григорьева А. А. Русский менталитет: сущность и структура (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Томск, 2008. 17 с.

16. Григорьева И. В. Концепты «менталитет» и «этнос» в контексте изучения межэтнического диалога // Ярославский педагогический вестн. 2011. No 4. Т. 1: Гуманитарные науки. С. 259—265.

17. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. — М.: Искусство, 1981. 359 с.

18. Додонов, Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. — Запорожье: ПА «Тандем-У», 1998. 191 с.

19. Жуковская Л. И. Семантическое наполнение концепта «менталитет/ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке: дис. — Н. Новгород, 2015. 197 с.

20. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.

21. Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России — II: семь лет спустя. — М., 2003. С. 14—28.

22. Манкевич Д. В. Менталитет и ментальность: к вопросу о характере и содержании понятий // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей: науч. журн. 2005. № 1. С. 13.

23. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. — М.: Academia, 2001. 202 с.

24. Проскураков М., Бугаева Л. Текст в терминах самоорганизации. — М., 2007. URL: <http://www.fixed.ru/prikling/rus-smen/index.html>.

25. Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. No 3. С. 164.

26. Радбиль Т. Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. 2011. No 3. С. 54—60.

27. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 2-е изд., стер. — М.: Флинта: Наука, 2012. 328 с.

28. Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Русская история: проблема менталитета. М., 1994. С. 5.

URL.: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/b-13/id-44786/mentalitet.html.

9. SISRYa = Egorova T. V. Slovar' inostrannykh slov russkogo yazyka. — M. : Adelant, 2014. 799 s.

10. SIS 2006 = Komlev N. G. Slovar' inostrannykh slov. URL.: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-204.htm#zag-1373>.

11. TSRYa-KhKhv. 1998 = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya / pod red. G. N. Sklyarevskoy. — SPb. : Folio-press, 1998.

12. Aliferenko N. F. Lingvokul'tural'naya priroda mental'nosti // Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura. 2011. No1. S. 20—39.

13. Baturin A. N. Chelovek Srednevekov'ya: problemy mentaliteta. Kemerovo, 2001. S. 4. URL: <https://knigogid.ru/books/789351-pervobytnyy-mentalitet/toread>.

14. Golovanivskaya M. K. Mental'nost' v zerkale yazyka. Nekotorye bazovye mirovozzrencheskie kontserty frantsuzov i russkikh. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2009. 374 s.

15. Grigor'eva A. A. Russkiy mentalitet: sushchnost' i struktura (sotsial'no-filosofskiy analiz) : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. Tomsk, 2008. 17 s.

16. Grigor'eva I. V. Kontsepty «mentalitet» i «etnos» v kontekste izucheniya mezhetnicheskogo dialoga // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestn. 2011. No 4. T. 1 : Gumanitarnye nauki. S. 259—265.

17. Gurevich A. Ya. Problemy srednevekovoy narodnoy kul'tury. — M. : Iskusstvo, 1981. 359 s.

18. Dodonov, R. A. Etnicheskaya mental'nost': opyt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya. — Zaporozh'e : RA «Tandem-U», 1998. 191 s.

19. Zhukovskaya L. I. Semanticheskoe napolnenie kontsepta «mentalitet/mental'nost'» i ego yazykovoe voploshchenie v sovremennom russkom yazyke : dis. — N. Novgorod, 2015. 197 s.

20. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 c.

21. Krom M. Otechestvennaya istoriya v antropologicheskoi perspektive // Istoricheskie issledovaniya v Rossii — II: sem' let spustya. — M., 2003. S. 14—28.

22. Mankevich D. V. Mentalitet i mental'nost': k voprosu o kharaktere i sodержanii ponyatii // Retrospektiva: vseirnaya istoriya glazami molodykh issledovateley : nauch. zhurn. 2005. № 1. S. 13.

23. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya : ucheb. posobie. — M. : Academia, 2001. 202 s.

24. Proskuryakov M., Bugaeva L. Tekst v terminakh samoorganizatsii. — M., 2007. URL: <http://www.fixed.ru/priklng/russmen/index.html>.

25. Pushkarëv L. N. Chto takoe mentalitet? Istoriograficheskie zametki // Otechestvennaya istoriya. 1995. No 3. S. 164.

26. Radbil' T. B. O kontseptsii izucheniya russkogo yazykovogo mentaliteta // Russkiy yazyk v shkole. 2011. No 3. S. 54—60.

27. Radbil' T. B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta : ucheb. posobie. 2-e izd., ster. — M. : Flinta : Nauka, 2012. 328 s.

28. Usenko O. G. K opredeleniyu ponyatiya «mentalitet» // Russkaya istoriya: problema mentaliteta. M., 1994. S. 5.

О. А. Уразгалиева
Астрахань, Россия

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В. В. ПУТИНА НА 70-Й СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН)**

АННОТАЦИЯ. Цель статьи заключается в описании характерных для политического дискурса языковых средств реализации стратегии сотрудничества. Под стратегией сотрудничества понимается определенная линия поведения, нацеленная на устранение возможных разногласий между коммуникантами путем передачи информации, не создающей дискомфорта и не ставящей под угрозу отношения между участниками речевой ситуации. Материалом исследования стало выступление В. В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, поскольку, во-первых, публичное выступление президента на заседании международной организации является социально значимым текстом, а во-вторых, данная речь В. В. Путина отличается многообразием коммуникативных ходов и тактик, реализующих стратегию сотрудничества в политическом дискурсе. В политических выступлениях стратегия сотрудничества представлена следующими тактиками: тактикой диалогичности, тактикой апелляции к историческому прошлому, тактикой презентации, тактикой прогнозирования, тактикой указания на путь решения проблемы, тактикой акцентирования благих намерений. Все эти тактики иллюстрируются на примере речи В. В. Путина. Выступление В. В. Путина можно назвать своеобразным «диалогизированным» монологом, в котором адресант, пытаясь повысить активность адресата, часто прибегает к использованию специальных средств: риторических вопросов, обращений, определенных форм глагола и др. Установка на сотрудничество прослеживается в частом употреблении адресантом местоимений «мы», «наш», словосочетания «мы с вами», а также соответствующих форм глагола. В заключительной части своего выступления В. В. Путин обращается к тактике акцентирования благих намерений, которая демонстрирует положительное отношение говорящего к адресату.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевое воздействие; коммуникативные стратегии; стратегии сотрудничества; коммуникативные тактики; политический дискурс; политическая риторика; российские президенты; языковая личность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Уразгалиева Оксана Акбулатовна, аспирант кафедры общего языкознания и речеведения, факультет филологии и журналистики, Астраханский государственный университет; 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, учеб. корп. 1; e-mail: oksatulka@bk.ru.

Главная цель политического дискурса — регуляция поведения адресата с помощью обращенной к нему речи (речевое воздействие). В связи с этим публичное выступление политического деятеля является релевантным материалом исследования. Выбор материала для анализа мотивирован тем, что, во-первых, публичное выступление президента на заседании международной организации является социально значимым текстом, оказывающим существенное влияние на формирование общественного мнения, а во-вторых, многообразием коммуникативных ходов и тактик, реализующих стратегию сотрудничества в политическом дискурсе, в данной речи В. В. Путина.

Цель статьи заключается в описании характерных для политического дискурса языковых средств реализации стратегии сотрудничества (на примере выступления В. В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН).

15 сентября 2015 г. была открыта 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, в которой приняли участие более 150 глав государств и правительств, в том числе президент РФ В. В. Путин. Выступление российского президента без преувеличения можно назвать ключевым политическим событием 2015 г. В своем выступлении В. В. Путин затронул вопросы поддержания мира и безопасности, предотвращения вооруженных конфликтов, противодействия терроризму, защиты окружающей среды, содействия

устойчивому развитию стран, соблюдения режима ядерного нераспространения, тем самым призывая все страны к сотрудничеству. Достижение этой задачи осуществляется посредством реализации **стратегии сотрудничества**, под которой понимается определенная линия поведения, нацеленная на устранение возможных разногласий между коммуникантами путем передачи информации, не создающей дискомфорта и не ставящей под угрозу отношения между участниками речевой ситуации.

Реализация коммуникативной стратегии, в частности стратегии сотрудничества, происходит посредством применения определенных речевых тактик, которые в нашем понимании представляют собой последовательность речевых действий, характеризующихся конкретной задачей в рамках реализуемой коммуникативной стратегии.

В политических выступлениях стратегия сотрудничества представлена следующими тактиками: тактика диалогичности, тактика апелляции к историческому прошлому, тактика презентации, тактика прогнозирования, тактика указания на путь решения проблемы, тактика акцентирования благих намерений.

В процессе публичного выступления важно соблюдать правила установления и поддержания контакта со слушателем. Умение установить контакт является важным этапом коммуникативного акта. От успешного установления контакта зависит весь дальнейший ход коммуникативного взаимо-

действия [Уразгалиева 2016: 185—187]. В данном случае стратегия сотрудничества реализуется посредством **тактики диалогичности**.

Выступление В. В. Путина можно назвать своеобразным «диалогизированным» монологом [Хорошилова 2010: 131—132], в котором адресант, пытаясь повысить активность адресата, часто прибегает к использованию специальных средств: риторических вопросов, обращений, определенных форм глагола и др.

Одним из средств реализации тактики диалогичности является обращение. На начальном этапе коммуникативного акта обращения выполняют контактную и побудительную функции. Обращения способствуют установлению контакта между участниками речевой коммуникации и оказывают конкретное воздействие на адресата.

Так, свое выступление В. В. Путин начинает со слов: *Уважаемый господин Председатель! Уважаемый господин Генеральный секретарь! Уважаемые главы государств и правительств! Дамы и господа!* (В. В. Путин. 2015. 28 сент.) [70-я сессия... [http](http://www.kreml.ru)]. Используя в своем обращении лексический повтор, автор усиливает эмоционально-торжественный, возвышенный тон, выражает уважение к адресату и создает благоприятный фон для дальнейшего общения.

Далее: *Рассчитываем, что международное сообщество сможет выработать всеобъемлющую стратегию политической стабилизации и социально-экономического восстановления Ближнего Востока. Тогда, уважаемые друзья, и лагеря для беженцев строить не придется* [Там же]. Обращение «уважаемые друзья» также сигнализирует о стремлении адресанта к совместной деятельности, так как предполагает коммуникативную и деятельностьную общность в сфере отношений, взаимопонимание и взаимовыручку.

Установка на сотрудничество прослеживается в частом употреблении адресантом местоимений «мы», «наш», словосочетания «мы с вами», а также соответствующих форм глагола. Например: *Сегодня мы оказываем военно-техническую помощь и Ираку, и Сирии, другим странам региона, которые ведут борьбу с террористическими группировками* [Там же].

Употребляя местоимение «мы», адресант создает впечатление общности взглядов, интересов, тем самым выражает надежду на дальнейшее сотрудничество: *Нам необходимо объединить усилия и прежде всего тех государств, которые располагают мощной исследовательской базой, заделами фундаментальной науки*

[Там же].

«Мы совместное» усиливает эффект общения и личного контакта между коммуникантами, объединяет их позиции. Благодаря этим приемам адресант «приглашает» слушателей к совместному размышлению: *Рассчитываем, что международное сообщество сможет выработать всеобъемлющую стратегию политической стабилизации и социально-экономического восстановления Ближнего Востока* [Там же].

Вышеуказанные средства осуществляют интимизацию общения, служат для объединения точек зрения коммуникантов, в связи с чем обладают значительным воздействующим потенциалом.

В. В. Путин, продолжая свое выступление, активизирует **тактику апелляции к историческому прошлому**, для реализации которой использует прием «приведение исторического события в качестве аргумента»: *70-летний юбилей Организации Объединенных Наций — хороший повод обратиться и к истории, и поговорить о нашем общем будущем* [Там же].

Призывая обратиться к истории, автор хочет донести до аудитории, что прошлое неразрывно связано с настоящим.

Сема «общность» реализуется адресантом при использовании словосочетания *о нашем общем будущем*, что помогает созданию благоприятной атмосферы, располагающей к сотрудничеству, к дальнейшим совместным действиям.

Этой же цели служит избираемое адресантом обособленное определение *разгромившие нацизм*, обращение к которому призвано подчеркнуть единство и сотрудничество великих лидеров антигитлеровской коалиции: *В 1945 году страны, разгромившие нацизм, объединили усилия, чтобы заложить прочные основы послевоенного мироустройства* [Там же].

Прошлое часто выступает как аргумент, выполняющий вспомогательную функцию информирования о прошлом опыте и, главное, его влиянии на положение дел в настоящее время.

Следует отметить, что в данном контексте тактика апелляции к историческому прошлому была использована для обоснования положительной оценки адресата.

Таким образом, задача этой части выступления — привести слушающего к осознанию безусловной значимости момента, подготовить говорящего к актуализации подаваемой далее информации, заставить слушающего оценить ее как жизненно важную, а основная идея, которую автор хочет донести, такова: у нас общее будущее, и

благополучие этого будущего зависит только от наших совместных действий, следовательно, эти действия необходимы.

Стратегия сотрудничества направлена на создание имиджа объективного, опирающегося на факты и учитывающего разные мнения коммуниканта. С этой целью адресантом используется **тактика презентации**.

В рамках стратегии сотрудничества тактика презентации заключается в представлении какого-либо лица в положительном свете. Говорящий, используя лексические единицы с положительной коннотацией, рассказывает о качествах представляемого объекта.

Посредством приема «апелляция к качествам объекта» В. В. Путин указывает на большое значение ООН как уникального по набору качеств инструмента согласования международной политики, тем самым выражая отношение уважения к адресату. Например: *Организация Объединенных Наций — структура, которой нет равных по легитимности, представительности и универсальности* [Там же].

Оценка представлена субстантивами *легитимность, представительность и универсальность*, которые раскрывают объективные преимущества ООН как независимой организации.

Выступление автора отличается прямолинейностью, максимально конкретно и убедительно, а потому он не может оставить без внимания тот факт, что действия ООН не раз подвергались критике: *Да, в адрес ООН раздается в последнее время немало критики. Якобы она демонстрирует недостаточную эффективность, а принятие принципиальных решений упирается в непреодолимые противоречия, прежде всего между членами Совета Безопасности. <...> Пошли разговоры о том, что Организация в том виде, в котором она была создана, устарела, выполнила свою историческую миссию* [Там же].

Употребление в данных примерах наречия *якобы* и устойчивого выражения *пошли разговоры* свидетельствует о личном отношении говорящего к критике в адрес ООН, указывает на мнимость, несоответствие подобных суждений действительности.

Акцентирование положительной информации можно отметить в следующем примере. Отметим, что при актуализации значимой информации автором используются дискурсивы, чаще всего — своеобразные глагольные модели, в состав которых входят глагольные формы с семантикой выделения, подчеркивания главного: *(я) подчеркиваю, (я) повторяю, (я) считаю, (я) знаю, (я) убежден* и др.

Однако хочу отметить, что разногласия в ООН были всегда, на протяжении всех 70 лет существования организации. <...> Это совершенно естественно для столь многоликой и представительной организации [Там же].

Интерпретация автором реалий действительности направлена на нейтрализацию негативного представления адресата, высказанного в предыдущем примере.

Для выделения значимой информации В. В. Путин предпочитает использовать такие адъективные формы с положительной коннотацией, как *многоликая, представительная*, которые в данном контексте приобретают эмоционально-оценочную окраску и делают речь политика более яркой и убедительной. Обращает на себя внимание наречие *столь*, которое используется для крайней степени усиления последующих прилагательных.

Автор выступления хочет донести до слушающих, что цель ООН заключается в поиске и выработке компромиссов, а ее сила — в учете разных мнений и точек зрения. Мир может сохранять свое многообразие и процветать лишь при условии взаимного уважения и гармоничного сосуществования.

Заметим, что на протяжении всего выступления автор призывает придерживаться принципов Устава ООН во избежание конфликтных ситуаций. Мир, сотрудничество, равенство, справедливость, демократия и свобода — общечеловеческие ценности и благородные цели ООН, которые постулируются В. В. Путиным: *Повторю, такая координация должна основываться на принципах Устава ООН. <...> Разумеется, любая помощь суверенным государствам может и должна не навязываться, а предлагаться и исключительно в соответствии с Уставом ООН. Всё, что делается и будет делаться в этой сфере в соответствии с нормами международного права, должно быть поддержано нашей Организацией, а всё, что противоречит Уставу ООН, — отвергнуто* [Там же].

Используя глагольную форму *повторю* с семантикой выделения, адресант в очередной раз акцентирует значимость ООН.

Лексемы *не навязывать, предлагать* подчеркивают приоритетность политико-дипломатических методов преодоления конфликтов и отрицают силовые способы их урегулирования.

Употребляемые формы модальных слов *должна, может и должна, должно* позволяют оформить предложения в виде призыва к странам подтвердить свою приверженность целям и принципам Устава ООН, создать

международные отношения нового типа, ядром которых будет сотрудничество и взаимная поддержка.

Суть тактики презентации, используемой В. В. Путиным в данном выступлении, заключается в акцентировании положительной информации об ООН, которая выступает в качестве международного арбитра, способного влиять на разрешение конфликтов.

Следующим приемом реализации стратегии сотрудничества в политическом дискурсе является **тактика прогнозирования**, которая представляет собой предсказание, суждение о дальнейшем течении, развитии чего-либо на основании интерпретации различных имеющихся данных [Михалева 2009: 135]. Исследуя выступление В. В. Путина, можно утверждать, что автор активизирует тактику прогнозирования будущих ошибок с целью предотвращения их повторения в дальнейшем; акцентирует внимание на последствиях произошедшего для общества в целом. Например: <...> *Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации. Однако, похоже, никто не учится на чужих ошибках, а только повторяет их. И экспорт теперь уже так называемых „демократических“ революций продолжается* [Там же].

Адресант не считает революции в мире демократическими, что подтверждается иронией, заложенной в выражении *так называемых*. Личное отношение адресанта к происходящей ситуации выражает не только вводное слово — актуализатор *похоже*, но и широко употребительное устойчивое выражение *учиться на чужих ошибках*. Перечисляя причины последствий, автор использует просторечное слово *подстегнуть*, указывающее на стимулирование какого-либо действия. Акцентирование внимания аудитории на синтаксическом уровне достигается посредством использования повтора *часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации*. Для создания колоритной картины *социальных экспериментов* автор выступления указывает на последствия, к которым приведет исполнение действий, планируемых реципиентом, используя антитезу «прогресс — деградация».

Языковое действие, или жест предположения, который выполняется адресантом, имеет своей функцией известить адресата о последующих действиях. В данном случае это удастся сделать при помощи гипофоры,

когда адресант задает вопрос и сам на него отвечает: <...> *Но что получилось на деле? Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственных институтов да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса — насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся* [Там же].

Несмотря на то что ментальный акт прогнозирования может сопровождаться известной долей сомнения, апелляция к результату придает прогнозированию аргументативную силу. Рассмотрение некоторых действий с точки зрения последствий, которые они за собой влекут, является одним из важнейших аргументов за или против определенного решения.

В приведенном примере политик в рамках тактики прогнозирования обращается к приему «апелляция к разуму слушателей», заставляя их задуматься о последствиях совершенных ошибок. Автор выступления апеллирует к общечеловеческим ценностям. Экспликация ценностной системы осуществляется посредством словосочетаний, в которых основной смысловой акцент сделан на зависимом слове: *права человека, право на жизнь*.

Употребляя в приведенном примере языковые единицы с отрицательной коннотацией *агрессивное внешнее вмешательство*, автор не называет субъекта действия, а фокусирует внимание адресата на негативных обстоятельствах, с которыми столкнулся объект действия. Используя такие эмоционально-оценочные существительные, как *насилие, нищета, катастрофа*, В. В. Путин старается, на наш взгляд, заставить слушателей проанализировать произошедшую ситуацию.

Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: „Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?“ Но, боюсь, этот вопрос повиснет в воздухе, потому что от политики, в основе которой лежит самоуверенность, убежденность в своей исключительности и безнаказанности, так и не отказались [Там же].

Выражая собственное отношение к происходящему посредством постановки эмоционального риторического вопроса, адресант освещает темы «экспорта революций» и развала государств на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Украине. Постановка данного риторического вопроса включает в себя экспрессивную конструкцию синтаксиса *так и хочется спросить*, которая, с одной стороны, выражает желание автора задать вопрос, а с другой — указывает на беспо-

лезность вопроса или достаточно высокую степень возмущения адресанта, что подтверждается эксплицитно, употреблением эмоционально-оценочного глагола *натворить* со значением совершения серьезных ошибок в существенном количестве. Автор заостряет внимание слушателей на серьезных проблемах, решить которые возможно при условии отказа от *самоуверенности, убежденности в своей исключительности и безнаказанности*.

Стратегия сотрудничества в политической коммуникации ставит целью объединение единомышленников. Так, в речи В. В. Путина к «своим» относятся партнеры, мирное население, миротворцы и другие, а как «чужие» представлены бандиты, террористы — все те, кто представляет собой угрозу для людей. Неприятие терроризма и его пособников передается в следующем примере:

Под знаменами так называемого „Исламского государства“ уже воюют десятки тысяч боевиков. В их числе бывшие иракские военнослужащие, которые в результате вторжения в Ирак в 2003 году были выброшены на улицу. <...> А сейчас ряды радикалов пополняют и члены так называемой умеренной сирийской оппозиции, поддержанной Западом. <...> Создав плацдарм в Сирии и Ираке, „Исламское государство“ активно расширяет экспансию на другие регионы, нацеливается на господство в исламском мире и не только там. Только этими планами явно не ограничивается [Там же].

При описании имеющихся данных на речевом уровне маркерами выступают формы настоящего времени несовершенного вида (*воюют, пополняют, расширяет, нацеливается*). Для выражения отрицательного отношения к сложившейся ситуации автор использует устойчивое сочетание *так называемый*, при этом в первом случае оно употреблено в основном значении — «имеющий, носящий звание»: *так называемого „Исламского государства“*. С целью разъяснения своей позиции и доведения ее до каждого слушателя автором был использован такой прием конденсации информации, как употребление цифровых обозначений *десятки тысяч боевиков*, при этом дейксис выражается наречием времени *уже*. Репрезентация участников, входящих в «Исламское государство»* (*десятки тысяч боевиков, бывшие иракские военнослужащие, ряды радикалов, умеренная сирийская оппозиция*), выявляет масштабность и уровень угрозы их всему обществу.

На основании интерпретации имеющих-

ся данных автор прогнозирует, какая ситуация может сложиться в дальнейшем, если не предпринимать совместных действий по устранению противника: *Положение дел более чем опасно. <...> Считаем любые попытки заигрывать с террористами, а тем более вооружать их, не просто недалекими, а пожароопасными. В результате глобальная террористическая угроза может критически возрасти, охватить новые регионы планеты. Тем более что в лагерях „Исламского государства“ проходят „обкатку“ боевики из многих стран, в том числе из европейских [Там же].*

При прогнозировании возможных последствий автор употребляет эмоционально-оценочную лексику, которая служит средством воздействия на адресата (*более чем опасно, пожароопасными, критически возрасти*). Усилению смысла высказывания способствует гиперболическая метафора *новые регионы планеты*. Пояснительный оборот *а тем более вооружать их* обладает значительной смысловой нагрузкой. Употребление его, автор отмечает недопустимые действия по отношению к противнику. Коммуникативный эффект от фразы *не просто недалекими, а пожароопасными* достигается путем противопоставления, при этом акцент делается на лексеме *пжароопасный*. Дополнительный и существенный довод, содержащийся в последнем предложении высказывания, помогает передать союз *тем более что*. Тем самым автор подчеркивает, что проблема терроризма является международной глобальной проблемой человечества.

К сожалению, должен сказать об этом прямо, уважаемые коллеги, и Россия не является здесь исключением. Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили свое черное дело. Мы этого не хотим. Ведь этого никто не хочет, не так ли? Россия всегда твердо и последовательно выступала против терроризма во всех его формах [Там же].

Не исключая тот факт, что граждане Российской Федерации *проходят „обкатку“ в лагерях „Исламского государства“*, адресант подчеркивает, что проблема терроризма касается всех государств и только совместными усилиями можно ее ликвидировать. Вводное слово *к сожалению* выражает отрицательное отношение адресанта к происходящему. Фраза *должен сказать об этом прямо* в рамках стратегии сотрудничества является примером вербализации имиджа справедливого политика.

Определенный смысл, передаваемый В. В. Путиным (устранение противника), поддерживается комплексом средств на разных уровнях языка. На лексическом уровне следует выделить языковые единицы, значение которых включает отрицательный компонент: лексема стилистической окраски *головорез*, разговорно-бытовой фразеологизм *черное дело*, метафора, основанная на чувственном восприятии, *запах крови*; на морфологическом — предикатив *нельзя* в сочетании с инфинитивом *допустить*, призывающий к определенным действиям; на синтаксическом уровне выражению принципиальной позиции по отношению к существующей проблеме способствует разделительный вопрос *Ведь этого никто не хочет, не так ли?* Обращаясь к аудитории с вопросом, автор убежден в том, что позиции всех стран по этой проблеме едины.

Употребление наречий с семантикой усиления действия *твердо*, *последовательно* создает образ категоричного политика, но одновременно с тем и политика-патриота, защищающего национальные интересы страны.

В рамках стратегии сотрудничества тактика прогнозирования тесно связана с **тактикой указания на путь решения проблемы**, посредством реализации которой адресант предлагает конкретные способы разрешения сложившейся ситуации и предполагаемый результат совместных действий. Результат, как правило, рассматривается после того, как в тексте фиксируется предлагаемое решение. Рассмотрим это на примере:

В действительности же мы предлагаем руководствоваться не амбициями, а общими ценностями и общими интересами на основе международного права, объединить усилия для решения стоящих перед нами новых проблем и создать по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию. Как и антигитлеровская коалиция, она могла бы сплотить в своих рядах самые разные силы, готовые решительно противостоять тем, кто, как и нацисты, сеет зло и чело-веконенавистничество [Там же].

В. В. Путин предлагает оставить взаимные обвинения, объединиться и действовать не для личных выгод, а во имя общего блага. Предполагаемое решение проблемы автор видит в создании международной антитеррористической коалиции. Сравнивая названную коалицию с антигитлеровской, ставшей основой ООН, адресант подчеркивает, что такое объединение может полностью изменить положение дел в мире.

Указание на путь решения проблемы до-

стигается посредством употребления неопределенной формы глаголов совершенного вида: *объединить*, *создать*, *сплотить*. Эффективно воздействует на адресата факт указания на **совместное** решение проблемы, что выражается употреблением после глагола лексем, имеющих в своем значении «мы совместное»: *объединить усилия для решения стоящих перед нами новых проблем и создать по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию; сплотить в своих рядах самые разные силы*. Стратегия сотрудничества, вербализуемая такими языковыми единицами, как *общие ценности и общие интересы*, *объединить усилия*, *международная антитеррористическая коалиция*, *сплотить*, представляется в выступлении адресанта как нечто необходимое и эффективное.

Мы убеждены: остановить кровопролитие, найти выход из тупика можно только при полном добросовестном выполнении Минских соглашений от 12 февраля текущего года. Угрозами, силой оружия целостность Украины не обеспечить. А нужно это сделать. Нужен реальный учет интересов и прав людей на Донбассе, уважение к их выбору, согласование с ними, как это и предусмотрено Минскими договоренностями, ключевых элементов политического устройства государства. В этом залог того, что Украина будет развиваться как цивилизованное государство, как важнейшее связующее звено в строительстве общего пространства безопасности и экономического сотрудничества как в Европе, так и в Евразии [Там же].

Речевым маркером реализации тактики указания на путь решения проблемы являются модальные слова с семантикой долженствования и необходимости: *можно*, *нужно*. В приведенном выше примере автор называет конкретный способ решения проблемы: *только при полном добросовестном выполнении Минских соглашений от 12 февраля текущего года*, при этом уточнение *полном добросовестном* играет немаловажную роль. Адресант указывает, что насильственными действиями невозможно прийти к согласию и примирению. Напротив, употребляя лексемы и словосочетания со значением «сотрудничество»: *учёт интересов и прав, уважение к выбору, согласование*, говорящий делает акцент на том, что только такими действиями можно *остановить кровопролитие, найти выход из тупика*. Обозначая предполагаемый результат, адресант придает большое значение объекту действия, тем самым указывая на необходимость совместной деятельности.

В заключительной части своего выступления В. В. Путин обращается к **тактике акцентирование благих намерений**, которая демонстрирует положительное отношение говорящего к адресату:

Сегодня эти слова звучат как напутствие всем нам. Россия верит в громадный потенциал ООН, который должен помочь избежать новой глобальной конфронтации и перейти к стратегии кооперации. Вместе с другими странами будем последовательно работать ради укрепления центральной координирующей роли ООН.

Убежден, действуя вместе, мы сделаем мир стабильным и безопасным, обеспечим условия для развития всех государств и народов [Там же].

При использовании речевых единиц, называющих реалии, которые имеют наивысшую ценность для человека (*стабильный и безопасный мир, развитие всех государств и народов*), на формируемую в начале текста идею всеобщности в сознании слушающего накладывается мысль о значительности, важности, решающей роли всего, что происходит. При этом будущее подается в неразрывной связи с действиями, но действиями совместными.

Автор объективирует стратегию сотрудничества посредством употребления языковых единиц *кооперация, вместе с другими странами, работать ради укрепления, действуя вместе*, демонстрируя модели поведения, которые способствуют мирному и гармоничному сосуществованию граждан поликультурного государства.

Выступление президента РФ В. В. Путина развивает принципы международного правопорядка, которые должны быть основаны на единстве стандартов международного права, на правде, справедливости и уважении национальных интересов. Всем своим эмоциональным строем и содержанием слова президента отражают лучшие традиции российской внешней политики, в основе которых всегда были добрая воля, готовность защитить слабого, решимость бороться за справедливое мироустройство.

В рамках настоящей статьи описывается ограниченный набор форм объективации стратегии сотрудничества, которые, на наш взгляд, являются наиболее употребитель-

ными в политическом дискурсе: тактика диалогичности, тактика апелляции к историческому прошлому, тактика презентации, тактика прогнозирования, тактика указания на путь решения проблемы, тактика акцентирования благих намерений. Маркерами реализации названных тактик могут выступать различные речевые единицы.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Организация запрещена в РФ (прим. ред.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беркнер С. С. Язык как инструмент власти // Эссе о социальной власти языка / под общ. ред. Л. И. Гришаевой. — Воронеж, 2001. С. 85—89.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 217—237.
3. Дзюба Е. В., Цыганкова А. В. Политический, экономический, межэтнический и межконфессиональный дискурсы: практика критического анализа манипулятивных тактик в глобальных СМИ // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 255—259.
4. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // Вестник Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2015а. № 4. С. 187—192.
5. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Манипулятивно-смысловые усложнения синтаксиса высказывания на материале парламентских выступлений Великобритании // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2015b. №4. С. 107—114.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: УРСС, 2008. 288 с.
7. Лесняк М. В. Тактика «создание светлого будущего» в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 110—116.
8. Михалева О. Л. Специфика манипулятивного воздействия. — М.: Либроком, 2009. 256 с.
9. Павлова Л. Г. Спор, дискуссия, полемика. — М.: Наука, 1991.
10. Уразгалиева О. А. Речевая реализация стратегии сотрудничества на фазе установления контакта (на материале политических речей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2016. № 1. Ч. 1. С. 185—187.
11. Хорошилова С. П. Диалогизация процесса речевого воздействия на аудиторию // Междунар. журн. экспериментального образования. — М., 2010. № 11. С. 131—132.
12. Чинарова Е. С. Тактика манипулятивного воздействия на адресата в политическом дискурсе // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2009. № 43 (181). С. 150—152. (Сер.: Филология. Искусствоведение ; вып. 39).
13. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 28.09.2015).
14. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. — М.: Изд-во МГУ, 1991. 150 с.
15. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies: A PragmaDialectical Perspective. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1992. 350 p.

О. А. Urazgalieva
Astrakhan, Russia

COMMUNICATIVE STRATEGY OF COOPERATION IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON V. PUTIN'S SPEECH AT THE 70TH SESSION OF THE UN GENERAL ASSEMBLY)

ABSTRACT. *The article describes verbal means of cooperative strategy implementation typical of political discourse. The strategy of cooperation is a certain kind of behavior aimed at settlement of all the possible disputes between communicators by means of information exchange. Such information shouldn't cause any discomfort or pose any risk to the relations between communicators. This research is based*

on the address by V. Putin at the 70th session of the UN General Assembly. This address was chosen due to several reasons, first of all, public speech of the President at the session of the international organization has social importance; and secondly, this address of the Russian President is full of communicative strategies and tactics used to implement the strategy of cooperation in political discourse. The strategy of cooperation in political speeches is represented by the following tactics: the dialogue, appeal to historical past, presentation, prognosis, sowing the way out of a difficult situation, and emphasis on good intentions. All these tactics are found in the speech by V. Putin. This address by V. Putin may be called a "dialogical" monologue in which the addresser attracts the addressee's attention with the help of rhetorical questions, direct addresses, certain verb forms, etc. Cooperation strategy is realized with the help of pronouns "we", "our", the phrase "all of us together", and some verb forms. In the end of his address, V. Putin applies the tactic of emphasis on good intentions, which shows the positive attitude of the speaker to the audience.

KEYWORDS: verbal manipulation; communicative strategies; strategies of cooperation; communicative tactics; political discourse; political rhetoric; Russian presidents; linguistic identity.

ABOUT THE AUTHOR: Urazgalieva Oksana Akbulatovna, Post-graduate Student, Department of General Linguistics and Speech Study, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

REFERENCES

1. Berkner S. S. Yazyk kak instrument vlasti // Esse o sotsial'noy vlasti yazyka / pod obshch. red. L. I. Grishaevoiy. — Voronezh, 2001. S. 85—89.
2. Grays G. P. Logika i rechevoe obshchenie // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — M. : Progress, 1985. Vyp. 16 : Lingvisticheskaya pragmatika. S. 217—237.
3. Dzyuba E. V., Tsygankova A. V. Politicheskiy, ekonomicheskii, mezhetnicheskii i mezhkonnessional'nyy diskursy: praktika kriticheskogo analiza manipulyativnykh taktik v global'nykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 255—259.
4. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Kommunikativnye strategii manipulyrovaniya v parlamentskom diskurse // Vestnik Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2015a. № 4. S. 187—192.
5. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Manipulyativno-smyslovye uslozhneniya sintaksisa vyskazyvaniya na materiale parlamentskikh vystupleniy Velikobritanii // Izvestiya YuFU. Filologicheskie nauki. 2015b. №4. S. 107—114.
6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : URSS, 2008. 288 s.
7. Lesnyak M. V. Taktika «sozdanie svetlogo budushchego» v politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4. S. 110—116.
8. Mikhaleva O. L. Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya. — M. : Librokom, 2009. 256 s.
9. Pavlova L. G. Spor, diskussiya, polemika. — M. : Nauka, 1991.
10. Urazgalieva O. A. Rechevaya realizatsiya strategii sotrudnichestva na faze ustanovleniya kontakta (na materiale politicheskikh rechey) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2016. № 1. Ch. 1. S. 185—187.
11. Khoroshilova S. P. Dialogizatsiya protsessa rechevogo vozdeystviya na auditoriyu // Mezhdunar. zhurn. eksperimental'nogo obrazovaniya. — M., 2010. № 11. S. 131—132.
12. Chinarova E. S. Taktika manipulyativnogo vozdeystviya na adresata v politicheskom diskurse // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 43 (181). S. 150—152. (Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie ; vyp. 39).
13. 70-ya sessiya General'noy Assamblei OON. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (data obrashcheniya: 28.09.2015).
14. Alekseev A. P. Argumentatsiya. Poznanie. Obshchenie. — M. : Izd-vo MGU, 1991. 150 s.
15. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies: A PragmaDialectical Perspective. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1992. 350 p.

Цзюньхуэй Фэй
Гуанчжоу, КНР

**АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЕЖЕГОДНЫХ ПЕРЕДОВЫХ СТАТЕЙ ГАЗЕТЫ «ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО» ОТ 1 ЯНВАРЯ)**

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассмотрена концептуальная метафора в публикуемых 1 января каждого года в газете «Жэньминь жибао» передовых статьях (за 1953—2017 гг.). Газета выбрана не случайно: это главное официальное печатное периодическое издание в Китае и одна из десяти самых влиятельных газет в мире. Она имеет чрезвычайно важное значение в сфере распространения политической информации и влияет на формирование общественного мнения в стране. Новогодняя передовая статья газеты подводит итог прошедшему году и прогнозирует, каким будет год наступивший в политическом, экономическом и культурном аспектах, причем не только в Китае, но и за его пределами. Данный жанр политического дискурса позволяет проследить, как менялись способы пропаганды и детали идеологии. Передовая статья выполняет функцию скрытого убеждения, чем обусловлено частотное использование концептуальных метафор. Выделены типы концептуальной метафоры (антропоморфная, растительная, семейная и др.), установлена частотность их употребления, проанализированы три наиболее часто встречаемых типа метафоры (дорожная метафора, строительная метафора и военная метафора), исследованы способы их создания и тенденции в использовании в разные периоды истории. Изменения в использовании концептуальных метафор разных типов тесно связаны с социальными переменами и реформами в Китае и изменениями в идеях правящей партии. Метафора помогает нам глубже познать и понять суть китайского политического дискурса. Рассмотрение функций концептуальной метафоры кардинально расширяет область ее исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; концептуальные метафоры; журналистика; средства массовой информации; медиадискурс; медиатексты; передовые статьи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Фэй Цзюньхуэй, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка Института европейских языков и культур; Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, пр-т Байюньдадао, д. 2; e-mail: 69230854@qq.com.

Газета «Жэньминь жибао» — главное официальное печатное периодическое издание в Китае и одна из десяти самых влиятельных газет в мире. Она имеет чрезвычайно важное значение для передачи политической информации и формирования общественного мнения в стране [Хуан Минь 2006: 20]. Новогодняя передовая статья газеты подводит итог прошедшему году и прогнозирует, каким будет год наступивший, затрагивая вопросы политической, экономической, культурной жизни как в Китае, так и за его пределами. Несомненно, статьи такого рода относятся к политическому дискурсу и отражают особенности эпохи, в частности характерные черты пропаганды и специфику идеологии. Одной из главных целей данного жанра политического дискурса является скрытое убеждение. Концептуальная метафора в политическом дискурсе — одно из важных средств передачи и формирования идей, она успешно создает концепцию, передает мысль, убеждает читателей или слушателей и доносит до них идеологические установки. Таким образом, она скрыто влияет на людей, реализует функцию убеждения [У Даньпин, Пан Цзисянь 2011: 38].

Теория концептуальной метафоры, выдвинутая Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 1980 г., поставила под сомнение прежние представления о метафоре и провозгласила метафору основной формой мышления: метафора не только оказывает влияние на

языковое выражение, но и структурирует мысли людей и даже воздействует на их поступки. В концептуальной метафоре «вспомогательный компонент... не только дает имя обозначаемому, но и является основой для его осмысления, для вычленения и включения в новое значение важных, с точки зрения говорящего, сторон объекта» [Опарина 1988: 70]. Своеобразие концептуальной метафоры, следовательно, состоит в том, что в ее основе «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [Чудинов 2001: 52]. Уже в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона представлена типология базовых концептуальных метафор, порождающих множество метафор более частных, находящих свое выражение в конкретном языковом материале. В результате семантического анализа текстов 65 ежегодных передовых статей (1953—2017 гг.) газеты «Жэньминь жибао» от 1 января мы выделили семь типов метафоры и установили частотность их употребления (см. табл.).

На основе теории концептуальной метафоры в настоящей работе в основном анализируются три главных, самых популярных типа метафоры (дорожная, строительная и военная), рассматриваются способы их создания и изменения в использовании в разные периоды истории страны.

Таблица. Частотность метафор разного типа (1953—2017, «Жэньминь жибао»)

Вид метафоры	Частотность употребления
дорожная метафора	917
строительная метафора	778
военная метафора	627
антропоморфная метафора	96
судебная метафора	56
растительная метафора	47
семейная метафора	33

В сфере дорожной метафоры многие соответствующие слова и словосочетания выражают идею развития страны в различных аспектах: «компас», «отправной пункт», «конечный пункт», «место назначения» и т. п. Семантика подобных единиц вызывает позитивные ассоциации: метафоры четко указывают направление развития страны, апеллируют к мечте людей о прекрасном будущем, воодушевляют их на преодоление трудностей в пути и настойчивую борьбу за общую цель. Например:

1. *Интересы и счастье народа — **отправной и конечный пункты** всех наших дел* (1994 г.).

2. *В этом году теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой должна служить **компасом** в деле пропаганды идей, заданных Генеральным секретарем Цзян Цзэминем* (1995 г.).

3. *Эффективно воспользоваться благоприятными стратегическими возможностями, обеспечить успешное и быстрое экономическое развитие общества — **обязательный шаг** к разрешению всяческих противоречий и проблем на **пути** движения вперед, **верный путь** к продолжению развития науки и созданию гармоничного общества* (2011 г.).

В новогодних передовых статьях идея развития страны отражается и в строительной метафоре со следующими объектами сравнения: «основа», «опора», «синька», «объект», «конструктор» и т. д. Метафора данного типа позволяет людям ясно и отчетливо воспринять абстрактную концепцию развития страны. В новогодних передовых статьях использование строительной метафоры в большом объеме в основном служит выражению положительной оценки: с одной стороны, утверждает высокую значимость социалистического строя, а с другой — отображает грандиозный план развития страны и мобилизует народ на строительство социализма. Например:

1. *Строительство государства включает в себя экономическое, оборонное и культурное строительство, но **основа** — экономическое строительство* (1953 г.).

2. *Великая НОАК (Народно-освободительная армия Китая) — **главная опора** диктатуры пролетариата, великая стальная стена, защищающая нашу социалистическую родину* (1968 г.).

3. *Ускорение темпов реализации политики реформ и открытости представляется одной из **грандиозных и сложных социальных задач*** (1994 г.).

Если в дорожной метафоре подчеркивается устойчивое развитие страны, в строительной метафоре показывается прочная основа государственного строительства, то в военной метафоре выражаются сила воли и решимость в преодолении трудностей. Ключевые слова в сфере военной метафоры, такие как «лагерь», «борьба», «стратегия», «укрепление», создают соответствующую концептуальную метафору: «Развитие страны — борьба против всяческих отрицательных факторов, создающих препятствия». Приведем примеры из новогодних передовых статей.

1. ***Борьба против врагов** в обществе ведется так же, как **борьба против врагов** в природе* (1961 г.).

2. *Парторганизации всех ступеней и все члены компартии должны активно претворять в жизнь партийную линию, курс и политику, в полной мере играть роль **военного укрепления** и роль передового примера, вместе со всеми народами нашей страны продолжить прилагать усилия в упорной борьбе за процветание родины, отличными достижениями в реформах и строительстве встретить открытие Собрания народных представителей 14-го созыва* (1992 г.).

3. *Новый год важен для структурной реформы, мы должны подготовиться к **длительной войне** и проявить решимость вести **войну до победного конца**. Нам следует преодолеть затруднения и сомнения, отбросить стремление „как можно быстрее добиться успеха и получить выгоду“, изжить неуверенность, увеличить движущую силу в системе и в себе и поднять нашу экономику на новую ступень* (2017 г.).

Метафора, как кажется, может отражать трансформацию политики: «В разные периоды истории существуют разные речевые системы. В различных социальных языковых ситуациях использование метафоры связывается с изменениями в общественно-политической обстановке» [Сунь Циншу 2004: 111]. И не случайно метафоры разных типов в передовых статьях, публикуемых первого января в газете «Жэньминь жибао», используются с различной частотностью. Высокая частотность употребления какой-то метафоры в тот или иной период истории означает то, что реципиенты передовой статьи на основе определенного опыта лучше могут понять путь, курс и политику китайского правительства и КПК, сущность этой политики. Изменения в метафорике могут показать изменения в развитии общества и социально-политической обстановке. По статистике, в 1953—1957 гг. строительная и дорожная метафоры использовались чаще, чем военная метафора, и строительная метафора заняла первое место по частотности употребления; в 1958—1966 гг. частотность употребления данных трех типов метафоры была почти одинакова; в 1967—1978 гг. частотность употребления строительной метафоры очевидно снизилась, а ситуация с употреблением дорожных и военных метафор выглядит ровно обратной; с 1979 г. сохраняется стабильно высокая частотность употребления строительной и дорожной метафор, но военную метафору использовали меньше, а с 1990-х гг. частотность ее употребления стала еще ниже. Изменения в частотности употребления метафор трех типов за 65 лет в определенной степени коррелируют с изменениями в социальной жизни страны и идеях правящей партии. Подобные изменения свидетельствуют о том, что в разные периоды истории страны КПК посредством политических метафор помогает народу понять сложную политическую обстановку, воодушевляет его на преодоление трудностей и вдохновляет на борьбу.

Концептуальная метафора является одним из эффективных способов выстраивания политического дискурса, поскольку дает возможность взглянуть на политику с разных сторон, делает политический дискурс более понятным. Сравнение абстрактной политической жизни государства с хорошо знакомой народу объективной картиной бытовой жизни делает абстрактную концепцию политического дискурса образной и живой [Жэнь Шаоцзэн 2006: 10]. Народу легко понять политическую обстановку, курс и политику руководства страны благодаря концептуальным метафорам. Кроме того, исполь-

зование концептуальных метафор разных типов усиливает выразительность и эмоциональность текста передовой статьи, вызывает у читателей эмоциональный отклик.

В заключение следует отметить, что концептуальная метафора, номинируя различные социально-политические действия, явления и процессы, а также способы их осуществления, в общем и целом обладает в современном политическом дискурсе мощным образным и смысловым потенциалом. Уместное использование концептуальной метафоры служит своего рода психологическим мостом между правительством и народом. Опирающееся на теорию концептуальной метафоры исследование политического дискурса, раскрытие специфических функций метафоры в дискурсе такого рода помогают нам и глубже познать и понять суть политического дискурса, и овладеть инструментарием концептуальной метафоры, и расширить область ее исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 26—32.
2. Белова В. Ф., Зюбина И. А., Лесняк М. В., Матвеева Г. Г. Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 53—60.
3. Жэнь Шаоцзэн. Концептуальная метафора и ее выражение в тексте — многосторонний анализ текстов с концептуальной метафорой // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2006. № 10. С. 17.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 1988. С. 65—77.
6. Сунь Циншу. Функция метафоры в политическом тексте // Вестн. Ляочэнского ун-та. 2004. № 3. С. 111.
7. У Даныпин, Пан Цзисянь. Функция убеждения и стратегия дискурса метафор в политическом тексте // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2011. № 4. С. 38.
8. Хуан Минь. Метафора и политика: исследования метафоры в опубликованных первого января в газете «Жэньминь жибао» передовых статьях (1979—2004 гг.) // Изучение стилистики. 2006. № 1. С. 20.
9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.
10. Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 162—186.
11. Fairclough N. Language and Power. — London : Routledge, 2015. 264 p.
12. Lakoff G. Explaining Embodied Cognition Results // Topics in Cognitive Science. 2012. Vol. 4. Iss. 4. P. 773—785.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.
14. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. — New York : Basic Books, 1999. 624 p.
15. Lu W., Ahrens K. Ideological influences on BUILDING metaphors in Taiwanese presidential speeches // Discourse and Society. 2008. Vol. 19 (3). P. 383—408.
16. Wang J. Narrative mediatization of the “Chinese Dream” in Chinese and American media // Journ. of Language and Politics. 2016. Vol. 15 (1). P. 45—62.

Junhui Fei
Guangzhou, China

**ANALYSIS OF CONCEPTUAL METAPHORS IN CHINESE POLITICAL DISCOURSE
(BASED ON THE EDITORIALS IN THE PEOPLE'S DAILY NEWSPAPER)**

ABSTRACT. *The article analyzes conceptual metaphors found in the newspaper "People's Daily", in the issues published on the 1st of January in 1953 – 2017. This newspaper was chosen due to several reasons: firstly, it is the main official newspaper in China, and secondly, it is included in top-ten most influential newspapers in the world. It plays a great role in political information circulation and it influences public opinion in the country. The New Year issue has an editorial that sums up the previous year and gives its forecast for the following year in political, economic and cultural aspects in China and in the world. This genre of political discourse makes it possible to reveal the changes in propaganda and ideology. The editorial has the function of hidden persuasion, that's why it is rich in conceptual metaphors. This research identifies the types of metaphors (anthropomorphic, floral, family, etc.), it reveals the frequency of their use, analyzes three most frequent metaphors (road metaphor, building metaphor and military metaphor), it singles out the ways of coining such metaphors and names the tendencies of their usage in different historical periods. The changes in the use of conceptual metaphors of different types are closely connected with the social changes and reforms in China, as well as the shift of ideas within the ruling party. Metaphor helps us understand the essence of Chinese political discourse. The analysis of functions of conceptual metaphors widen the horizons for research.*

KEYWORDS: *political discourse; conceptual metaphors; journalism; mass media; media discourse; media texts; editorial.*

ABOUT THE AUTHOR: Fei Junhui, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Faculty of the Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

REFERENCES

1. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Istoricheskaya dinamika metaforycheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii Rossii // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2015. № 3 (44). S. 26—32.
2. Belova V. F., Zyubina I. A., Lesnyak M. V., Matveeva G. G. Universal'nyy kharakter kommunikativnykh strategiy v parlamentskikh debatakh // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 3 (57). S. 53—60.
3. Zhen' Shaotszen. Kontseptual'naya metafora i ee vyrazhenie v tekste — mnogostoronniy analiz tekstov s kontseptual'noy metaforoy // *Inostrannyye yazyki i prepodavanie inostrannykh yazykov*. 2006. № 10. S. 17.
4. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforoy, kotorymi my zhivem : per. s angl. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.
5. Oparina E. O. Kontseptual'naya metafora // *Metafora v yazyke i tekste / otv. red. V. N. Teliya*. — M., 1988. S. 65—77.
6. Sun' Tsinschu. Funktsiya metaforoy v politicheskom tekste // *Vestn. Lyaochenskogo un-ta*. 2004. № 3. S. 111.
7. U Dan'pin, Pan Tszisyan'. Funktsiya ubezhdeniya i strategiya diskursa metafor v politicheskom tekste // *Inostrannyye yazyki i prepodavanie inostrannykh yazykov*. 2011. № 4. S. 38.
8. Khuan Min'. Metafora i politika: issledovaniya metaforoy v opublikovannykh pervogo yanvarya v gazete «Zhen'min' zhibao» peredovykh stat'yakh (1979—2004 gg.) // *Izucheniye stilistiki*. 2006. № 1. S. 20.
9. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metaforoy (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001.
10. Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 162—186.
11. Fairclough N. *Language and Power*. — London : Routledge, 2015. 264 p.
12. Lakoff G. Explaining Embodied Cognition Results // *Topics in Cognitive Science*. 2012. Vol. 4. Iss. 4. P. 773—785.
13. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.
14. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. — New York : Basic Books, 1999. 624 p.
15. Lu W., Ahrens K. Ideological influences on BUILDING metaphors in Taiwanese presidential speeches // *Discourse and Society*. 2008. Vol. 19 (3). P. 383—408.
16. Wang J. Narrative mediatization of the "Chinese Dream" in Chinese and American media // *Journ. of Language and Politics*. 2016. Vol. 15 (1). P. 45—62.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'373.22
ББК ШП41.12-316

ГСНТИ 16.21.47; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

Гэн Юаньюань
КНР
Г. Н. Плотникова
Екатеринбург, Россия

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются названия животных в культурологическом аспекте. При этом анализируются вторичные (переносные) значения зоонимов, которые в процессе речевой деятельности эксплицируют эмотивную семантику. Для анализа были взяты названия животных из групп «хищных млекопитающих», «копытных млекопитающих» и «грызунов», которые были извлечены методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русских существительных». Материалом исследования послужили прежде всего словарные статьи, представленные в репрезентативных толковых словарях, а также контексты, в которых употребляются данные зоонимы. Целью анализа было определение характера коннотации в содержательной структуре зоонима. При этом выяснилось, что часть зоонимов из данных групп в русском языке не имеет коннотативного значения, так как они обозначают животных, которые для носителей русского языка являются экзотическими. Выявляются случаи приобретения зоонимом коннотаций в зависимости от речевой ситуации. Также в статье приводятся примеры коннотативных значений зоонимов в разных языках, которые нередко не совпадают. Выявляются и другие особенности коннотативной семантики зоонимов, касающиеся их взаимоотношений с модификационными и немодификационными дериватами, а также отмечается преобладание пейоративной коннотации и направленность ее чаще всего на человека. Особое внимание уделено рассмотрению зоонимов с точки зрения их использования в инвективной функции. На основе анализа словарных дефиниций, а также стилистических и эмоционально-экспрессивных помет, имеющихся в толковых словарях, выделяются две степени инвективности, рассматривается зависимость степени инвективности слова от контекста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зоонимы; эмотивная семантика; русский язык; животные; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Гэн Юаньюань (КНР), аспирант 3-го курса кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; e-mail: 1501282954@qq.com.

Плотникова Галина Николаевна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; e-mail: rki-urgu@yandex.ru.

Речевая деятельность человека неразрывно связана с эмоциями, поэтому при исследовании языковых явлений помимо семантики, отражающей связь с определенной реальией, важно учитывать и эмоциональную семантику. «В общем виде эмотивную семантику слова можно определить как опосредованное языком отношение эмоционально-социологизированных представлений человека к окружающему миру» [Шаховский 1994: 20]. По мнению ученых, эмотивная семантика может иметь разный статус: в одном случае она является первичной и заполняет всю содержательную часть слова, в другом — она вторична и находится за пределами логико-предметной семантики слова. В таком случае эмотивная семантика приобретает статус коннотации. Таким образом, в коннотативах эмотивность является совмещенной, а в аффективах — самостоятельной [Шаховский 1994: 20—21]. Однако и у аффективов структура эмотивного лексического значения состоит из двух макрокомпонентов — эмотивного и стилистического [Мезенин 1984].

В научной литературе неоднократно отмечалось, что определенные лексико-семантические группы слов имеют свои функционально-стилевые особенности и свой реестр

эмоционально-экспрессивной лексики (как аффективов, так и коннотативов). Зоонимы в этом плане весьма показательны. Для анализа из «Большого толкового словаря русских существительных» было взято 131 существительное, которые являются наименованиями животных из групп «хищных млекопитающих», «копытных млекопитающих» и «грызунов». При этом речь идет прежде всего о функционировании вторичных (переносных) значений зоонимов, когда они приобретают определенную коннотацию, под которой подразумеваются такие элементы смысла содержательной структуры слова, которые дополняют денотативную часть. Появление таких элементов смысла обусловлено взаимодействием исходных значений слов и фоновых знаний носителей языка о реалии, которую обозначает данное слово. Выявление коннотативного значения происходит «под влиянием контекста и ситуации речи» [Васильева и др. 1995: 51].

Но следует отметить, что многие зоонимы, взятые для анализа, не имеют в русском языке подобных значений, например: *гризли, калан, кугуар, мангуст, леопард, гиппотам, ирбис, пума, тапир, ягуар, мустанг, шиншилла* и др. Это, вероятно, связано с тем, что названные животные редко встре-

чаются в повседневной жизни русского народа, представляя собой группу так называемых *экзотических* животных. Поэтому и соответствующие зоонимы малоупотребительны в русском языке. Однако это не исключает возможности появления в речи и этих зоонимов со вторичным (оценочным) значением, например:

– **гиппопотам** — «О крупном человеке». *Деньги маленькие, но я сама тоже не гиппопотам* (Слава Сэ. Ева). *Деньги батюшке нужно давать с тактом, иначе старый гиппопотам обидится* (Пищикова. Пятиэтажная Россия);

– **леопард** — «О злом человеке». — *Боже, какое тиранство! Нет, это не муж, это кровожадный леопард!*.. (Жемчужников и др. Blondy).

Если же говорить об основной массе взятых для анализа зоонимов, то, судя по данным толковых словарей, большинство зоонимов (их вторичные лексико-семантические варианты) имеют стилевые пометы различного рода, свидетельствующие об ограниченном их употреблении. Отметим также, что картину эмоционально-стилевого разнообразия среди названий животных существенно дополняют их модификационные образования с увеличительным, уничижительным, уменьшительно-ласкательным и другими значениями. Однако заметим, что среди всех модификационных образований преобладают названия с уменьшительно-ласкательным значением. Большинство названий животных (83 из 131) образованы подобным образом (*зайчик, зайчишка, собачка, лисичка, бурндучок* и др.). Они также могут приобретать переносное (оценочное) значение, т. е. при необходимости выражения *положительных* эмоций при помощи зоонимической метафоры говорящий чаще прибегает именно к модификационным дериватам зоонимов. Это, с нашей точки зрения, может объяснить и тот факт, что первоначальные названия животных (немодификационные), как показывает наш материал, довольно редко имеют *положительную* коннотацию во вторичных значениях. В использованных нами лексикографических источниках находим незначительное количество примеров такого употребления зоонимов (7 из 131), и даже в НКРЯ они встречаются не часто. Например:

– **лань** — «Разг. О красивой, стройной девушке». *Ты моя подруга будешь, самая близкая... Сестра будешь... На свадьбе моей лезгинку плясать будешь. У-у, красавица моя, лань быстроглазая! душечка! И она опять целовала меня крепко и восторгалась мною с живостью и горячностью ее*

азиатской природы (Чарская. Княжна Джаваха);

– **олень** — «Разг. О человеке, обладающем быстротой и ловкостью». *Оказалось, я по-прежнему горный олень, хотя перенес операцию на правой ноге* (Лимонов. Книга воды).

Более характерным для названий животных является употребление их во вторичных значениях с отрицательной коннотацией. При этом отрицательная коннотация в названии животного обычно передается и его дериватам, поэтому объем зоонимической лексики с отрицательной коннотацией возрастает в несколько раз. Такое явление довольно распространено и наблюдается во многих языках. Например, по словам немецкого исследователя S. C. Hsieh, который изучал зооморфные метафоры в китайском и немецком языках, 66 % и 64 % соответственно составляют зооморфизмы с отрицательным значением [см.: Будаев, Тихонов 2016: 43]. Аналогичное наблюдение находим и у А. П. Чудинова, который отмечает, что «большая часть зооморфных метафор, актуализированных в русском политическом дискурсе, также несет в себе негативные смыслы» [Чудинов 2001: 135]. Именно поэтому большинство вторичных значений зоонимов в словарях сопровождаются особыми эмоционально-экспрессивными пометами. Если говорить о стилистических пометах, то это обычно пометы *разг.* и *прост.*

Однако простая констатация наличия подобных словарных помет у зоонимов еще мало говорит об особенностях их функционирования в языке, так как это можно наблюдать и у слов в составе других лексико-семантических групп. Дело в том, что основная масса анализируемых слов (вторичных значений зоонимов), являясь коннотативами, служит для выражения экспрессивности и, как мы уже отмечали, для выражения именно *отрицательных* эмоций. Поэтому даже те слова, которые являются стилистически ограниченными, имеют еще пометы эмоционально-экспрессивного плана, передающие отрицательную эмоцию, например:

– **лошадь** — «2. Разг.-сниж. О ком-л., обладающем какими-л. качествами, свойственными такому животному». *Галина Ивановна, старая школьная учительница, изношенная лошадь с обвисшим крупом, пришла в класс в новом платье — в летнем, грязновато-бежевом, в прерывистых чёрных линиях, которые то теряли друг друга, то снова находили, выкидывая кривые отростки* (Улицкая. Казус Кукоцкого);

– **мерин** — «Разг.-сниж. Об очень глупом человеке». — *А судя по вашему лицу, —*

сказал парень с челкой, — вы старый сивый мерин (Белкина. От любви до ненависти);

– крыса — «2. Разг. пренебр. О человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное». — Вы, фронтовики, кровь с молоком, а мы, штабные крысы, чахнем над бумагами (Симонов. Солдатами не рождаются).

В некоторых случаях в словарях находится только стилистическая помета *разг.* (без эмоционально-экспрессивных помет), но значение, сообщаемое в дефиниции, свидетельствует о наличии отрицательных сем во вторичном значении зоонима, а содержание контекста с примером употребления обычно явным образом передает подобную коннотацию. Например:

– кот — «2. Разг. О похотливом, сластолюбивом мужчине». Даже этим страшным военным летом какие изумительные юбочки — легкие, коротенькие, женственные — носят в Ницце... Иван Алексеевич засмеялся: стар кот, а масло любит! (Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича);

– суслик — «2. Разг. О молодых, неопытных людях». Я большой человек, душа у меня беспредельная, а ты что такое? Суслик, кулик болотный, дрянь самая последняя. Ты не обижайся, Ваня, я не в укор тебе говорю (Авсеенко. Петербургские очерки).

Как видно из приведенных примеров, отличительной особенностью вторичных значений зоонимов является также и то, что они используются обычно для характеристики человека и очень редко — для обозначения других явлений. Характеризуя человека, вторичные значения зоонимов тем самым служат и для выражения нюансов межличностных отношений, с чем связана достаточно длинная шкала речевого поведения в тех или иных случаях: от шутливо-иронического общения до грубого оскорбления. В связи с этим отрицательная коннотация, появляющаяся в названиях животных, может передавать разный характер и разную степень эмоционально-экспрессивной напряженности в отношениях между людьми.

В последнее время в научной литературе для обозначения лексики, используемой в речи для выражения крайнего неприятия человека, его отрицательной характеристики (пренебрежения, унижения, оскорбления и т. п.), применяется термин **инвектив/инвектива** (из лат. *invective (oratio)* — бранная речь) [СИС 1998: 269].

Некоторые ученые говорят об инвективных жанрах речи и об инвективной функции языка. Так, по словам Н. Д. Голева, «инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно

связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова» [Голев 1999: 45]. Среди инвективной лексики зоонимы составляют заметную долю. При этом инвективные зоонимы, функционирующие в одном языке, в другом языке могут не иметь подобного статуса. Интересный пример этого находим в работе В. Сейидовой: «Слово, которое в культуре одного народа считается крайне оскорбительным и может даже привести к судебным разбирательствам, у других народов может вызывать восхищение. Например, слово „кобыла“, адресованное русской женщине, считается оскорблением, но его образные элементы не вызывают у французской или азербайджанской женщины тех эмоций, которые возникают у русской женщины» [Сейидова 2014: 310]. Такое явление можно наблюдать и по отношению к другим представителям фауны. Например, в китайской культуре баран считается добрым и послушным животным, который приносит удачу и благополучие, заяц считается животным добродушным и благородным, а в русском языке эти названия животных во вторичных значениях обычно употребляются с отрицательной коннотацией.

Отобранные зоонимы мы проанализировали с точки зрения инвективности и выделили две степени инвективности: низкую и высокую. Критерием для определения степени инвективности послужили пометы в толковых словарях: Большом академическом, Малом академическом, С. А. Кузнецова, Т. Ф. Ефремовой и некоторых других. К зоонимам с первой степенью инвективности мы отнесли вторичные значения зоонимов с пометами *разг.* при наличии отрицательных сем в дефинициях, а также *разг.-сниж.*; *разг. пренебр.*; *разг. неодобр.*; *разг. ирон.* К зоонимам со второй степенью инвективности мы отнесли вторичные значения зоонимов с пометой *прост.* и с эмоционально-экспрессивными пометами *пренебр.*, *презрит.*, *бранно*, *груб.* и др.

В результате анализа выяснилось, что слов первой степени инвективности гораздо больше (около 30), а зоонимов со второй степенью меньше (только 15).

К словам **первой степени инвективности** относятся, например, следующие зоонимы: **боров** — «2. Разг.-сниж. О толстом, неповоротливом человеке»; **бык** — «2. Разг. О крупном, сильном (обычно упрямом) человеке»; **жираф** — «Разг.-сниж. О человеке, который очень медленно соображает»; **заяц** — «5. Разг. О хвастающемся, но трусливом человеке. *Хвастливый как заяц*»; **медведь** — «2. Разг. О крупном, сильном, но

грузном и неуклюжем, неловком человеке»; **сурок** — «2. Разг.-сниж. О человеке, который любит много спать».

К единицам **второй степени инвективности** относятся, например, следующие зоонимы: **гиена** — «3. Бранно. О жадном, коварном человеке»; **козел** — «2. Бранно. О человеке, вызывающем неприязнь, раздражение»; **собака** — «3. Прост. бран. О злом, жестоком, грубом человеке»; **шакал** — «2. Презрит. О жадном, хищном человеке».

Следует отметить, что не существует резкой границы между первой и второй степенями инвективности, так как одно и то же слово может употребляться в разной речевой ситуации. К тому же при любом высказывании в речевом процессе может меняться эмоциональная окрашенность слов под влиянием паралингвистических факторов, а также под влиянием окружающего контекста и с помощью определенной интонации. Хорошим примером является слово **баран**, которое может иметь первую степень инвективности со значением «о глупом, упрямом человеке»: *Ты пойми, ты пойми только, баран ты: я смирный, сегодня смирный, завтра смирный, а потом и несмирный, срубил; пряжку тебе, и пошёл вольнодумец!..* (Достоевский. Господин Прохарчин). В другом случае это слово может иметь вторую степень инвективности со значением «о неорганизованной толпе, о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л.»: *(Паша, муж) — Понимаете? Свободу! Он не захотел делать нас рабами и насильно приводит к добру. Мы же не стадо баранов, Елена Сергеевна!* (Разумовская. Дорогая Елена Сергеевна).

Некоторые из названий животных могут иметь в одной речевой ситуации положительную коннотацию, а в другой — отрицательную. Например:

– 1) **коза** — «2. Разг. шутл. О резвой, бойкой девочке, девушке»: *Сейчас ты говоришь глупости, но выглядишь замечательно, — он улыбался нежно и празднично, — коза козой* (Е. Чижова. Лавра); 2) **коза** — «Разг. О несговорчивом, упрямом человеке. *На козе не подъедешь*»: *Ещё сильнее рассердился Цацгай и сказал: — Хорошо, упрямая коза... Бери своего Бухарбая, только я ничего не знаю. И тебя не знаю...* (Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат);

– 1) **лев** — «2. Разг. О ком-л., отличающемся большой силой, храбростью, смелостью»: *Ах, Пётр Иванович, вы всё ещё лев для своих львят, хотя они давно уже могут самостоятельно завалить стадо антилоп* (Соломатина. Мой одесский язык); 2) **лев** — «3. Разг. О человеке — щеголе, нарочито подчеркивающим свое щегольство»: *Самодовольно-скучающий светский лев, он относится к женщинам со снисходительным пренебрежением* (Садовской. М. Ю. Лермонтов).

Таким образом, вторичные значения зоонимов в русском языке демонстрируют как специфические особенности, так и отражают общие тенденции функционирования зоонимов в разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2000.
3. Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2(56). С. 43—49.
4. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов / отв. ред. чл.-кор. РАН Ю. Н. Караулов. — М.: Русский язык, 1995. 175 с.
5. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юристингвистика-1: проблемы и перспективы. — Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 1999. С. 44—47.
6. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М., 1998. 847 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. — М.: Академия, 2007.
8. Мезенин С. М. Образные средства языка. — М., 1984.
9. Назаретян В. М. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в русском и греческом языках // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе: материалы 2-й Междунар. науч. конф. — Салоники: Высшая школа перевода МГУ, 2011.
10. Сейидова В. Роли инвективных зоонимов во французском и азербайджанском языках // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: «Филология. Социальные коммуникации». 2014. № 3. С. 308—313.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.
13. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20—25.
14. Юсупова Н. Г. «Родственники» животных // Русская речь. 1979. № 6.
15. Юсупова Н. Г. Обезьяна — обезьяний, обезьянничать (Зоонимы и их производные) // Русская речь. 1980. № 4.

Geng Yuanyuan
China
G. N. Plotnikova
Ekaterinburg, Russia

NATIONAL CULTURAL CHARACTERISTICS OF ANIMAL NAMES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

ABSTRACT. *The article deals with animal names in cultural aspect through the analysis of zoonyms – secondary (figurative) names expressing emotional semantics in speech. The analyzed animal names have been picked out with the help of continuous sampling method from groups “carnivorous mammals”, “hoofed mammals” and “rodents” described in the Big Explanatory Dictionary of Russian nouns. The research is essentially based on vocabulary entries in representative explanatory dictionaries, but also on contexts, in which zoonyms are used. The purpose of the analysis was to determine the connotations and their specificity in meaningful structures of zoonyms. It turned out that a certain number of zoonyms from those groups don't have connotative meanings in Russian because these zoonyms denote animals which are exotic for native Russian speakers. It is revealed that in some cases zoonym acquires a connotation only being used in a special speech situation. The article provides as well examples of zoonyms connotative meanings which don't coincide in different languages. Some other characteristics of zoonyms connotative semantics regarding their relationship to the modification and demodification derivatives are also identified. The article points out that pejorative connotations are mostly used for human character description. Special attention is paid to the analysis of the cases when zoonyms are used in a function of invective. Conclusions about two degrees of invectives and their dependence on the contexts are based on the analysis of dictionary definitions as well as stylistic and emotional-expressive notes in explanatory dictionaries.*

KEYWORDS: *zoonym; emotive semantics; Russian language; animals; linguo-culturology.*

ABOUT THE AUTHORS: *Geng Yuanyuan (China), Post-graduate Student, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Plotnikova Galina Nikolaevna, Professor, Doctor of Philology, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy / pod obshch. red. L. G. Babenko. — M.: AST-PRESS KNIGA, 2005. 864 s.
2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb., 2000.
3. Budaev E. V., Tikhonov V. V. Zoomorfnye metafory kak instrument kontseptualizatsii siriyskogo konflikta v SMI Rossii i SShA // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2(56). S. 43—49.
4. Vasil'eva N. V., Vinogradov V. A., Shakhnarovich A. M. Kratkiy slovar' lingvisticheskikh terminov / otv. red. chl.-kor. RAN Yu. N. Karaulov. — M.: Russkiy yazyk, 1995. 175 s.
5. Golev N. D. Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii // Yuristlingvistika-1: problemy i perspektivy. — Barnaul: Izd-vo Altaisk. gos. un-ta, 1999. C. 44—47.
6. Krysin L. P. Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov. — M., 1998. 847 s.
7. Maslova V. A. Lingvokulturologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. 3-e izd., ispr. — M.: Akademiya, 2007.
8. Mezenin S. M. Obraznye sredstva yazyka. — M., 1984.
9. Nazaretyan V. M. Frazelogicheskie edinitsey s komponentom-zoonimom v russkom i grecheskom yazykakh // Russkiy yazyk v sovremennom mire: traditsii i innovatsii v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo i v perevode: materialy 2-y Mezhdunar. nauch. konf. — Saloniki: Vysshaya shkola perevoda MGU, 2011.
10. Seyidova V. Roli inektivnykh zoonimov vo frantsuzskom i azerbaydzhanskom yazykakh // Uch. zap. Tavrich. nats. un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii». 2014. № 3. S. 308—313.
11. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoy. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Russkiy yazyk, 1981—1984.
12. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000): monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
13. Shakhovskiy V. I. Tipy znacheniy emotivnoy leksiki // Voprosy yazykoznaneya. 1994. № 1. S. 20—25.
14. Yusupova N. G. «Rodstvenniki» zhivotnykh // Russkaya rech'. 1979. № 6.
15. Yusupova N. G. Obez'yana — obez'yanii, obez'yannichat' (Zoonimy i ikh proizvodnye) // Russkaya rech'. 1980. № 4.

С. Н. Курбакова, И. А. Мурог
Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИГРЫ В ВОЕННОЙ РЕКЛАМЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ)

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются особенности использования приемов языковой игры на фонетическом уровне в военной рекламе. В современных условиях прямое воздействие на потребителя, реализующееся путем использования побудительных призывов, нельзя считать эффективным. Такой вид рекламы достиг «вербальной сатиации» и не является продуктивным. В настоящее время рекламные тексты представляют собой сложное поликодовое образование, выполняющее единую функцию прагматического воздействия на реципиента за счет использования целого спектра персуазивных стратегий, которые на вербальном уровне коммуникации находят свое отражение в приемах языковой игры. Автором анализируются примеры англоязычной печатной рекламы, в основе которых лежит использование приемов языковой игры на фонетическом уровне. Приемы фоносемантики являются важной составной частью рекламных текстов военной направленности. Они способствуют выполнению аттрактивной и экспрессивной функции рекламного сообщения. За счет этого обеспечивается ориентация текста на область бессознательного, что, в свою очередь, находит отражение в непрямом имплицитном воздействии на реципиента. Рекламный слоган может быть насыщен одними и теми же графемами, это создает ощущение связности и родственности слов. Анализ англоязычных рекламных текстов дает основание утверждать, что наиболее частотными приемами языковой игры на фонетическом уровне в англоязычной рекламе являются аллитерация, ассонанс, рифма и паронимическая аттракция. Оpozнание этих приемов может быть затруднено, так как в английском языке фонетическая форма слова может значительно отличаться от графической. Для преодоления обозначенной трудности фонетическая языковая игра часто подкрепляется использованием пунктуационно-графических приемов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военная реклама; рекламные тексты; рекламный дискурс; язык рекламы; языковая игра; фоносемантика; суггестия; языковая манипуляция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Курбакова Светлана Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14; e-mail: svetlanakurbakova@yandex.ru.

Мурог Ирина Александровна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, преподаватель кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14; e-mail: welkin2005@yandex.ru.

Мощный воздействующий потенциал языка, его способность к порождению определенных образов и побуждению к действию активно используется человечеством на протяжении долгих лет. В реалиях современного общества язык все чаще из средства коммуникации преобразуется в орудие воздействия на человека, его сознание, поступки и мировоззрение. Отчетливее всего этот процесс проявляется в современных средствах массовой информации, и в частности рекламе. В настоящее время рекламные тексты отличаются богатой палитрой приемов оказания речевого воздействия, одним из которых является языковая игра. Будучи направленной на актуализацию скрытых возможностей слова, языковая игра способна вызвать у адресата именно ту реакцию, на которую рассчитывает адресант.

В современных условиях прямое воздействие на потребителя, реализующееся путем использования побудительных призывов, нельзя считать эффективным. Такой вид рекламы достиг «вербальной сатиации», потери словом значения в результате частого повторения [Леонтьев 1969: 110], и не является продуктивным. На смену рекламному императиву приходит поликодовый креолизованный рекламный текст, выполняющий единую функцию прагматического воздействия на реципиента за счет использования

целого спектра персуазивных стратегий, которые на вербальном уровне коммуникации находят свое отражение в приемах языковой игры.

Материалом для нашего исследования послужил корпус военных рекламных текстов объемом более 1000 единиц, полученный путем сплошной выборки из англоязычной периодической печати за период с 2011 по 2017 г. Проанализировав более 1000 примеров рекламных текстов военной направленности, опубликованных в англоязычной военной периодике (журналах *Army Technology*, *Army Times*, *Aviation Week and Space Technology*, *Defense News*, *Flight International*, *G2*, *G3*, *IHS Jane's Defence Weekly*, *Leatherneck*, *the Marine Corps Gazette*, *National Defense*), мы пришли к выводу о том, что в основе 63 % текстов лежат приемы языковой игры, используемые рекламодателями для создания желаемого эмоционального воздействия на читателя. Языковая игра представлена на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Каждый из них обладает различным потенциалом воздействия на реципиента. Целью нашего исследования стало изучение особенностей использования языковой игры на фонетическом уровне на примере англоязычной военной рекламы.

Наукой доказано, что звуки способны вызывать в сознании человека определен-

ные ассоциации. В рамках психолингвистики существует раздел фоносемантики, который исследует соотношение звука и смысла в языковом сознании [Красных 2012: 41]. Экспериментальные исследования А. П. Журавлева, И. Н. Горелова, Е. И. Красниковой показали, что наряду со смысловой и морфологической слову присуща также фонетическая мотивированность. Их совокупность обеспечивает тесную взаимосвязь между содержанием и формой слова [Красных 2012: 52]. В. В. Левицкий в рамках своего исследования пришел к выводу о том, что звуко-символизм имеет интернациональный характер [Левицкий 2003], это положение получило дальнейшее развитие в работе И. Ю. Павловской, которая экспериментально доказала универсальность фоносемантических приемов. По мнению исследователя, психофизическая организация человека едина и не зависит от его языковой принадлежности [Павловская 2004].

Будучи относительно молодой отраслью науки, фоносемантика нашла практическое применение во многих сферах, включая маркетинг. При помощи разработанных учеными компьютерных программ (*ВААЛ, Диатлон, Псиофис*) стало возможным в краткие сроки произвести фоносемантический анализ названия компании, бренда, слогана и рекламного текста. Необходимо отметить, что не только слова, но и тексты обладают фоносемантическими характеристиками: преобладающие в них звуки и звукосочетания способны придать рекламному сообщению определенный настрой.

Оказывая опосредованное воздействие на реципиента, приемы фоносемантики являются важной составной частью рекламных текстов военной направленности. В первую очередь это обусловлено специфической тематикой военной рекламы. В отличие от коммерческой рекламы, объект рекламирования изначально не наделен какими-либо привлекательными качествами, способными пробудить положительные эмоции у адресата. В связи с этим задачей создателей рекламного текста становится поиск средств, способных оказать суггестивное влияние на сознание реципиента, смягчив тем самым эффект от предназначения объекта рекламы (страхование жизни на случай ранения или летального исхода, услуги пластической хирургии, банковские вклады, гарантирующие финансовую поддержку семье военнослужащего, и т. д.). Примером может служить реклама образовательной программы для военнослужащих, планирующих завершить службу в вооруженных силах: *Being prepared is part of military life. We'll help you get ready*

for civilian life [Army Times. 12.10.15: 60]. — *Быть всегда в готовности — это часть жизни военного. Мы поможем вам подготовиться к гражданской жизни.* Причины ухода с военной службы могут быть разными, но в любом случае этот процесс создает стрессовую ситуацию, требует адаптироваться к новому образу жизни и предъявляемым требованиям. Однако эмоциональная подача рекламного сообщения совершенно иная. Так, по данным исследований звукового символизма в языке, гласные переднего ряда /i/ и /i:/, ритмически повторяющиеся в рекламном сообщении, неосознанно воспринимаются реципиентом как «светлые и более приятные», в то время как гласные заднего ряда /a:/ и /u:/ производят противоположное впечатление [Арнольд 2014; Гумовская 2002; Журавлев 1991; Мощева 2012]. Таким образом достигается положительный эмоциональный фон рекламного сообщения. Еще одним примером может служить реклама денежного займа для военнослужащих: *Need extra bucks this holiday season? Enter the Win-Win Give Away* [Army Times. 16.11.15: 27]. — *Не хватает денег во время праздников? Обратись в Win-Win Give Away.* Очевидно, что ситуация, в которой человеку придется прибегнуть к займу, отнюдь не является оптимистичной. Однако рекламное сообщение и само название компании производят впечатление легкости, доступности и, как следствие, незначительности существующей проблемы. При этом стоит учитывать, что при переводе подобных текстов большое значение имеет «процедура сличения высказывания с намеренной целью» [Князева 2016: 33].

Необходимо отметить, что к приемам фоносемантики прибегают также создатели текстов рекламы вооружения и военной техники. Так, компания *Airbus Military* создала целую серию рекламных текстов. Их особенность заключается в том, что они написаны в форме очерка, каждый из которых посвящен человеку, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации. Приведем несколько примеров.

1. *In a world where natural disasters have affected over 2 billion people in the last decade, the Airbus A400M gives military and political leaders the chance to respond faster and more efficiently. The most advanced airlifter ever built, it can carry personnel, equipment, trucks and even helicopters further, faster and closer to where they're needed. THE A400M. FOR HER, IT'S A SIMPLE MATTER OF SURVIVAL* [IHS Jane's Defence Weekly. July 04, 2012: 15]. — В мире, где за последнее десятилетие от природных катастроф пострадало бо-

лее 2 миллионов человек, самолет *Airbus A400M* дает возможность политическим и военным лидерам реагировать быстрее и эффективнее. Будучи самым совершенным из когда-либо существовавших самолетов, *Airbus A400M* может транспортировать личный состав, оборудование, грузовые машины и даже вертолеты. Дальше, быстрее и ближе к месту назначения. A400M. ДЛЯ НЕЕ ЭТО ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ.

2. *His fishing boat has not put to sea for months. Piracy has blighted his livelihood and the economic cost to region is devastating. THE AIRBUS C295. FOR HIM, IT MEANS A CHANCE TO GET HIS WAY OF LIFE BACK* [IHS Jane's Defence Weekly. September 19, 2012: 36]. — Его рыбацкая лодка уже несколько месяцев не выходила в море. Пираты отняли у него средства к существованию, что ведет к экономическому упадку региона. Самолет *AIRBUS C295*. ДЛЯ НЕГО ЭТО ШАНС ВЕРНУТЬСЯ К ПРИВЫЧНОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ.

3. *Human conflict. Natural disasters. Unstable borders. Whatever the cause, there are 375 million people who are expected to need urgent aid in the next five years. For them, Airbus Military means a better, quicker response from military and political leaders. WHY THE AIRBUS MILITARY VERSATILITY MEANS HOPE FOR 375 MILLION PEOPLE WORLDWIDE* [IHS Jane's Defence Weekly. June 02, 2013: 37]. — Военные конфликты, природные катастрофы, неустойчивые границы. Что бы ни послужило причиной, в ближайшие пять лет 375 миллионам человек потребуется срочная помощь. Для них самолеты *Airbus Military* — это быстрые действия политических и военных лидеров. ВОТ ПОЧЕМУ МНОГООБРАЗИЕ САМОЛЕТОВ *AIRBUS MILITARY* ОЗНАЧАЕТ НАДЕЖДУ ДЛЯ 375 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК ПО ВСЕМУ МИРУ.

Каждый из приведенных рекламных текстов сопровождается соответствующими зарисовками из жизни беженцев, представителей бедных слоев населения, жителей стран третьего мира. Вербальный и иконический компоненты рекламного текста едины в передаче информационного сообщения. Однако следует помнить, что преобладающую роль в рекламной коммуникации играет прагматическая установка, решение которой осуществляется путем использования определенных звуковых повторов. За счет этого создается ощущение оптимизма и надежды, которые, по замыслу рекламодателя, должны быть связаны с продукцией компании *Airbus Military*.

Также для фонетического уровня текстов военной рекламы характерно применение

различных звуковых повторов. Анализ англоязычных рекламных текстов дает основание утверждать, что приемы аллитерации (повтор согласных звуков в начале близкорасположенных ударных слогов) и ассонанса (повтор ударных гласных внутри строки или фразы) широко используются в военной рекламе.

Примерами аллитерации могут служить следующие слоганы: *Whatever the mission, wherever, whenever* [IHS Jane's Defence Weekly. June 02, 2013: 7] — реклама военных грузовых автомобилей фирмы *Renault*; *Make your mission a success* [Aviation Week & Space Technology. February 16/March 01, 2015: 51] — реклама многоцелевого патрульного самолета *Dornier 228*; *When words fail, we won't* [The Marine Corps Gazette. March, 2016. №3: 24] — реклама Ассоциации и благотворительного фонда морских пехотинцев; *Power — Precision — Protection* [IHS Jane's Defence Weekly. October 31, 2012: 21] — реклама компании *Jenoptic*, специализирующейся на разработке оптикоэлектроники; *Get financially fit* [Leatherneck. February, 2016: 73] — реклама финансовой программы Ассоциации морских пехотинцев.

Также в рекламных текстах военной направленности широко используется прием ассонанса: *The Apache Advantage: Always Mission-Ready* [IHS Jane's Defence Weekly. January 29, 2014: 20] — реклама ударного вертолета армии США «Апач»; *New Tools for New Rules* [Aviation Week & Space Technology. June 17, 2013: 61] — реклама всепогодного тактического беспилотного летательного аппарата «Гермес-900»; *Meet the New Breed* [G2. Volume 1. Issue 4. November 2010: 4] — реклама международной выставки бронетанковой техники; *Keeping America's Army Strong* [Army Times. 19.10.15: 11] — реклама Ассоциации Сухопутных войск США; *Mud. Run. Fun.* [Army Times. 02.01 — 25.01.16: 10] — реклама автомобиля повышенной проходимости *Polaris RANGER MRZR*.

В ходе анализа англоязычных рекламных текстов военной направленности на предмет выявления наиболее распространенных средств выразительности на фонетическом уровне нами было обнаружено, что достаточно востребованным приемом оформления рекламного сообщения является рифма. Рифма представляет собой особый вид регуляторного звукового повтора — повторение более или менее сходных сочетаний звуков на концах строк или в других симметрично расположенных частях сообщения, которое выполняет организующую функцию в композиции [Арнольд 2014: 285]. Примерами использования рифмы могут

служить следующие рекламные слоганы: *Thanks for all you do, This Bud's for you* [Army Times 06.06.16: 40] («За все, что делаете — спасибо от нас, / Эта бутылка Bud — для вас») — реклама пива «Bud», опубликованная в журнале «Army Times»; *Bright, light and holds tight* («Светит ярко и точно, крепится прочно») [G2. March 2011: 44] — реклама прикрепляемых к обмундированию светодиодных пластин; *Fights hard. Day and night* («Бьется что есть мочи. Днем и ночью») [IHS Jane's Defence Weekly. January 01, 2014: 11] — реклама конвертоплана V-22 «Оспри», сочетающего отдельные преимущества самолета и вертолета. Использование рифмы в качестве выразительного средства способствует запоминанию слогана, т. е. реализует прагматическую задачу рекламного текста.

Приведенные примеры демонстрируют, как рекламный слоган может быть насыщен одними и теми же графемами, что создает ощущение связности и родственности слов. Таким способом реализуется внутренняя аттракция, которая не только придает тексту определенное звучание, но и наделяет его добавочным семантическим вектором. В данном контексте мы можем говорить об «изменчивости значения высказывания в зависимости от потребности адресанта в регуляции деятельности адресата» [Курбакова, Хабаров 2015: 108].

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что в рекламных текстах военной направленности активно используется прием паронимической аттракции (намеренного соположения созвучных слов), что увеличивает выразительность и запоминаемость рекламного сообщения. Приведем примеры, в которых основой аттракции служит совпадение в конце слова: *The answer to the innovation equation is collaboration* [Army Technology. January-February. 2015: 2] («Ответом в задачах инновации может стать коллаборация») — реклама американской компании *General Dynamics*, одного из крупнейших мировых производителей военной и аэрокосмической техники; *Some evolutions are revolutions* [IHS Jane's Defence Weekly. March 06, 2013: 29] («Некоторые новшества не эволюционны, а революционны») — реклама американского палубного истребителя-бомбардировщика и штурмовика F/A-18E/F «Супер Хорнет»; *Focus on your mission. Rely on our ammunition* [IHS Jane's Defence Weekly. October 17, 2012: 11] («Позаботься о своей диспозиции и не беспокойся об амуниции») — реклама систем защиты компании RUAG. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает реклама вооружения и военной техники, направленная на повышение боеспособ-

ности тактической группы в условиях боевой обстановки: *Battlegroup Solutions. Better decisions deliver better outcomes* [IHS Jane's Defence Weekly. April 07, 2012: 2]. Последний пример привлекает внимание сочетанием нескольких приемов: паронимической аттракции и анафоры. Схожие по звучанию слова *battlegroup* и *better* не случайно выбраны авторами рекламного текста, которые таким образом делают попытку создать у реципиента подсознательную ассоциацию *battlegroup* со словом *better*, т. е. «лучше». Этот прием подкрепляется и графическим оформлением. Фразы данного рекламного слогана расположены в виде лестницы, что делает каждый компонент высказывания («ступеньку») более доступным для восприятия.

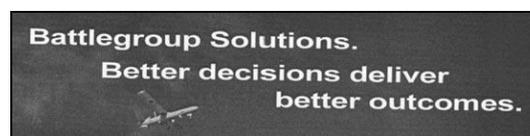

Рис.

В результате проведенного исследования корпуса военных рекламных текстов мы пришли к выводу о том, что использование языковой игры на фонетическом уровне, в частности фоносемантических приемов, имеет большое значение для создания воздействующих текстов. Названные приемы способствуют выполнению аттрактивной и экспрессивной функции рекламного сообщения. Как известно, для суггестивных текстов характерна особая звуковая организация: за счет этого обеспечивается ориентация текста на область бессознательного, что, в свою очередь, находит отражение в опосредованном имплицитном воздействии на реципиента. Наиболее частотными приемами языковой игры на фонетическом уровне в англоязычной рекламе являются аллитерация, ассонанс, рифма и паронимическая аттракция. Следует отметить, что опознавание этих приемов может быть затруднено, так как в английском языке устная форма речи может значительно отличаться от ее записи. Для преодоления обозначенной трудности фонетическая языковая игра часто подкрепляется использованием пунктуационно-графических приемов.

ИСТОЧНИКИ

1. Army Technology. January-February. 2015
2. Army Times. 12.10.2015.
3. Army Times. 19.10.2015.
4. Army Times. 16.11.2015.
5. Army Times. 02.01 — 25.01.2016.
6. Army Times 06.06.2016.
7. G2. March 2011.

8. IHS Jane's Defence Weekly. 2012. April 7.
9. IHS Jane's Defence Weekly. 2012. July 4.
10. IHS Jane's Defence Weekly. 2012. October 17.
11. IHS Jane's Defence Weekly. 2012. October 31.
12. IHS Jane's Defence Weekly. 2013. March 6.
13. IHS Jane's Defence Weekly. 2013. June 2.
14. IHS Jane's Defence Weekly. 2014. January 1.
15. IHS Jane's Defence Weekly. 2014. January 29.
16. Leatherneck. 2016. February.
17. The Marine Corps Gazette. 2016. № 3. March.
18. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. 12-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2014. 384 с.
19. Гумовская Г. Н. Ритм как универсальный закон построения языковых объектов. — М. : РИПО ИГМО, 2002. 168 с.
20. Журавлев А. П. Звук и смысл. — М. : Просвещение, 1991. 173 с.
21. Князева Е. Г. Экспериментальные практики перевода // Язык. Коммуникация. Перевод : военно-гуманитарный альманах / отв. ред. Н. В. Иванов. 2016. С. 323—333.
22. Красных В. В. Основы психолингвистики : лекционный курс. — М. : Гнозис, 2012. 333 с.
23. Курбакова С. Н., Хабаров А. А. Роль пресуппозиций в формулировании высказывания в речи (на материале китайского языка) // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 4. С. 108—112.
24. Левицкий В. В. Основы сравнительной фонетики германских языков. — Черновцы : Рута, 2003. 125 с.
25. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. — М. : Просвещение, 1969. 214 с.
26. Мошчева С. В. Выразительный потенциал текстов массовой коммуникации: фонетический аспект // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 2. С. 92—95.
27. Павловская И. Ю. Фоносемантический анализ речи. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 292 с.

S. N. Kurbakova, I. A. Murog

Moscow, Russia

PHONETIC GAME IN ENGLISH-LANGUAGE MILITARY ADVERTISEMENT

ABSTRACT. *This article discusses the features of language game at the phonetic level used in military advertising. Nowadays the direct impact on the consumer can not be considered effective. This type of advertising has reached "verbal satiation" and is not productive. Currently, advertising texts can be analyzed as a complex polycode formation that performs a single function of pragmatic impact on the recipient by using a whole range of persuasive strategies that are reflected in the language game at the verbal level of communication. The article analyzes the examples of English-language print advertising, based on the use of language games at the phonetic level. Phonosemantics is considered to be an important part of military advertising texts. They perform an attractive and expressive function of the message. This makes the text focused on the area of the unconscious, which, in turn, is reflected in the indirect impact on the recipient. Analysis of the English-language advertising texts suggests that the most frequent methods of language games at the phonetic level are alliteration, assonance, rhyme and paronymic attraction. Recognition of these techniques can be difficult, since in English the oral form can significantly differ from the written one. To overcome this difficulty, the phonetic language game is often supported by the use of other techniques.*

KEYWORDS: *military advertising, advertisement; advertising discourse; language of advertising; language game; phonosemantics; suggestion; verbal manipulation.*

ABOUT THE AUTHORS: *Kurbakova Svetlana Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, English Department Professor, Military University of the Russian Federation Defense Ministry, Moscow, Russia.*

Murog Irina Alexandrovna, Candidate of Philology Degree Applicant, English Department Lecturer, Military University of the Russian Federation Defense Ministry.

REFERENCES

1. Army Technology. January-February. 2015
2. Army Times. 12.10.2015.
3. Army Times. 19.10.2015.
4. Army Times. 16.11.2015.
5. Army Times. 02.01 — 25.01.2016.
6. Army Times 06.06.2016.
7. G2. March 2011.
8. IHS Jane's Defence Weekly. 2012. April 7.
9. IHS Jane's Defence Weekly. 2012. July 4.
10. IHS Jane's Defence Weekly. 2012. October 17.
11. IHS Jane's Defence Weekly. 2012. October 31.
12. IHS Jane's Defence Weekly. 2013. March 6.
13. IHS Jane's Defence Weekly. 2013. June 2.
14. IHS Jane's Defence Weekly. 2014. January 1.
15. IHS Jane's Defence Weekly. 2014. January 29.
16. Leatherneck. 2016. February.
17. The Marine Corps Gazette. 2016. № 3. March.
18. Arnold I. V. Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk : ucheb. dlya vuzov. 12-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2014. 384 s.
19. Gumovskaya G. N. Ritm kak universal'nyy zakon postroeniya yazykovykh ob'ektov. — M. : RIPO IGMO, 2002. 168 s.
20. Zhuravlev A. P. Zvuk i smysl. — M. : Prosveshchenie, 1991. 173 s.
21. Knyazeva E. G. Eksperimental'nye praktiki perevoda // Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod : voenno-gumanitarnyy al'manakh / otv. red. N. V. Ivanov. 2016. S. 323—333.
22. Krasnykh V. V. Osnovy psikholingvistiki : lektionnyy kurs. — M. : Gnozis, 2012. 333 s.
23. Kurbakova S. N., Khabarov A. A. Rol' presuppozitsiy v formulirovaniy vyskazyvaniya v rechi (na materiale kitayskogo yazyka) // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2015. № 4. S. 108—112.
24. Levitskiy V. V. Osnovy sravnitel'noy fonetiki germanskikh yazykov. — Chernovtsy : Ruta, 2003. 125 s.
25. Leont'ev A. A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'. — M. : Prosveshchenie, 1969. 214 s.
26. Moshcheva S. V. Vyzritel'nyy potentsial tekstov massovoy kommunikatsii: foneticheskiy aspekt // Vestn. KGU im. N. A. Nekrasova. 2012. № 2. S. 92—95.
27. Pavlovskaya I. Yu. Fonosemanticheskiy analiz rechi. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 292 s.

И. Ю. Рябова
Екатеринбург, Россия

**ИРОНИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ОДНО ИЗ ИММАНЕНТНЫХ СРЕДСТВ ОПИСАНИЯ ЭПОХИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»
И ЧЕТЫРЕХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ)**

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена когнитивному исследованию иронической метафоры. На первом этапе исследования рассматриваются коммуникативные основы иронии как средства речевого воздействия на адресата. Выявлены различия в когнитивных механизмах построения метафоры и иронии. Обозначена наша позиция в отношении понятия «ироническая метафора» в пространстве романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». На втором этапе работы обоснованы основные «приметы» эпохи 1870-х гг. в России. Эпоха 1870-х гг., когда создавался роман, связана с «переворотившимся» строем. Писателю удалось уловить в самой эпохе «метания мысли», шаткость, нестабильность положения. Главной задачей романа Л. Н. Толстой видел понимание нравственного и исторического смысла перемен пореформенного времени. Приводятся примеры, воплощающие «эстетическую» функцию иронической метафоры, главная цель которой — эстетично и креативно передать собственные воззрения, создать у реципиента необходимый перлокутивный эффект посредством репрезентативных тексто-художественных проявлений комического. На заключительном этапе проведено наблюдение за «преломлением», или сохранением эффекта комемы, в англоязычных переводах. Это зависит как от языковых средств, в частности семантического наполнения выбранных лексем, так и от внеязыковых (например, ономотопэтических). Данные средства воздействия на реципиента в пространстве художественного произведения достаточно вариативны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ирония; иронические метафоры; русская литература; русские писатели; когнитивные исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябова Ирина Юрьевна, аспирант кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: i.y.rjabova_3012@mail.ru.

Феномен иронии издавна привлекал внимание исследователей, благодаря чему в современной науке сформировались различные точки зрения на данное явление.

В рамках нашей статьи ирония будет рассматриваться не как вид юмора, а как форма речевого воздействия на адресата. Перечислим некоторые коммуникативные основания данного явления, выделяемые лингвистами:

– «выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание...» и есть ирония [Арнольд 2002: 128];

– «ирония способна спасти общение от его псевдоаутентичности... слабые иронические сигналы не подавляют коммуникацию, а повышают ее градус... стратегия иронизирующего, направленная на усовершенствование мира, людей и межличностных отношений, является достаточным аргументом в пользу высокого коммуникативного статуса иронии...» [Хамзе 2013: 99];

– ирония — не прямое отрицание: «„утверждающая“ негация, призванная имплицитировать тот факт, что положение дел далеко от желаемого, эксплицирует эту суть как нельзя лучше» [Giora 1998: 4];

– «ирония основана на когнитивном диссонансе между содержанием и реальным положением дел» [Шилихина 2009: 40];

– «помимо того, что ирония может проникать во все виды тропов, сплошь и рядом

образуя ироническую метафору, ироническую метонимию, гиперболу, литоту и сравнение, что, очевидно, одно из проявлений взаимопроникновения тропов вообще, ирония способна проникать во все речевые акты и почти во все речевые жанры» [Ермакова 2014: 75].

Суммируя вышесказанное, сформулируем рабочее определение для данного исследования: ирония (в том числе ироническая метафора, ироническая метонимия и ироническое сравнение) представляет собой особый вид речевой интенции, на внеязыковом уровне имеющий форму негации и направленный на эксплицирование реального положения дел. Ирония переключается с понятием «комема» в значении «эстетическая категория, внушающая истину косвенным, художественным путем» [Хамзе 2013: 92].

В современной науке существуют разные точки зрения на взаимоотношение и взаимосвязь метафоры и иронии. Наряду с уже обозначенной — метафора и ирония создают ироническую метафору — следует выделить, как минимум, еще два подхода — структурный и психолингвистический. В рамках первого рассматриваются когнитивные основы функционирования иронии и метафоры. И. Палинкас в статье «Метафора, ирония и блендинг» приходит к некоторым заключениям [Palinkas 2014: 624].

1. Если в метафоре задействованы домены (domains), то в иронии мы говорим о ментальных пространствах. Как отмечают

3. Эвиатар и М. Джаст, метафора основана на визуальной трансформации, ирония — на логических и семантических процессах [Eviatar, Just 2006: 2352].

2. В отличие от метафоры, в основании которой лежат хорошо известные представления о языковой картине мира, ирония представляет собой креативный процесс, движимый мотивацией, интенцией иронизирующего.

3. В то время как метафора сопоставляет объекты, их сущности и отношения, ирония представляет собой «онлайн-сценарий». В этом отношении следует обратиться к идеям Д. Уилсона и Д. Спербера, утверждающих, что ключевыми факторами для тождественного понимания иронии двумя реципиентами являются знания общей языковой картины мира, знание контекстуальной информации, приверженность одному лингвокультурному коду [Sperber, Wilson; цит. по: Barbe 1995: 47]. Отсюда вытекает заключение, что если понимание метафоры в некоторых случаях возможно вне контекста, то в отношении иронии контекст играет первостепенную роль. Более того, по мнению Р. Джоры, предыдущий контекст должен создать базу для иронического высказывания [Giora 1998: 6].

4. Несмотря на то, что обе фигуры возникают в процессе концептуальной интеграции, коммуникативные механизмы, лежащие в их основе, не идентичны.

В фокусе нашего внимания в рамках данной статьи находятся метафоры с «налетом» иронии в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». По словам Э. Г. Бабаева, Л. Н. Толстой — писатель и художник, чья «мысль движется глубокими руслами метафор», которые «возникают в повествовании не как украшение, а как внутренняя основа сцены, как скрытая идея сюжета» [Бабаев 1978: 128, 143]. В силу имманентности метафоры пространству выбранного художественного произведения мы вслед за О. П. Ермаковой не считаем целесообразным разграничивать иронию и метафору и используем термин «ироническая метафора».

Эпоха 1870-х гг., когда создавался роман, связана с «переворотившимся» строем. Писателю удалось уловить в самой эпохе «метания мысли», шаткость, нестабильность положения. Главной задачей романа Л. Н. Толстой видел понимание нравственного и исторического смысла перемен пореформенного времени. Он хорошо понимал, как изменяется весь строй жизни, вводя в художественное полотно своего произведения историческую метафору упадка Рима. И речь идет не о переоценке ценностей в личном,

исключительном и случайном смыслах, а о закономерном историческом «перевале» русской истории от падения крепостного права до первой русской революции. Автор рисует светское общество того времени — «раздавателей земных благ» в лице Облонского, кутил и повес в лице Вронского, Катавасова, приземленных светских львиц княгинь Мягкую и Бетси. Художник не случайно вводит в контекст сцены оперы и театра, фальшь которых со сцены распространялась на людей в зале [Билинkis 1959: 302]. При всей кажущейся объективности, даже беспристрастности его повествования в каждой детали, в каждой сцене или «немом» диалоге дает себя знать авторская мысль, авторское настроение, жар его пристрастий [Алданов 1915: 168 — 169; Бычков 1954: 307; Фортунов 1963: 22; Бабаев 1978: 54]. Одним из способов, наряду с многочисленными языковыми и неязыковыми особенностями мастерства Л. Н. Толстого, становится ирония, главная цель которой — эстетично и креативно передать собственные воззрения, создать у реципиента необходимый перлюкутивный эффект посредством репрезентативных тексто-артистических проявлений комического. В данном исследовании нас интересует вопрос сохранения тексто-артистических проявлений комического в англоязычных интерпретациях.

Обратимся непосредственно к примерам.

1. *Половина Москвы и Петербурга была родня и приятели Степана Аркадьича. Он родился в среде тех людей, которые были и стали сильными мира сего. Одна треть государственных людей, стариков, были приятелями его отца и знали его в рубашечке; другая треть были с ним на „ты“, а третья треть были хорошие знакомые; следовательно, раздаватели земных благ в виде мест, аренд, концессий и тому подобного все были ему приятели и не могли обойти своего... нужно было только не отказываться, не завидовать, не ссориться, не обижаться, чего он, по свойственной ему доброте, никогда и не делал* [Толстой 2014: 42].

В англоязычных интерпретациях представлены следующие варианты: *the mighty of this world / distributors of earthly blessings* [Peaver 2000: 14]; *the great ones of this world / distributors of earthly blessings* [Maude 1918: 14]; *the powerful ones of this world / distributors of earthly blessings* [Garnett 1901: 27—28]; *the rich and powerful of this world / whose function is to dispense the blessings* [Dole 2015: 20].

Согласно словарю «ABBYY Lingvo 6», *mighty* — *possessing great and impressive*

power or strength, especially because of size (обладающий властью в силу большой численности); **great** — 1) *of ability, quality, or eminence considerably above average* (о способности, качестве, известности); 2) *important*; 3) *(informal) (of a person) very skilled in a particular area* (хорошо разбирающийся в чем-то); **powerful** — *having control and influence over people and events* (имеющие власть над людьми) [OxD]. Согласно интернет-сайту с коллекцией толковых и энциклопедических словарей [Словари онлайн], основное значение лексемы «сильный» — «(перен.) тот, кто имеет большое влияние». Таким образом, несмотря на сохранение иронического эффекта, в переводах трансформирована импликатура лексемы.

Дефиниция *dispense* в интерпретации Н. Доуля имеет основное значение «(of a machine or container) supply or release (a product or cash)» (о машине — снабжать, отпускать) [OxD]. В данном переводе создан комический эффект: бюрократы и вся бюрократическая система сродни бездушной машине. В данном «амплуа» изображен и Каренин как один из типичных политических деятелей. *Distributor* — «an agent who supplies goods to retailers» (агент, снабжающий товарами). Следует обозначить, что с точки зрения описания эпохи, приверженности идейной композиции всего произведения и замысла автора рассмотренный контекст в переводе Н. Доуля в большей степени является репрезентантом тексто-артистических проявлений комического.

2. — И, **отдела**, как следовало, приятельницу Анны, княгиня Мягкая встала и вместе с женой посланника присоединилась к столу, где шел общий разговор о прусском короле.

— О чем вы там злословили? — спросила Бетси.

— О Карениных. Княгиня делала характеристику Алексея Александровича, — отвечала жена посланника, с улыбкой садясь к столу [Толстой 2014: 176].

Сцепление данных лексических единиц эксплицитно вводит метафорическую модель «светский разговор (жизнь) — поле боя». Особый колорит имеет лексема «отделать», представленная в переводах следующими номинантами: *...having dealt properly with Anna's friend* [Peaver 2000: 136]; *...having snubbed Anna's friend handsomely* [Maude 1918: 134]; *...And having duly disposed of Anna's friend, Princess Myagkaya...* [Garnett 1901: 239]; *...having thus disposed of Anna's friend* [Dole 2015: 147]. Лексему *deal* в контексте данного периода следует считать нейтрально маркированной. Для дефиниции

snub характерно значение «rebuff, ignore, or spurn disdainfully» (грубо отказать в чем-то кому-то; с презрением проигнорировать кого-то) [OxD]; *dispose* — «1) get rid of smb by throwing away; 2) (informal) kill» [OxD]. Лексико-семантический вариант 2 дефиниции **dispose** транслирует метафорическую модель Л. Н. Толстого «светская жизнь — поле боя».

3. Баронесса **надоела** (Петрицкому), как горькая редька, особенно тем, что всё хочет давать деньги; а есть одна, он ее покажет Вронскому, чудо, прелесть в восточном строгом стиле, „**genre рабыни Ребекки**, понимаешь“... Вообще же все превосходно и чрезвычайно весело [Толстой 2014: 151].

В интерпретациях иронические элементы представлены так: *He was fed up with the baroness ...but there was one... a wonder, a delight, in the severe Levantine style, "the slave-girl Rebecca genre"* [Peaver 2000: 114]; *he was sick to death of the Baroness... but there was another... charming, wonderful, of severely Oriental type, in the style of "The Slave Rebecca"* [Maude 1918: 114—115]; *As for the baroness, he was sick to death of her... a marvel, exquisite, in the strict Oriental style, "genre of the slave Rebecca"* [Garnett 1901: 201—202].

Лексема *fed up* имеет следующее значение: «annoyed, unhappy, or bored, especially with a situation that has existed for a long time» (раздраженный, несчастный из-за длительной продолжительности некой ситуации) [OxD]; *sick to death* — «be very annoyed and want it to stop» [CoCo]. В данном случае представляется вряд ли реальным найти полный и точный эквивалент выражения «надоела, как горькая редька». Тем не менее в переводах сохранена понятийная сторона иронической метафоры, хотя акценты расставлены по-разному. В выражении «genre рабыни Ребекки» изначально Л. Н. Толстым эффект комемы создан посредством вкрапления в текст французской лексемы. Наиболее полно колорит с точки зрения ономапии сохранен в переводе Р. Пивера и Л. Волохонски: «*the slave-girl Rebecca genre*».

4. — Да, нынче заседание в Обществе любителей в память пятидесятилетнего юбилея Свинтича, — сказал Катавасов на вопрос Левина. — Мы собирались с Петром Ивановичем. Я обещал прочесть об его трудах по зоологии. Поедем с нами, очень интересно [Толстой 2014: 785].

В выражении «Юбилей Свинтича» ирония Л. Н. Толстого направлена на «манию праздновать всякие юбилеи», согласно «Отечественным запискам» 1875 г., которая была настоящим поветрием 1870-х гг. Перевод в

интерпретациях дословный.

5. — *Нет, я уже не земский деятель. Я со всеми разбрался и не езжу больше на собрания, — сказал он, обращаясь к Облонскому.*

— *Скоро же! — с улыбкой сказал Облонский. — Но как? Отчего?*

— *Длинная история. Я расскажу когда-нибудь, — сказал Левин, но сейчас же стал рассказывать. — Ну, коротко сказать, я убедился, что никакой земской деятельности нет и быть не может, — заговорил он, как будто кто-то сейчас обидел его, — с одной стороны, игрушки, играют в парламент, а я ни достаточно молод, ни достаточно стар, чтобы забавляться игрушками; а с другой (он заикнулся) стороны, это — средство для уездной coterie (шайки) наживать деньжонки* [Толстой 2014: 47].

Лексема *coterie* в основном значении переводится как «группировка», хотя сам автор гротескно приписывает ей значение «шайка»: «1) банда людей, объединившихся для разбоя или иной преступной деятельности; 2) компания людей, объединенных общими недостойными, предосудительными интересами» [Словари онлайн]. К. Вейсе объясняет понятие комического, которое в максимальной степени относится к иронии, посредством идеи об «уничтоженной иронии» [Вейсе 1830: 210]. Благозвучная лексема *coterie* на уровне идеи «параллелизма», присущей перу Л. Н. Толстого, эксплицирует экспрессию интенции автора.

Левин высказывает мысли, весьма распространенные в радикальной демократической публицистике 70-х годов. Так, в «Отечественных записках» 1875 г. в статье «Десятилетие русского земства» говорилось: «Безотрадная черта в деятельности некоторых земств... это страсть к земской спекуляции, страсть к наживе, замечаемая в наиболее богатых и интеллигентных центрах русской земли. В этих центрах акции, облигации, чеки, закладные листы, полисы и warrants закрывают собою скромный лапот и серый зипун».

6. — *Желаю удачи, — прибавила она (Бетси), подавая Вронскому палец, свободный от держания веера, и движением плеч опускающая поднявшийся лиф платья, с тем чтобы, как следует, быть вполне голою, когда выйдет вперед, к рампе, на свет и на все глаза* [Толстой 2014: 170].

Рассмотрим данный контекст в переводах: ...so as to be **well and properly naked**... [Peaver 2000: 131]; ...that she might be **befittingly nude**... [Maude 1918: 129]; ...so as to be **duly naked**... [Garnett 1901: 229].

Лексема *befittingly* имеет основное зна-

чение «be appropriate for» (быть подходящим для чего-то) [OxD]. Ключевое значение дефиниции *properly* — «appropriate for the circumstances» (подходящий для обстоятельств), в то время как выявлено и неформальное, разговорное — «thoroughly» (абсолютно); *duly* — «done in the correct way» (что-то сделано верно, абсолютно правильно). Отметим, что комический эффект достигнут во всех интерпретациях. В переводе А. и Л. Моод, однако, посредством модальности глагола *might* введен компонент «неуспешности» действий княгини Бетси, который отсутствует в оригинальном романе. *Well* имплицитно вносит в контекст элемент «одобрения», поэтому данный перевод можно считать оптимальным как «сложившуюся» комеу.

Суммируя вышесказанное, отметим, что ироническая метафора, сочетающая субъективную индивидуальность и общедоступную универсальность послания, способна в полной мере выполнять прагматическую функцию языка, направленную на достижение определенного перлокутивного эффекта, а именно эстетично, но эмоционально и динамично «вскрывать» суть реальной действительности. «Сохранение» или «преломление» содержания репрезентантов тексто-артистического проявления комического в англоязычных интерпретациях зависит как от языковых средств, в частности семантического наполнения выбранных лексем, так и от внеязыковых (например, ономастических). Данные средства воздействия на реципиента в пространстве художественного произведения достаточно вариабельны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алданов М. А. Толстой и Роллан. — Петроград : Энергия, 1915. 314 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. — М., 2002. — 383 с.
3. Бабаев Э. Г. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. — М. : Художественная литература, 1978. 155 с.
4. Билинкис Я. О творчестве Л. Н. Толстого. — Л. : Советский писатель, 1959. 413 с.
5. Бычков С. П. Л. Н. Толстой. — М. : Гос. изд-во худ. литературы, 1954. 479 с.
6. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? // Жанры речи. 2014. № 1—2 (9—10). С. 74—80.
7. Словари онлайн. URL: <http://www.slovaronline.com>.
8. Фортунатов Н. М. Особенности творческого процесса Толстого и проблема читательского восприятия // Л. Н. Толстой. Статьи и материалы. 1963. № 12. С. 7—22.
9. Хамзе Д. Коммуникативные преимущества иронии // Forms of social communication in the dynamics of human society development. — London : IASHE, 2013. P. 90—93.
10. Хамзе Д. Коммуникативные основания иронии // Forms of social communication in the dynamics of human society development. — London : IASHE, 2013. P. 96—99.
11. Шилихина К. М. Метафора и ирония // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 39—42.
12. Barbe K. Irony in context. — John Benjamins Publishing, 1995. 208 p.
13. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary =

CoCo : for "ABBY Lingvo 6".

14. Giora R. Irony // Handbook of Pragmatics / JefVerschueren, Jan-Ola Ostman, Jan Blommaert, Chris Bulcaen. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publ. Co, 1998. 253 p.

15. Eviatar Z., Just M. Brain correlates of discourse processing: An fMRI investigation of irony and metaphor processing // Neuropsychologia. 2006. № 44 (12). P. 2348—2359.

16. Palinkas I. Metaphor, irony and blending // Argumentum. 2014. № 10. P. 611—630.

17. Weisse Chr. H. System der Aesthetic als Wissenschaft von

der Idee der Schoenheit. Th. I. — Leipzig, 1830.

18. Dole N. (transl.). Anna Karenina. — New York : Thomas Y. Crowell & CO. Publishers, 2015. 769 p.

19. Garnett C. (transl.). Anna Karenina. — USA : Planet eBook, 1901. 1423 p.

20. Maude A., Maude L. (transl.). Anna Karenina. — London : Wordsworth Classics, 1918. 813 p.

21. OxD = Oxford Dictionary : for "ABBY Lingvo 6".

22. Peaver R., Volokhonsky L. (transl.). Anna Karenina. — London : Penguin Classics, 2000. 837 p.

I. Y. Ryabova

Ekaterinburg, Russia

IRONIC METAPHOR AS AN IMMANENT MEANS OF DESCRIBING RUSSIAN EPOCH OF THE 1870S IN THE LITERARY WORK (BASED ON L. N. TOLSTOY'S NOVEL «ANNA KARENINA» AND ITS FOUR ENGLISH INTERPRETATIONS)

ABSTRACT. *The article is the cognitive study of ironic metaphor. The first stage of the research focuses on communicative bases of irony as a means of verbal manipulation. The differences in cognitive mechanisms of metaphor and irony are revealed. Interpretation of the concept "ironic metaphor" in L.N. Tolstoy's novel "Anna Karenina" is provided. The second stage of the research is devoted to the description of the main features of the epoch of 1870-s in Russia, this is the time when the novel was written. This period is known by "turn over" regime. The writer managed to capture "instability of thought" typical of this epoch. The main aim of the novel, according to L.N. Tolstoy, was comprehension of moral and historical meaning of the changes of the post-reform period. There are examples of aesthetic function of ironic metaphor, the main goal of which is to aesthetically and creatively express one's ideas and create the necessary for the reader perlocutionary effect with the help of representative textual and artistic manifestations of the comic. The final stage of this research analyzes "deflection" or preservation of the comic effect in English translations of the novel. It depends both on language means, like semantics of the chosen words, and non-language means, like onomatopoeic means. These means of persuasion are variable in the body of a literary work.*

KEYWORDS: irony; ironic metaphors; Russian literature; Russian writers; cognitive research.

ABOUT THE AUTHOR: Ryabova Irina Yurievna, Post-graduate Student of Department of English, Language Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Aldanov M. A. Tolstoy i Rollan. — Petrograd : Energiya, 1915. 314 s.

2. Arnol'd, I. V. Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk / I. V. Arnol'd. — M., 2002. — 383 s.

3. Babaev E. G. «Anna Karenina» L. N. Tolstogo. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1978. 155 c.

4. Bilinkis Ya. O tvorchestve L. N. Tolstogo. — L. : Sovetskiy pisatel', 1959. 413 s.

5. Bychkov S. P. L. N. Tolstoy. — M. : Gos. izd-vo khud. literatury, 1954. 479 s.

6. Ermakova O. P. Yavlyaetsya li ironiya rechevym zhanrom? // Zhanry rechi. 2014. № 1—2 (9—10). S. 74—80.

7. Slovare onlayn. URL: <http://www.slovaronline.com>.

8. Fortunatov N. M. Osobennosti tvorcheskogo protsesssa Tolstogo i problema chitatel'skogo vospriyatiya // L. N. Tolstoy. Stat'i i materialy. 1963. № 12. S. 7—22.

9. Khamze D. Kommunikativnye preimushchestva ironii // Forms of social communication in the dynamics of human society development. — London : IASHE, 2013. P. 90—93.

10. Khamze D. Kommunikativnye osnovaniya ironii // Forms of social communication in the dynamics of human society development. — London : IASHE, 2013. P. 96—99.

11. Shilikhina K. M. Metafora i ironiya // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2009. № 2. C. 39—42.

12. Barbe K. Irony in context. — John Benjamins Publishing, 1995. 208 p.

13. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary = CoCo : for "ABBY Lingvo 6".

14. Giora R. Irony // Handbook of Pragmatics / JefVerschueren, Jan-Ola Ostman, Jan Blommaert, Chris Bulcaen. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publ. Co, 1998. 253 p.

15. Eviatar Z., Just M. Brain correlates of discourse processing: An fMRI investigation of irony and metaphor processing // Neuropsychologia. 2006. № 44 (12). P. 2348—2359.

16. Palinkas I. Metaphor, irony and blending // Argumentum. 2014. № 10. P. 611—630.

17. Weisse Chr. H. System der Aesthetic als Wissenschaft von der Idee der Schoenheit. Th. I. — Leipzig, 1830.

18. Dole N. (transl.). Anna Karenina. — New York : Thomas Y. Crowell & CO. Publishers, 2015. 769 p.

19. Garnett C. (transl.). Anna Karenina. — USA : Planet eBook, 1901. 1423 p.

20. Maude A., Maude L. (transl.). Anna Karenina. — London : Wordsworth Classics, 1918. 813 p.

21. OxD = Oxford Dictionary : for "ABBY Lingvo 6".

22. Peaver R., Volokhonsky L. (transl.). Anna Karenina. — London : Penguin Classics, 2000. 837 p.

Б. Г. Фаткулин
Челябинск, Россия

**ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ИРАНИСТИКА»
В ПАРЕ ЯЗЫКОВ «РУССКИЙ — КИТАЙСКИЙ»: ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ**

АННОТАЦИЯ. Статья нацелена на аккумуляцию терминов китайского языка, обслуживающих предметную область «иранистика». Для выделения образцов терминологии использован скрипт «baidubaikе». Ресурсом для осуществления выборки является онлайн-энциклопедия на китайском языке «Baidu Baike». Путем сопоставления выявлены особенности формирования терминологии иранистики в китайском языке. Китайские специалисты по Ирану неизбежно испытывают определенные трудности в обработке текстов на языке фарси и во введении в научных оборот терминов иранистики. Эти трудности обусловлены рядом факторов лингвистического характера. Во-первых, способы словообразования в китайском языке отличаются от способов, принятых в персидском языке: новоперсидский язык в процессе словообразования использует все методы, характерные для индоевропейских языков (аффиксацию, основосложение). Иероглифическая передача терминов стирает этимологию слов и не отражает их смысловую мотивировку. Во-вторых, китайский язык принадлежит к изолирующим языкам, где слова носят односложный характер, и транслитерация многосложных терминов из языка фарси затруднена. Попытки транслитерировать иранские термины комбинацией похожих по звучанию иероглифов порождают лексическую омонимию, что затрудняет восприятие терминов неспециалистами. При сопоставлении с русским языком было выявлено, что в смысловом отношении терминология китайского языка по предметной области «иранистика» в целом совпадает с аналогичной терминологией русского языка. Основная масса терминологии предметной области «иранистика» в китайском языке сложилась в новейший постколониальный период истории под влиянием мировой востоковедческой науки. Исключения представляют термины, проникшие из языка этнических китайцев-мусульман хуэйцзу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: разноструктурные языки; терминология; язык фарси; русский язык; китайский язык; методы словообразования; сопоставительное языкознание; иранистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Фаткулин Булат Гилмдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); доцент кафедры восточных и романо-германских языков, Челябинский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76; e-mail: bfatkulin@gmail.com.

Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.A03.21.0011.

Иран на протяжении столетий занимает особое место во внешней политике России. Подписанный в июле 2015 г. «Совместный всеобъемлющий план действий относительно ядерной программы Ирана» открывает существенные возможности для Ирана по дальнейшему укреплению своей роли ведущей региональной державы.

В сфере военного сотрудничества уровень взаимодействия между должностными лицами, курирующими сферы обороны и безопасности двух стран, в значительной степени повысился [Романова 2014: 89; Белобров 2014: 11]. Позиции Ирана и России сближает ряд общих вызовов безопасности: расширение НАТО, распространение терроризма, угроза дестабилизации Центральной Азии и Южного Кавказа, нерешенность внутривосточного кризиса в Афганистане. С целью борьбы с терроризмом и экстремизмом Россия и Иран организовали сотрудничество в области разведки, оперативного и стратегического взаимодействия в Сирии.

Укрепление гуманитарных, культурных, научных и межуниверситетских связей также важно для российско-иранских отношений. Сотрудничество в сфере культуры между нашими странами в настоящий момент охватывает такие направления, как содействие взаимному обучению фарси и русско-

му языку, участие в культурных событиях, издательство и публикацию книг, изучение архивных материалов, мероприятия и программы в области музыки, кинематографии, обмен информацией и экспозициями между музеями; немаловажным представляется информационное обеспечение процесса развития двусторонних отношений как российскими, так и иранскими средствами массовой информации [Амирахмадиан 2017: 9].

Восточная политика Ирана, как и восточная политика РФ, строится с учетом возрастающей роли Китая в Евразии. На сегодняшний день Пекин установил достаточно тесные отношения с Тегераном, став одним из его крупнейших торговых партнеров. В 2014 г. общий товарооборот превысил 51 млрд долларов — это на 72 % больше, чем в 2013 г. [Лексина 2015: 57].

ИРИ, РФ и КНР обладают ресурсами дискурса, политическим и культурным влиянием в регионах пересечения интересов, военной и дипломатической силой. Комплекс этих преимуществ может помочь обеспечению стабильности и созданию устойчивой системы в регионе Шелкового пути. Выявление представителями элиты и научного сообщества новых реалий во взаимоотношениях между двумя странами снизит уровень негативных ожиданий и снимет преграды в теоретической и практической сферах в отношениях между двумя странами.

Сфера общих интересов Ирана, Китая и России в рамках меняющейся международ-

ной системы расширяется. К общим интересам можно отнести продвижение концепции многополярности [Гурин 2012: 241], обеспечение стабильности и безопасности на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Афганистане, борьбу с терроризмом, развитие региональной интеграции в Евразии и военное сотрудничество. С вступлением Ирана в ШОС есть надежда, что будут выработаны механизмы трехстороннего сотрудничества между Тегераном, Москвой и Пекином [Сафронова 2014: 185].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что отслеживание этих проектов российскими учеными невозможно без глубокого знания российскими специалистами особенностей китайско-иранского взаимодействия. Развивая тезис о том, что российские иранисты должны подключиться к работе в тройке «русский — китайский — фарси», необходимо добавить, что языки иранской группы являются государственными не только в Иране, но и в Афганистане (дари), а также в Таджикистане (таджикский). Фарси распространен как язык культурной элиты в пограничных с КНР районах Пакистана и Северо-Западной Индии [Гладкова 2014: 261].

Уральский федеральный округ является пограничным и транзитным регионом на пути транспортных коридоров, объединяющих страны Евразии. Поэтому уральские китаеведы включают в список объектов своего изучения не только российско-китайские отношения, но и отношения Китая с ключевыми партнерами России в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Ввиду вышеуказанных фактов задачей иранистов и китаеведов могло бы стать в том числе и введение в российский научный оборот терминов китайского языка, обслуживающих предметную область «иранистика».

Следующая совокупность геополитических факторов определяет ключевые характеристики, выделяющие Иран среди соседей:

1. Иран — страна Среднего, а не Ближнего Востока (в рамках российского традиционно-го подхода к зонированию регионов).

2. Иран — исламская, но не арабская страна.

3. Цивилизация Ирана сформировалась задолго до формирования цивилизации ислама (династии Ахеменидов, Сасанидов, Греко-персидские войны, зороастризм и т. д.).

4. Иран, как и Россия и КНР, является многонациональной и поликонфессиональной страной.

5. В отличие от большинства стран Ближнего Востока, Иран никогда не был колонией Османской империи, никогда не входил в состав колоний какой-либо из европейских

«великих держав», всегда сохранял политический суверенитет.

6. Тип ислама в Иране — шиитский, а не суннитский.

7. В отличие от арабских монархий Персидского залива, в Иране установлен республиканский строй, однако республика в Иране исламская. «Концепция исламской республики» разработана иранскими идеологами в ходе антимонархической революции 1979 г., и связанные с ней политические институты являются базой современной иранской государственности.

Отслеживание российскими учеными работ китайских иранистов и формирование выборки аутентичной китайской терминологии в предметной области «иранистика», по нашему мнению, могло бы представлять существенный интерес для востоковедческого сегмента политической лингвистики [Кэ 2011].

Однако ввиду новизны этого направления и принимая во внимание объективные трудности по обработке информации на китайском языке, использование только лишь традиционных ручных методов при анализе китайских текстов об Иране является недостаточным. К счастью, на помощь аналитикам, исследующим проекты КНР в области иранистики, приходят достижения современной прикладной лингвистики. Тем более что научные школы корпусной и прикладной лингвистики в РФ, КНР и ИРИ сейчас активно развиваются.

Для настоящего исследования нами была поставлена цель сделать релевантную выборку терминологии предметной области «иранистика» в китайском языке и путем сопоставления выявить особенности формирования терминологии иранистики в китайском языке.

Предметная область «иранистика» в науке КНР входит в сферу разных отраслей научного знания. Это «международные отношения» (иранско-китайские, китайско-афганские, китайско-таджикские отношения), «зарубежное регионоведение» (изучение региона Ирана, Афганистана, Таджикистана и других регионов мира с ираноязычным населением), «иранские языки» (изучение языков иранской языковой семьи), «исламоведение» (изучение особенностей шиитского направления в Иране), «зарубежная литература» (изучение литературного наследия на фарси и на языках других народов иранской языковой семьи), «культурология» (изучение феноменов иранской культуры), «политология» (изучение современных иранских религиозно-политических концепций) и т. д.

В ходе планирования исследования мы ясно отдавали себе отчет в том, что использование традиционных ручных методов выборки сопряжено с большими временными затратами. Поэтому для оперативного выделения образцов терминологии иранистики в китайском языке мы использовали методы прикладной лингвистики и соответствующее программное обеспечение, предназначенное для обработки больших объемов структурированных текстов на китайском языке.

Современная прикладная лингвистика предоставляет широкий спектр возможностей для сбора и сопоставления информации на восточных языках. В силу исторических причин большинство гуманитариев-востоковедов использует утилиты, работающие под операционной системой *Windows*. Мы же в своем исследовании задействовали потенциал ОС *Linux Ubuntu*, операционной системы с открытым кодом и богатым выбором утилит командной строки [Алексеев 2009]. Большим подспорьем для нас явилось то, что прикладными лингвистами, работающими в операционной системе *Linux*, написано множество скриптов на разных языках программирования, предназначенных для выполнения задач по выделению из корпусов различной значимой информации.

Важным фактором для релевантности корпусов текстов на китайском языке является наличие «внутреннего» китайского Интернета, независимого от внешнего воздействия, а также языковая политика китайского государства, направленная на оцифровку информации на китайском языке и размещение ее в Сети. Китайские специалисты в области IT обеспечивают работу следующих важных информационных ресурсов:

- CNKI (The China National Knowledge Infrastructure) — наукометрической базы научных статей, опубликованных в китайских научных журналах, в чем-то аналогичную российской системе РИНЦ [Zhao 2011; Schnergel 2011];

- сетевой электронной энциклопедии на китайском языке *Baidu Baike* [Музыченко 2015: 101].

Наличие вышеуказанных информационных ресурсов позволяет стороннему наблюдателю не ограничиваться статьями об Иране, размещенными на российских и европейских научных порталах, а регулярно просматривать материалы об Иране на китайском языке, а также статьи китайских ученых, посвященные иранской тематике. Руководствуясь этой логикой, мы выбрали наиболее оптимальный ресурс для осуществления выборки, а именно онлайн-энциклопедию на китайском языке *Baidu*

Baike.

Для выделения терминологии китайской иранистики из китайской сетевой энциклопедии *Baidu* мы использовали написанный на языке Python и выложенный на репозитории *GitHub* скрипт *baidubaike*, который автоматически выкачивает из словарной статьи энциклопедии *Baidu* термины, имеющие в данном тексте последующую гиперссылку [Wang 2014: 587].

Мы исполнили данный скрипт в командной строке *Linux* для обширного списка понятий, однако в настоящей статье приводим результаты только двух выборок.

1. Выборка для слова «Персия» (波斯). Был получен список из 288 элементов.

古希腊语; 阿契美尼德王朝; 萨珊王朝; 印度河; 葱岭; 巴尔干半岛; 地中海; 亚丁湾; 红海; 高加索山脉; 咸海; 波斯帝国; 希腊; 欧洲; 波斯人; 雅利安人; 巴比伦; 泰西封; 设拉子; 马什哈德; 古波斯语; 巴列维语; 居鲁士大帝; 库思老一世; 犹太人; 埃及人; 突厥人; 拜火教; 巴比伦宗教; 摩尼教; 犹太教; 印度教; 伊斯兰教; 埃兰; 米底; 底格里斯河; 达罗毗荼人; 新亚述帝国; 古波斯; 伊朗; 土耳其; 印欧语系; 伊朗高原; 亚述帝国; 王国; 帕提亚; 巴克特里亚; 格德罗西亚; 阿拉霍西亚; 锡尔河; 阿姆河; 中亚河中地区; 美索不达米亚; 粟特; 冈比西斯二世; 古埃及; 大流士一世; 印度河平原; 多瑙河; 色雷斯; 马其顿王国; 古希腊; 马拉松战役; 希波战争; 薛西斯一世; 马其顿帝国; 塞琉古帝国; 腓力二世; 小亚细亚; 格拉尼库斯河战役; 伊苏斯战役; 加沙围城战; 高加米拉战役; 大流士三世; 继业者战争; 塞琉西亚; 安条克; 丝绸之路; 孔雀王朝; 琐罗亚斯德教; 里海; 帕尼人; 米特里达梯一世; 阿拉伯海; 大夏; 罗马共和国; 安息帝国; 帕提亚人; 亚美尼亚; 阿塞拜疆; 叙利亚; 阿富汗; 大呼罗珊; 巴基斯坦; 古罗马帝国; 幼发拉底河; 帕提亚帝国; 贵霜帝国; 萨珊波斯; 阿尔达希尔一世; 天主教; 景教; 东罗马帝国; 魏晋; 魏书; 张掖; 俾路斯; 阿拉伯人; 阿富汗斯坦; 锡斯坦; 波斯都督府; 阿拉伯帝国; 四大哈里发时期; 倭马亚王朝; 阿拔斯王朝; 伊斯兰对波斯的征服; 清真寺; 阿巴斯王朝; 马蒙; 塔希尔王朝; 萨法尔王朝; 萨曼王朝; 齐亚尔王朝; 白益王朝; 伽色尼王朝; 古尔王朝; 塞尔柱帝国; 花刺子模; 奥马尔·海亚姆; 鲁拜集; 人; 大蒙古国; 伊利汗国; 费尔干纳盆地; 波斯湾; 埃米尔; 铁木

真; 拖雷; 窝阔台; 蒙哥; 绰儿马罕; 拜住; 阔里吉思; 格鲁吉亚; 罗姆苏丹国; 旭烈兀; 木刺夷; 阿尤布王朝; 帖木儿帝国; 帖木儿; 黑羊王朝; 白羊王朝; 永乐大帝; 郑和; 泰米尔语; 波斯语; 伊斯迈尔一世; 伊拉克; 什叶派; 奥斯曼帝国; 土耳其人; 乌兹别克人; 巴林; 阿夫沙尔王朝; 恺加王朝; 彼得大帝; 逊尼派; 暴动; 卡扎尔王朝; 俄罗斯帝国; 英属印度; 大英帝国; 乌兹别克斯坦; 大博弈; 德意志帝国; 礼萨·汗; 巴列维王朝; 冷战; 欧罗巴人种; 伊朗语族; 西徐亚人; 萨法维帝国; 毛拉; 阿亚图拉; 库姆; 阿舒拉; 腓尼基人; 地方自治; 迦太基; 耶路撒冷; 哈马丹; 阿拉塔薛西斯一世; 尼希米; 耶路撒冷城; 阿拉米人; 阿拉米语; 迦南; 西岸地区; 米底帝国; 埃兰人; 伊朗语; 居鲁士二世; 亚历山大大帝; 以色列王国; 埃及; 撒马利亚; 摩西五经; 国家行为; 高加索; 外交手段; 巴比伦之囚; 两河流域; 东南欧; 希腊城邦; 波希战争; 迦南人; 希腊字母; 拉丁字母; 世界文学史; 霍拉桑; 法尔斯; 楔形文字; 克尔曼沙阿; 大流士; 阿维斯陀语; 安息王朝; 列王纪; 菲尔多西; 一千零一夜; 阿拉伯文; 新都; 宫殿建筑; 不死军; 埃及神庙; 石狮; 亚述建筑; 鲁达基; 撒马尔罕; 布哈拉; 巴尔赫; 图斯; 王书; 爱国主义精神; 安萨里; 内扎米; 萨迪; 阿塞拜疆人; 蒙古人; 哈菲兹; 果园; 蔷薇园; 人道主义; 苏菲派; 阿塔尔; 苏菲主义; 文学语言; 贾米; 赫拉特; 帖木儿王朝; 古兰经; 罗马帝国; 拜占庭; 穆斯林; 领土; 米底王国; 薛西斯; 波斯建筑; 古代建筑; 神殿; 神的名字; 十叶派; 哈瓦利吉派; 穆尔吉埃派; 穆罕默德; 阿里; 伊玛目; 哈希姆家族; 安拉; 马赫迪; 十二伊玛目派; 裁德派; 伊斯玛仪派; 怀柔政策; 法老; 大祭司; 海军; 亚述人; 波斯地毯.

Термины выборки «Персия» в русском переводе: *древнегреческий язык; династия Ахеменидов; Сасанидов; Инд; Памир; Балканы; Средиземное море; Аденский залив; Красное море; Кавказские горы; Аральское море; Персидская империя; Греция; Европа; персидский; арийский; Вавилон; Ктесифон; Шираз; Мешхед; староперсидский; Пехлеви; Кир Великий; я думаю; что старую библиотеку; еврей; египтянин; турки; зороастризм; вавилонская религия; манихей; иудейство; индуизм; ислам; Элам; мидяне; р. Тигр; Дравиды; Новой Ассирийской империи; Древняя Персия; Иран; Турция; ветвь индоевропейских языков; Иранское нагорье; Ассирийская империя; королевство; парфя-*

нин; Бактрия; Гедросия (древнее название сухого горного региона на юге современного Ирана и Пакистана); Арахосия (Арахозия — эллинистическое название территории современного юго-восточного Афганистана и северного Пакистана — авестийская Харахвати. В I в. до н. э. — отдельное государство); Сырдарья; Амударья; Центрально-Азиатская Трансоксания (Маверраннахр); Месопотамия; согдийская; Камбис II; Древний Египет; Дарий I; Долина р. Инд; Дунай; Фракия; Македония; Древняя Греция; битва при Марафоне; Персидской войны; Ксеркс; Македонский империя; империя Селевкидов; Филипп II; Малая Азия; битва при Гранике; битва при Иссе; осада Газы; Битва при Гавгамелах; Дарий III; война Диодохов; Селевкия; Антиохия; Шелковый путь; империя Маурьев; зороастризм; каспийский; парны; Митридат I; Аравийское море; Великий лето; Римская республика; Парфянская империя; парфяне; Армения; Азербайджан; Сирия; Афганистан; Большой Хорасан; Пакистан; Римская империя; Евфрат; Парфянская империя; Кушанская империя; Персия Сасанидов; Ардашир I; католическая церковь; несторианский; Восточная Римская империя; Вэй Jin; «История династии Вэй» (кит. трад. 魏書; упр. 魏书; пиньинь — Wèishū; палл. — Вэй шу) — историческая хроника династий Северная Вэй (386—535) и Восточная Вэй (534—550) в Китае. Входит в число 24 книг Династических историй императорского Китая. Составлена в 551—554 гг. историком Вэй Шоу (506—572) по приказу императора династии Вэнь Сюань-ди (Северная Ци); Чжанье; арабский; Афганистан; Систан; Босфор; Арабская империя; Четыре халифа; Омейядов династия; Аббасидов; Арабское завоевание Персии; мечеть; Аббасидов; Мамун; Тахридов династия; Сафаридов династия; Саманиды; Зияридов династия; Буиды; Газневидов династия; Гуридов династия; сельджукский; Хорезм; Омар Хайям; «Рубаи»; Великая Монголия; Ильханы; Ферганская котловина; Персидский залив; эмир; Темучин; Толуй; Угэдей; Мунке; Чормаган; Байджу; Коргуз; Грузия; Конийский султанат; Хулагу; ассасины; айюбиды; династии Тимуридов; Тамерлан; Кара Коюнлу; Ак Коюнлу; император Юнгле; Чжэн Хэ (1371—1435) — китайский путешественник; флотоводец и дипломат; возглавлявший семь крупномасштабных морских военно-торговых экспедиций; посланных императорами Минской династии в страны Индокитая; Индостана; Аравийского полуострова и Восточной Африки; тамильский язык; персидский; Исмаил I; Ирак; шиизм; Османская империя;

ли·拉里贾尼; 内阁; 穆罕默德; 外交部长; 穆萨维; 侯赛因; 伊斯兰文化; 阿里·阿克巴尔·萨利希; 政党法; 政党组织; 德黑兰战斗的宗教人士协会; 迈赫迪·卡鲁比; 建设公仆党; 团结党; 文明社会; 公民投票; 阿克巴尔·哈什米·拉夫桑贾尼; 伊斯兰教义; 武装力量; 议长; 义务兵役制; 决策机构; 国防部长; 总参谋长; 准军事部队; 军种; 阿亚图拉·赛义德·阿里·哈梅内伊; 司令; 哈尼; 陆军; 装甲师; 防空部队; 黎巴嫩; 苏丹; 也门; 汉武帝; 张骞; 安息; 安世高; 沙哈鲁; 忽鲁谟斯; 阿里·阿克巴尔; 中国纪行; GDP平减指数; 经济学家; 联合国工业发展组织; 中小型企业; 石油资源; 布什尔核电站; 阿巴丹; 里亚尔; 旅游签证; 库姆; 自然环境; 史迹; 文明古国; 阿维森纳; 医典; 菲尔多西; 列王记; 萨迪; 蔷薇园; 波斯文学; 消息报; 通讯社; 新华通讯社; 伊斯兰; IR; 国徽; 矿产资源; 新月; 《古兰经》; 阿拉伯文; 安拉; 宗教领袖; 独立日; 国庆日; 开斋节; 宰牲节; 阿里; 逊尼派; 伊朗总统; 人造卫星; 信使号; 希望号; 浓缩铀; 因特网; 局域网; 清洁网络; 恰高·占比尔; 波斯波利斯; 塔赫特苏莱曼; 帕萨尔加德; 巴姆城堡; 比索通古迹; 亚美尼亚庙宇群; 波斯花园; 卡布斯拱北塔; 迪拜; 伊朗藏红花.

Термины выборки для слова «Иран» в русском переводе: *Исламская Республика Иран; каспийский; Персидский залив; Аравийское море; Пакистан; Афганистан; Туркменистан; Азербайджан; Армения; Ирак; Средний Восток; ОПЕК; электронная промышленность; атомная промышленность; Движение неприсоединения; ОПЕК; Иран; Тегеран; Мешхед; Исфахан; Табриз; Гимн Исламской Республики Иран; персидский; иранский риал; Хаменеи; Рухани; персидский; курдский; ислам; шиизм; Исламский закон; теократия; Тегеранского университета; Elland; Tigris; дравиды; ассирийский; мидяне; Древняя Персия; арийский; Новой Ассирийской империи; Турция; индоевропейский; Иранское нагорье; Кир Великий; Персидская империя; династия Ахеменидов; Дарий I; Памир; Балканы; Кавказские горы; Эфиопия; Персия; Персидской войны; Александр Македонский; Селевк; Антиохия; Селевкидов царство; Парфянская империя; Парфянская империя; парфянин; Митридат I; Малая Азия; Месопотамия; Сирия; Афганистан; Аму; Большой Хорасан; Римская империя; Евфрат; Ктесифон; Селевкия; Кушанская империя; Ардашир; Сасанидов; зороастризм; католическая церковь;*

несторианский; Восточная Римская империя; Арабская империя; царство Вэй; Вэй; Чжанье; император Тан; Систан; арабское завоевание Персии; зороастризм; мечеть; Аббасидов; Мамун; Тахир династия; Сафари́дов династия; Саманиды; Зияри́дов династия; Буиды; Газневидов династия; Гури́дов династия; сельджукский; Хорезм; Омар Хайям; сельджуки; Аральское море; Хорезмшахи; Караханиды; Центрально-Азиатская Трансоксания (Маверраннахр); Бухара; Аббасиды; халиф; Фергана; турки; Багдад; Византийская империя; Хорезм; Чингисхан; Уздей; Хулагу; эриханство; феодальная династия; тюркский; Тимур; Transoxiana; династии Тимуридов; династии Тимуридов; туркменский; Каракоюнлу; Овен династия; азербайджанцы; империя Сафавидов; Кандагар; Герат; Османская империя; афганцы; Махмуд; Хорасан; Афшар династия; Керим-хан; Шираз; каджары; Австрия; буфер; полуколонияльного; Реза-хан; Пехлеви династии; Мохаммед Реза Пехлеви; Мохаммед Моссадек; Белая революция; избирательное право; экстерриториальность; Сейед Хомейни; Исламская революция; массовое движение; военный контроль; Исламская революция Ирана; Иран — кризис с заложниками; Саддам; Ирано-иракской войны; Хатами; Ось Зла; Ахмадинежад; Казахстан; Ормузский пролив; Оманский залив; граф; возвышенность; пустынный; Кэвилл; Деште-Лут; Загрос; Хузестан; Пекин; нефть; уголь; провинция; провинция Тегеран; Чехармехаль и Бахтиария; Кум; Бойерахмади и Кохкилуе; Центральная провинция; Бушир; Казвин; провинция Фарс; Гилян; Хормозган; Ардебиль; Систан и Белуджистан; Зенджан; провинция Керман; Восточный Азербайджан; Йезд; Си-Ясай, провинция, Азербайджан; провинция Курдистан; Семнан; провинция Хамадан; Керманшах; провинция Гулистан; Илам; Лурестан; Хузестан; Керман; арабский; Bakhtiari Азери; заманить людей; Балучи; роза дамасская; Хомейни; Рафсанджани; теократия; республика; меджлис Ирана; Али Лариджани; кабинет; Мухаммед; министр иностранных дел; Муссауи; Хусейн; исламская культура; Али Акбар Салехи; Закон о политических партиях; партийная организация; Тегеран — религиозные боевые дружины; Мехди Карруби; строительство служащих партии общественного; партии единства; цивилизация; референдум; Акбар Хашеми Рафсанджани; ислам; вооруженные силы; динамик; воинская повинность; принятия решений органами; министр обороны; руководитель аппарата; военизированные силы; вооруженные силы; аятолла Сейед Али Хаменеи;

командующий; Хани; армия; бронетанковая дивизия; ПВО; Ливан; Судан; Йемен; династия Хань; Чжан Цянь (кит. трад. 張騫, упр. 张骞, пиньинь — Zhāng Qiān; ум. в 114 г. до н. э.) — китайский путешественник и дипломат, чьи исторические сведения о народах, населявших Среднюю Азию во II в. до н. э., изложены Сыма Цянем в тексте «Ши цзи» («Исторические записки»), в главе «Повествование о Давань». Историческое значение путешествий Чжан Цяня трудно переоценить. Ему удалось собрать сведения о Парфии и Индии, установить дипломатические связи между Китаем и эллинистическими государствами Азии. Благодаря его путешествиям в Китай были принесены виноград и люцерна, а со временем наладилась торговля по Великому шелковому пути [Баринова 2012: 80]); отдых в мире; Shigao; Шахрух; ормузский; Али Акбар; Китай, путевые заметки; дефлятор ВВП; экономист; ЮНИДО; малые и средние предприятия; нефтяные ресурсы; Бушерская АЭС; Абадан; риал; туристическая виза; Кум; природная среда; исторические места; древние цивилизации; Авиценна; Медицинский кодекс; Фирдоуси; Ван, запись, колонка; Саади; розарий; персидской литературы; Известия; информационное агентство; Агентство Синьхуа; ислам; инфракрасный; государственный герб; минеральные ресурсы; новолуние; Коран; арабский; Аллах; религиозные лидеры; День независимости; Национальный день; Ид; Ид

аль-Адха; Али; суннит; президент Ирана; спутниковое телевидение; обогащенный уран; Интернет; Локальная вычислительная сеть; защита коммуникационной сети; Персеполь; Тахт-е Солейман; Пасаргады; замок Бам; Храмовый комплекс Армении; Персидский сад; Кабус, башня; Дубай; иранский шафран.

Выбор обоих слов — «Персия» и «Иран» — для создания выборки терминов не случаен. До 1935 г. страна официально называлась Персия. Слова «Иран» и «Персия» не являются равнозначными. Элементы выборки на слово «Персия» отражают древнюю и средневековую историю Ирана. Выборка на слово «Иран» содержит дополнительные термины, касающиеся современной истории Ирана.

Апробация скрипта *baidubaike* показала, что с помощью инструментов прикладной лингвистики возможно осуществлять быструю выборку терминологии китайского языка по какой-либо предметной области. Полученная выборка может быть использована для составления терминологического китайско-русского тезауруса в области иранистики.

Перед тем как анализировать полученные выборки, необходимо учесть параллельную периодизацию истории китайского и персидского языков. Согласно этой периодизации, развитие и китайского, и персидского языков подразделяется на три основных периода (см. табл.).

Таблица. Этапы развития китайского и персидского языка

<p>1. Древнекитайский язык (XVIII в. до н. э. — 3 век н. э. (династии Шан, Чжоу, Цинь, Хань)).</p>	<p>1. Древнеперсидский язык. На этом языке персы и народы, входящие в состав их могущественной империи, разговаривали и писали в 2500-х гг. до н. э. — начале нашей эры. Письменность была представлена клинописью.</p>
<p>2. Среднекитайский язык (IV в. н. э. — XII век н. э. (6 династий, включая династии Тан, Сун)).</p>	<p>2. Среднеперсидский язык. На данном языке люди разговаривали в период с 500 г. н. э. до VI в. н. э. Известно, что письменностью у персов на этом этапе их исторического развития была арамейская вязь.</p>
<p>3. Новокитайский язык (XIII в. н. э. — XX в. (включая династии Юань, Мин, Цин)).</p>	<p>3. Новоперсидский язык. На данном языке персы стали общаться с VI в. н. э. Начиная с VII в. письменностью стала арабская вязь, ввиду того что Иранская империя была практически вся захвачена арабами, а население постепенно становилось мусульманским. После арабского завоевания персидская феодальная аристократия перешла на арабский язык. Старый среднеперсидский алфавит, крайне неудобный, уступил место арабскому алфавиту, для передачи звуков персидского языка совершенно не приспособленному. Таким образом, в литературу вошел нынешний персидский язык (так называемый «новоперсидский язык»), под которым понимают литературный и государственный язык современной Персии и Афганистана.</p>

Отмеченные в источниках случаи взаимодействия между среднекитайским и среднеперсидским языком связаны с волнами миграции ираноязычного населения Среднего Востока в Китай. Первая волна миграции связана с арабским завоеванием Ирана и уходом части сасанидской знати в Китай еще во времена династии Тан. Об этом времени повествуют надписи на надгробных плитах могил, выполненные на алфавите пехлеви.

Следующая волна миграции относится ко временам династии Юань и связана с уводом монголами в плен ираноязычных мастеров и специалистов из разгромленных ими государств Мавераннахра. Число мусульман в управленческих структурах династии Юань тогда было сравнительно велико. Интерес к языкам средневосточных государств в Китае во времена династии Цин связан с вхождением Синьцзяна в состав Цинской империи. Мусульманское население Синьцзяна использовало заимствования из арабского и персидского языков, и китайские чиновники должны были освоить этот пласт терминологии. В приведенных нами выборках содержатся термины, отражающие перечисленные этапы истории иранско-китайских отношений.

Можно предположить, какие факторы учитываются специалистами КНР при формировании политических подходов к современному Ирану.

1. Ираноязычные народы не входят в число крупных национальных меньшинств КНР (сарыкольские таджики СУАР (Синьцзян-Уйгурского автономного района) являются крайне малочисленной народностью).

2. Граждане КНР, исповедующие ислам (как национальные меньшинства, так и этнические китайцы-мусульмане *хуэйцзу*), преимущественно принадлежат к суннитскому направлению ислама, поэтому обширный пласт терминологии, присущий шиитскому направлению ислама, распространенному в Иране, не используется в повседневной практике китайских мусульман.

С лингвистической точки зрения полученная выборка терминов китайского языка, используемых в сфере «иранистика», может быть рассмотрена в рамках процесса, имеющего название «освоение каким-либо языком иноязычных слов в качестве терминов».

Следует отметить, что китайский язык, как и китайская цивилизация в целом, на протяжении долгого времени оставался закрытым, изолированным языком, развиваясь по своим собственным законам. Поэтому освоение слов-терминов, характеризующих иноязычные культуры, в китайском языке

происходит в соответствии с основным словообразовательными моделями китайского языка.

Бин Ли выделяет четыре основных метода освоения иноязычной терминологии в текстах на китайском языке [Ли 2016]:

1. Фонетический метод освоения, при котором образование новых слов происходит по принципу передачи звучания. В более ранние периоды развития языка фонетические способы освоения были наиболее характерны. Так, в древнекитайском языке встречаются фонетические заимствования из так называемых Западных районов (в настоящее время это автономный округ Китая Синьцзян и некоторые страны Центральной Азии, такие как Индия, Персия), а также заимствования из языков других национальностей (не ханьцы), проживающих на территории современного Китая, в частности уйгур. Что касается новоперсидского языка и сложившейся в нем терминологии самоопределения персидской цивилизации, то он подвергся значительному влиянию ислама и арабского языка.

Фонетические составы современного языка фарси, арабского языка (который является одним из языков-доноров для персидского языка) и современного китайского языка сильно разнятся: далеко не все звуки в языке-реципиенте могут в достаточно точной мере передавать фонетическую оболочку слов языка-донора. Преимущества фонетического освоения заключаются в том, что, поскольку фонетически слово похоже на слово языка-донора, оно значительно облегчает общение между представителями разных культур; фонетически освоенное слово легко воспринимается и запоминается образованными людьми, особенно людьми, владеющими языком-донором. К недостаткам фонетического освоения можно отнести трудность воспроизведения. С точки зрения произношения фонетически освоенного термина, оно не всегда является привычным и легко воспроизводимым для носителей языка-реципиента, не владеющих языком-донором.

Данная трудность характерна для китайского языка с его иероглифическим письмом, так как не существует строгих правил письменной фиксации фонетических заимствований — вполне вероятно, что для одного и того же слова будет несколько вариантов его записи иероглифами [Алексахин 2010]. С фонетической точки зрения, иероглиф китайского языка — это слог, состоящий из двух частей: инициали и финали; фонетическое заимствование, переданное таким образом, может сильно отличаться от изна-

чального слова в языке-доноре. В зависимости от используемых иероглифов сочетания согласных звуков могут быть разбиты, изменены, а некоторые звуки или даже слоги могут отсутствовать вообще. Данное явление говорит о том, что в процессе адаптации слово-заимствование должно «врасти» в язык-реципиент в соответствии с фонетическими и иными особенностями китайского языка. В китайско-иранском терминологическом взаимодействии такой широко распространенный среди буквенных алфавитных языков способ письменной фиксации освоенных слов, как транслитерация, довольно сложен. В современном китайском языке фонетические заимствования встречаются лишь в редких случаях, когда слова имеют простую фонетическую организацию и означают реалии страны, не имеющие аналога в китайском языке и культуре.

2. Семантический метод освоения предполагает появление и функционирование в языке новых понятий, передача которых осуществляется путем перевода составляющих термин частей. В процессе семантического освоения терминов трудность заключается в подборе иероглифа, наиболее точно передающего нужное значение. К преимуществам семантического освоения можно отнести:

- легкость произношения и запоминания. Так как семантически освоенное слово записывается в языке-реципиенте средствами (словами и морфемами) самого языка-реципиента, то произношение семантически освоенных терминов максимально приближено к привычной фонетической организации звуков и слогов в языке-реципиенте, следовательно, данное слово легко для произношения и запоминания носителями этого языка;

- семантическую наглядность. В силу того, что китайские иероглифы — это идеограммы, значение слова передается уже посредством значения самого иероглифа, что значительно облегчает понимание и запоминание нового слова носителями китайского языка [Горчакова 2012: 180].

К недостаткам семантического освоения относится значительное неудобство в использовании данного слова в международном общении. Как уже упоминалось выше, семантически освоенные термины наиболее легко усваиваются носителями китайского языка. Поэтому, по нашему мнению, основными «авторами» семантически заимствованной терминологии иранистики в китайском языке являются представители народности хуэйцзу (этнические мусульмане), в силу религиозной принадлежности знакомые

с реалиями стран Ближнего и Среднего Востока.

3. Полусемантический-полуфонетический метод освоения характеризуется тем, что часть термина переводится на китайский язык при помощи существующих в нем лексических единиц, а другая часть термина передает звучание, схожее со звучанием в языке оригинала.

4. Гибридный метод реализуется путем включения элементов обоих языков. Здесь звучание и значение передаются в переводе, часто используемая форма гибридной передачи слов-заимствований — это непосредственное использование элементов обоих языков. Гибридный тип заимствования также передается в переводе, например: *веляят-е-факих* — *опека факиха*.

Изучив обе выборки и полученные пары эквивалентов, мы пришли к выводу, что китайские специалисты по Ирану неизбежно испытывают определенные трудности в обработке текстов на языке фарси и во введении в научных оборот терминов иранистики. Трудности, на наш взгляд, обусловлены рядом следующих факторов лингвистического характера.

1. Способы словообразования в китайском языке отличаются от способов, принятых в персидском языке: новоперсидский язык в процессе словообразования использует все методы, характерные для индоевропейских языков (аффиксацию, основосложение). Кроме того, в ходе своего развития новоперсидский язык освоил множество терминов из арабского языка, которые построены по арабским словообразовательным моделям (глагольным породам и отглагольным существительным «масдарам»). Иероглифическая передача терминов стирает этимологию слов и не отражает их смысловой мотивировки.

2. Китайский язык принадлежит к изолирующим языкам, где слова носят односложный характер, и транслитерация многосложных терминов из языка фарси затруднена. Попытки транслитерировать иранские термины комбинацией похожих по звучанию иероглифов порождают лексическую омонимию, что затрудняет восприятие терминов специалистами.

На основании практического анализа языковых фактов мы приходим к следующим выводам.

1. Средствами прикладной лингвистики возможно быстро и эффективно произвести выборку терминологии современного китайского языка в различных предметных областях наук. Для этого целесообразно шире использовать оцифрованные и структуриро-

ванные корпуса текстов на китайском языке, в частности китайскую национальную электронную онлайн-энциклопедию «Байду Байке». Современная прикладная лингвистика предоставляет для произведения выборки ряд эффективных инструментов, в частности скрипт *baidubaikе*, написанный для языка Python, успешную апробацию которого мы провели в ходе настоящего исследования.

2. Анализ полученных нами выборок китайских терминов по предметной области «иранистика» и сопоставление этих терминов с аналогичными терминами в русском языке выявил, что в смысловом отношении терминология китайского языка по предметной области «иранистика» в целом совпадает с аналогичной терминологией русского языка. Основная масса терминологии предметной области «иранистика» в китайском языке сложилась в новейший постколониальный период истории под влиянием мировой востоковедческой науки. Своеобразие терминологии предметной области «иранистика» в китайском языке связано с самостоятельной ролью китайского востоковедения и его опорой на историю контактов с Ираном в период, предшествовавший европейским Великим географическим открытиям и попыткам колонизации Китая европейскими державами. В китайский научный язык эти термины проникли из языка этнических китайцев-мусульман хуэйцзу, и в их формировании задействованы словообразовательные методы китайского языка.

3. На формирование терминов предметной области «иранистика» в китайском языке оказывают влияние лингвистические факторы, а именно система словообразования в изолирующих языках, затрудняющая фонетическое освоение терминов из языков, имеющих богатый консонантизм и развитую систему флексий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексахин А. Н. Взаимодействие иероглифического и звукобуквенного стандартов слова китайского языка путунхуа // Вестн. МГИМО Университета. 2010. Т. 1. С. 128—135.

2. Алексеев Е. Р. Использование свободных программ в научных исследованиях // Прикладная информатика. 2009. Т. 6. С. 61—79.

3. Амирахмадиан Б., Азизи Х., Демиденко С. В., Дунаева Е. В., Евсеев В. В., Зюзин П. В., Иванов И. С., Карамидж., Кортунов А. В., Киани Д., Князев А. А., Кожанов Н. А., Лукьянов Г. В., Мамедова Н. М., Мусави Р., Паранд Ф., Саджадпур М. К., Шакиби Ж., Санаи М., Шариагиния М., Шури Т. П. В. Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития. Доклад № 29/2017. — М., 2017. 184 с.

4. Барнинова Е. В. Проблема контактов Китая с народами Центральной Азии в домонгольский период в отечественных и зарубежных исследованиях XIX—XX веков // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. Т. 3 (19). С. 76—83.

5. Белобров Ю. Я. Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности : рабочая тетр. / под ред. И. С. Иванова. — М. : Спецкнига, 2014. 72 с.

6. Гладкова Е. Л. Школы преподавания индоиранских и африканских языков // Вестн. МГИМО Университета. 2014. Т. 5 (38).

7. Гуринов М. В. Нарастание тенденций многополярности в современном глобализирующемся мире // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. Т. 4.

8. Кэ Я. Исследования политической коммуникации в Китае // Политическая лингвистика. 2011. Т. 3. С. 58—63.

9. Лексина Е. А. Ирано-китайские отношения в геополитическом треугольнике США — Иран — КНР: противоречия и перспективы // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. Т. 5. С. 56—63.

10. Ли Б. Заимствование как способ пополнения лексического состава современного китайского языка // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21 (242). С. 64—67.

11. Музыченко Ю. Ф. Энциклопедия Байду Байке: возможности исследования и преподавания китайского языка: *iproceedings* // Ломоносовские чтения. Востоковедение : тез. докл. науч. конф. (Москва, 20 апр. 2015 г.). — М. : Изд-во Москов. ун-та, 2015. С. 100—102.

12. Романова Е. А., Чернышев Е. А., Романов А. Д. Подводные силы Исламской Республики Иран // Современные наукоемкие технологии. 2014. Т. 9.

13. Сафронова Е. И. Значение гуманитарного сотрудничества стран ШОС и интересы России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19. С. 183—203.

14. Торчакова Н. В., Фомин А. Г. Проблемы адаптации фонетических и семантических заимствований в китайском языке: диахронический аспект // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2012. Т. 4. С. 178—182.

15. Scherngell T., Hu Y. Collaborative Knowledge Production in China: Regional Evidence from a Gravity Model Approach // *Regional Studies*. 2011. Т. 45, № 6. P. 755—772.

16. Wang Y.-C., Wu C.-K., Tsai R.T.-H. Cross-language and cross-encyclopedia linking using mixed-language topic model and hypernym translation // 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, ACL 2014 — Proceedings of the Conference. 2014. Т. 2. P. 586—591.

17. Zhao L., Zhang Q. Mapping knowledge domains of Chinese digital library research output, 1994—2010 // *Scientometrics*. 2011. Т. 89, № 1. P. 51—87.

B. G. Fatkulin
Chelyabinsk, Russia

TERMINOLOGY OF THE SUBJECT AREA “IRANIAN STUDIES” IN A PAIR OF LANGUAGES “RUSSIAN-CHINESE”: A PRACTICAL ANALYSIS OF LINGUISTIC FACTS

ABSTRACT. *The article aims at collecting Chinese terms used in the sphere of Iranian studies. The script «baidubaikе» was used for this purpose. On-line encyclopedia «Baidu Baikе» was the basis for sampling. The features of the terms describing the sphere of Iranian studies in Chinese are revealed with the help of comparative analysis. Chinese experts on Iran experience certain difficulties when reading the papers in Persian and introducing some Iranian terms in scientific texts. These difficulties are determined by linguistic factors. First of all, word building in Chinese is different from that of Persian language, the latter uses the same word building models as Indo-European languages (affixation, stem-composition). When a term is rendered in hieroglyph it loses its etymology and semantic motive. Secondly, Chinese is an isolating language consisting mostly of one-syllable words, that is why poly-syllabic terms in Persian are difficult to render in Chinese. The attempts to transliterate Iranian terms with the help of hieroglyphs pronounced similarly cause lexical homonymy which makes*

it difficult to comprehend the term by non-specialists. Having compared Russian and Chinese terms circulating in the sphere of Iranian studies, it was found that they have much in common. Most terms of the sphere of Iranian studies were introduced into Chinese in post-colonial period and they experienced the influence of the global oriental science. The exception are the terms borrowed from the language of the Hui people, ethnic Muslim Chinese.

KEYWORDS: *languages with different structures; terminology; Farsi; Russian language; Chinese language; word building models; comparative linguistics; Iranian studies.*

ABOUT THE AUTHOR: *Fatkulin Bulat Gilimdarovich, Candidate of Philology, Associate Professor, South Ural State University (national research university); Chelyabinsk State University; Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Aleksakhin A. N. Vzaimodeystvie ieroglificheskogo i zvukobukvennogo standartov slova kitayskogo yazyka putunkhua // Vestn. MGIMO Universiteta. 2010. T. 1. S. 128—135.
2. Alekseev E. R. Ispol'zovanie svobodnykh programm v nauchnykh issledovaniyakh // Prikladnaya informatika. 2009. T. 6. S. 61—79.
3. Amirakhmadian B., Azizi Kh., Demidenko S. V., Dunaeva E. V., Evseev V. V., Zyuzin P. V., Ivanov I. S., Karami Dzh., Kortunov A. V., Kiani D., Knyazev A. A., Kozhanov N. A., Luk'yanov G. V., Mamedova N. M., Musavi R., Parand F., Sadzhadpur M. K., Shakibi Zh., Sanai M., Shariatinia M., Shuri T. P. V. Partnerstvo Rossii i Irana: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya. Doklad № 29/2017. — M., 2017. 184 s.
4. Barinova E. B. Problema kontaktov Kitaya s narodami Tsentral'noy Azii v domongol'skiy period v otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniyakh XIX—XX vekov // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2012. T. 3 (19). S. 76—83.
5. Belobrov Yu. Ya. Sovremennye rossiysko-iranskie otnosheniya: vyzovy i vozmozhnosti : rabochaya tetr. / pod red. I. S. Ivanova. — M. : Spetskniga, 2014. 72 s.
6. Gladkova E. L. Shkoly prepodavaniya indoiranskikh i afrikanskikh yazykov // Vestn. MGIMO Universiteta. 2014. T. 5 (38).
7. Gurin M. V. Narastanie tendentsiy mnogopolyarnosti v sovremennom globaliziruyushchemsya mire // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. 2012. T. 4.
8. Ke Ya. Issledovaniya politicheskoy kommunikatsii v Kitae // Politicheskaya lingvistika. 2011. T. 3. S. 58—63.
9. Leksina E. A. Irano-kitayskie otnosheniya v geopoliticheskom treugol'nike SSHA — Iran — KNR: protivorechiya i perspektivy // Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy. 2015. T. 5. S. 56—63.
10. Li B. Zaimstvovanie kak sposob popolneniya leksicheskogo sostava sovremennogo kitayskogo yazyka // Nauchnye vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2016. T. 21 (242). S. 64—67.
11. Muzychenko Yu. F. Entsiklopediya Baydu Bayke: vozmozhnosti issledovaniya i prepodavaniya kitayskogo yazyka: inproceedings // Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie : tez. dokl. nauch. konf. (Moskva, 20 apr. 2015 g.). — M. : Izd-vo Moskov. un-ta, 2015. S. 100—102.
12. Romanova E. A., Chernyshev E. A., Romanov A. D. Podvodnye sily Islamskoy Respubliki Iran // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2014. T. 9.
13. Safronova E. I. Znachenie gumanitarnogo sotrudnichestva stran ShOS i interesy Rossii // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. 2014. T. 19. S. 183—203.
14. Torchakova N. V., Fomin A. G. Problemy adaptatsii foneticheskikh i semanticheskikh zaimstvovaniy v kitayskom yazyke: diakhronicheskiy aspekt // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. 2012. T. 4. S. 178—182.
15. Scherngell T., Hu Y. Collaborative Knowledge Production in China: Regional Evidence from a Gravity Model Approach // Regional Studies. 2011. T. 45, № 6. P. 755—772.
16. Wang Y.-C., Wu C.-K., Tsai R.T.-H. Cross-language and cross-encyclopedia linking using mixed-language topic model and hypernym translation // 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, ACL 2014 — Proceedings of the Conference. 2014. T. 2. P. 586—591.
17. Zhao L., Zhang Q. Mapping knowledge domains of Chinese digital library research output, 1994—2010 // Scientometrics. 2011. T. 89, № 1. P. 51—87.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.31.00

Код ВАК 10.02.01

О. С. Иссерс, Н. В. Орлова
Омск, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ПОНЯТИЯ «ВОВЛЕЧЕНИЕ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

АННОТАЦИЯ. На примере понятия «вовлечение в экстремизм» показано, что исследование устных текстов, спорных с точки зрения наличия в них экстремистского содержания, может проводиться на основе нестандартных вопросов к специалисту-лингвисту, если стандартные (типовые) вопросы, обычно задаваемые по делам об экстремизме, не позволяют выяснить суть дела. Лингвистическое описание в этом случае выполняет функцию первичного метатекста, содержащего сведения для его дальнейшей интерпретации на основе специальных лингвистических знаний. В формулировке вопросов к специалисту-лингвисту не рекомендуется включать юридически определяемые термины — например, такие, как «призыв» или «экстремизм». Поэтому понятие экстремистской деятельности обычно раскладывается в них на семантические компоненты термина и его толкований в комментариях к законам, в результате чего используются выражения, определяемые в границах общелитературного языка. К ним относятся «негативная оценка действий представителей отдельных национальностей», «информация об исключительности, превосходстве либо неполноценности граждан по признаку их отношения к какой-либо национальной принадлежности», «причинно-следственная связь между неблагополучием в прошлом, настоящим и будущем представителей одной национальности, расы, религии и существованием, действиями представителей другой национальности, расы, религии» и некоторые другие. В анализируемом материале лингвистическими коррелятами понятия «вовлечения в экстремизм» являются разноуровневые прямые, косвенные, имплицитные средства выражения смыслов 'побуждение', 'совместные действия', 'группа лиц', 'план', 'перемещение людей'.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремизм; лингвистическая экспертиза; экстремистская деятельность; лингвистические корреляты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55а; e-mail: isserso@mail.ru.

Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55а; e-mail: nvorl@rambler.ru.

Задача «взаимной адаптации лингвистического и юридического понятийно-методологического аппарата, установления прямых корреляций между фактами языка и фактами права» [Осадчий 2012: 3] остается актуальной для специалистов в ситуации, когда одна сторона формулирует вопросы по спорному тексту, другая проводит его исследование. К настоящему времени выработаны ограничения на используемый в этом дискурсе лексикон. В частности, в формулировке вопросов к специалисту-лингвисту не рекомендуется включать юридически определяемые термины — например, такие как «призыв» или «экстремизм». Поэтому понятие экстремистской деятельности обычно раскладывается в них на семантические компоненты термина и его толкований в комментариях к законам (ФЗ № 114, статья 280 УК РФ, статья 282 УК РФ), в результате чего используются выражения, определяемые в границах общелитературного языка. К ним относятся «негативная оценка действий представителей отдельных национальностей», «информация об исключительности, превосходстве либо неполноценности граждан по признаку их отношения к какой-либо национальной принадлежности», «причинно-следственная связь между неблагополучием в прошлом, насто-

ящем и будущем представителей одной национальности, расы, религии <...> и существованием, действиями представителей другой национальности, расы, религии <...>» и некоторые другие. Практика подобных запросов отражена в междисциплинарных изданиях для экспертов, в частности в коллективной монографии [Исследование и экспертиза экстремистских материалов 2011]. Тот факт, что обозначенные таким образом смыслы перенесены из юридических текстов, не препятствует, а, наоборот, содействует искомой взаимной адаптации. Лингвист при этом работает с речевым материалом в пределах своей компетентности, а его выводы отвечают ожиданиям правоприменителя, так как являются готовыми ответами «по частям» на невербализованный запрос о наличии либо отсутствии в исследуемых текстах указаний на экстремистскую деятельность их авторов (говорящих).

Представляется, однако, что типовые вопросы, включающие вышеперечисленные и подобные выражения, не всегда позволяют выяснить суть дела, особенно если объектом исследования является устный межличностный дискурс. Характер смыслообразования в нем может потребовать особого внимания к косвенным формам передачи информации, а также к таким отраженным в

текстах референтным ситуациям, которые не соответствуют конкретному «пункту» из перечня видов экстремистской деятельности. С точки зрения лингвиста особенностям материала может отвечать вербализация в вопросах и ответах фреймов, сценариев, понятий, интенций, являющихся по отношению к вышеназванным (типовым) смысловым компонентам экстремистской деятельности разного рода смежными когнитивно-прагматическими образованиями — категориями иного уровня абстракции, семантическими и прагматическими пресуппозициями и т. д. Юристов такая переориентация не всегда устраивает по причине того, что исследование не приводит к «готовым ответам». На наш взгляд, валидность лингвистического описания естественной речи (текста) в ряде случаев состоит в создании информативного метатекста, вторичная интерпретация которого правоприменителем на основе его специальных знаний переводит ситуацию в плоскость права. Данная позиция согласуется с концепцией К. И. Бринёва, рассматривающего лингвистическую экспертизу как «действие, которое направлено на установление фактов, имеющих значение для разрешения того или иного дела» [Бринев 2013: 5].

Продемонстрируем сказанное на примере решения вопроса о наличии / отсутствии в дискурсе X. речевых признаков «вовлечения в экстремизм» (соответствующая прикладная задача ставилась перед авторами статьи в рамках производства лингвистической экспертизы). Актуальность предметной области исследования подтверждается целым рядом источников из сферы правоведения и политологии [Авдеев 2013; Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы 2010].

Методами исследования явились семантико-прагматический анализ слов и высказываний; когнитивно-семантический анализ фрагментов дискурса (коммуникативных ходов, диалогических обменов, речевых событий).

Пропозитивный смысл действия 'вовлечь' включает предикатный компонент '*побуждать*' и актантный компонент 'к участию в чем-л.' [Ефремова URL]. В свою очередь, 'участие в чем-либо' является включенной пропозицией с содержанием 'совместное с кем-то *действие*', что предполагает наличие *группы лиц*, к которой вовлекаемый (пациент) должен примкнуть, по замыслу субъекта вовлечения (агенса). Семантической предпосылкой вовлечения является отнесенность совместного действия к *будущему* по отношению к точке отсчета — побуждению. Таким образом, намечается схема, за-

дающая параметры анализа материала: побуждение (есть / нет?) → к действиям (какого характера?) → вместе с группой лиц (кто они?), → осуществляемых по плану (план существует? какой именно?).

На основе указанных смысловых компонентов, а также с учетом предварительного знакомства с речевым материалом заказчик совместно с экспертами сформулировал ряд вопросов.

С компонентом (а) 'побуждение' коррелируют вопросы о целях говорящего X., выраженных как во всем комплексе высказываний, образующих дискурс конкретного лица, так и в конкретных высказываниях; вопросы о целях уточняются упоминанием *убеждения, уговоров, указания, совета* как предполагаемых конкретных целей X.

Компонент (б) 'действие' запрашивается в формулировках, включающих слова и выражения *отъезд и присоединение к ИГИЛ*, преступления, убийства, причинение вреда здоровью*.

Компонент (в) 'группа лиц' соотносится с вопросом о смысловом содержании слов *«братья»* и *«гнездо»* в дискурсе X. и о том, можно ли по определенным фрагментам дискурса судить о референтной соотнесенности *«братьев»* со сторонниками ИГИЛ*. См. контексты этих слов: *У меня еще один вариант есть через Тунис, может через Тунис поедем, там тоже наши братья есть; Если б они [речь идет о правоохранительных органах] об этом узнали, они бы разрушили наше гнездо*. Аналогичные примеры будут приведены ниже.

Наконец, компонент (г) 'отнесенность совместного действия к будущему' стал поводом для вопросов о *планировании* действий и о том, какие именно действия *планируются*.

При анализе материала с точки зрения компонента (а) важно не только выявить высказывания, входящие в «базовый список побудительных речевых актов» [Петрова 2008: 132], но и учесть косвенно выраженную побудительность [Функционально-типологические аспекты анализа императива 1990; Иосифова 2006]; последняя, согласно теории речевого воздействия, может пересекаться с оценочной стратегией, выражаться в виде аргументативных блоков дискурса и т. д. [Иссерс 2008].

Особого комментария требуют вопросы, ориентированные на компонент (б). Характер действия — один из важнейших критериев экспертной оценки текста, о чем свидетельствует практика описания и квалификации потенциальных призывов к экстремистской деятельности. Согласно авторитетной

методике анализа таких текстов, изложенной в работе [Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму 2011: 22—23], «образ способа совершения действия» является критерием выраженности в текстах «экстремистского» значения. Что касается анализируемого материала, то одним из действий, к которому наиболее регулярно побуждает собеседников Х., является передвижение на не называемую им прямо территорию. Само по себе передвижение не подлежит ни правовой, ни какой-либо другой оценке, но восстановление всего фрейма передвижения, включая конечную точку маршрута («цель» в терминологии семантических ролей) релевантно для реконструкции деятельности Х.

Компонент (в) иллюстрирует необходимость специального анализа слов, имеющих дискурсообразующее значение, — установления их особенного сигнификата и референции в дискурсе.

Компонент (г) позволил в ответах на вопросы исчислить все совместные действия Х. и его собеседников, которые Х. вводит в дискурс как планируемые.

Компоненты (а) и (б) отражены в вопросе со следующей формулировкой: «Содержится ли в представленных фрагментах телефонных разговоров прямое либо косвенное обозначение говорящим своих коммуникативных целей, а именно убеждения, уговоров собеседника в необходимости отъезда и присоединения к ИГИЛ*»? Ответ на него (в сокращенном виде) представлен далее как пример, демонстрирующий неоднородность значимых для ответа речевых фактов. Ограничившись здесь демонстрацией описания отдельных коммуникативных ходов и обменов (не затрагивая уровня стратегий), констатируем возможность аспектировать материал по следующим основаниям: семантика — прагматика; прямые — косвенные репрезентанты значений; лингвистический — нелингвистический характер информации (соответственно, возможность — невозможность применения специальных знаний лингвистами-экспертами).

Отмечено, в частности, следующее:

1) Х. прямо обозначает собеседнику свою цель как уговоры уехать в предстоящем разговоре с третьим лицом: Х. — *Завтра «Р» приедет, я его тоже уговорю, чтобы он с нами уехал.* Пресуппозиция (см. *тоже*) указывает, что Р. не единственный, кого Х. уговорил (собирается уговорить) уехать;

2) Х. дает ИГИЛ* косвенную положительную оценку. В одном из обменов репликами

Х. устанавливает кореферентность аббревиатуры «ИГИЛ*» и ценностно окрашенного выражения «наши братья». На вопрос собеседника: «В Египте есть наши братья?» — Х. отвечает: «Да, конечно, в Египте тоже есть ИГИЛ*». Выражение «наши братья» указывает на единомышленников, «братьев» по вере, о чем подробнее говорится в ответе на специальный вопрос. В форме компаратива положительно характеризуется ИГИЛ* (в реплике «ИГ*»), действующее на территории Сирии: *Когда пришел ИГ*, христиане платят джизу [религиозный налог]... Или принимай ислам, или плати джизу, или мы будем с вами воевать. Христиане, кто платит джизу, их никто не трогает, при Асаде было хуже;*

3) Х. сочувственно цитирует президента Турции, который прибытие в Сирию характеризует как «помощь своим братьям»: *Президент Турции хороший... Президент [Турции] одно время говорил, езжайте в Сирию, помогайте своим братьям;*

4) конечная точка маршрута в диалоге Х. и его собеседника обозначается «к братьям»: С. — *Как получишь деньги, сразу возьми двух русских девушек и скажем им, что на отдых полетим, и с ними пересечем границу под видом туристов, а сами к братьям поедем, я очень сильно здесь устал.* — Х. — *Да, брат, так и надо делать, это очень хороший вариант;*

5) используется абстрактная лексика «там», «туда». Местонахождение «там», «туда» ассоциируется с военными действиями: Х. — *Я <...> сказал, я там себя тоже буду беречь, 2—3 бронжилета буду одевать, каску одевать;*

6) конечная точка маршрута обозначается различными косвенными средствами: *скоро закроют границу; чтобы доехать туда, нужно 150 000 рублей; надо российский паспорт взять, в городе N. есть человек, который сделает поддельный паспорт; сейчас на границе много подстав, тебе скажут приезжай сюда, мы тебе поможем пересечь границу, а это на самом деле нештатные сотрудники ФСБ, после приезда тебя задерживают; На границе в Турции, там не братья ждут, там ФСБ; Он едет через Таджикистан, а нам лучше ехать через Турцию; У меня еще один вариант есть через Тунис, может через Тунис поедем, там тоже наши братья есть;*

7) из фрагментов (3—6) следует возможность реконструировать фрейм 'передвижение людей' с заполненными слотами 'географическое положение конечной точки маршрута', 'военные действия в конечной точке маршрута', 'цель перемещения', 'препят-

ствия на пути' и др.

В выводах по вопросу отмечается, что Х. в прямой форме обозначает свою цель — уговоривать разных лиц уехать с ним и другими лицами в не называемом прямо направлении (1). При сопоставлении фрагментов устанавливаются смысловые связи между ситуациями «уговорю ехать с нами», «ехать к братьям», «ИГИЛ* — братья» (2, 3, 4). Сирия как конечная точка маршрута называется в цитате из речи президента Турции (3). В ряде случаев место назначения указывается косвенно. В стране, о которой идет речь, идут военные действия (5). Это не Таджикистан, не Турция, не Тунис, но место, куда можно попасть через эти страны (6). Представленные фрагменты в их совокупности не исключают того, что Х. выражает намерение в предстоящем разговоре уговорить собеседника уехать с ним и другими (неназванными) лицами, чтобы присоединиться к ИГИЛ*.

Последнее суждение представляет собой инференцию на основе экстралингвистических знаний обычного человека и по этой причине, согласно общепринятым представлениям о границах компетентности эксперта-лингвиста, не имеет права на включение в текст исследования, хотя бы и в модальности «не исключено». Однако, во-первых, специалисты по семантике все чаще говорят о зыбкости границ между лингвистическим и нелингвистическим знанием, а во-вторых, и это важнее в данном случае, выявленные сведения окололингвистического характера полезны для тех, «кто понимает». Отсюда следует, что прямые корреляции между фактами языка и фактами права как декларируемый идеал взаимодействия специалистов разных областей могут и должны рассматриваться наряду с корреляциями более сложной природы.

Представленный в статье материал дает возможность говорить о следующих лингвистических коррелятах понятия права «вовлечение в экстремизм». Сообщения Х. о характере его речевых действий (*тоже уговорю*); его оценки ИГИЛ* (*ИГИЛ* — наши братья; Когда пришел ИГ*... — ...при Асаде было хуже*), одобрение стремления собеседника уехать (*так и надо делать*) являются **прагматическими коррелятами** понятия 'вовлечение', причем значительная доля прагматических средств — косвенные. 'Отъезд' как один из компонентов деятельности, в которую Х. вовлекает собеседников, прямо выражен **коррелятами на уровне семантики высказываний** — пропозициями движения, перемещения. 'Присоединение к ИГИЛ' как цель отъезда и собственно

«экстремистское» значение **не выражено языковыми знаками**: его лингвистическими коррелятами являются разного рода **номинативы**, заполняющие в дискурсе Х. обязательные и факультативные слоты **фрейма 'перемещение людей на некую территорию'**. Адекватная интерпретация выражений, представленных в лингвистическом описании как слоты фрейма 'перемещение людей на некую территорию', может осуществляться носителем фоновых знаний о мерах предупреждения экстремизма и терроризма. Иначе говоря, чтобы установить референцию к конечной точке и цель движения, требуется определенный объем профессиональных фоновых знаний сотрудников специальных служб. Вывод более общего характера состоит в том, что лингвистическими методами из текстов извлекаются нетривиальные сведения, значимые для решения вопроса о наличии/отсутствии в них признаков экстремизма, но не тождественные семантическим компонентам термина «экстремизм», эксплицированным в юридических текстах. Решение вопроса, формулируемое на языке закона, в этом случае остается за правоприменителем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ю. И. Экстремизм в современной России: основные тенденции и проблемы противодействия // Вестн. Москов. гос. обл. гуманитар. ин-та. Серия: история, философия, политология, право. 2013. № 1. URL: <http://ggtu.ru/smi/vestnik/Vestnik%20Философия%201%20%282013%29.pdf> (дата обращения: 16.05.2017).
2. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. — М.: Либроком, 2013. 200 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/247899/>.
4. Иосифова В. Е. Употребительность в естественном диалоге прямых и косвенных речевых актов, выражающих побуждение (на материале устной речи жителей г. Калуги). К проблеме изучения языка города: дис. ... канд. филол. наук / Калуж. гос. пед. ун-т. — Калуга, 2006. 192 с.
5. Исследование и экспертиза экстремистских материалов / СибАНС; под науч. ред. Л. В. Савинова. 2-е изд., доп. и перераб. — Новосибирск, 2011. 357 с.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: УРСС: ЛКИ, 2008. 288 с.
7. Осадчий М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2012. 73 с.
8. Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 3. С. 124—133.
9. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. — М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 330 с. URL: <http://www.rusexpert.ru/public/guide/6.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).
10. Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский (отв. ред.). — Л.: Наука, 1990. 367 с.
11. Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. — М.: Криминологическая ассоциация, 2010. 530 с.

O. S. Issers, N. V. Orlova
Omsk, Russia

LINGUISTIC CORRELATES OF THE CONCEPT "ENGAGEMENT IN EXTREMIST ACTIVITY"

ABSTRACT. *Based on the concept "engagement in extremist activity" the paper argues that oral texts, which are supposed to be extremist by some scholars, may be analyzed with the help of unusual questions to the expert in linguistics, if ordinary (typical) questions, often asked in the cases concerning extremism, don't help to solve the case. Linguistic description has the function of primary metatext, which has information necessary for its further interpretation on the basis of non-linguistic knowledge. It is recommended that the questions didn't include legal terms, for example "plea" or "extremism". The concept of extremist activity is usually studied from the point of view of its semantic components and their interpretation in the law, it results in the use of phrases belonging to literary language. They include "negative evaluation of activity of some national minorities", "superiority or inferiority of some nationalities", "cause and effect correlation between problems in the past, present or future of one nationality, race or religion and the actions of the other nationality, race or religion", and some others. The analyzed material showed that linguistic correlates of "engagement in extremist activity" are direct, indirect or implicit means of expression of "motive", "cooperation", "a group of people", "plan", "movements of people".*

KEYWORDS: *extremism; linguistic expertise; extremist activity; linguistic correlates.*

ABOUT THE AUTHORS: *Issers Oksana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dean of the Faculty of Philology and Media Communications, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.*

Orlova Natalia Vasilyevna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, Slavic and Classical Linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

REFERENCES

1. Avdeev Yu. I. Ekstremizm v sovremennoy Rossii: osnovnye tendentsii i problemy protivodeystviya // Vestn. Moskov. gos. obl. gumanitar. in-ta. Seriya: istoriya, filosofiya, politologiya, pravo. 2013. № 1. URL: <http://ggtu.ru/smi/vestnik/Vestnik%20Filosofiya%201%20%282013%29.pdf> (data obrashcheniya: 16.05.2017).
2. Brinev K. I. Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize. — M. : Librokom, 2013. 200 s.
3. Efremova T. F. Novyy tolkovo-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/247899/>.
4. Iosifova V. E. Upotrebiteľnost' v estestvennom dialoge pryamykh i kosvennykh rechevykh aktov, vyrazhayushchikh pobuzhdenie (na materiale ustnoy rechi zhiteley g. Kalugi). K probleme izucheniya yazyka goroda : dis. ... kand. filol. nauk / Kaluzh. gos. ped. un-t. — Kaluga, 2006. 192 s.
5. Issledovanie i ekspertiza ekstremistskikh materialov / SibANS ; pod nauch. red. L. V. Savinova. 2-e izd., dop. i pererab. — Novosibirsk, 2011. 357 s.
6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : URSS : LKI, 2008. 288 s.
7. Osadchiy M. A. Publichnaya rechevaya kommunikatsiya v aspekte upravleniya pravovymi riskami : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Kemerovo, 2012. 73 s.
8. Petrova E. B. Katalogizatsiya pobuditel'nykh rechevykh aktov // Vestn. VGU. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». 2008. № 3. S. 124—133.
9. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. — M. : RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2011. 330 s. URL: <http://www.rusexpert.ru/public/guild/6.pdf> (data obrashcheniya: 15.05.2017).
10. Funktsional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nykh predlozheniy / L. A. Biryulin, V. S. Khrakovskiy (otv. red.). — L. : Nauka, 1990. 367 s.
11. Ekstremizm: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy / pod red. prof. A. I. Dolgovoy. — M. : Kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2010. 530 s.

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'44:81'3'73
ББК Ш104+Ш105.3

ГСНТИ 16.21.47

Код ВАК 10.02.19; 10.02.21

О. О. Борискина
Воронеж, Россия
А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

ЕДИНА ЛИ ЕВРОПА ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ?

АННОТАЦИЯ. Рецензия на книгу: «Единство Европы по данным лексики»: монография / А. А. Кретов, О. М. Воеводская, И. А. Меркулова, В. Т. Титов. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. — 412 с. Рассматриваемая монография представляет собой своего рода итог обширного научного проекта, в основе которого — количественное обоснование лексического единства тридцати пяти европейских языков. Доказано, что в зеркале «ядерных» эксклюзем центром и доминантой ментального пространства Европы являются германские языки, при этом для германского ареала центром являются английский и датский. Полученные данные о синонимии, полисемии и других связях в лексике европейских языков позволили установить зависимости между словарем народа и его национальным характером, включая систему его ценностей (аксиологем). Определено, что объединяющим все языки и культуры Европы смыслом является 'удар', входящий в значения многих слов (как существительных, так и глаголов) и представленный максимальным количеством пар условно эквивалентных слов в языках Европы. Предложено объяснение, почему абстрактные понятия являются самой выразительной частью лексической семантики среднеевропейского стандарта (СЕСта).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическое единство; европейские языки; лексическая типология; параметрический анализ; лексикология; лексические единицы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Борискина Ольга Олеговна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет; 394036, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, к. 15; e-mail: olboriskina@gmail.com.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Группа ученых Воронежского государственного университета установила, какие ядерные лексические значения (смыслы) объединяют (являются общими) мировидение и миропонимание народов Европы, проведя уникальное по масштабности исследование лексики 35 государственных языков Европы. Результаты научной работы нашли отражение в монографии «Единство Европы по данным лексики».

Многолетний проект Воронежской лексико-типологической научной школы под руководством проф. А. А. Кретова был направлен на количественное обоснование лексического единства языков разных семей и типов, что, на первый взгляд, кажется невозможным. Однако методология, апробированная при исследовании отдельных групп языков (романских, германских, славянских) [Кретов, Меркулова 2008; Кретов, Меркулова, Титов 2011; Меркулова 2012; Кретов, Воеводская, Меркулова, Титов 2016] и затем примененная к анализу данных других европейских языков, позволила сделать невозможное возможным. В основе авторской методологии лежит метод *параметрического анализа лексики*, основанный на «замерах» системных параметров лексики (количества значений у слова, вхождения его в синонимические ряды и др.), отражаемых в словарях разных типов. Данный метод служит наиболее объективным инструментом выделения подмножества

наиболее важных элементов лексической системы языка — ядра его лексики.

Говорить об актуальности проведенного исследования излишне. Очевидно, единство Европы — «на грани нервного срыва». Осмысление лингвистического единства можно трактовать по-разному. Можно использовать вывод о гегемонии германского языкового союза в политических целях, можно политически оценить масштаб единства всех европейских стран, можно просчитать масштаб потерь после выхода Великобритании из Евросоюза, можно переосмыслить роль единственной страны, которая заявила английский в качестве государственного (Ирландия заявила ирландский язык, Мальта — мальтийский язык) и которая вышла из Европейского союза.

Теоретическая значимость проделанной работы видится нам в первую очередь в том, что в результате научного поиска воронежским лингвистам удалось заложить основы и создать предпосылки для формирования нового раздела теоретической лингвистики — лексико-семантической макротипологии языков как части лингвистической типологии. Следующим шагом в разработке указанной проблематики могут быть аналогичные исследования языков Азии, Африки, коренного населения Америки и Австралии.

Исследование основывалось на данных двуязычных словарей, поскольку «идея

В. фон Гумбольдта о тождественности духа народа и его языка в максимальной степени справедлива применительно к словарю». Словарь способен выступать как неполное, несовершенное, небезукоризненное, подчас кривое, но всё же зеркало, по-своему отражающее образ народа — носителя данного языка. Полученные данные о синонимии, полисемии и других связях в лексике дают возможность искать *зависимости* между словарем народа и его национальным характером, включая систему его ценностей (аксиологем). При этом авторская интерпретация качественных и количественных данных содержит резерв обобщения. Объяснения полученных результатов лежат в основном в зоне гипотез. Смелые или максимально взвешенные гипотезы дают пищу для ума не только типологам и антропологам, но и социологам, историкам, политикам.

Так, например, представляется любопытным выявленное *противоречие греческой ментальности*: самостоятельная независимость как качество отдельной личности и культурная аксиологема соборности как единства в многообразии. Оппозиция 'Автономность vs. Соборность' разрешается через добровольное принятие личностью идеала соборности, когда осуществление соборности становится волей и стремлением независимой самостоятельной личности. Таким образом, «разрешением основного противоречия греческой ментальности является *соборная личность*». К соборности примыкают и другие ценности православия: покой, порядок, стабильность, справедливость, героизм, разум, память, свет, огонь, общение, семья, скромность.

Настоящим открытием оказалось то, что все языки и культуры Европы объединяет смысл 'удар', красной нитью проходящий через значения многих слов (как существительных, так и глаголов) и представленный максимальным количеством пар условно эквивалентных слов в языках Европы.

Еще одним важным достижением проекта стало количественное подтверждение умозрительного предположения Б. Л. Уорфа о преобладающей роли абстрактных понятий в языковой картине мира: на их долю приходится 59 % всех случаев. Это и не удивительно: духовный мир человечества значительно разнообразнее, чем материальный. На втором месте — тела, принадлежащие природе (37 %). На долю четырех первостихий приходится 4 %. Но авторы этим не ограничились. Они в простой и доступной форме объясняют, почему абстрактные понятия являются самой выразительной частью лексической семантики

среднеевропейского стандарта (СЕСта). Объяснение кроется в том, что с типологической точки зрения абстрактные понятия представляют собой грамматику семантики и, таким образом, являются своего рода соединительным звеном между грамматической (аффиксальной) и лексической (корневой) семантикой. Кроме того, попытка систематизации объединяющих все языки Европы смыслов, представленных в абстрактных понятиях, представлена в книге тремя множествами. *Первое* (хронотопное) множество составляют значения 'время', 'пространство' и синтезирующее их 'движение' (время измеряется событиями, а событием является перемещение в пространстве). *Второе* множество составляет мерология — отношение «часть — целое», накладываемое на все тела (понимаемые как оформленная субстанция, т. е. единство субстанции и формы). Например, голова, руки, ноги и т. д. — части человеческого *тела*, которое, в свою очередь, является частью человека, если понимать его как единство *души и тела*. А человек является частью семьи, толпы, народа, человечества. В общем виде это можно сформулировать так: целое предыдущего уровня обычно является частью последующего. *Третье* множество составляют признаки (тел и субстанций): эталонные (т. е. предполагающие наличие эталона) или нормированные (т. е. предполагающие наличие нормы как признака типа «слабый/сильный»), оценочные универсальные, относительные, субъективные или конкретные. Любопытно, что в языках Европы форма, которая в рамках данной теории трактуется как один из признаков тел, характеризует преимущественно округлые тела (что для индоевропейской культуры, ассоциируемой, в частности, с изобретением колеса, по-своему закономерно).

Также было установлено, что среднеевропейский языковой стандарт на 92 % антропоцентричен. Растения, животные и предметы в СЕСт берутся исключительно в их отношении к человеку и в общей сложности составляют 8 % пар рассмотренных значений. Умножение смысла 'человек' на абстрактную переменную 'контейнер' логически порождает концепт 'дом — контейнер для человека' (с. 379).

Самым важным результатом исследования является вывод о том, что в зеркале «ядерных» эксклюзем центром и доминантой ментального пространства Европы видятся германские языки, обладающие беспрецедентной внутренней сплоченностью, в 4 раза превышающей внутреннюю сплоченность славянских языков, и высокой ат-

трактивностью: вне их влияния оказался всего один язык из 26 возможных — португальский.

Анализ эксклюзивных семем (эксклюзем) и анализ аттрактивности (притягательности) каждого из языков в лексико-семантическом пространстве Европы позволил установить, что германские языки демонстрируют еще одну закономерность: языки, расположенные на островах (английский, исландский, фарерский), полуостровах (датский, норвежский, шведский) и в гористой местности (верхненемецкие говоры), обладают большей аттрактивностью, чем языки, расположенные на равнине (нижненемецкие говоры, фризский, нидерландский) и контактирующие с другими языками. По силе аттрактивности германские языки противопоставлены остальным языкам Европы. Хотя германские языки составляют всего 9 из 35 государственных языков Европы, т. е. чуть больше 1/4, на их долю приходится более 3/4 эксклюзем.

Таким образом, картина лингвокультурного пространства Европы получается следующая: к ядру (германские языки) примыкают некоторые славянские (белорусский, словацкий, польский, македонский), финно-угорские (венгерский, эстонский), балтийские (латышский), балканские (албанский, турецкий) и один язык (каталанский) из романской

группы. Несколько неожиданным результатом является то, что для германского ареала центром являются *английский* и *датский*. В свете истории этот результат представляется не столь удивительным: лексико-семантическая система языков в своем ядре устойчива и хранит память о прошлом.

Данное исследование будет интересно не только лингвистам, но и политологам, социологам и всем, использующим статистические методы в науке. Оно позволит узнать, как были выделены и взвешены значения, объединяющие ядерную лексику 35 языков Европы, как классифицировались эти значения, как создавалась модель описания лексической составляющей СЕСТа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А. А., Меркулова И. А. Динамика и устойчивость в лексической системе славянских языков // Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов (динаміка і стабільність лексических і словообразовательных систем славянских языков). Тематичний блок. XIV Міжнародний з'їзд славістів. 2008. С. 39—65.
2. Кретов А. А., Меркулова И. А., Титов В. Т. Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 52—65.
3. Меркулова И. А. Уникальное в лексических ядрах славянских языков // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 160—164.
4. Кретов А. А., Воевудская О. М., Меркулова И. А., Титов В. Т. Единство Европы по данным лексики : моногр. — Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. 412 с.

O. O. Boriskina

Voronezh, Russia

A. P. Chudinov

Ekateinburg, Russia

IS EUROPE UNITED? AS JUDGED BY ITS VOCABULARY

ABSTRACT. This is a review of the book “The Unity of Europe in the Light of Lexis” by A. A. Kretov, O. M. Voevudskaya, I. A. Merkulova, V. T. Titov. Voronezh : VSU, 2016. — 412 p. This monograph is the result of the profound scientific project devoted to the quantitative analysis of thirty five European languages and scientific justification of the their lexical unity. It has turned out that the languages of the German family are at the core of the European mental space with English and Danish being the centre of the areal. The data concerning synonymy, polysemy and other lexical links of the languages of Europe have enabled the researchers to explicate the dependencies between the word stock the speakers of a language use on the one hand and the national identity including the axiologems of the speaking community on the other. The research shows that the concept most frequently represented with the maximum of equivalent pairs of words (nouns or verbs) in all European languages under consideration is ‘beat’. The explanation to the Whorfian hypothesis, why the abstract concepts are the most representative part of the lexical semantics of the ‘Standard Average European’ has been provided in the book under review.

KEYWORDS: *lexical unity; European languages; lexical typology; parametric analysis; lexicology; lexical units.*

ABOUT THE AUTHORS: *Boriskina Olga, Doctor of Philology, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department, Voronezh State University; Voronezh, Russia.*

Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Kretov A. A., Merkulova I. A. Dinamika i ustoychivost' v leksicheskoy sisteme slavyanskikh yazykov // Dinamika ta stabil'nist' leksichnikh i slovotvirnikh sistem slov'yans'kikh mov (dinamika i stabil'nost' leksicheskikh i slovoobrazovatel'nykh sistem slavyanskikh yazykov). Tematichnyy blok. KhIV Mizhnarodniy z'їzd slavistiv. 2008. С. 39—65.
2. Kretov A. A., Merkulova I. A., Titov V. T. Problemy kvantitativnoy leksikologii slavyanskikh yazykov // Voprosy yazykoznaniya. 2011. № 1. S. 52—65.
3. Merkulova I. A. Unikal'noe v leksicheskikh yadrakh slavyanskikh yazykov // Vestn. VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2012. № 1. S. 160—164.
4. Kretov A. A., Voevudskaya O. M., Merkulova I. A., Titov V. T. Edinstvo Evropy po dannym leksiki : monogr. — Voronezh : Izdat. dom VGU, 2016. 412 s.

Л. Е. Веснина, Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Публикация представляет собой рецензию на коллективную монографию «Лингвистика информационно-психологической войны» (Книга 1 / под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. — 280 с.; авторский коллектив: А. А. Бернацкая (п. 4.1, 5.1—5.3), И. В. Евсеева (п. 4.2), А. В. Колмогорова (п. 3.4), Г. А. Копнина (п. 6.1, 6.2), А. П. Сквородников (предисловие, п. 6.3), А. П. Сквородников и Г. А. Копнина (п. 1.1—1.3, 2.1—2.3, 3.2, заключение), Б. Я. Шарифуллин (п. 3.3)). Книга посвящена обоснованию лингвистики информационно-психологической войны как научного направления в рамках политической лингвистики. В первом разделе монографии приводятся серьезные научные основания лингвистики информационно-психологической войны как особого направления политической лингвистики, уточняются ключевые терминопонятия, намечаются возможные пути исследования языка текстов с признаками информационно-психологической войны (стратегии и тактики, лексико-грамматический строй текстов, языковая игра и др.). Второй раздел посвящен изучению частных аспектов информационно-психологической войны: русского языка и православия как очевидных мишеней такого противоборства, а также потенциала художественной литературы как особого пространства информационно-психологической войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологические войны; политический дискурс; медиадискурс; средства массовой информации; язык СМИ; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; языковая игра.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Веснина Людмила Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 285; e-mail: levesna@yandex.ru.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 285; e-mail: nakhimova@gmail.com.

К сожалению, сегодня практически каждому жителю России знакомы сочетания «информационная война», «информационно-психологическая война», «информационно-психологическое воздействие». Данные понятия стали расхожими в лексиконе журналистов, политиков, исследователей в самых различных сферах знаний: философии, политологии, коммуникативистики, психологии и др. Однако далеко не каждый может четко определить границы обозначенных терминов, выделить мишени и источники данного явления, а зачастую даже понять цели «информационно-психологических атак». Помочь разобраться с этой проблемой и призвана коллективная монография «Лингвистика информационно-психологической войны» (Красноярск, 2017), которая «предназначена прежде всего для людей, профессионально интересующихся проблемами информационно-психологических войн, но полезна для широкого круга читателей, поскольку способствует пониманию тех опасностей, которые влечет за собой развернутая против России информационно-психологическая война, и осознанию необходимости противостоять ей» (стр. 2).

Монография написана в рамках одного из только оформляющихся направлений политической лингвистики — лингвистики информационно-психологической войны (далее — ИПВ) — и, можно сказать, с целью «оформления» данного направления в качестве самостоятельного. Авторы работы, опи-

раясь на анализ специальной литературы по теме и личные наблюдения над текстами с признаками ИПВ, предлагают свое понимание лингвистического аспекта теории и технологии ИПВ. «Это понимание предстает как лингвистика информационно-психологической войны — дисциплина, изучающая и систематизирующая основные терминопонятия, междисциплинарные связи, стратегии и тактики, лингвистический инструментарий этого социально-политического феномена» (стр. 6). Монография состоит из двух разделов, посвященных соответственно рассмотрению общетеоретических и частных аспектов лингвистики ИПВ.

Как и любая сравнительно новая сфера исследования, лингвистика ИПВ нуждается в уточнении ключевых понятий, приведении в порядок терминосистемы. Первый раздел рецензируемой монографии последовательно, с опорой на серьезные научные изыскания, уже предпринятые в сфере исследования ИПВ, призван уточнить само понятие ИПВ, признаки и типы ИПВ, представить научные основания лингвистики ИПВ. Так, анализируя существующие подходы к определению ИПВ, авторы (А. П. Сквородников, Г. А. Копнина) приходят к выводу о необходимости введения собственного определения ИПВ с учетом роли языка в психологическом воздействии: «информационно-психологическая война — это противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и

осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» (стр. 11). На наш взгляд, в определении отражены ключевые признаки ИПВ, однако в отдельном детальном пояснении нуждается такой отмечаемый авторами признак, как «когнитивное подавление/ подчинение».

Несмотря на очевидную языковую доминанту средств воздействия в сфере ведения ИПВ, комплексных исследований именно лингвистики ИПВ явно недостаточно, что справедливо отмечают А. П. Сковородников и Г. А. Копнина: «...в современном языкознании оказываются исследованными лишь некоторые речевые стратегии и языковые средства политической коммуникации, которые могут использоваться в ИПВ. Между тем комплексная разработка лингвистического аспекта ИПВ чрезвычайно важна для совершенствования государственной политики противодействия информационно-психологической агрессии против России» (стр. 13). Комплексный подход к лингвистике ИПВ как особому научному направлению в рамках политической лингвистики авторы монографии начинают разрабатывать с уточнения ключевых понятий и терминов лингвистики ИПВ: уточнены понятия *субъектов ИПВ*; дифференцированы *объект и мишень ИПВ*; определено понятие *информационно-психологическая операция*; обозначены *каналы распространения информации* в рамках ведения ИПВ и термин *информационно-психологическое оружие*; введено понятие *технологии ИПВ* (стр. 18—21).

Следующим этапом работы коллектива авторов рецензируемого труда становятся поиски научного основания лингвистики ИПВ как особого направления политической лингвистики. В частности, во второй главе первого, общетеоретического раздела последовательно выдвигаются философские, психологические и политологические основания лингвистики ИПВ (стр. 21—51). И основания эти, стоит отметить, оказываются крепкими и состоятельными. Так, на основе глубокого осмысления внушительного объема специальной научной литературы по философии войны авторы предлагают характеристику основных постулатов философии войны в преломлении к лингвистике ИПВ как особому научному направлению. Например, постулат о ценностном основании войны и взаимосвязи физической войны и войны ду-

ховной преломляется в отношении лингвистики ИПВ в утверждение о том, что «*лингвистический аспект изучения ИПВ подразумевает описание выраженных языковыми средствами символов, мифов, идеологем, симулякров, а также ключевых слов, фразеологии, метафор этой войны*» (стр. 31). Кроме того, рассматриваются такие постулаты, как постулат многоаспектности философии войны, постулат о войне как форме коллективной агрессии, постулат о связи между войной и политикой и другие (стр. 25—33).

Некоторые теоретические выкладки психологов и психолингвистов взяты в качестве психологических оснований лингвистики ИПВ. Среди таких важнейших теоретических положений из теории и практики психологии авторы выделяют цели и условия успешности психологического воздействия, а именно: учет в речи социально-психологических и национально-психологических особенностей адресата; организация речевого воздействия с учетом закономерностей восприятия, осмысления и усвоения информации; продуманность текста ИПВ в аспекте его логического построения; учет особенностей формирования убеждений, стереотипов и установок. Отмечается несомненная значимость для лингвистики ИПВ таких понятий из психологии войны, как речевые стратегии, субстратегии и тактики, используемые акторами ИПВ. Не вызывает вопросов и то утверждение авторов второй главы, что лингвистика ИПВ как особое научное направление может использовать (и уже делает это) некоторые понятия из теории и практики психологии, ср.: агрессия, массовое сознание, архетипы и др. Однако несколько неполным и нуждающимся в серьезном комментарии, на наш взгляд, является положение о том, что «*теоретическим основанием лингвистики ИПВ могут послужить выводы психологов об используемых акторами войны жанрах (не всегда с использованием этого термина), таких как листовка, плакат, кинофильм, мультфильм, компьютерная игра; призыв, лозунг, девиз; анекдот, комикс, комментарий, репортаж, интервью; цирковая пантомима, карикатура, фарс*» (стр. 43). Важность учета условий успешности психологического воздействия и необходимости выявления стратегий и тактик в текстах с признаками ИПВ продемонстрирована на примере досконального и глубокого анализа текста «Привет от тов. Тютчева» («Аргументы и факты», 16.03. 2016) (стр. 43—48). Такой убедительный анализ языкового материала подтверждает теоретические выкладки авторов о том, что лингвистика ИПВ

должна иметь серьезные психологические основания.

Завершает вторую главу первого раздела параграф, посвященный важности политологических оснований для лингвистики ИПВ. В частности, подчеркивается очевидность связи политической лингвистики с политологией, а следовательно, и связь последней с лингвистикой ИПВ, поскольку «у лингвистики ИПВ тот же предмет исследования, что и у политической лингвистики: политический язык как средство влияния на сознание общества или какого-либо его сегмента» (стр. 51). Однако, справедливо отмечают авторы, «в лингвистике ИПВ политический язык изучается как средство насильственного влияния (речевой агрессии и/или речевой манипуляции), связанного с нанесением вреда и даже коммуникативным убийством» (стр. 51). Данное утверждение становится одним из решающих для определения лингвистики ИПВ в качестве особого научного направления в рамках политической лингвистики (стр. 51).

Третья глава первого раздела посвящена изучению языка ИПВ, конкретнее — стратегиям, тактикам и речевым приемам ведения ИПВ. В части 3.1. представлен анализ типичных стратегий и тактик ИПВ, применяемых во внутрироссийской ИПВ, на конкретном языковом материале — текстах издания «Новая газета», по мысли авторов монографии, «коллективного актора ИПВ» (стр. 56). Автор последовательно анализирует тексты газеты на предмет реализации стратегии нанесения психологического ущерба, выделяя субстратегии дискредитации и дезинформации, которые, в свою очередь, представлены соответственно субстратегиями диффамации, прямого негативного оценивания, косвенного негативного оценивания и лжи / искажения фактов, замалчивания или сокрытия фактов, подмены понятий, оценок, аргументов. Каждая субстратегия представлена определенными речевыми тактиками (стр. 58—78). На наш взгляд, данный «стратегический» подход к анализу языкового материала на предмет выявления в нем признаков ИПВ весьма продуктивен и перспективен, поскольку позволяет не только строго обозначить цели и мишени актора ИПВ, но и рассмотреть конкретные речевые механизмы «попадания» в них.

Большой интерес вызывает параграф 3.2. *Пролегомены к анализу жанров и языковых средств ИПВ*, так как здесь авторы выделяют еще одно значительное направление в русле лингвистики ИПВ: отмечается необходимость в серьезных исследованиях, посвященных жанровому своеобразию текстов

с признаками ИПВ, а также потребность в самом пристальном внимании лингвистов к собственно языковым средствам ИПВ. Так, по мнению А. П. Сковородникова и Г. А. Копниной, наиболее «удобными» жанрами для акторов ИПВ являются *памфлет, фельетон, сатирический комментарий, анекдот и некоторые другие малоформатные жанры* (стр. 83), а среди собственно языковых средств наиболее частотными становятся такие тропы и фигуры, обладающие негативной коннотацией, как *эпитеты, метафоры, перифразы, амплификация, оксюморон и др.* (стр. 84—93).

Как раз анализу собственно языковых средств посвящен раздел 3.3. *Ономастические игры в аспекте информационно-психологических войн*, автор которого (Б. Я. Шарифуллин) в качестве источника языкового материала избирает сайты радиостанции «Эхо Москвы» и информационного агентства «РИА „Новости“». Автор особое внимание уделяет «американским» и «украинским» играм оным: *Пиндостан/Пиндосия (США), Бардак Алабама (Барак Обама), Псаки в глаза — божья роса (о Джен Псаки), Хохляндия/Хохлостан (Украина), Попрошенко/Парашенко (Порошенко) и др.* (стр. 95—105). Тем не менее Б. Я. Шарифуллин не обходит вниманием и примеры ономастической игры со стороны противников современной России, мишенью которых, в первую очередь, становится Президент РФ В. В. Путин: *Путлер, Путлерюгенд (В. В. Путин), путеноиды/путиноиды (о сторонниках В. В. Путина)* (стр. 105—106). Автором раздела собран и детально проанализирован богатейший материал по ономастическим играм, которые могут быть сильным оружием в умелых руках акторов ИПВ. И никто не станет спорить с тем, что патриотизм — дело святое, однако, на наш взгляд, авторские оценки типа «Традиции Н. В. Гоголя, нередко использовавшего ономастическую игру (пример: Хома Брут из „Вия“), как видим, современными украинцами не востребованы. Может, потому на Украине и не считают его „самостийным“ украинским писателем, в отличие от Т. Шевченко? Тем более что писал Гоголь на русском языке» (стр. 95) излишни для ученого-лингвиста и содержат признаки ИПВ, направленной уже на дискредитацию украинцев.

В арсенале акторов ИПВ большой запас «технических» средств, одним из которых является идеологема ПУТИН / ЛИДЕР НАЦИИ, использующаяся как оружие информационной войны на французской политической арене. Именно дискурсивные стратегии и тактики применения означенной

идеологемы становятся предметом пристального анализа автора последнего параграфа третьей главы (А. В. Колмагорова) *Идеологема «Путин — лидер нации» в СМИ России и Франции*. Последовательно и тщательно анализируя идеологему ПУТИН — ЛИДЕР НАЦИИ в дискурсе российских и французских СМИ, А. В. Колмагорова приходит к удивительным выводам: *во французском медиадискурсе идеологема ПУТИН — ЛИДЕР НАЦИИ рассматривается как подлинное, истинное явление, подлежащее позитивной оценке и являющееся социально привлекательным*, тогда как *в российском оппозиционном медиадискурсе идеологема ПУТИН — ЛИДЕР НАЦИИ предстает как нечто, не имеющее реального бытия, как миф, ложь, идеологический продукт, подлежащий разоблачению и высмеиванию* (стр. 125—126). Кроме того, что во Франции данной идеологеме приписываются такие качества, как *маскулинность, сексуальная привлекательность, сила лидера, амбиции, отношения уважительного подчинения, ясные перспективы нации* (стр. 125—126), функция обсуждаемой идеологемы — *выступать оружием информационной войны правых с левыми, орудием внедрения в массовое сознание идеалов „сильной“ власти* (стр. 126). В дискурсе же оппозиционных российских СМИ идеологеме ПУТИН — ЛИДЕР НАЦИИ приписываются такие концептуальные признаки, как *«атипичность лидера как человека», «неспособность лидера и нации к коммуникации», «бессилие лидера», «неискренность лидера», «безропотность и серость самой нации», «наличие нескольких людей, которые понимают всё»* (стр. 126). Так на примере анализа функционирования одной из идеологем в дискурсе СМИ России и Франции А. В. Колмагорова продемонстрировала силу применения еще одного возможного оружия в условиях ведения ИПВ. Данный пример анализа может стимулировать лингвистов к обращению более пристального внимания и на другие идеологемы, используемые в СМИ разных стран.

Таким образом, в первом разделе монографии не только закладывается основательный теоретический фундамент для лингвистики ИПВ как особого направления политической лингвистики, но и намечаются возможные пути научных изысканий в области исследования собственно языка ИПВ: изучение стратегий и тактик ведения ИПВ; исследование специфических жанров ИПВ и лексико-грамматического потенциала текстов с признаками ИПВ; анализ языковой игры как «отнюдь не детского» средства ве-

дения ИПВ; изучение идеологем как оружия ИПВ.

Второй раздел монографии также состоит из трех глав и посвящен частным вопросам лингвистики ИПВ.

Примечательно, что язык может не только служить средством осуществления ИПВ, но и сам стать ее объектом. Именно исследованию русского языка как мишени ИПВ посвящена четвертая глава. Русский язык рассматривается в контексте проблем национальной безопасности. Мы полностью согласны с автором (А. А. Бернацкая) в том, что в концепции государства относительно национальной безопасности русскому языку не уделяется достаточное внимание, тогда как *«русский язык как генетическое хранилище русской и общероссийской идентичности, ядро исторической культуры российского государства, инструмент межреспубликанского общения, инструмент трансляции общечеловеческих культурных и информационных ценностей в субъекты РФ и ближнего зарубежья, как основа лингвокультурной идентичности Русского мира, что в целом обеспечивает международный политический авторитет России, безусловно, должен признаваться как один из важнейших и объектов, и факторов обеспечения информационной и, шире и значительнее, национальной безопасности Российской Федерации»* (стр. 141). Более того, никто из людей, имеющих профессиональное отношение к языку, не станет возражать против утверждения о том, что «язык есть дух народа», поэтому пренебрежительное, а порой и уничижительное отношение к языку негативно сказывается на состоянии того самого народного духа. На наш взгляд, проблема, поднимаемая А. А. Бернацкой, поистине государственного масштаба, а с материалами данного раздела неплохо было бы ознакомиться специалистам, занимающимся вопросами национальной безопасности.

Специалистов в области исследования феномена языковой игры особенно заинтересует параграф 4.2. *Русский язык в контексте русофобии*: автор (И. В. Евсеева) детально анализирует некоторые публикации известного филолога и не менее известного русофоба М. Н. Эпштейна, который в 1990 г. эмигрировал в США, где в Институте Кеннана в Вашингтоне занимался исследованием темы «Советский идеологический язык». И. В. Евсеева в качестве языкового материала избирает интернет-проект М. Н. Эпштейна «Дар слова. Проективный лексикон» и его книгу «Великая Сось». Эпштейн в своих текстах активно занимается «речетворче-

ством», одной из целей которого является *минимизация значимости языка, дискредитация его носителей и, как следствие, ослабление влияния в мире* (стр. 156).

Не только лингвистам, но и литературоведам будет интересна пятая глава монографии, поскольку она посвящена исследованию художественных текстов на предмет выявления в них признаков ИПВ, ведущейся против России. В частности, анализируются такие произведения, как повесть «Катастрофа. Повесть о перестройке в Партграде» А. А. Зиновьева (стр. 157—177), роман «ЖД» Д. Л. Быкова (стр. 177—199) и роман М. П. Шишкина «Венерин волос» (стр. 199—210). Оставим литературоведам судить о художественной ценности указанных произведений, результаты же глубокого и поражающего культурно-исторической эрудицией лингвистического анализа, предпринятого А. А. Бернацкой, свидетельствуют о том, что художественная литература при определенных условиях может стать мощным оружием в процессе ведения ИПВ. Позволим себе не согласиться лишь с утверждением автора о том, что *«эта сфера культуры (художественная литература. — Л. В.) оказывается непосредственно связанной с понятием информационной и, следовательно, национальной безопасности государства»* (стр. 210), так как от этой мысли всего несколько шагов до идеологической цензуры.

Наконец, шестая глава рецензируемого коллективного труда затрагивает одну из самых конфликтных, на наш взгляд, тем в современной России — тему православия вообще и Русской православной церкви в частности. Православие рассматривается авторами (Г. А. Копнина, А. П. Сковородников) как одна из ключевых мишеней ИПВ. Казалось бы, для чего обращаться к такой и без того проблемной теме? Сейчас можно часто услышать или прочесть утверждения о том, что РПЦ не имеет права вмешиваться в дела государства, что православие — это «устаревшая» система ценностей, да и вообще «церковь не та», но даже любой атеист, если он разумен и образован, не станет отрицать важнейшей роли православия и РПЦ в тысячелетней судьбе России, не будет «открещиваться» (простите за каламбур) от того, что является неотъемлемой частью не только его истории и культуры, но и менталитета. Г. А. Копнина дает исчерпывающий ответ в параграфе 6.1. *Причины выбора православия в качестве мишени информационно-психологической войны и некоторые способы его дискредитации*, приводя объективные исторические, культурные и даже психологические основания для рас-

смотрения православия как мишени ИПВ (стр. 210—217).

Более того, полученные автором результаты подробного лингвистического анализа всего четырех публикаций, посвященных Русской православной церкви, демонстрируют явные признаки ИПВ в этих текстах, а отнюдь не конструктивную критику «незайнтересованных» журналистов «Новой газеты» деятельности РПЦ и отдельных ее представителей (стр. 217—230). Г. А. Копнина делает справедливый вывод о том, что *«анализ газетных публикаций позволяет говорить о существовании особого пейоративного типа текстов ИПВ, для которого характерна стратегия легевфемизации, выражающаяся в приемах субъективизации повествования и позволяющая без правовых рисков публично представлять в негативном свете (дискредитировать) то, что составляет государственные устои общества, в нашем случае — православие, проводником которого выступает Русская Православная Церковь»* (стр. 230).

Особый интерес не только специалистов по языку, но и широкого круга читателей может вызвать параграф 6.3. *Посягательство на церковнославянский язык* (автор А. П. Сковородников). Признаемся, кто из нас хотя бы раз не задумывался о том, что церковнославянский язык «безнадёжно устарел» и большей части современных прихожан не понятен, что нужно бы «осовременить» язык церковных служб и книг? В указанном разделе монографии приводится целая система разумных аргументов в поддержку необходимости использования церковнославянского языка в богослужебной практике. Причем поразному можно относиться к мнению служителей церкви по этому вопросу (стр. 232—235), но невозможно не брать в расчет убедительность серьезных доводов филологов-русистов: церковнославянский язык является источником обогащения лексики и фразеологии современного русского литературного языка; без знания основ церковнославянского языка и Евангелия становится не понятен огромный пласт русской и европейской художественной литературы, не только классической, но и современной (стр. 236—253). По мнению А. П. Сковородникова, *«в аспекте экологии русского языка и противостояния ИПВ более чем назрел вопрос о включении церковнославянского языка и избранных библейских текстов в систему школьного обучения русскому языку и литературе»* (стр. 253).

В целом монография представляет собой серьезное теоретическое осмысление лингвистики ИПВ как самостоятельного

научного направления в рамках политической лингвистики. Работа, без сомнения, имеет теоретическую и практическую ценность, поскольку не только уточняет понятийный аппарат лингвистики ИПВ, но и предлагает конкретные направления исследований языковой и прагматической организации текстов с признаками ИПВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брусницын Н. А. Информационная война и безопасность. — М.: Вита-Пресс, 2001. 280 с.
2. Бухарин С. Н., Цыганов В. В. Методы и технологии информационных войн. — М.: Академический проект, 2007. 382 с.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996. 214 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. 400 с.
5. Баранов Е. Г. Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 25—31.

L. E. Vesnina, E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARS IN RUSSIA

ABSTRACT. *This is a review of a multi-authored monograph "Linguistic Informational and Psychological War" (Vol. I, edited by Prof. A.P. Skovorodnikov, Krasnoyarsk, 2016 – 280p.). The monograph is written by A.A. Bernatskaya (par. 4.1, 5.1-5.3), I.V. Yevseeva (par. 4.2), A.V. Kolmogorova (par. 3.4), G.A. Kopnina (par. 6.1, 6.2), A.P. Skovorodnikov (introduction and par. 6.3), A.P. Skovorodnikov and G.A. Kopnina (par. 1.1-1.3, 2.1-2.3, 3.2, conclusion), B.Ya. Sharifullin (par. 3.3). The monograph discusses linguistics of informational and psychological war as a branch of Political Linguistics. The first part of the monograph gives serious scientific grounds for linguistics of informational and psychological war as a branch of Political Linguistics, specifies the terminology of this area, outlines the tendencies of the analysis of texts with the features of informational and psychological war (strategies and tactics, lexico-grammatical structure of the texts, language game, etc.). The second part discusses some aspects of informational and psychological war: the Russian language and Orthodoxy as targets of this confrontation, and the potential of fiction as a convenient space for information and psychological war.*

KEYWORDS: *information and psychological wars; political discourse; media discourse; mass media; language of mass media; communicative strategies; communicative tactics; language game.*

ABOUT THE AUTHORS: *Vesnina Ludmila Evgenievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Nakhimova Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Brusnitsyn N. A. Informatsionnaya voyna i bezopasnost'. — М.: Вита-Пресс, 2001. 280 с.
2. Bukharin S. N., Tsyganov V. V. Metody i tekhnologii informatsionnykh voyn. — М.: Akademicheskiy proekt, 2007. 382 с.
3. Gridina T. A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo: monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 1996. 214 с.
4. Gumbol'dt V. fon. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu. — М.: Progress, 1984. 400 с.
5. Baranov E. G. Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeystvie: sushchnost' i psikhologicheskoe sodержание // Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal. 2017. № 1 (25). С. 25—31. URL: <http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=6819> (data obrashcheniya: 14.06.2017).
6. Issers O. S. Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi. Izd. 5-e. — М.: Izd-vo LKI, 2008. 288 с.
7. Konventsiya ob obespechenii mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti (kontseptsiya). 22.09.2011. URL:

<http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=6819> (дата обращения: 14.06.2017).

6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

7. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). 22.09.2011. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/191666 (дата обращения: 14.06.2017).

8. Лингвистика информационно-психологической войны: коллектив. моногр. Кн. I / под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 280 с.

9. Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 32—40.

10. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: моногр. / Астрахан. гос. техн. ун-т. — Астрахань: Изд-во АГТУ, 2004. 196 с.

11. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. — М.: Алгоритм, 2015. 256 с.

12. Тагильцева Ю. Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 175—178.

http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/191666 (data obrashcheniya: 14.06.2017).

8. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: kolektiv. monogr. Kн. I / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2016. 280 с.

9. Malysheva E. G. Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 4. S. 32—40.

10. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii: monogr. / Astrakhan. gos. tekhn. un-t. — Astrakhan': Izd-vo AGTU, 2004. 196 с.

11. Pocheptsov G. G. Informatsionnyye voyny. Novyy instrument politiki. — М.: Algoritm, 2015. 256 с.

12. Tagiltseva Yu. R. Metodologicheskii analiz informatsionno-psikhologicheskoy voyny: teoreticheskii aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 175—178.

Е. В. Дзюба
Екатеринбург, Россия

З. М. Дударева
Стерлитамак, Россия

И. М. Никулина
Екатеринбург, Россия

**РОССИЙСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛОЗУНГИ
КАК ОБЪЕКТ СЕМАНТИЧЕСКОГО, ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
(рецензия на публикацию «Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии»)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу весьма успешной попытки многоаспектного изучения политических лозунгов, предпринятой научным коллективом (С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова, Ш. Е. Чернова, Н. В. Позднякова, А. Н. Михин, Х. Вальтер) и реализованной в виде «Словаря современных политических лозунгов». В статье перечисляются современные направления изучения политического лозунга / слогана: «констатирующее», историко-фактуальное, нормативное, эстетическое, переводческое, интертекстуальное, лингвосемiotическое, аксиологическое, хронологическое, лингвистическое и др. Подчеркивается место данной публикации в ряду других исследований, объектом которых является политический лозунг. Делается акцент на специфике авторского подхода к рассмотрению названного малого жанра политической коммуникации, который заключается, во-первых, в определении лозунгов, призывов, здравий и т. п. как устойчивых словесных комплексов, характерные особенности которых роднят данные языковые феномены с фразеологизмами в их широком понимании; во-вторых, в стремлении представить полиаспектное описание современных политических лозунгов, которые рассматриваются как собственно лингвистические единицы, что позволяет представить их лексикографическое описание, как знаки-символы, имеющие определенную «генетическую», историческую и лингвокультурологическую специфику, как единицы, выступающие элементами креолизованных текстов, как феномены, обладающие высоким воздействующим потенциалом. Отмечается, что рецензируемое издание представляет собой первое исследование, которое предлагает всестороннее описание политических лозунгов с акцентом на семантико-лексикографическом, историко-культурном и лингвопрагматическом аспектах, что «Словарь...» имеет большие перспективы, так как открывает широкие возможности многостороннего изучения лозунга в разных национальных политических дискурсах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политический дискурс России и Германии; политический лозунг; политический слоган; словарь политических лозунгов; устойчивые выражения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, д. 26, к. 285; e-mail: elenacz@mail.ru.

Дударева Зайтуна Мухтаровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета; 453103, Россия, Башкирия, г. Стерлитамак, пр-т Ленина, 49; e-mail: dudarevazm@mail.ru.

Никулина Ирина Михайловна, бакалавр 4 года обучения Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 285; e-mail: irinanikulina1995@mail.ru.

В последние десятилетия политические лозунги многократно становились объектом лингвистических исследований в России и за рубежом, что позволяет сделать некоторые обобщения в отношении возможных подходов к описанию данного лингвистического феномена. Так, Ян Кэ, представивший обширный обзор работ китайских исследователей о политических лозунгах, выделяет модели описания данного малого жанра политической коммуникации [Ян Кэ 2010: 76—77]. С опорой на обозначенные Ян Кэ модели можно выделить направления изучения политического лозунга, среди которых следует отметить:

- критическое, нацеленное на критику и коррекцию лозунгов, тиражируемых в СМИ;
- «констатирующее», представляющее тенденцию к собиранию массивов лозунгов, собранных по определенным регионам и темам, но не предполагающее анализ и обсуждение материала;

- историко-фактуальное, оценивающее степень отражения в лозунге исторических событий;
- нормативное направление, ориентированное на оценку соответствия языкового материала правилам словоупотребления;
- эстетическое направление, рассматривающее лозунги как средство демонстрации «языкового мастерства», проявление стремления к достижению эстетических эффектов (выразительности и экспрессивности);
- переводческое, нацеленное на изучение языковых и культурных особенностей лозунгов с точки зрения теории и практики перевода;
- интертекстуальное, определяющее диалогические связи лозунга с другими политическими текстами разных жанров и разных исторических периодов.

Вероятно, этот перечень следовало бы расширить, например, за счет лингвосемiotического направления, изучающего ло-

зунг как часть поликодового (в том числе креолизованного) текста [Вайс 2008; Левин 1998; Саудов 2011 и др.]; *аксиологического* направления, описывающего отраженную в лозунгах систему ценностей той или иной эпохи [Мирошниченко 2008], и др. Исследователи, внимание которых сосредоточено на жанре политического лозунга (в иной терминологии — слогана [1]), рассматривают данные единицы в разных аспектах: *содержательно-идеологическом* и одновременно *хронологическом* [Лассвелл, Якобсон 2007], *лингвистическом* [Вальтер, Мокиенко 2015 и др.], *инструментальном*, при котором лозунги рассматриваются как языковое средство идеологического воздействия, как тактический прием, средство речевой агрессии и манипулирования массовым сознанием, [Ачкасова, Мельник 2016; Балахонская 2016; Баранов, 1993; Баргхорн; Будаев 2008; Копнина 2017; Горбачева 2015; Руженцева 2004], как средство [Енина 1999; Меликян 2013] и т. д.

Достойное место в ряду исследований по изучению малых жанров политической коммуникации занимает работа «Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии», подготовленная коллективом авторов: С. Г. Шулежковой, А. А. Осиповой, Щ. Е. Черновой, Н. В. Поздняковой, А. Н. Михиным и Х. Вальтером (далее Словарь). В данном Словаре предпринят полиаспектный подход к описанию политических лозунгов, призывов, здравниц, девизов, активно используемых в современном коммуникативном пространстве различными политическими партиями и общественными движениями России и Германии. Языковым феноменам, избранным авторами, дается комплексное описание: политические лозунги здесь рассматриваются как собственно лингвистические единицы (в частности — «устойчивые словесные комплексы»), что позволяет представить их лексикографическое описание; каждая единица снабжается подробным историческим и лингвокультурологическим комментарием, содержащим сведения о происхождении лозунга и его участии в организации креолизованного текста, о его «бытовании» и сферах тиражирования, специфике его оформления и воздействующем потенциале и т. д.

Издание состоит из следующих содержательных частей: вступительная статья «Лозунг — „визитная карточка“ политиков, партий и общественных движений» (автор — С. Г. Шулежкова); основная часть, предлагающая полиаспектное описание 200 российских и 50 немецких лозунгов, расположенных в алфавитном порядке; список лите-

ратуры, указатель (общий перечень) рассмотренных единиц.

Во вступительной статье к Словарю С. Г. Шулежкова дает общие сведения о теории изучения лозунгов как малого жанра политической коммуникации: предлагает данные разными исследователями определения термина *лозунг* (ср.: «...это фраза, которая в краткой и яркой форме передает руководящую идею, актуальную задачу или требование (А. П. Чудинов); «...это краткая и емкая фраза (способная выполнять задачу привлечения внимания), содержащая основную идею, которую необходимо донести до „электората“ (Х. Вальтер) и под.); перечисляет основные характеристики лозунга, описанные лингвистиками (агитационная функция лозунгов; их «зажигающая» форма, способная возбуждать психику и стимулировать определенное политическое поведение массы людей; их категоричность). С. Г. Шулежкова также отмечает специфику выбранного авторами Словаря подхода, которая заключается в трактовке лозунга как устойчивого словесного комплекса (УСК), обладающего такими свойствами, которые позволяют поставить данные единицы в один ряд с фразеологическими в их широком понимании. К таким свойствам авторы Словаря относят следующие: устойчивость компонентного состава и грамматической структуры, постоянство семантики, закрепленной за данным УСК; в речевом потоке они всегда выполняют предикативную функцию, а значительная часть лозунгов представляет собой крылатые выражения, поскольку их значения «отягощены памятью о породившем их источнике» [Шулежкова 2016: 3]. Х. Вальтер подчеркивает также, что лозунг представляет собой синтаксически законченное толкование и равен структуре предложения [Вальтер 2015: 20] [2].

Во вступлении описана структура словарной статьи, которая включает следующие части (или зоны):

- *унициальную*, представляющую лозунг в его нормативной, исходной форме с указанием его возможных вариантов;
- *источниковедческую*, содержащую информацию о времени возникновения лозунга, его авторе(-ах), названии источника (при необходимости), обстоятельствах и сферах популяризации, принадлежности политическим партиям/течениям и т. п.;
- *семантическую*, в которой предлагается жанровое и дискурсивное описание УСК;
- *иллюстративную*, представляющую примеры контекстов с использованием актуальной единицы;

– *заключительную*, отсылающую «к фразеологическим, этпологическим, паремиологическим и цитатным справочникам», фиксирующим тот или иной УСК.

В качестве примера рассмотрим первую в Словаре статью *А ты стал участником народной инициативы?* В *инициальной* части представлена сама формулировка лозунга и предъявлен креолизованный текст, элементами которого становятся сам лозунг, логотип политической партии (КПРФ) и изображение энергичного «молодого человека на фоне транспарантов с возможными законопроектами», который призывает граждан России «стать реальным субъектом законодательного процесса» [Словарь... 2016: 7]. В следующей (*источниковедческой*) части словарной статьи подчеркивается источник материала (интернет-портал «Народная инициатива»), а также происхождение данного плаката и лозунга (в России этот призыв является трансформацией лозунга со знаменитого плаката Д. Моора 1920 г. «Ты записался добровольцем?»). Однако Н. В. Позднякова, автор разбираемой словарной статьи, отмечает более глубокие корни данного лозунга, восходящие к военной истории Великобритании (1914 г.), США (1917 г.), Италии (1917 г.), Германии (1919 г.). *Семантическая* часть представлена описанием способов воздействия данного креолизованного текста на воспринимающего (общая структура плаката, «сверлящий взгляд», графически выделенное местоимение *Ты*, вопросительное предложение, преобразованное в призыв). Автором подчеркиваются и различия между оригиналом и представленной вариацией креолизованного текста. В *иллюстративной* и *заклучительной* частях приводятся примеры конкретных текстов, в которых встречается рассматриваемая единица, и делается ссылка на источник языкового материала.

Авторы публикации отмечают один из интересных аспектов бытования политического лозунга. Нередко подобные обращения к массовой аудитории являются составляющими креолизованного текста, его вербальными элементами. В Словаре это особенно отчетливо проявилось в отношении двух статей, открывающих русскоязычную и немецкоязычную части и наглядно представляющих поликодовые тексты, элементом которых являются лозунги. В остальных случаях лексикографическое описание УСК и изображения, их сопровождающие, размещены отдельно (плакаты представлены в виде цветных вклеек, никаким образом не упорядоченных). Вероятно, не все лозунги функционируют в структуре креолизованных

текстов, но изображения, сопровождающие многие лозунги, на наш взгляд, можно было бы включить в структуру словарных статей для удобства читательского восприятия. К сожалению, не объясняется в Словаре тот факт, что некоторые лозунги, представленные как элементы плакатов в «цветном приложении», не получили своего лексикографического описания. Например, обращение «Образование — это бизнес, это услуга, это роскошь, это ПРАВО!» представлено в «плакатном варианте», но не включено в общий перечень УСК (см. рис.). Некоторые лозунги в «цветной вклейке» дублируются (это касается, например, плаката «Мы — граждане России!»).

Рис. Образование — это бизнес, это услуга, это роскошь, это ПРАВО!

Вне всяких сомнений, Словарь представляет собой весьма интересное и полезное для широкого круга специалистов исследование, которое необходимо продолжать. Позволим себе высказать некоторые предположения и поставить некоторые вопросы, которые могли бы способствовать развитию данной концепции. Действительно ли все представленные в Словаре УСК можно уподоблять фразеологическим единицам, ведь у значительной части фразеологизмов степень подверженности трансформациям весьма ограничена. Описанный выше призыв *А Ты стал участником народной инициативы?* является, по замечанию Н. В. Поздняковой, вариацией известного в России лозунга *Ты записался добровольцем?* (1920 г.), который, в свою очередь, возник под влиянием английского лозунга *Ты нужен своей стране!* (1914 г.), американского слогана *Ты нужен в армии Соединенных Штатов* (1917 г.), немецкого варианта *Ты должен вступить в имперское ополчение* (1919 г.). В связи с этим возникает вопрос, действи-

тельно ли мы можем говорить об устойчивом словесном комплексе, тяготеющем к фразеологизмам, или эти трансформации взаимодействуют как прецедентные феномены и устойчивы лишь относительно. С другой стороны, нельзя не учесть и справедливое, на наш взгляд, мнения Л. Г. Ефановой: «ФЕ (фразеологические единицы) обладают набором свойств, делающих возможными изменения в структуре и семантике этих единиц без разрушения их целостности и в то же время определяющих особое место фразеологизмов в системе языка. ...Грамматическая расчлененность делает возможными разнообразные структурные и комбинаторные изменения в их составе, в то время как свойства воспроизводимости и устойчивости вместе с присущей фразеологии в целом системной консервативностью и невосприимчивостью к языковым изменениям препятствует, по крайней мере в узуальном употреблении, таким изменениям» [Ефанова 2015: 123]. Трансформации выделенных авторами Словаря УСК реализуются в виде инверсивных конструкций (ср.: *Дорогу — молодым!* и *Молодым — дорогу!*), усечений (ср.: *Мы едины!* и *Пока мы едины, мы непобедимы!*), в виде лексико-синтаксических преобразований (ср.: *КПРФ — курс на народовластие!* и *Наш курс — труд, народовластие, социализм*) и т. д. Таким образом, с одной стороны, политические лозунги (УСК) допускают трансформации (иногда значительные), что позволяет им функционировать как прецедентные феномены, но, с другой стороны, они сохраняют узнаваемость, вероятно, за счет относительной устойчивости морфологического и синтаксического строения, воспроизводимости в определенном лексико-грамматическом составе, за счет комплекса таких свойств, как синтаксическая членимость и смысловая цельность.

Не менее интересным, на наш взгляд, является вопрос расположения материала в словаре политических лозунгов. Очевидно, что алфавитный порядок предъявления языковых феноменов привычен для лексикографии, однако современные составители словарей ищут и иные подходы к группировке и лексикографическому описанию отобранных единиц. В данном случае алфавитный порядок, на наш взгляд, делает менее заметными, менее выпуклыми многие интересные факты, ведь существуют:

– лозунги исторические, сохранившиеся в неизменном виде (ср.: *Мы за мир!*; *Броня крепка [и танки наши быстры]!*), трансформированные, о которых шла речь выше, и современные (ср.: *Денег нет, но вы держитесь!*);

– лозунги с устойчивой структурой, особенно авторские (ср.: *Никто не забыт и ничто не забыто!* — Ольга Берггольц), и лозунги, способные к разного рода трансформациям;

– лозунги, отражающие разные стороны общественной жизни, например, связанные с военными событиями, внутренней политической борьбой, международными отношениями и т. д.

– лозунги, отражающие фундаментальные категории, например, СВОИ — ЧУЖИЕ, ср., с одной стороны: *Вместе мы сила!*; *Мы непобедимы!* и под.; с другой стороны: *Фашизм не пройдет!*; ИГИЛ — раковая опухоль мира! (ИГИЛ — организация, запрещенная в РФ. — прим. ред.) и др.

Некоторые вопросы после знакомства со Словарем остаются открытыми: например, чем объясняется сосредоточенность авторов именно на российских и германских лозунгах, каковы глубинные связи такого сопоставления; какие содержательные факторы определяют значительный перевес русскоязычного материала в сравнении с немецкоязычным (соотношение 200 к 50).

Безусловно, попытки представить перечень политических лозунгов уже предпринимались (ср. работы А. Зайцева, М. Судаевой [Зацев 2007; Судаева 2013]), однако можно утверждать, что рецензируемый Словарь действительно представляет собой первое исследование, которое предлагает всестороннее описание политических лозунгов с акцентом на семантико-лексикографическом, историко-культурном и лингвопрагматическом аспектах. Очевидно, что Словарь имеет большие перспективы, так как открывает широкие возможности многостороннего изучения лозунга в разных национальных политических дискурсах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. А. П. Чудинов отмечает: «Современные специалисты по организации политических кампаний предпочитают использовать не традиционные обозначения „лозунг“ и „призыв“, а пришедшее из английского языка слово „слоган“. При этом иногда пытаются обнаружить некоторые смысловые различия между рассматриваемыми идеологемами. ...Анализ специальной литературы показывает, что слово „слоган“ часто используется как общее наименование для любой яркой, запоминающейся фразы (или ее компонента), в том числе такой, которая не является собственно лозунгом, то есть не передает основную идею, а просто привлекает внимание к лозунгу или закрепляет его в сознании. К числу таких „слоганов-нелозунгов“ специалисты по теории рекламы причисляют заголовки, завер-

шающие текст эхо-фразы, саунд-байты. ... Ярким примером могут служить зарубежные слоганы: „Лейборизм не работает“ (Великобритания, консерваторы); „Социализм слишком дорог“ (Австрия, правые); „Сердце всегда будет биться слева“ (левые, Франция) и др. „Большинство получит большинство“ (центристы, Франция). Удачные слоганы появились в последние годы в России: „Голосуй или проиграешь!“, „Выбирай сердцем!“ (Б. Ельцин); „Ваша судьба — в ваших руках“ (Г. Зюганов); „Нам здесь жить“ (Е. Дарькин); „Наш дом Россия: не допустим революций“ (В. Черномырдин) и т. д. ... Слоган может быть предъявлен автономно (например, написан на транспаранте или даже на заборе) и в составе текста (например, в листовке, телепередаче или газетной статье). В последнем случае он должен быть выделен шрифтом, цветом, месторасположением и/или другими средствами. Это позволяет слогану реализовать свои основные функции: привлечь внимание, вызвать интерес, предложить идею, закрепить ее в сознании адресата» [Чудинов 2003: 46—47].

[2]. «Лозунг» используется авторами Словаря как гипероним по отношению к разнообразным конструкциям, обладающим перечисленными свойствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Языковые игры времен перестройки (феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.
2. Баргхорн Ф. К. Советский образ Соединенных Штатов: преднамеренное искажение // Лингвистическая советология / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. С. 184—199. URL: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf>.
3. Вайс Д. Паразиты. Падаль. Мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 16—22.
4. Вальтер Х. Лозунг: пароль к истории // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии. — Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2015. С. 6—22.
5. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Язык лозунга: социолингвистическая стратификация // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Филология. 2015. № 4 (64). Т. 4. С. 56—61.
6. Горбачева Е. Н. Стратегическая перформативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 102—106.

E. V. Dziuba, I. M. Nikulina
Ekaterinburg, Russia

Z. M. Dudareva
Sterlitamak, Russia

RUSSIAN AND GERMAN POLITICAL SLOGANS AS OBJECT OF SEMANTIC, LEXICOGRAPHIC AND LINGUO-PRAGMATIC DESCRIPTION

(a review of the paper “Give Peace a Chance! A Dictionary of Contemporary Political Slogans in Russia and Germany”)

ABSTRACT. This a review of a paper “Give Peace a Chance! A Dictionary of Contemporary Political Slogans in Russia and Germany” written by S.G. Shulezhkova, A.A. Osipova, Sch. E. Chernova, N.V. Pozdnyakova, A.N. Mikhin, and H. Valter. The paper introduces poly-aspect approach to the description of political slogans, appeals, perorations and mottos that are frequently used in contemporary communication by different political parties and civic movements in Russia and Germany. Political slogans are described as linguistic units, which makes it possible to give their lexicographic description; each unit has a detailed historical and linguo-cultural comment that tells about its origin and the usage in creolized texts, its format and persuasive potential, etc. The dictionary entry includes the following: historiography (information about the time of slogan’s appearance, its authors, the name of the source, the spheres of usage, and belonging to political parties); illustrative part (the example of contexts when the slogan is used); and conclusion (it gives references to “phraseological, eptologic, paroemiological and quotation catalogues). Although the paper may be of some use to the experts in the field, there are some

7. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии. — Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2016. 300 с.

8. Енина Л. В. Современные российские лозунги как сверхтекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1999.

9. Енина Л. В. Современные российские лозунги как сверхтекст: дис. ... канд. филолог. наук. — Екатеринбург, 1999. 235 с.

10. Ефанова Л. Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Филология. 2005. Вып. 3 (47). С. 123—127.

11. Жданова Л. А. Ключевые слова в лозунгах политических партий // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы 2-й Междунар. конф. / сост. М. В. Володина. — М., 2008.

12. Зайцев А. Мудрость красных вождей. SMS-ки, манифесты, лозунги, идеологические заклипания. — М.: АСТ, 2007. 160 с.

13. Лассвелл Г., Блюменсток Д. Методика описания лозунгов // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).

14. Лассвелл Г., Якобсон С. Первомайские лозунги в Советской России (1918—1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).

15. Левин Ю. И. Семиотика советских лозунгов // Поэтика. Семиотика: избр. тр. / Ю. И. Левин. — М., 1998.

16. Меликян В. Ю. «Православие или смерть!»: речевая агрессия как способ решения задач духовного просвещения общества // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. — Ростов н/Д: Дониздат, 2013. Вып. 3. С. 137—145.

17. Мирошниченко А. А. Конструирование предвыборного лозунга: идеологемы и ценности // Slowo i tekst. — Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2008. Т. 1: Funkcjonowanie języka.

18. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004.

19. Садуов Р. Т. Политический дискурс Барака Х. Обамы в преломлении лингвокультурного и семиотического аспектов // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 147—161.

20. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 136 с.

21. Судаева М. Лозунги. — М.: База, 2013. 144 с. (Б-ка журнала «База»).

22. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. С. 46—47.

23. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2006. 254 с.

24. Шулежкова С. Г. Лозунг — «визитная карточка» политиков, партий и общественных движений // Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии. — Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2016. С. 3—9.

25. Ян Кэ Исследование лозунгов и слоганов в Китае в последние десятилетия // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 4 (34). С. 75—80.

critical remarks: in the paper there is no ground for comparison of Russian and German slogans; it seems doubtful to equal slogans and phraseology (slogans, functioning as precedent phenomena may undergo transformation, while most phraseological units cannot be transformed). It is possible to structure the material in non-alphabetic order.

KEYWORDS: *political discourse; political discourse of Russia and Germany; political slogan, dictionary of political slogans; set-expressions.*

ABOUT THE AUTHORS: *Dziuba Elena Vyacheslavovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Dudareva Zaituna Mukhtarovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language, Sterlitamak branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia.

Nikulina Irina Mikhailovna, Bachelor Degree Student, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Yazykovye igry vremen perestroiki (fenomen politicheskogo lozunga) // *Rusistika*. 1993. № 2.
2. Barghorn F. K. Sovetskii obraz Soedinennykh Shtatov: prednamerennoe iskazhenie // *Lingvisticheskaya sovetologiya* / A. P. Chudinov, E. V. Budaev. S. 184—199. URL: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf>.
3. Vays D. Parazity. Padal'. Musor. Obraz vraga v sovetskoj propagande // *Politicheskaya lingvistika*. 2008. № 1 (24). S. 16—22.
4. Val'ter Kh. Lozung: parol' k istorii // *Publitsisticheskii arsenal obshchestvennykh dvizheniy Rossii i Germanii*. — Magnitogorsk : Magnitogorskiy Dom pechati, 2015. S. 6—22.
5. Val'ter Kh., Mokienko V. M. Yazyk lozunga: sotsiolingvisticheskaya stratifikatsiya // *Vestn. Kemerov. gos. un-ta. Filologiya*. 2015. № 4 (64). T. 4. S. 56—61.
6. Gorbacheva E. N. Ctrategicheskaya performativnost' v politicheskom diskurse // *Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 3 (53). S. 102—106.
7. Dayte miru shans! Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii. — Magnitogorsk : Magnitogorskiy Dom pechati, 2016. 300 s.
8. Enina L. V. Sovremennye rossiyskie lozungi kak sverkhtekst : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 1999.
9. Enina L. V. Sovremennye rossiyskie lozungi kak sverkhtekst : dis. ... kand. filolog. nauk. — Ekaterinburg, 1999. 235 s.
10. Efanova L. G. Frazeologicheskie transformatsii v rechi i tekste // *Vestn. Tomsk. gos. ped. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. Filologiya*. 2005. Vyp. 3 (47). S. 123—127.
11. Zhdanova L. A. Klyuchevye slova v lozungakh politicheskikh partiy // *Yazyk sredstv massovoy informatsii kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya : materialy 2-y Mezhdunar. konf. / sost. M. V. Volodina*. — M., 2008.
12. Zaytsev A. Mudrost' krasnykh vozhdov. SMS-ki, manifesty, lozungi, ideologicheskie zaklinaniya. — M. : AST, 2007. 160 s.
13. Lassvell G., Blyumenstok D. Metodika opisaniya lozungov // *Politicheskaya lingvistika*. 2007. № 3 (23).
14. Lassvell G., Yakobson S. Pervomayskie lozungi v Sovetskoy Rossii (1918—1943) // *Politicheskaya lingvistika*. 2007. № 1 (21).
15. Levin Yu. I. Semiotika sovetskikh lozungov // *Poetika. Semiotika : izbr. tr. / Yu. I. Levin*. — M., 1998.
16. Melikyan V. Yu. «Pravoslavie ili smert'!»: rechevaya agressiya kak sposob resheniya zadach dukhovnogo prosveshcheniya obshchestva // *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya : materialy 3-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. V. Yu. Melikyan*. — Rostov n/D : Donizdat, 2013. Vyp. 3. S. 137—145.
17. Miroshnichenko A. A. Konstruirovaniye predvybornogo lozunga: ideologemy i tsennosti // *Slowo i tekst*. — Katowice : Wydawnictwo UŚ, 2008. T. 1 : Funkcjonowanie języka.
18. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse / *Ural. gos. ped. un-t*. — Ekaterinburg, 2004.
19. Saduov R. T. Politicheskii diskurs Baraka Kh. Obamy v prelomlenii lingvokul'turnogo i semioticheskogo aspektov // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 3 (37). S. 147—161.
20. Saduov R. T. Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turologicheskii i semioticheskii analiz. — Ufa : RITs BashGU, 2012. 136 s.
21. Sudaeva M. Lozungi. — M. : Baza, 2013. 144 s. (B-ka zhurnala «Baza»).
22. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. / *Ural. gos. ped. un-t*. — Ekaterinburg, 2003. S. 46—47.
23. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie*. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.
24. Shulezhkova S. G. Lozung — «vizitnaya kartochka» politikov, partiy i obshchestvennykh dvizheniy // *Dayte miru shans! Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii*. — Magnitogorsk : Magnitogorskiy Dom pechati, 2016. S. 3—9.
25. Yan Ke Issledovanie lozungov i sloganov v Kitae v poslednie desyatletiya // *Politicheskaya lingvistika*. 2010. Vyp. 4 (34). S. 75—80.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/дьюм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2017. ВЫПУСК 3 (63)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 26.06.2017. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 17,4. Усл. печ. л. — 18,0. Тираж 500 экз. Заказ 4842

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me